ФРЭНК

ЛЭМПАРД

АБСОЛЮТНО ЧЕСТЕН

АВТОБИОГРАФИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фрэнк начинал в престижной академии «Вест Хэма». Его дядя – легендарный тренер Гарри Реднапп, отец – бывший профессиональный футболист. Родители никогда не бедствовали. Казалось бы, Лэмпарду очень повезло. Но одного везения недостаточно, если хочешь стать лучшим.

В своей автобиографии именитый полузащитник честно рассказывает о том, через что ему пришлось пройти, чтобы увековечить себя в футбольной истории.

- Фрэнк Лэмпард
  -
  - Вступление
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - Эпилог
  - Благодарности
  -
- notes
  - 1

Фрэнк Лэмпард
Абсолютно честен. Автобиография

Посвящается тем, кого я люблю:
Элен и Луне, маме, папе, Натали
и Клэр

Frank Lampard
TOTALLY FRANK: THE AUTOBIOGRAPHY OF FRANK LAMPARD
Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd. under the title Totally Frank
Text © Frank Lampard Jnr 2006

© Рудницкая А., перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Вступление
Не конец света

Это долгая дорога. Те, кто ее проходил, говорят, что даже сам путь к 11-метровой отметке во время серии пенальти может быть мучительным. Я знаю, насколько она извилиста. В ту секунду, когда вы отпускаете руки своих товарищей по команде и делаете первый шаг, вы чувствуете себя очень одиноко и задаетесь вопросом, чем же она завершится.

В жизни футболиста лишь несколько путешествий могут быть столь же значительны, как 60-метровый путь к моменту, который останется с вами до самой смерти – например, прогулка к алтарю на свадьбе или траурное шествие при прощании с близким человеком, который скончался. В этих обстоятельствах вы хотя бы знаете, что вас ждет.

Длинный путь к точке пробития пенальти вызывает столь же сильные эмоции, но без определенного заранее результата. Это четвертьфинал Кубка мира и надежды вашей семьи, друзей и товарищей по команде, не говоря уже о надеждах всей страны, тяжелым грузом ложатся на ваши плечи, когда вы движетесь навстречу судьбе.

Я слышу приветствия английских фанатов, которые пытаются меня ободрить, делая все возможное, чтобы игнорировать нервы, которые заставляют их голоса дрожать. Я фокусирую свой взгляд на белом прямоугольнике впереди. Не такая уж и сложная цель. За 24 часа до этого я тренировался на арене в Гельзенкирхене. Удар, гол. Удар, гол. Удар, гол. Удар, гол. Четыре из четырех после тренировки. Я знал, что нужно делать.

Вернувшись в отель, я посмотрел DVD с вратарем сборной Португалии Рикарду в действии, чтобы понять его методы отражения пенальти. Однако его действия были слишком хаотичными, чтобы от них отталкиваться, поэтому нужно было просто выбрать угол и направить мяч прямо в него. Я делал это много раз, играя за «Челси» и сборную Англии. «Стэмфорд Бридж», «Олд Траффорд», «Камп Ноу». Удачный удар, забитый гол.

Я находился в том же положении два года назад, на стадионе «Эштадиу да Луш» в Лиссабоне, и на том же этапе Евро-2004. Снова Португалия. Снова Рикарду. Та же длинная прогулка до штрафной площади и то же давление. Удар, гол. Я знал, что нужно делать.

Несмотря на распространенное мнение, нет никакой

уверенности в ударе пенальти. Нет никакого божественного провидения, сопутствующего бомбардиру или вратарю в каждом отдельном случае. Я знаю это из истории и статистики. Я также знаю это по личному опыту – приятному и горькому. Я промахнулся в матче против Венгрии на «Олд Траффорд» в нашем первом контрольном матче за три недели до этого. Это был мой первый смазанный пенальти за сборную – не самый приятный опыт. Но все-таки это был лишь товарищеский матч, и его нужно было просто забить.

С тех пор я регулярно тренировался. Сборной Англии традиционно доставалось за то, что она не уделяла достаточного внимания технике пробития пенальти, но мы работали усердно. Каждый член команды их тренировал. Являясь штатным пенальтистом, я практиковался больше, чем кто-либо другой. Как и всегда.

Пятьдесят, если быть точным. Мне нравится вести счет. Пятьдесят ударов, из которых лишь два были отражены. Сорок восемь удачных ударов из возможных пятидесяти. Стало немного неловко, потому что Пол Робинсон и Дэвид Джеймс справились только с одним пенальти на каждого. Они оба превосходные вратари, но я был очень точен – и уверен в себе.

Мы с командой даже тренировали прогулку от средней линии к штрафной: привыкали к одиночеству, тишине в голове, давлению, растущему с каждым шагом. Единственное, к чему я не готовился, так это быть первым в серии. Эта честь принадлежала Уэйну Руни, но он получил красную карточку во втором тайме после перепалки с Криштиану Роналду.

Нет времени на «что, если», только на то, что есть. Вот наш шанс пробиться в полуфинал и отомстить за поражение в 2004 году. Это год Англии. Это наше время. Я смотрю на рефери, который сигнализирует, что я должен ждать его свистка. Хорошо. Я не спешу. Рикардо пытается поймать мой взгляд, но мне уже знакомы его трюки. Я ставлю мяч на точку и разворачиваюсь, чтобы отмерить разгон.

Я решил бить в левый нижний угол. Это сработает. Точно влево. Точно влево. Я представляю, как мяч полетит в левый нижний угол. Я приближаюсь к мячу и слегка раскрываюсь. Я наношу удар, но мяч летит совсем не так, как мне воображалось, недостаточно точно, недостаточно сильно. Вратарь прыгает за мячом и отбивает его. Удар заблокирован. Вот и все. Шанс упущен.

Я цепенею. Я смотрю в ночное небо и вижу луну. Думаю о своей дочери Луне. В одно мгновение все плохие моменты моей

карьеры сливаются в моей голове в одну ядовитую каплю. Забитый в свои ворота мяч в первой же игре в пятилетнем возрасте. Поражение в финале школьного кубка. Оскорбления и травля в «Вест Хэме». Поражение в финале Кубка Англии против «Арсенала». Вылет в полуфинале Лиги чемпионов.

Меня тошнит, но рвоты нет – просто мутит. Я начинаю обратный путь. Я слышу насмешки португальцев. Возвращаясь, в отчаянии смотрю на товарищей по команде – их руки все еще сцеплены, но головы опущены.

Несколько часов спустя я уже сижу в баре отеля в Баден-Бадене. Заказываю пиво. Все остальные пришли обедать, но меня слишком тошнит, чтобы есть. Спустя какое-то время некоторые расходятся. Мы выпиваем и начинаем общаться. Адреналин по-прежнему разгоняет кровь в моих венах, и несмотря на жуткую усталость, отдохнуть не получается. Как и у всех остальных игроков. Мы методично разбираем каждую деталь матча, даем выход эмоциям относительно произошедшего, решений арбитра, Роналду.

Я включаю телефон и сразу тону в потоке сообщений. Пишут, что это не моя вина. Выше нос. Ты с этим справишься. Все эти слова от чистого сердца, но это последнее, что я хочу услышать. Когда я ложусь в кровать, у меня еще нет сна ни в одном глазу. Я вновь вижу, как пробиваю этот пенальти. Удар, сэйв. Удар, сэйв. Удар, сэйв. Черт.

Я возвращаюсь в Англию вымотанным. Когда мы едем по западному Лондону, я считаю флаги на домах и машинах. Солнце светит, но улицы пустынны. Кризис сильно ударил по стране, и я понимаю чувства людей. Я тоже не хочу никому показываться. Мы приезжаем домой. Я говорю с родителями. Еще сочувствие. Не нужно. Я знаю, что я не злодей, и никто не чувствует себя хуже, чем я.

Мама говорит, что мне нужно быть добрее к себе. Я падаю на постель и надеюсь, что смогу отдохнуть. Я сплю, но тот пенальти никуда не уходит. Я оглядываю стадион, и все те места, где во время матча пылали красный и белый, погружаются во мрак. Джон и Рио сидят на траве, безутешно всхлипывая. Я будто парализован, и когда люди говорят мне что-то, я их совсем не слышу.

Я чувствую, как кто-то касается моего лица. Сначала мягко, а затем сильнее. На мою грудь что-то наваливается, и я ощущаю мягкие пощечины. Я открываю глаза, чтобы увидеть, бодрствую я или все еще вижу сны.

Луна лежит на мне, развалившись. Элен стоит рядом с

кроватью и улыбается.

– Папа, – говорит моя маленькая девочка. – Папа!

Я проговариваю это слово вместе с ней: «Папа! Папа! Папа! Папа!»

Луна улыбается своей самой широкой улыбкой и смеется от волнения. Она знает. Я смеюсь. Элен смеется, и Луна тоже смеется еще сильнее. Она сказала свое первое слово, и минута не могла быть выбрана более идеально. Хотел бы я быть как моя дочурка!

Прошло тридцать шесть часов с момента моего самого безнадежного отчаяния, и теперь свет вновь хлынул в мою жизнь. Промахнувшись с пенальти, я думал, что все кончено. Когда случился третий промах, я уже это знал. Я никогда не чувствовал себя хуже и больше не хочу опускаться на самое дно. После проигрыша Португалии были минуты, когда казалось, будто наступил конец света. Но это не так. Это был конец чемпионата мира.

Одно слово моей малышки помогло мне осознать истинную ценность жизни и тех благ, которые я имею. У меня успешная карьера – особенно сейчас, ведь в последние два года я выиграл главные трофеи, которые может дать игра. Грядет новый сезон, а вместе с ним и шанс одержать новые победы с «Челси», а также отборочные матчи к Евро-2008. Есть еще и моя работа с центром помощи больным раком детям Teenage Cancer Trust и, что самое главное, то счастье, которое мне дарит компания и поддержка моей семьи, моей невесты и моей маленькой девочки. Футбол всегда будет важной частью моей жизни, но моя семья – *это и есть* моя жизнь. Думаю, вы поймете меня, прочитав мою историю.

1
Лэмпарды и Реднаппы

Даже когда я был ребенком, я стремился к высотам, которые казались недостижимыми. Одной из них была клетка для птиц на заднем дворе дома моей тети Сандры в Борнмуте. Она находилась на высоте около шести метров над газоном и была любовно сделана моим дедушкой. У дедушки были золотые руки. Он был плотником по профессии и часто что-нибудь мастерил для своих дочерей. Это было прекрасное деревянное изделие, и хотя там никто не обитал, тетя Сандра любила эту клетку настолько же сильно, насколько гордилась своим ухоженным садом. Мне нравилось приезжать в гости к ней и дяде Харри, потому что это было идеальное сочетание двух самых важных для меня вещей – семьи и футбола. Уже тогда Харри производил на меня сильное впечатление, а позже стал одним из главных людей в моей жизни, будучи менеджером «Вест Хэм Юнайтед», когда я подписал с ними контракт.

Мой папа, работавший помощником Харри на «Аптон Парк», и моя мама, сестра Сандры, упаковывали меня и сестер в машину, и мы отправлялись на южное побережье. Натали и мой кузен Марк – одного возраста, у них много общего, и они отлично ладят. Моя вторая сестра Клэр немного младше нас, но все мы обожали поездки к Реднаппам.

Больше всего в этих поездках я любил играть в футбол с моим двоюродным братом Джейми. Он на пять лет старше меня, и в детстве я всегда смотрел на него снизу вверх – в буквальном смысле слова. Мы могли играть на заднем дворе по несколько часов подряд, и никто из взрослых или наших сверстников нам не мешал.

Джейми бегал с мячом, а я гонялся за ним по саду, пытаясь отобрать у него мяч. Я не отпускал его далеко, но он просто укрывал мяч, оттирал меня, а потом прокидывал его вперед. Мне было все равно, я просто любил играть. Иногда мне удавалось коснуться мяча, но Джейми сохранял владение, и я продолжал атаковать его вновь и вновь.

Я был настырным маленьким засранцем – всегда бежал изо всех сил и наступал ему на пятки. Я не отпускал его и не сдавался, но, подустав, мы переходили к любимой игре Джейми. Он ставил мяч в определенную точку, под углом к птичьей клетке, и пытался по ней попасть.

Сначала бил он, а затем я. У меня не было шансов – я был

слишком мал и даже не мог направить мяч достаточно высоко, чтобы хотя бы потревожить клетку. В то же время Джейми был для нее настоящей напастью. Где бы он ни опустил мяч, какое бы место я ни выбрал для его удара, он каждый раз попадал в самое ее сердце.

Не успели мы опомниться, как несчастная клетка оказалась разбита в щепки. Тетя Сандра была недовольна, но мы с Джейми продолжали играть.

Я преклонялся перед ним. Он все время пробовал новые трюки и упорно работал над своей чеканкой и жонглированием. Он был практически одержим этим и постоянно тренировался. Я подобными вещами никогда не увлекался, и даже сейчас они мне не очень интересны, отчего я иногда чувствовал себя неловко.

Однажды мы снимали рекламу для Pepsi в Барселоне, и у режиссера в распоряжении были лучшие игроки мира. Он был американцем, и я не уверен, что он хоть что-то знал о «соккере». До того, как я приехал сниматься, парни вроде Роналдиньо завораживали его движениями ног, а Тьерри Анри блистал со своей стандартной программой.

Режиссер явно находился под впечатлением. Меня переодели, я вышел на съемочную площадку и ждал инструкций.

– Давай, Фрэнк, – сказал он. – Делай то, что умеешь.

Я просто смотрел на него.

– Делай что? – спросил я.

– Ну ты знаешь. Свои фирменные финты. То, чем ты знаменит.

На секунду я задумался.

– Я отбираю мяч. Я бью. Я забиваю голы из-за штрафной.

Это был не тот ответ, которого он ждал, но ведь футбол – не только трюки и финты. Роналдиньо и Анри – фантастические игроки, которые потрясающе обращаются с мячом. Я восхищался умениями Джейми, когда мы были детьми, но уже тогда меня учили основам игры на моей позиции, и они не предусматривали каких-то причудливых вещей. У папы было очень четкое видение того, что представляет собой успешный современный футболист.

Мама утверждает, что я хватал и пинал мяч с того момента, как смог это делать, а папа уделял этому много внимания и следил, чтобы я все делал правильно. Он играл со мной в саду, учил правильно бить по мячу и помогал стать увереннее в себе.

Мама утверждает, что я хватал и пинал мяч с того момента, как смог это делать, а папа уделял этому много внимания и следил, чтобы я все делал правильно.

В то время я еще не осознавал, кем был мой папа вне

привычного окружения нашего дома и семьи. Не каждый ребенок имеет возможность играть в футбол с защитником «Вест Хэма» и сборной Англии, но я воспринимал это как обычную возню со своим отцом – как и любой другой мальчишка моего возраста.

Мне всегда больше нравилось гонять мяч с ним или моими сестрами, чем делать это с другими детьми. Я был застенчивым и довольно замкнутым ребенком. Так что потребовалось немало уговоров со стороны папы и много мужества с моей, чтобы я принял участие в своей первой игре.

Мы дошли пешком до Гидиа-парка, который находится всего в пяти минутах от дома моих родителей в Ромфорде. Я думал, что мы, как обычно, идем попинать мяч на природе, и только потом понял, что папа все это подстроил. Там тренировалась и играла местная команда, он обратился к тренеру и спросил, могу ли я присоединиться.

Я был взволнован и жутко нервничал. Игравшие пять на пять ребята были больше меня и выглядели лет на семь. Мне же было всего пять. Тренера звали Крис Сноускилл, и его сын Дэниэл уже играл. Меня пригласили на поле, и мне удалось произвести впечатление.

Это звучит очень глупо, но я был настолько взволнован, что просто не мог сдержаться. Кто-то дал мне пас, и я просто обернулся, увидел ворота и вколотил в них мяч. Это был инстинкт. Основной инстинкт. Я был очень доволен собой и оглядел своих товарищей по команде, ожидая одобрения. Я понял, что что-то не так. Мне потребовалось несколько секунд. Затем я поник от того, как они смотрели на меня, забившего в свои ворота. Мне было очень стыдно. Другие дети спрашивали: «Кто этот малый, забивший автогол?»

Я доиграл матч, но ужасно огорчился из-за своей ошибки. Я был так рад своему участию и так унижен тем, что все испортил. Этот день – мое первое воспоминание об игре в футбол. Мое первое и даже сейчас довольно болезненное воспоминание – и вряд ли оно могло быть более важным.

Я присоединился к команде «Хит Парк», которая стала неотъемлемой частью моей жизни на следующее десятилетие. Я сыграл и на следующей неделе, хотя, строго говоря, был слишком юн. Для меня это не имело значения, и я оставался самым младшим в команде, прикипев к этим парням. Это было крайне полезно и очень весело. Мы с «Хит Парком» побеждали в лиге почти каждый год, лишь иногда уступая своим главным соперникам в этом районе – «Сенрабу».

Эссекс давно считается плодородной почвой для развития футболистов, и мое поколение ничем не отличалось от других.

«Сенраб» был ближе к Ист-Энду, и ребята оттуда были несколько жестче. Они происходили из семей представителей рабочего класса и отчаянно пытались пробиться в футболисты, в то время как «Хит Парк» был немного иным. Мы были обычными эссекскими ребятами.

«Хит Парк» и «Сенраб» стали довольно известны как клубы, где начинали свою карьеру знаменитые игроки. Эшли Коул, Ледли Кинг, Ли Бойер и Джей-Ллойд Сэмюэл делали первые шаги в «Сенрабе», как и еще один талантливый парень по имени Джон Терри. Джон был на три года младше меня, поэтому мы никогда не играли друг против друга, но уже тогда до меня доходили слухи о нем: насколько он хорош, насколько силен.

Там, где я вырос, футбол у людей в крови. Это часть их ДНК, и, безусловно, это касается и меня. Местные все время говорят об игре и интересуются ей на всех уровнях. В настоящее время дети, которым нет и десяти, отправляются для обучения и тренировок в академии, являющиеся частью профессиональных клубов. Другие посещают курсы, проводимые клубами или Футбольной ассоциацией. Когда я был в этом возрасте, академией был воскресный футбол.

Казалось, что чаще всего в играх чемпионата против «Сенраба» они побеждали нас, но если это был кубковый матч, то побеждали мы. К счастью, мы имели привычку выигрывать большую часть наших игр и побеждали в лиге благодаря тому, что были стабильнее. Наша сила заключалась в нашем командном духе. У них было немного больше индивидуалистов, и им нравилось играть таким образом, и наше соперничество всегда отличалось напряженностью. Игроки хранили верность своей команде, а зрители спорили, кто из нас лучше, и кто мог бы сделать футбол своей работой.

Вопрос о том, кто следующим сможет стать профессиональным игроком, всегда вызывал интерес, и в «Хит Парке» не считалось, что им будет Фрэнк Лэмпард. Все были уверены, что в один прекрасный день известным футболистом станет Майкл Блэк – мой товарищ по команде. Майкл обладал хорошими навыками и крепким ударом и классно обращался с мячом. Он был лучшим из нас – эдаким Уэйном Руни Эссекса. В каждой игре он забивал гол или признавался игроком матча. Наблюдая за Майклом, я принял решение достичь его уровня. Вернее, я хотел как минимум достичь его уровня и, возможно, стать лучше. Вот что я чувствовал в то время, и теперь понимаю, что это чувство стало повторяющимся мотивом в моей жизни и карьере.

«Хит Парк» и «Сенраб» доминировали в нашем районе и, как

правило, делили трофеи между собой. Я был младшим из трех детей и единственным мальчиком и соответственно занимал самую маленькую комнату в доме. Это не помешало мне завесить ее полками, и когда я ложился в кровать, все мои награды были сложены у меня над головой.

Мы тренировались в течение недели и играли по выходным. Наши тренеры работали над нашей физической подготовкой и старались развить наше понимание игры. Однако во время матчей из-за боковой мы слышали не только голос тренера.

Приходили папы (и мамы) практически всех игроков. Все они наперебой выкрикивали произвольные и часто противоположные советы команде. Вы могли бы подумать, что мой папа находился в центре этого мозгового штурма. Что с его-то опытом и знаниями другие оставались бы спокойными и позволяли ему говорить. Не тут-то было.

Он намеренно стоял за спинами других родителей с поднятым воротником и молчал. Он знал о том, что было бы, если бы он подошел к боковой линии и стал давать указания. Что более важно, он знал, насколько я смутился бы, если бы он это сделал. Простого осознания того, что он наблюдает, было достаточно, чтобы заставить меня нервничать, поэтому он стал довольно искусно притворяться, что его там нет.

Иногда он прятался за деревом или забором, чтобы я не мог его видеть. Он, должно быть, выглядел немного странно, крадучись в тени, как футбольный аналог инспектора Клузо из «Розовой Пантеры». Однако он не мог сохранять свою маскировку надолго. Когда я возвращался домой, он спрашивал меня, как прошла игра. Я говорил «довольно хорошо», только чтобы он выразил несогласие. Он упоминал момент, в котором я мог бы сыграть лучше, или шанс, которым я должен был воспользоваться, и я понимал, что он все же там был.

Отец всегда был моим футбольным ориентиром, моим тренером и критиком, вдохновителем и раздражителем. У меня очень много поводов для благодарности, пусть иногда я его и ненавидел. С самого раннего возраста я знал, что хочу быть футболистом. Это все, чего я хотел. Папа тоже знал об этом, и я думаю, что он хотел этого так же, возможно, в те дни даже сильнее, чем я.

Он познакомил меня с определенными тренировочными режимами, которые точно помогли бы мне стать физически сильнее, а также прививали внутреннюю дисциплину, необходимую для того, чтобы достичь наилучших результатов. Некоторые из них были довольно веселыми, хотя и не для мамы. Папа раскладывал маты на полу гостиной, а затем брал мяч и

бросал его как можно ниже, а я должен был ловить его и тут же вставать и ловить его в другом месте. Мы могли заниматься этим очень долго, пока я не выбивался из сил. Мама влетала в комнату и кричала на нас.

– Хватит шуметь, – говорила она. – И перестаньте разводить беспорядок.

Мы сразу успокаивались. И замолкали.

– Серьезно, вы как будто думаете, что наш дом сам себя убирает.

Переждав бурю, папа возражал:

– Для него важно быть максимально ловким, – говорил он в надежде, что его довод перевесит мамину обеспокоенность домашними делами. Мама поворачивалась на каблуках и закрывала дверь, делая вид, что это все ее раздражает. Понимая, что это не так, мы улыбались друг другу и начинали снова, но не все тренировки были столь же веселыми.

Когда отец обучался в академии «Вест Хэма», он приобрел пару шипованных кроссовок, которые носил, оттачивая спринт после тренировки с остальной частью команды. Я не унаследовал его обувь, лишь эту привычку. Кажется, мне было около десяти, когда я начал свои пробежки. Я выходил в сад и бегал туда-сюда снова и снова. Было важно начать пробежку с мощного рывка, который помогает накрыть противника или уйти от опеки.

Почти каждый день я тренировал рывки. Мама очень сердилась, потому что вырастила красивый пышный зеленый газон, а я весь его истоптал. Иногда я делал это под наблюдением папы, иногда нет. Если отец куда-то уходил, а вернувшись, обнаруживал меня в своей комнате за домашним заданием или перед телевизором, он всегда спрашивал меня: «Ты тренировал рывки?» Я был очень горд, когда мог сказать «да». Когда я не мог, он не настаивал. Вместо этого он тонко намекал, что, если я не позанимаюсь, произойдет плохое. Никакого наказания. О нет, хуже – я не стану быстрее, подвижнее и выносливее. Другими словами, я не смогу быть достаточно хорошим игроком.

Для меня такой угрозы было достаточно. Я выходил на пробежку в любую погоду. Я продолжал упражняться даже после того, как стал профессионалом. Играя в «Вест Хэме», я прятал шиповки на тренировочной площадке Чедвел Хит, потому что стеснялся, но, когда старшие одноклубники уходили домой после тренировки, я выходил из спортзала и бегал. Иногда папа наблюдал за мной из окна своего кабинета, и я видел, как он улыбается или кивает мне. Я стал довольно суеверным в этом плане. Папа и впоследствии постоянно спрашивал меня про рывки – даже когда я уже был в основе «Вест Хэма». Такой уж он

человек. Он не хотел, чтобы ему приходилось говорить мне. Он хотел, чтобы я делал это по своему собственному усмотрению.

И не только на меня он влиял таким образом. Когда мы с Рио Фердинандом обучались в академии «Вест Хэма», он оставлял Рио после тренировки и целый час уделял его игре головой. Рио – невероятно талантливый футболист. Он играет ногами лучше многих. Но когда было решено, что он станет защитником, он не лучшим образом действовал головой. Папа тренировал его, а через некоторое время Рио решил сам найти кого-то другого для дальнейших тренировок. Самый важный урок – внутренняя дисциплина, и у всех лучших игроков она на самом высоком уровне.

Джанфранко Дзола, играя в «Челси», каждый день оставался после тренировки и наносил больше ста ударов. Когда все остальные направлялись в душевые, Франко вставал перед воротами и некоторое время сосредотачивался. Удар, удар, удар. Как метроном. Даже он, один из самых талантливых футболистов, с которыми я когда-либо играл, знал, что ему нужно тренироваться. Это обычное явление среди футболистов экстра-класса и редкое среди обычных игроков. Уэйн Руни остается подольше, когда мы собираемся на игры сборной. Так поступаю и я.

Папа научил меня этому, уделил много внимания тому, чтобы я это усвоил, и это стало ключевым фактором моего развития. Теперь я вижу молодых ребят, которые думают, что если у них есть контракт с «Челси», то все уже на мази. Они водят хорошие автомобили и не могут дождаться, чтобы сесть в них и надавить на газ после тренировки. Есть несколько хороших парней, которые останутся и позанимаются немного больше. Я часто остаюсь и тренирую удары по воротам или штрафные, и один-два молодых игрока хотят научиться. У них есть шанс пробиться. Мне помогли тренировки рывков и занятия на ловкость. Я также много тренировался в парке с мячом.

Еще до того, как я подписал контракт с «Вест Хэмом», папа приводил меня в Чедвел Хит, когда у игроков был выходной, и работал над различными аспектами моей игры. Он ставил меня спиной к стене и бил в мою сторону мячом. Когда я слышал звук удара, поворачивался и пытался обработать его. Папа знал, что мобильность – залог успешной игры в центре поля, и я должен был уметь укрощать мяч. Часто это было последнее, чем я хотел бы заниматься. Особенно когда дул пронизывающий ветер и шел проливной дождь. Я все равно шел тренироваться. Отец был одержим тренировками и сделал меня таким же одержимым. В то время мне было только 14 лет.

Тогда лидером «Вест Хэма» был Тони Котти, и отец сказал мне, что когда-то папа Тони привел его на площадку и делал то же самое, что и мы. Так он мотивировал меня стараться еще сильнее, дескать: «Он это делал и посмотри, где он сейчас». Я помню, как думал, что если Тони Котти делал это, то и я хочу. Редкий 14-летний занимался столь же интенсивно, как я, и тогда я понял, что моя жизнь отличается от жизни других детей. Большинство парней в этом возрасте не стали бы этим заниматься, но мне повезло, что папа замечал слабости прежде, чем они проявлялись.

По этой причине он опережал свое время. Он видел, куда идет футбол и где он в конечном итоге окажется. Он играл в семидесятых, когда техническому и физическому развитию игроков уделялось меньше внимания, игра была намного медленнее, а конкуренция была не такой острой, как сегодня. Все было совершенно по-другому. Сегодняшние команды гораздо сильнее физически и тактически, и мой папа, в отличие от многих других, предвидел это. Он говорил мне, что я должен быть быстрее и сильнее. Он продолжал наседать и наседать на меня, и я от этого уставал и злился на него. Однажды, когда мне было одиннадцать, я сыграл не очень хороший матч. Папа был недоволен, но я не понимал, что сделал не так. Он усадил меня, достал ручку и бумагу и объяснил мне, насколько важно для полузащитника закрывать забегающих игроков. До этого, если соперники играли в стенку, я пытался перехватывать мяч, и один из игроков оказывался за моей спиной.

Большинство учится этому только в молодежной команде, а я начал уже в одиннадцать. Блокировать забегающих – не самое увлекательное занятие, и, наверное, это было последним, что я хотел бы делать. Как и любой другой ребенок, я просто хотел получить мяч и играть, не думая о том парне, который забегает мне за спину. Лишь становясь старше, вы начинаете осознавать всю важность этого аспекта игры, и это давало мне преимущество.

Уже тогда я был очень целеустремленным. Неудивительно, учитывая, кем был мой отец, хотя именно моя мама всегда побуждала меня продолжать идти вперед и больше стараться. С самого начала папа отлично определял то, над чем я должен работать и что должен был улучшить, но мама сказала мне, что я должен делать это для себя. У нас осталась моя фотография, сделанная в летней школе. Даже сейчас мама напоминает мне о ней. Я был далеко не симпатичным ребенком со своим пухлым маленьким лицом и странными зубами. «Кто бы мог подумать, что ты будешь играть за «Челси» и сборную Англии?» – любит повторять она.

Я не единственный в семье, кому доводилось играть за нашу страну. Папа тоже играл за сборную Англии, как и мой двоюродный брат Джейми. Не могу сказать, что детство в окружении людей, которые настолько погружены в футбол, казалось необычным. Да и как могло бы показаться? Я не знал, что бывает по-другому, и думал, что все семьи похожи на мою. Я был неправ.

Бобби Мур иногда приходил к нам домой, чтобы повидаться с папой. Я заходил в гостиную, где они болтали о «Вест Хэме» и футболе в целом, а мама суетилась вокруг с чаем и печеньем. Мне никогда не приходило в голову, что на моем диване сидел человек, который поднял Кубок мира в качестве капитана сборной Англии.

Даже когда мы ездили к дяде Харри, я не замечал, что в моей семье было что-то особенное, выдающееся. Это были просто мы. Я каждый год приезжал к ним в Борнмут на каникулы, и это было похоже на поход на пляж. Мой двоюродный брат Марк тоже был очень хорошим футболистом, но его карьера закончилась из-за серьезной травмы колена. Всякий раз, когда мы собирались вместе, мы говорили о футболе. Бывали и исключения, но не очень часто.

Лето у Реднаппов было чудесным, и они всегда устраивали большую вечеринку по случаю дня рождения Джейми. Однажды я приехал, когда она длилась уже два дня, и я чуть не ослеп от звезд. Там было несколько ребят из «Ливерпуля», в том числе Робби Фаулер. Тревор Синклер тоже был там, хотя не было ни малейших сомнений в том, кто был звездой вечеринки. Это была эпоха скандально известных «спайс бойз», и парни показали себя во всей красе. Джейми был очень стильным и всегда был одет по последней моде. Много раз по возвращении из Борнмута я говорил маме, что ей нужно было купить, чтобы я выглядел хорошо. В этот день ребята были в рубашках от Ральфа Лорена и пошитых на заказ джинсах.

В саду было развернуто большое барбекю, и это было настоящее сумасшествие. Повсюду были красотки, и, конечно же, Джейми был королем, тем, с кем все хотели бы поговорить. Это было невероятное зрелище. Джейми расхаживал вокруг со своими приятелями, разговаривая со всеми гостями. Я, напротив, был несколько замкнут. Я был намного младше и не стал бы винить Джейми, если бы он даже не заметил, что я появился. Но у него всегда находилось время для меня. Я не могу себе представить, что многие старшие кузены на его месте поступали бы так же, будучи хозяином такой вечеринки, но он вел себя как настоящий старший брат. Когда у вас рядом есть такой человек, вы всегда

берете с него пример. Моей первой летней поездкой в компании парней была поездка на Кипр с Джейми, Доном Хатчисоном и двумя борнмутскими друзьями Джейми, когда мне было семнадцать. Я не знаю, как мне это удалось, но я убедил свою маму, что все будет хорошо.

> Бобби Мур иногда приходил к нам домой, чтобы повидаться с папой. Мне никогда не приходило в голову, что на моем диване сидел человек, который поднял Кубок мира в качестве капитана сборной Англии.

Тем летом уже был на Бермудских островах с родителями – папа проводил там какие-то тренировки с бывшим нападающим «Вест Хэма» Клайдом Бестом. Я нанес немного масла для загара, и на моем лице сильно высыпало. Я был в ужасе. Я отправлялся в путешествие с красавчиком из «Ливерпуля» и его друзьями и выглядел просто кошмарно. Впрочем, они отлично со мной обращались. Джейми мог и не брать на себя ответственность за младшего брата, но он присматривал за мной, несмотря на мое лицо свекольного цвета. Приехав туда, мы пошли на главную площадь города, и, не успели мы оглянуться, как появилась огромная толпа людей, просивших Джейми дать автограф и сфотографироваться с ними.

Он был очень мил со всеми, кто к нему подходил. Теперь я знаю, что это может доставлять неудобства. В конце концов, вы в компании друзей и пытаетесь расслабиться. Я видел, как по-разному реагируют игроки в подобных ситуациях. Я видел, как некоторые из них вели себя очень грубо и посылали людей куда подальше, и говорили другие подобные вещи – особенно после пары пива. Но Джейми был вежлив и подал мне пример. Я подумал, что если когда-нибудь доберусь до его уровня, то хочу быть таким же. Я оценил то, как он обращался со всеми. Его отношение было тем, что я хотел бы перенять. Нет никаких сомнений в том, что чем более знаменитым вы становитесь, тем сложнее найти время для окружающих. Даже сейчас, когда я спешу или держу на руках ребенка и раздача автографов – это последнее, чем я хочу заниматься в данную минуту, я вспоминаю о поведении Джейми на той площади и о том, чему оно меня научило.

В Джейми было что-то особенное – он отлично справлялся с высокими требованиями и давлением, хотя ему было всего 22 года. Он просто делал, что нужно, и занимался дальше своими делами. Когда он играл в «Ливерпуле», мы не могли проводить много времени вместе из-за большого расстояния, но он с готовностью давал мне советы по телефону, а я мог позвонить

ему, когда захочу. У него всегда было время для меня, и он всегда хотел знать, как у меня дела.

Даже когда мне было восемнадцать, я все еще учился у него. Будучи в «Ливерпуле», он приезжал тренироваться в Чедвел Хит, когда восстанавливался после травмы. На стене спортзала были нарисованы ворота, и в углах ворот были отмечены круги размером не больше мяча. Каждому кругу был присвоен номер: верхний правый угол имел № 1, нижний правый – № 2 и так далее. Мы с Джейми бродили по базе после того, как я закончил тренировку, и начали дурачиться. Он встал на ударную позицию и выкрикнул номер.

«Один». И мяч прилетел точно в цель.

«Четыре». Другой угол. Тот же результат.

«Два». И снова. И так далее.

Потом была моя очередь. Для меня и попадание в ворота было удачей, не то что в круг. Джейми не смеялся надо мной и не издевался. Он остановил меня, начал менять мою стойку и дал мне несколько советов. Таков был Джейми – всегда хотел помочь. Наверное, из-за этого я чувствовал себя странно, когда мы играли друг против друга на поле.

Я играл за «Вест Хэм» против «Ливерпуля», и мы боролись друг с другом в центре поля. Он жестко атаковал меня, и удар пришелся немного выше мяча прямо в колено. Он сразу встал, испугавшись, что причинил мне боль. Как и я, он очень заботится о семье, и я бы не подумал ни на минуту, что он мог пытаться вывести меня из игры, но он действительно беспокоился, в порядке ли я.

Мы поменялись ролями несколькими годами позже, когда снова встретились в период его выступлений за «Шпор». Я зацепил его шипами и почти испортил его внешность шрамом. Я помню чувство паники, подобное тому, которое он, должно быть, испытал много лет назад. В итоге ему наложили около тридцати швов во рту и провели операцию. Иногда он напоминает мне об этом. Я весь сжимаюсь, когда думаю о том случае.

Я люблю Джейми как человека – наша дружба действительно расцвела за последние несколько лет. Мы все время общаемся, и одна из самых примечательных черт его характера – то, что он, несмотря на все свои проблемы с травмами и чистое невезение, никогда не выказывал ни намека на ревность. Он всегда помогал мне и поддерживал меня.

Джейми – один из тех, кто искренне хочет знать о делах окружающих, их мысли и взгляды на игру и на жизнь. Он дарит людям чувство комфорта, и именно поэтому он так легко держится на экране и преуспеет в тренерском деле, если захочет

его освоить.

Джейми был идеальным примером для подражания, и по мере того, как я становился старше, дух соперничества, появившийся в футболе, начал проявляться практически во всех видах спорта, в которых я принимал участие. Помимо футбола я играл в крикет и был настолько хорош, что с 12 до 15 лет играл за сборную Эссекса.

К тому времени моя неделя была переполнена спортом. В понедельник вечером я отправлялся в Челмсфорд на тренировку со сборной Эссекса по крикету. Во вторник была тренировка в «Вест Хэме», а в среду – матч со школьной командой или еще одна тренировка. В четверг были тренировки «Арсенала», в пятницу – «Тоттенхэма», по субботам я играл за школьную команду, а в воскресенье – за «Хит Парк».

Был момент, когда крикет нравился мне почти так же, как футбол. Мне было около одиннадцати или двенадцати. Папа когда-то играл за сборную Англии по крикету среди школьников и делал это отлично – наверное, лучше меня. Он немного подтолкнул меня, но опасался, что крикет может стать для меня столь же важен, как футбол. Крикет мне нравился, потому что в моей школе ему уделялось гораздо больше внимания, чем футболу. Я обожал подавать и отбивать мяч. Я получал от игры удовольствие и хорошо выполнял оба эти действия, что и заставило меня полюбить крикет в детстве.

В четырнадцать я начал попадать в стартовый состав команды по крикету – на год раньше, чем в футбольной, из-за чего казалось, что я лучше играю в крикет, чем в футбол, но это было неправдой. Возможно, крикетная команда была не очень уж хороша. Я был очень упрямым маленьким отбивающим. Я был недостаточно силен, чтобы отбить мяч далеко, но упорно боролся. Я просто блокировал мячи, которые не мог направить далеко, и старался остаться в игре так долго, как мог – примерно как Джеффри Бойкотт.

Когда я стал старше, мне часто приходилось играть в поле и ловить мячи, и тогда я потерял терпение, а с ним и интерес. Неумение терпеть – одна из моих слабостей. Еще и мой папа стал заводить разговоры о том, что футболисты зарабатывают гораздо больше, чем игроки в крикет. Может показаться странным, но по мере того, как вы становитесь старше, и деньги начинают что-то для вас значить, этот аргумент играет роль. Не только деньги, но и слава. Футбол – национальная игра и спорт номер один, в конце концов.

Я не знаю, какого уровня я мог бы достичь – мне трудно представить, что я мог бы стать Фредди Флинтоффом – но

однажды крикет начал действовать мне на нервы. Мама и папа забирали меня в школе в Брентвуде, и мы ехали в Челмсфорд, что занимало около пятнадцати минут. Мне приходилось переодеваться на заднем сиденье автомобиля, что было очень неудобно, настроение испортилось, и я начал придумывать отговорки, чтобы не идти на тренировку.

Я придумал какую-то нелепую отговорку для родителей, но настоящей причиной моего ухода было то, что я одержим совершенством. Было несколько человек, которые играли в крикет лучше меня, и я не думал, что смогу преодолеть этот разрыв, что меня очень расстраивало. С футболом, в котором я был хорош, все было прекрасно, и я думал, что могу быть лучше всех остальных. Признаюсь, именно поэтому крикет исчез из моей жизни. Я признавал свои недостатки, но совсем не хотел вспоминать о них каждый раз, когда играл.

Я сосредоточился на футболе и в четырнадцать отправился в Лиллешол на ежегодные испытания. В то время там находился интернат для молодых футболистов под эгидой Футбольной ассоциации. Он обеспечивал двухгодичное обучение с проживанием, а также экспертный тренинг. Это было захватывающе, но я сильно нервничал. Я сломал руку за пару месяцев до этого, и в моей голове засела мысль о том, что я был не в той физической форме, в которой нужно. На шестнадцать мест пробовалось тридцать два ребенка. У нас было два дня тестов и тренировок, а также игры.

Мне удалось войти в число двадцати четырех лучших, что означало, что я был довольно неплох. Затем мы сдавали челночный бег, в котором нужно перемещаться между двумя электронными маркерами, пока остаются силы. Самый высокий показатель был около четырнадцати, а мне удалось набрать лишь одиннадцать. Я задавался вопросом, что они обо мне подумали, но ничего не мог поделать. Я был полностью измучен.

Вечером я вернулся домой и стал ожидать итоги отбора, о которых уведомляли по почте. Через две недели пришел конверт. Это было очень волнительно. Я пытался подготовиться к будущему разочарованию, говоря себе, что во всем виноват перелом. В глубине души я знал, что это неправда.

Я был прав, меня не взяли. Я ужасно расстроился. Мне было трудно смириться с отказом. На том этапе меня считали одним из лучших игроков в Эссексе, и я хотел стать номером один. То, что я даже не был в числе шестнадцати лучших в стране, стало для меня тяжелым ударом. Ли Ходжес, с которым я позже играл в молодежке «Вест Хэма», был принят, но решил отказаться от предложения.

Я волновался о том, что подумает отец. Как выяснилось, он совершенно не беспокоился. У Лиллешола была репутация очень консервативной школы, и их методы тренинга могли не соответствовать моим потребностям. Впрочем, о его выпускниках можно сказать отдельно. Нельзя отказать в отсутствии таланта таким игрокам, как Джо Коул и Майкл Оуэн, которые там занимались и стали топ-футболистами. Однако оглядываясь назад, я понимаю, что отказ был для меня большой удачей.

Я сталкивался с очень разными методами и уровнями тренинга. Когда мне исполнилось десять, я записался в академии «Вест Хэма», «Тоттенхэма» и «Арсенала». У каждой из них были свои хорошие стороны – как и плохие.

«Вест Хэму» была свойственна некоторая архаичность. Клуб никак не мотивировал вас стать его частью. Существовало какое-то высокомерие, будто в клубе считали, что, будучи местным мальчиком и их поклонником, вы должны автоматически хотеть играть у них. Это очень безличное отношение. Лучше всего было у «Шпор». Мои глаза округлились, когда я впервые пришел на тренировку и увидел ребят, которые технически намного меня превосходили. Основное внимание уделялось работе с мячом, что нужно и не нужно с ним делать. Не трюкам, а тому, как можно обыграть человека во время бега или стоя на месте. Я сыграл с ними и подумал: «Я тоже хочу уметь так делать». Отношение клуба тоже было другим. После тренировки нас кормили, и все вокруг были дружелюбны и поддерживали нас.

«Арсенал» совмещал черты первых двух академий. Мне нравились тренировки, хотя в них и делался упор на физику. Тренеры очень хорошо разбирались в новейших игровых тенденциях и, вероятно, знали, о чем говорили. В течение нескольких лет я метался между тремя клубами, хотя папа четко видел, где я в конце концов буду играть.

«Вест Хэм» был в моем сердце, равно как и в его, и я играл за него на уровне юнош, а одновременно с тем за «Хит Парк» и свою школу. Был некий сумбур, но я занимался любимым делом. Я никогда особенно не задумывался о чем-то кроме футбола, хотя и были моменты, когда мне приходилось это делать.

Приходя в новую команду или клуб и знакомясь с людьми, я стал замечать, что некоторые дети демонстрировали определенное отношение ко мне. Обычно это происходило довольно быстро. Это не имело никакого отношения к тому, насколько я был быстр или хорош в футболе или крикете, как я говорил или смотрел. Все было потому, что я был сыном Фрэнка Лэмпарда.

С большинством ребят все было в порядке, и я завел

несколько очень хороших друзей. Но некоторые дети могут быть жестоки и завистливы, а я был сыном известного футболиста. Я никогда не скрывал, кто мой папа. Давайте посмотрим правде в глаза, с таким именем, как у меня, это было бы весьма непросто. Несколько раз мне за это доставалось – были даже случаи, когда меня хотели побить по тому или иному поводу просто из-за того, кем был мой отец.

Так поступали не только дети. В «Хит Парке» был парень по имени Дэнни, который играл центральным нападающим. Он также дошел до молодежки «Вест Хэма» и забил много голов, но исчез через год или около того. Его отец обычно приходил на матчи и критиковал всех, за исключением своего сына. У него всегда был зуб на меня, потому что я был «Лэмпардом». Это действительно нервировало. Я помню, как на одной игре его сын забил семь голов, а я восемь, но он все равно орал: «Давай же, Лэмпард, пасуй!»

Мы с Майклом Блэком просто тихонько поругивали его. Так мы с этим справлялись, но в один прекрасный день чаша терпения Майкла переполнилась, и он сказал ему отвалить. Майклу тогда было всего тринадцать, но этот мужик впервые замолчал. Я предпочитал просто молчать и продолжать играть. На самом деле мне обычно было все равно. Я привык к тому, что дети реагируют по-разному. Когда я ходил на футбол или соревнования по легкой атлетике, большинство людей вели себя нормально, но были и моменты, когда я чувствовал, что кто-то смотрит на меня немного иначе.

Я стеснялся, но не стыдился. Совершенно. И в каком-то смысле это сработало в мою пользу, потому что придало мне решимости преуспеть. Не доказать им, что они неправы, но доказать себе, что я был лучше – лучше них и лучше, чем дешевые шутки про моего папу.

Я уже довольно хорошо играл, но мне этого было недостаточно. Я хотел быть хорош во всем. Я признаю, что временами это, возможно, не было самым здоровым отношением. Помню, как однажды после школы я должен был участвовать в соревнованиях по бегу по пересеченной местности и был настолько одержим успешным выступлением, что от напряжения у меня развилась головная боль. В течение дня она только усилилась и достигла апогея к тому времени, как я переоделся и приготовился к гонке. Мне стоило сказать об этом учителю и просто отказаться от забега. Но нет, я был полон решимости. Я вышел на старт и победил, хотя в конце просто держался из последних сил.

Не всегда дело было только в победе. Я брался за другие

виды спорта и бросал их в зависимости от моды, как и большинство детей моего возраста. Мне было весело заниматься чем-то еще, зависать с друзьями, но я должен сказать, что моей главной страстью было желание побеждать. Тот случай, когда я забил в свои ворота, и некоторые другие эпизоды, оставшиеся в моей памяти, как я понимаю, привили мне соревновательный дух, столь важный для моего развития как футболиста, так и человека.

Когда мне было около семи, мне нужно было участвовать в гонке на 200 метров. Там был еще один парень, который был больше меня, и, как ожидалось, должен был легко одержать победу. Я посмотрел на него и подумал, что смогу утереть ему нос. Я решил победить его. Забег стартовал, я немного отставал, а затем наступила катастрофа. Я упал на полпути из-за того, что слишком сильно старался догнать его. Я обезумел от горя, и меня пришлось тащить с трека.

Пережить это было трудно. Я все еще плакал, когда добрался домой, и всю оставшуюся часть дня грустил, спрятавшись в своей комнате. Никто не мог меня успокоить. Мне было очень стыдно, но что еще хуже, теперь я знал, что значит потерпеть неудачу.

Спорт был важнейшей частью моей жизни и обычно стоял для меня на первом месте, но я знал, что в жизни мне понадобится не только умение играть. Думаю, что для многих парней, которые собираются стать профессиональными футболистами, образование уходит на второй план и пылится в шкафу вместе со старой униформой. У меня все было несколько по-другому.

Папа хорошо зарабатывал, и они с мамой хотели, чтобы у меня в жизни было как можно больше возможностей. Для получения лучшего образования меня перевели в платную школу, где я мог бы решить для себя, чем хотел бы заниматься. Я очень благодарен родителям за то, что они определили меня в Брентвуд.

Это довольно элитная школа, многие выпускники которой становятся богатыми и знаменитыми. Журналист сэр Робин Дэй, комедийный актер Грифф Рис Джонс, а также телеведущий Ноэл Эдмондс ходили туда. Будучи сыном футболиста из Эссекса, я был немного обескуражен, попав в школу, девиз которой звучал как «Добродетель, учение, манеры».

> Думаю, что для многих парней, которые собираются стать профессиональными футболистами, образование уходит на второй план и пылится в шкафу вместе со старой униформой. У меня все было несколько по-другому.

Однако здешняя атмосфера оказалась намного менее

жесткой, чем я ожидал, и я освоился довольно быстро. Мое детство и особенно моя страсть к футболу ничуть не потеряли от того, что я ходил в школу с детьми, которые воспитывались людьми, нейтрально относящимися к игре, которая была доминирующей силой в моей жизни. Там были очень разные дети: родители некоторых занимались бизнесом в лондонском Сити, другие жили в достатке, потому что их отцы хорошо зарабатывали на строительстве. В школе я сохранил свою самобытность, равно как и свое упорство. Я все еще был эссекским парнем из рабочей семьи, который ничто не любил больше, чем футбол.

Это была новая и интересная среда. Никто из моих соседей туда не ходил, и моя школьная форма отличалась от формы других ребят с моей улицы – даже летние шорты и кепка. Она была очень старомодной, но через некоторое время смущение прошло. Ну, почти.

Мои родители чувствовали себя немного неуютно с другими родителями, и они были не из тех, кто участвует в собраниях или административных вопросах. Меня это не беспокоило – кроме одного случая, когда было бы хорошо, если бы они обращали внимание на то, что происходит.

Мама, как обычно, отвозила меня на машине в школу, но, когда мы проехали через ворота, я понял, что что-то неладно. Все дети были одеты не так. Вернее, не так был одет один я. На всех были красивые черные шорты и рубашки, и только я был в чем-то другом. Я пригнулся на заднем сиденье, как какой-то преступник, и сказал маме продолжать ехать. Почему я все еще в твидовом пиджаке и брюках? По всей видимости, форма одежды изменилась с началом весеннего семестра, но никто из нас не заметил. Я был подавлен и получил выходной, пока мама ездила за новым костюмом.

Она все еще смеется над этой глупой историей, но в ней есть и серьезный момент – надо мной подшучивали из-за того, где я учился. Конечно, подшучивали и все мои товарищи по «Хит Парку», главным образом потому, что я по субботам учился в школе, и когда все остальные играли в футбол со своими товарищами или ходили на стадион, я сидел в классе, изучая французский и алгебру.

Это очень бесило. На определенном этапе школа меня действительно доставала, как и большинство детей, но теперь я благодарен за свое время там и обрел в ней много друзей. Мой кругозор намного шире, чем мог бы быть, и я думаю, что Брентвуд сыграл в этом большую роль.

В целом, я был довольно хорошим учеником. Было несколько

небольших неприятностей, с которыми сталкивался каждый ребенок, хотя, как ни странно, единственной реальной проблемой для меня стал тот факт, что я вошел в основной состав футбольной команды, когда был только в четвертом классе. Нескольких ребят постарше это возмутило. Я был еще ребенком, но играл достаточно хорошо, и я думаю, что некоторые из них надеялись, что я с треском провалюсь.

Я не провалился. Они дали мне знать о своих чувствах на танцах в конце года, когда пара старших парней подошла ко мне, чтобы спросить, что я там делаю. Это была скорее угроза, чем предложение объясниться, поэтому я проигнорировал их. Я не сделал ничего плохого, кроме того, что обошел нескольких человек, хорошо играя в футбол. Я старался прыгнуть выше головы – как и большую часть своей жизни.

Нашу школьную команду тренировал хороший парень из Олдхэма по имени Крис Букли, который взял меня под свое крыло и мотивировал играть, даже когда старшие парни пытались запугать меня. Некоторые дети пытались раздуть проблему из моего происхождения, но у меня была своя компания, и я был не единственным ребенком из семьи нуворишей. В Брентвуде таких было немало, а в футбол мы играли с командами действительно шикарных школ, таких как Итон. Они были будто с другой планеты. И в моей школе были дети из очень богатых и привилегированных семей, но Итон был совсем другим.

Вы сами выбираете свой путь и свою компанию, и я не особо общался с теми людьми. Мы говорили о политике и истории, но по-прежнему играли в футбол в обеденное время. Мне нравилось учиться, но футбол по-прежнему оставался для меня главной целью в жизни. Необходимость учиться в субботу была для меня столь же тягостной, как и тот факт, что я играл одновременно за школьную команду и молодежку «Вест Хэма». Их столкновение было лишь вопросом времени. Когда оно произошло, зрелище выдалось эффектным, а итог – мучительным для меня.

Папа разрешил мне прогулять, чтобы я смог сыграть за «Вест Хэм» в молодежном Кубке Англии. В то время я не особо думал об этом решении. Конечно, я отчаянно хотел играть и рассчитывал, что последствий не будет. Во всяком случае, я прогулял. Я сыграл, мы были хороши и победили в матче. Отлично, подумал я. Ничего подобного. На следующий день я пошел в школу, и все вокруг обсуждали мое разоблачение. У школьной команды также была игра накануне – четвертьфинал кубка. Они проиграли и раздули из-за моего отсутствия большой скандал, хотя это было совсем необязательно.

Я сидел в классе, как осужденный, ожидающий приговора. Я

чувствовал вину, и, если кто-то сомневался в этом, достаточно было лишь взглянуть на мое лицо. Я надеялся на лучшее, но понял, что все было серьезно, когда директор вошел в класс и крикнул: «Лэмпард! Пойдем со мной».

Меня отвели в его офис, и я в смущении сидел там и молчал. Он достал копию местной газеты и расправил ее передо мной. Я был озадачен. Затем я заметил фотографию со мной в форме «Вест Хэма», во всей моей красе. Моя отмазка с плохим самочувствием не сработала. Руководство очень серьезно относилось к прогулам, равно как и к преданности и ответственности перед школой и другими учениками. Он сказал мне, что я подвел школу, своих товарищей по команде и себя самого. Ему не нужно было тыкать меня в это носом. Я уже знал это. Худшее ждало впереди. Он послал меня к мистеру Букли, чтобы я перед ним извинился.

Он мне очень нравился. Он уделял мне много внимания, когда я только пришел, и заставлял меня почувствовать, что я могу добиться успеха, даже когда я сомневался в этом. Я боялся встречи с ним. Из всех людей, которых я разочаровал, по словам директора школы, я чувствовал себя хуже всего из-за него. Нотация была довольно краткой, но я был очень расстроен, поговорив с мистером Букли.

Меня также разозлило то, что в субботу днем меня оставили на два часа после уроков – таким было максимальное наказание. Меня заставили написать эссе, которое должно было научить меня ценному уроку: «Преданность важнее личных интересов». Я немного подумал над этим и решил, что тоже могу поумничать: «Это правда, преданность очень важна, но иногда вам нужно следовать своим собственным интересам, потому что никто не сделает это за вас», – таким был мой вывод. Я был очень доволен собой. Однако мой учитель не посчитал сочинение таким занимательным и был явно не в восторге.

Если говорить об успеваемости, я был довольно усердным учеником. Я не был дураком, и думаю, что мое желание преуспеть оказывало влияние и на занятия. Я сдавал десять экзаменов для получения аттестата о среднем образовании и получил 5+ по латыни, три пятерки, пять четверок и одну тройку – оценки, достаточные для того, чтобы продолжать обучение. В школе, чтобы убедить меня остаться, предложили стать капитаном команды. Мистер Букли говорил, что вне зависимости от моих футбольных амбиций мне будет полезно получить фундаментальное образование. Я мог бы продолжить учебу, а затем стать профессиональным футболистом. Я долго и напряженно думал об этом. Я хорошо сдал экзамены, и мне

нравилось учить французский и испанский языки. Вернувшись домой, я поговорил с отцом. Еще пару месяцев назад мне предложили молодежный контракт в «Вест Хэме», и казалось, что выбор очевиден. Больше всего на свете я хотел играть в футбол, стать футболистом. Однако, как только мне предложили продолжить обучение, я засомневался.

Отец развеял эти сомнения. Он был твердо убежден, что мне нужно принять предложение «Вест Хэма». Меня не нужно было сильно убеждать, школа мне немного надоела. Я хотел только играть в футбол, чем больше, тем лучше. Я задумывался о получении образования только в качестве перестраховки на случай, если не смогу стать футболистом; забавно, что отчасти меня натолкнул на эту мысль отец, часто повторявший, как сложно стать профессиональным игроком. Но я всегда хотел именно этого. Действительно, когда мне предложили остаться в школе, я заколебался, но не слишком сильно. Папа меня убедил: если я не приму молодежный контракт, то никогда не пойму основы игры. Нужно получить базовые футбольные знания – пусть даже для этого и придется очищать чужие бутсы от грязи и мыть полы в раздевалке. Звучит не очень привлекательно, но это необходимость.

Могу признаться: я ни о чем не жалею. Совсем. Многие мои друзья доучились в старшей школе, а потом окончили университет. Сейчас у меня больше жизненного опыта, чем тогда, и я уже не вижу особого смысла в высшем образовании – кроме естественно-научных и технических дисциплин. Обучение медицине и праву, безусловно, совершенно необходимы. Не хочу показаться снобом или осуждать кого-то, но я видел, чем занимались некоторые мои друзья во время учебы, и мне это не нравилось. Они тратили слишком много времени на разную чепуху, экспериментировали с травкой и другими наркотиками. По этой причине я крепко подумаю, стоит ли отправлять своих детей в университет.

Поступая, многие из них не знали, чем хотят заниматься, и не один раз успевали поменять свое мнение. Я понимаю, что высшее образование может принести большую пользу и это огромное преимущество, но, если не посвящать ему всего себя, становится потерей времени. И там можно приобрести вредные привычки. Даже сейчас мы спорим об этом с моим другом Билли Дженкинсом, пять лет отучившимся в Даремском университете. Мы знакомы с пяти лет и всегда были близки – кроме того, он сын бывшего физиотерапевта «Вест Хэма» Роба Дженкинса.

Учебы в школе мне хватило. Она стала хорошим опытом и сделала меня увереннее в себе. Теперь я читаю газеты с первой

страницы, начиная с политики и мировых новостей, а не с последних, где пишут про футбол.

Начиная карьеру, я видел игроков, которые были больше, чем просто архетипичными людьми средних способностей с хорошей зарплатой. Я пришел к мысли, что люди уважают тех, у кого есть яркая индивидуальность, тех, кого нельзя назвать простым футболистом. Важно интересоваться чем-то, кроме футбола, но, к несчастью, жизнь представителей нашей профессии в определенном смысле ограниченна, и мало кто из нас следит за мировыми новостями.

Поэтому получается, что некоторые ребята не выносят тех, кто говорит не так, как они, и остро на них реагируют. Мне нравится отстаивать свою точку зрения в политических дискуссиях, и бывает, что мы с друзьями спорим об актуальных проблемах вроде курса Тони Блэра или вторжения в Ирак до пяти часов утра. Я обожаю эти шуточные перепалки так же, как разговоры о футболе, и не собираюсь ни перед кем оправдываться за то, что у меня есть и другие интересы за пределами игр и тренировок.

Я уверенно себя чувствую, говоря на публике, и хочется думать, делаю это убедительно. Это довольно редкое качество для футболиста. Существует не очень лестное представление о футболистах – особенно молодых – как о людях, неспособных связать между собой двух слов. Этого достаточно в раздевалке, но футбольный мир – неотъемлемая часть общества, и клубам и Футбольной ассоциации стоит взять на себя ответственность за молодых игроков и то, как они себя подают.

Полученное образование дало мне больше возможностей, но мне все еще нужно было работать над собой. Моим родителям не так повезло, как мне, хотя и у папы был свой пример для подражания. Его дедушка играл в футбол в армии, как и его дядя Джордж. Папа занимался футболом с раннего детства и уже в пять играл с девятилетними мальчишками. Это было частью культуры. Там, где он рос, существовало лишь три варианта карьеры: работать на сахарном заводе в доках Сильвертауна, проворачивать не совсем законные операции или профессионально играть в футбол. Других возможностей подняться просто не было, и с юных лет он решил, что станет футболистом. Как и я, он ужасно боялся, что не справится. В пятнадцать он подписал контракт с «Вест Хэмом», а все его друзья пошли работать в док. Он получал 5 фунтов в неделю, как и те, кто тягал мешки.

Упрямство и целеустремленность в отношении к жизни и карьере у меня от отца. Еще играя в молодежке, он отказывал

себе в удовольствиях вроде походов в паб с друзьями, потому что футбол был слишком важен.

Я рос в других условиях, но тоже решил строить футбольную карьеру очень рано. Папа показал мне необходимость делать все методично и отдавать работе всего себя. Многие игроки, отцы которых тоже были профессиональными футболистами, соврут, сказав, что в детстве на них не давили.

На меня давили, и папа этого не отрицает. Я всегда отвечал на его требования, хотя и не всегда так, как он хотел – но у него все равно талант выжимать из меня максимум. С ним бывало очень нелегко.

Он никогда не стеснялся критиковать мои выступления и иногда, как мне кажется, заходил слишком далеко. Он и сам это признает. Иногда, возвращаясь домой после игр, мы устраивали такие сильные перебранки, что ему приходилось везти меня домой, а потом идти в парк и успокаивать свои нервы.

Худшая на моей памяти ссора произошла, когда мне было около четырнадцати. Мы яростно спорили о проигранной игре и моем выступлении. Я не помню подробностей ссоры, но кончилась она тем, что я расплакался. Папа, пытаясь меня успокоить, поехал в Гидиа-парк, и мы погуляли минут двадцать. Он видел, как безутешен я был, и знал, что мама устроит ему выволочку, если я приду домой в таком состоянии. Я глубоко вздохнул, смахнул слезы, и мы пошли домой.

Конечно, утаивать это не имело смысла. Мама почувствовала неладное, когда я побежал в ванную, закрыл дверь и залез под воду. Я не мог себя сдерживать и плакал навзрыд. Спустя полчаса я все еще всхлипывал. Мама всегда хорошо чувствовала, как в таких ситуациях нужно себя со мной вести. Она знала, что была ужасная буча, и мне нужно время, чтобы вывести ее из организма, и только после этого пришла, чтобы поговорить. В конце концов я вышел, и она меня успокоила. Дело было не только в том, что произошло в конкретно взятом матче – в то время меня снедал страх, что я не смогу добиться успеха в футболе.

Хватало уже того, что папа назвал мою игру дерьмовой. Но еще хуже было то, что все мои ошибки мне показал человек, который добился успеха и знал, как это сложно. Мама очень выручала меня в такие минуты, и какой бы огромной ни была роль отца в моей карьере, мамина была ничуть не меньше – ведь это ее поддержка помогала мне подниматься после падений. Она знает, что и когда нужно говорить. Знает, когда меня стоит оставить в покое, чтобы я сам разобрался в своей проблеме, а когда ободрить меня и сказать, что не все потеряно. Я не виню отца за то, что он делал.

Я знаю, что у него были причины: он поступал так ради меня, чтобы помочь мне раскрыть свой потенциал и осуществить свои замыслы в полной мере. Еще мне кажется, что одной из причин, почему он так на меня наседал, было то, что его собственного отца не было рядом, и тот не мог мотивировать его так же. Он погиб в автокатастрофе, столкнувшись с автобусом в километре от дома, когда папе было всего лишь два года. Отца ему заменил его дедушка при поддержке дяди Кена. Папина неуверенность в своей способности добиться успеха развилась из-за того, что он рос без отца. Забавно, что моя неуверенность, напротив, была вызвана его постоянным присутствием.

Мама была противовесом. В ней есть что-то такое, что помогает ей справляться с любыми неприятностями. Она была свидетелем как ненависти болельщиков ко мне, так и моих успехов, но всегда оставалась скромной и спокойной и никогда не изменяла себе. Когда все было плохо, она давала мне столь необходимую поддержку. Бывало, что я проводил плохой матч, и папа был слишком суров ко мне – отчасти из-за твердости характера. Мама находила баланс, подбирая правильные слова. Когда у меня были неудачные периоды в «Вест Хэме», она слышала обо мне много плохого, но никогда не давала мне об этом знать и всегда старалась от этого оградить.

Она – Мама с большой буквы, всегда желавшая меня защитить, и я могу лишь представить, как трудно ей бывало, когда люди вокруг меня поносили, а ей приходилось прикусить язык и молча сохранять достоинство. Я нуждался в этом так же сильно, как и в уроках и нагоняях отца.

Папа довольно толстокож, и это то качество, которое необходимо, чтобы стать профессиональным футболистом. У меня оно тоже имеется, хотя и в меньшей степени – я пошел в маму и бываю довольно чувствителен. Мы с ней научились быть сильнее, особенно когда вместе переживали все, что случалось, когда я был в «Вест Хэме», и это сделало нашу связь даже прочнее.

То, что у меня есть две сестры, которые получали столько же поддержки и тепла, что и я, заставляет меня еще больше поражаться маминым способностям. Мы с Натали и Клэр очень близки. Как и в любой семье, у нас бывали детские ссоры, но, когда мы были подростками, обе старшие сестры очень заботились обо мне. Хотя они и дразнили меня пугалом, когда я начинал укладывать волосы, они все равно помогали мне освоиться в эссекском свете.

Мы родились с разницей в четыре года, которая казалась огромной, когда мне было двенадцать и я ненавидел весь

женский род. Все, чего я хотел – пинать мяч, что очень раздражало двух девушек, превращавшихся в молодых женщин. И они давали мне это понять.

Мы все довольно долго жили в родительском доме, и, хотя мы иногда и действовали друг другу на нервы, мое детство было довольно беззаботным. Мы все делали вместе. Рождество – особый праздник для всех нас, и когда мы принимали моих дедушек и бабушек, было чувство, что все просто идеально. Вернее, это чувство появлялось каждое воскресенье, когда мама собирала всех за столом.

Это было частью ее секрета. Какие бы ни случались ссоры или конфликты и кто бы в них ни участвовал, мама понимала важность семейного общения. Каждый вечер Лэмпарды собирались и ужинали все вместе. Каждый вечер. Бывали исключения, но отговорки не принимались. И все работало.

По мере взросления я стал больше ценить Натали и Клэр. Они всегда относились ко мне с пониманием, даже когда я был доставучим младшим братом. Из-за моего занятия футболом и, пожалуй, того, что я единственный сын, папа всегда уделял мне много внимания. Он отлично обращался и с ними, но возможно, что иногда они чувствовали себя обделенными. Поразительно, но мама и здесь выступала посредником и переговорщиком.

Я счастлив, что они вытерпели меня, и отлично помню момент, когда мое отношение к ним поменялось – мне было пятнадцать. Есть определенный этап, на котором большинство мальчишек наконец-то начинают ценить своих сестер. Когда он наступил, я полюбил их обеих. После этого не было ни минуты, когда я не чувствовал бы их любовь и поддержку. Ни минуты.

Какие бы ни случались ссоры или конфликты и кто бы в них ни участвовал, мама понимала важность семейного общения. Каждый вечер Лэмпарды собирались и ужинали все вместе. Каждый вечер. Бывали исключения, но отговорки не принимались.

Будучи самым младшим в семье, я равнялся на них, уважал их, и мне повезло уже в раннем возрасте понять, как здорово, что они у меня есть. Натали довольно боевая, и ей даже случалось участвовать в перепалках с оскорблявшими меня фанатами «Вест Хэма». Дело не только в них. Она любит футбол и отличается твердостью мнений. Нередки случаи, когда она звонит мне после игр в сборной и спрашивает: «Какого черта Эрикссон тебя снял? Этот и тот были куда д***мовее».

Мы настоящие счастливчики, ведь мы по-прежнему проводим время, собираясь вместе с нашими супругами и детьми, и

атмосфера, в которой мы росли, сохранилась и стала даже лучше. Мама по-прежнему главное действующее лицо в наших жизнях, она уделяет очень много внимания своим внукам.

Конечно, ситуация в семье, где все столь же амбициозны, как мы, может накаляться, но мама всегда нас умиротворяет. Если я провожу не лучший матч, я всегда звоню маме, а не отцу. Он в красках опишет мне ошибки, за которые я уже достаточно себя корю. С мамой не так. Она может даже не заикнуться о футболе, но сам разговор с ней помогает мне вернуться в строй. Дело не в том, что у нее нет своего мнения или моя игра ее не волнует. Я знаю, что, когда я не попадал в состав «Вест Хэма», она давила на Харри. Не напрямую: «Почему мой мальчик не играет?» – ничего такого, она гораздо тоньше. Она просто бросала замечания, что тот или иной полузащитник играли не очень здорово, и Харри, конечно, понимал, к чему она клонит. В этом мама была не одинока. Однажды вечером ее отец – мой дедушка – ужинал в гостях у Харри после матча, в котором я не поучаствовал. Дедушка общался с Харри о футболе, стараясь найти способ подойти к обсуждению моей игры, вернее, ее отсутствия. В конце концов, терпение его покинуло, и он спросил напрямик: «Ну что, Харри, почему наш Фрэнк не играет?» «Потому что я так решил, вот почему. Твой внук не Марадона», – ответил Харри.

Ответ Харри мне очень понравился. Такие истории помогают мне лучше понять эмоции, которые в каждом члене нашей семьи пробуждает футбол. Я не обижаюсь совершенно. Напротив, я горжусь тем, что мы все так страстно любим футбол и не боимся это показать. Глядя на дедушку, я вижу, в кого мама пошла своим остроумием, хотя иногда она, подобно ему, и действует прямолинейно.

Мы сидели за столиком в отеле Royal Lancaster после церемонии, на которой меня признали лучшим игроком года по версии Ассоциации футбольных журналистов, и с ней заговорил один репортер, писавший обо мне гадости в мой первый сезон в «Челси». Он рассказывал, насколько я хорош, и так далее, и тому подобное. Она вежливо его выслушала, кивая в подтверждение его слов. Когда он закончил, она отбрила его одной фразой: «Вы ведь не всегда так говорили, правда?»

Конфликтность совсем не в моей природе. Не в маминой тоже, но когда речь заходит о защите ее детей, она сделает все, что сочтет нужным. У нас с ней была всего лишь одна ссора. Мы были в торговом центре, и я вел себя паршиво, во всем ей переча.

Мы многое наговорили друг другу и 20 минут молчали, пока я не расплакался и не сказал, что больше никогда не хочу с ней ругаться. Так и получилось: мы не ругались даже в худшие

моменты, когда я делал глупости или излишне упрямился.

Когда таблоид News of the World напечатал материал о том, как мы с другими игроками развлекались с девушками на кипрском курорте, мама на меня не кричала. Кричал папа. Он обрушил на меня всю силу своего гнева, но я плохо помню, что именно он говорил, зато отлично помню, как повела себя мама.

Я сидел в ванной у себя в квартире и чувствовал себя ужасно. Мама позвонила и сказала, что футболисты, которые попадают в такие истории, спускают свои карьеры в унитаз и остаются ни с чем. Мама говорила с большим жаром, она не плакала, но по ее голосу чувствовалось, насколько она расстроена. Могу честно сказать, что эта ее реакция повлияла на меня больше, чем что бы то ни было в этом скандале.

Я очень горд, что унаследовал лучшие черты своих родителей.

Внимание! Человечность и чувствительность моей мамы помогли мне стать тем человеком, которым я являюсь, а без отцовских амбиций, трудолюбия и целеустремленности я не стал бы футболистом. Необходимо искать золотую середину.

Я всегда беспокоился, что могу не добиться успеха, и поэтому сейчас я очень рад, видя, чего достиг. На «Аптон Парке» я никогда не избавился бы от ярлыков «сын этого, племянник того». Даже выйти из тени одноклубников бывает сложно, что уж говорить о семье.

Меня всегда сравнивали с моими родными, но сейчас я этого не чувствую. Я вижу, как они мной гордятся – и так же сильно я горжусь ими.

2
Академия футбола

В «Академии футбола» все оказалось не совсем так, как я ожидал. В «Вест Хэме» гордились тем, что клуб воспитал многих футболистов из числа самых сильных и успешных английских игроков. Они упивались богатым прошлым, в котором здесь росли игроки вроде Джона Бонда, Мартина Питерса, Джеффа Херста и, конечно, Бобби Мура. И до сих пор упиваются.

Трое из перечисленных мною игроков играли в основе сборной Англии, одержавшей победу в Кубке мира 1966 года, и их достижения сделали багряно-голубые клубные цвета олицетворением всего лучшего, что есть в футболе.

Папа и дядя Харри играли вместе с Муром под руководством Рона Гринвуда, и я все время слышал истории о лучших днях. Моя бабуля жила в полутора километрах от «Аптон Парка» и ходила на матчи еще до рождения отца. В клубе ее хорошо знают, а болельщики, которых она угощала сладостями, когда те были детьми, очень тепло к ней относятся. Этими детьми были и мы с моими сестрами и кузенами. Когда я стал постарше, уже я иногда угощал ее после игр пирогом и пюре. А временами я забегал к ней, и она готовила мне сэндвичи с большими ломтиками сыра и огурцами. Мы говорили о футболе и делились последними новостями. Она жила в том же районе, где располагался «Вест Хэм», и выросла на нем. То же касается и моей мамы, и тети, и даже их мужей – они вступали не только в брак, но и в футбольный клуб «Вест Хэм».

И в этом нет ничего странного. Когда твое детство проходит в районе, где местную команду боготворят так, как «Вест Хэм» в Ист-Энде, семья и футбол идут по жизни рука об руку, словно муж и жена. Мы с сестрами унаследовали эту верность и стойко ее хранили.

По всему нашему дому были развешены напоминания об исторических событиях прошлого, которые становились ближе для мальчика, появившегося на свет между кубковыми викториями 1975 и 1980 года. Я тысячи раз смотрел на эти фотографии и вновь и вновь просил папу рассказать о том, каково это, играть за нашу команду. Днем я оттачивал свои футбольные навыки, а ночами грезил о том, как однажды пойду по стопам отца и надену футболку «Вест Хэма». В реальности все оказалось не так безоблачно, как в моих мечтах.

Еще раньше с переходом в молодежку клуба связывали

Джейми. Дядя Харри хотел этого, потому что сам он научился основам ремесла именно там, и вообще для нашей семьи это казалось естественным. Как говорится, кровь родная – не водица.

Однако Джейми не был впечатлен тем, что увидел в «Вест Хэме». Главой клубной академии был Эдди Бэйли, и это очень иронично – ведь более олдскульного специалиста днем с огнем не сыскать. Качество тренировок было ниже среднего, а внимания воспитанию талантливых игроков практически не уделялось. Тренерский состав был возрастным, и казалось, что они работают по тем же лекалам, что и во времена Тревора Брукинга, Пола Аллена и моего отца. Все бы ничего, но футбол шагнул далеко вперед в отношении физподготовки, мышечного развития и отработки техники. На дворе был 1994 год.

Эти аспекты очень важны, и архаичность тренировочного процесса могла бы сойти клубу с рук, если бы клуб имел тот же дух, что и тысячи людей, каждую неделю приходивших на стадион. «Вест Хэм» считался семейным клубом. В Ист-Энде главным идеалом всегда считалась забота о близких. К сожалению, начинающие игроки этого не чувствовали.

Джейми всегда был проницателен и быстро понял, что там он не сможет научиться тому, что требуется. Он был очень одаренным футболистом и никогда не боялся работы над собой, но все равно ушел из клуба в академию «Тоттенхэма», а затем подписал с ними контракт новичка. В то время его решение меня удивило. Не уверен, что дядя Харри был поражен, но так или иначе он уважал желания Джейми. Я спросил Джейми, почему он так поступил, и мы немного поговорили. В «Вест Хэме» он почувствовал к себе определенное отношение, о котором я начинал подозревать, когда клуб только предложил мне присоединиться к академии.

Когда бы я ни спрашивал, почему мне стоит присоединиться к ним, а не к другому клубу, то слышал один и тот же заезженный ответ. «Мы всегда обходились воспитанниками. Мы даем шанс игрокам в более раннем возрасте. «Вест Хэм» – Академия футбола».

Меня это не убеждало, да и Джейми пошел по другому пути. Я несколько лет поиграл в юношеских командах «Вест Хэма» и тренировался в клубе. Также я посещал занятия «Тоттенхэма» и «Арсенала», где был гораздо больший упор на работу с мячом, и там я улучшал свою технику. Были и другие не менее важные причины. Большинство 16-летних игроков страдают от приступов неуверенности в своих силах. Их нужно мотивировать, подталкивать, пестовать. Сотрудники «Арсенала» уделяли мне много внимания, среди них был, например, Стив Раули, человек с

опытом, который до сих пор работает главным скаутом. Он заезжал за мной и возил на двусторонки в тренировочный комплекс «Арсенала» в Колни, и я одно время хотел перейти туда только из-за этого отношения. Их подход был не только профессиональным, но и очень личным, и «Арсенал» выделялся именно тем, что там я чувствовал себя желанным.

Были и просто приятные мелочи. После двусторонок Стив часто угощал меня картошкой и сосисками и говорил со мной – о моей игре, о том, что я сделал хорошо и в чем мог стать лучше. После этого он заходил ко мне домой и рассказывал маме и папе о моих успехах. От него исходила забота, и «Арсенал» казался местом, где желают, чтобы ты добился успеха. Изначально он сам меня нашел и проводил со мной много времени. И не только со мной – он был внимателен и к другим ребятам, и поэтому он добился таких результатов в «Арсенале».

Контраст с «Вест Хэмом» был разительным, и я начал задумываться, достаточно ли поддержки я в нем получаю. Я начинал понимать, как классные игроки вроде Тони Адамса и Рэя Парлора оказались в «Арсенале». Они оба были из того же района, что и я. Рэй, как и я, из Ромфорда. Они и их семьи болели за «Вест Хэм», и тот и другой играли за юношеские команды клуба, но ни один там не остался.

Джон Терри, который на пару лет младше меня, прямо жил «Вест Хэмом», как и все его семейство и друзья. Папа отлично помнит, как Джон тренировался и играл, пока тот не ушел в «Челси» в 14-летнем возрасте. Были и другие. Кто-то оставался, кто-то уходил, такова жизнь. Не могу перестать думать о том, что все могло бы быть по-другому, если бы отношение клуба было не таким высокомерным.

В то время менеджером был Билли Бондс, дядя Харри был тренером, а папа – скаутом на полставки. Никто из них не был напрямую связан с молодежкой, и когда пришло время решать, передо мной стояла дилемма.

Я серьезно раздумывал над переходом в «Тоттенхэм». Уровень тренировок был выше, они первыми вышли на меня, и у меня там были знакомства через Джейми, хотя он в конце концов и вернулся в «Борнмут» из-за тоски по дому. Многие талантливые игроки из Ист-Энда ушли к «Шпорам». Кроме того, у них была новая тренировочная база. Могу признаться, соблазн был очень сильным. Да и денег они предлагали больше.

Предложение «Арсенала» тоже было лучше, чем у «Вест Хэма», пусть и ненамного.

Хочу подчеркнуть, что деньги никогда не будут для меня решающим фактором. Я был фанатом команды и поддерживал ее

всю свою жизнь. Папа почувствовал мои сомнения и пригласил Джимми Нейбора, чтобы тот поговорил со мной. Джимми отвечал за подготовку юношей в «Вест Хэме» и в свое время был отличным вингером. Он пришел к нам домой и провел со мной беседу. Тогда я не догадывался, что он сделал это по просьбе отца. Он рассказал, что в клубе знают, каким я пользуюсь спросом, и это неудивительно; что я многообещающий молодой игрок, который имеет шанс однажды стать звездой.

Было приятно услышать эти слова. Хотя их пришлось подождать, лучше поздно, чем никогда, и в данном случае они были как раз вовремя. Только теперь я понимаю, что подписал контракт с «Вест Хэмом», руководствуясь не рассудком и даже не футбольным интеллектом, а эмоциями. Папа сильно повлиял на мое решение. Он подталкивал меня, хотя и пытался позволить мне принять решение самому. В этом плане он забавный.

Он повторял, что это моя жизнь и моя карьера, и мне нужно самому решать, что для меня лучше. А потом, если ему казалось, что я схожу с пути, который он считал правильным, он вмешивался и, например, просил Джимми Нейбора со мной поговорить. Это для него обычное дело. Он упирал на то, что в «Вест Хэме» у меня больше шансов пробиться в основной состав, потому что уровень команды не очень высок, и постоянно апеллировал к моим чувствам, которые тяжелым грузом на меня давили.

По своему молодежному контракту я получал 80 фунтов в неделю, из них 50 фунтов шли маме для оплаты жилья. В то время я только начинал тусоваться и мог спустить все деньги за один вечер. К счастью, мама иногда подкидывала мне деньжат, но их все равно едва хватало. В этом отношении мама – молодец. Соглашение было подписано с условием, что в семнадцать я подпишу профессиональный контракт. Разница была ощутимой.

Мой первый профессиональный контракт с «Вест Хэмом» приносил мне 500 фунтов в неделю, которые через год превратились в 550 фунтов, а через два – в 600 фунтов. Деньги не были для меня важны. Несколько парней, с которыми я играл в юношеских командах, также подписались: Ли Ходжес, Дэнни Шип и еще пара человек. Я был в кругу друзей и чувствовал себя как дома.

К счастью для «Вест Хэма», на смену Билли Бондсу пришли дядя Харри и мой отец, которые видели проблемы с привлечением молодых игроков и полностью изменили политику клуба. Все было организовано должным образом, и появился персональный подход, которого так не хватало. Они оба отлично ладят с людьми и заботливы по натуре.

Сразу после назначения они встретились с Джо Коулом и его семьей, чтобы обсудить его будущее. Джо многими считался самым талантливым игроком своего возраста, и его хотели заполучить все клубы страны. В отличие от меня, Джо не был местным – он из Кэмдена, который не привязан к какому-либо клубу – и Харри с папой знали, что не могут полагаться на его сентиментальность. Они были очень проницательны и убедительны. «Вест Хэм» явно был не самым пленительным вариантом для него, но им удалось произвести на Джо и его семью впечатление. Они знали, каково иметь сыновей-футболистов и как те нуждаются в помощи в принятии ключевого решения.

Опять же, все решали мелочи. Джо пригласили поехать на выездной матч в клубном автобусе. На день его сделали игроком первой команды, чем и покорили. Для клуба это был совсем небольшой жест, но это неважно. Был подан правильный сигнал, и это самое главное.

Они создали позитивный имидж и назначили Тони Карра тренером юношеской команды. Спустя пару лет после заключения контракта стало ясно, что мы с Рио стучимся в двери основного состава. Наконец-то «Вест Хэм» стал по-настоящему соответствовать своим заявлениям – клуб начал заботиться о будущем поколении.

Молодежи давался шанс. Харри с папой вернули «Вест Хэм» к истокам и вновь сделали его семейным клубом. В какой-то момент это было утеряно. Многим из тех, кто считает «Аптон Парк» конвейером по выпуску талантливых футболистов, это покажется странным, но долгое время академия не выпускала никого. Все изменилось с приходом моего отца и Харри. Помимо меня, Рио и Джо Коула, через команду прошли Майкл Каррик, Джермейн Дефо и, чуть позже, Глен Джонсон, создав великолепный коллектив.

Из всех нас самыми талантливыми от природы были Рио и Джо. Рио, правда, имел преимущество, ведь физическое развитие позволяло ему прогрессировать быстрее. Джо пришлось над этим попотеть, и до сих пор он продолжает упорную работу. Каррик, пожалуй, самый техничный из нас, а Дефо – настоящий бомбардир. Мы с Рио обсуждали это, когда были в сборной, и я задумался о том, где в этой классификации я. Я решил, что нахожусь где-то посередине. Я обладал определенным талантом, достойным техническим оснащением и неплохо забивал. Рио согласился, и мое последующее развитие указывает, что дело обстояло именно так. «Вест Хэму» очень повезло с этой россыпью талантливой молодежи, а впоследствии клуб неплохо заработает

на продаже игроков, которые достались им бесплатно. Но это уже совсем другая история.

После подписания контракта моему счастью не было предела. Наконец-то я занимался тем, к чему стремился всю свою жизнь. Футбол всегда заменял мне сон, еду и воду, а теперь мне за него еще и платили – это лучшее чувство из всех возможных. Первый год игры за молодежку – едва ли не самый счастливый период в жизни игрока. Вы всегда в кругу товарищей, а безжалостный мир взрослого футбола вас еще не настиг. Для меня это было чем-то средним между учебой и работой. Мы тренировались с осознанием того, что это как часть нашей работы, так и учебный процесс. Черновой работы хватало, но мне было все равно.

Я ощущал себя футболистом, футболистом «Вест Хэма», хотя этот восторг и чувство исключительности немного ослабли уже по ходу первой предсезонки.

Билли Бондс всегда хорошо обращался с молодыми игроками. Он знал, как кого зовут, как у кого дела, и обменивался с нами шутками. К сожалению, он еще и отлично бегал на длинные дистанции. Больше того, он бегал лучше, чем кто бы то ни было в клубе. В этом он был сильнейшим и всегда стремился это показать.

Первый год игры за молодежку – едва ли не самый счастливый период в жизни игрока. Вы всегда в кругу товарищей, а безжалостный мир взрослого футбола вас еще не настиг.

Все футболисты знают, что изнурительное наматывание мили за милей – самая тяжелая и раздражающая часть предсезонной подготовки, и почти все это ненавидят. Я неплохо бегал в школе и спокойно относился к этому занятию, но знаю парней, которые предпочли бы мыть туалеты «Аптон Парка» в день матча, чем бегать кросс вместе с Билли. Нам приходилось продираться через лесные чащи, взбираться на холмы и спускаться с них, пересекать ручьи. Билли все время задавал темп впереди, иногда возвращаясь к хвосту группы, чтобы «воодушевить» отстающих.

Он был удивителен – настоящий Стив Оветт в шиповках. Я всегда добегал до конца, но потом валился от усталости. Ноги превращались в бетон. В школе было не так. Тогда можно было остановиться, сказать учителю, что ты устал, и все. Но не здесь. Это больше походило на службу в армии, где у тебя нет другого выбора, кроме как бежать дальше. Это продолжалось по две-три недели подряд без остановки. Я быстро понял, что попал в другой мир – мальчиков здесь не было, только мужчины. К этому привыкаешь, но мне все равно казалось, что эти методы немного

устарели.

Клаудио Раньери тоже был не прочь погонять нас, но не так сильно. Лишь при Жозе Моуринью мне пришло в голову, что такое количество бега не является залогом успешной кампании. Как изящно сказал наш тренер по физподготовке Руй Фариа: «Если бы я работал с пианистом, стал бы я до потери пульса гонять его вокруг рояля? Стал бы он от этого лучше играть?» Не знаю, делали ли меня лучшим футболистом эти кроссы, но я сжимал зубы и продолжал бежать. Они придали мне внутренней силы и привили иммунитет к таким упражнениям, и это неоценимо.

Потом мы переходили к спринтам, после чего начиналась работа с мячом, больше походившая на зубрежку. Мы тренировали игру головой и короткие передачи верхом, бег с мячом, пасы и удары. Вот, другое дело, вот чего я так ждал. Нас тренировал Тони Карр, и он отлично со мной обходился. Его отношение ко мне было как раз таким, какое было нужно. Он никогда не показывал, что я его любимчик, а когда я заслуживал взбучки, он ее задавал. Я это ценил. Могла возникнуть неловкая ситуация из-за того, кем были мои папа и дядя, и Тони мне очень помог.

Тони очень строго следил за режимом игроков молодежной команды и требовал, чтобы мы прибывали на базу за час до основного состава. По понедельникам и средам мы бегали полтора километра – 5 кругов вокруг поля. Мы приходили к 8:30 и к 9 часам уже были на поле. Иногда такое утро нас подкашивало. Играли мы только по субботам, а в воскресенье был выходной, и начинать рабочую неделю с бега на такую дистанцию что есть сил было не очень приятно. Но никаких послаблений не было.

После этого мы сразу возвращались в раздевалку и готовили тренировочную форму для основного состава, следя за тем, чтобы бутсы были начищены. Пока игроки переодевались, мы расставляли по полю инвентарь. Все это входило в наш распорядок, а самой худшей его частью был сбор мячей после тренировки – в основном потому, что Джулиан Дикс получал особенное удовольствие, запуливая их как можно дальше. Все, кто видел его в деле, подтвердят – мяч после его ударов летит быстрее пули. Он не сдерживал себя, разбрасывая мячи по всему периметру тренировочного комплекса. Кроме того, у него было замечательное чувство юмора. Когда нам наконец удавалось сложить большую их часть в сумку, он к нам подкрадывался и вновь брался за свое. Если одного мяча не хватало, на его поиски отправлялись целые поисковые бригады.

Мне нравилось выполнять такую работу. По традиции, каждый молодой игрок приписывался к паре профессиональных игроков, бутсы которых нам надлежало чистить до блеска. Мне достались Дикси и Ли Чепмен. Дикси особенно педантично относился к чистоте своей обуви, и, если бы он заметил на ней хоть пятнышко, он запустил бы ей мне в лицо. Главным плюсом этой работы для нас был рождественский бонус, когда игроки с большими контрактами подкидывали нам несколько фунтов за хорошую работу на протяжении года. Еще в начале сезона Дикси отвел меня в сторонку и пообещал, что, если я хорошо справлюсь со своими обязанностями, он обеспечит мне достойную прибавку. Непосредственно перед Рождеством он подозвал меня к себе и дал 100 фунтов. Я был просто шокирован и польщен. Это были огромные деньги, но Дикси действительно щедрый парень, который уважает тех, кто, по его мнению, выполняет работу хорошо.

Но я и подумать не мог, что он заплатит мне так много. Ожидания повысились, как и ставки. Зарплата Ли Чепмена была одной из самых высоких в клубе, и я с такой силой драил, полировал и натирал его бутсы, что кожа на руках начала отслаиваться. Он дал мне двадцатку. Такая уж моя доля, но я не возражал. Да и как мог бы? Эти парни были теми, кем я стремился стать, и я пыхтел от счастья уже от того, что они обращались ко мне по имени. Теперь уже я веду себя с молодыми игроками так же – стараюсь запомнить их по именам и уделять им время. Я и сам был на их месте и не забыл, каково это.

Иногда Дикси обращался со мной грубо, но никогда не делал этого специально. Я не возражал, потому что мне было достаточно хоть какого-то внимания. Дикси ведь был легендой. Сказать, что у него классная левая – все равно что назвать Паоло Мальдини неплохим центральным защитником. Перед началом тренировки все усердно разогревались, растягиваясь и разминаясь перед началом настоящих нагрузок. Только не Дикси. Он выходил на поле с огромной сумкой на плече и становился перед воротами. Пока все остальные делали наклоны, пытаясь достать до пальцев ног, он своими страшными ударами пулял, закручивал и вколачивал мячи в сетку ворот.

У него была репутация крутого жесткого парня, но правда в том, что он скорее нанес бы травму своим ударом, чем в попытке отбора. Он был изумительным игроком, способным опустить мяч на газон и обыгрывать соперника, и настоящей иконой для болельщиков – капитаном и лидером клуба.

Бывало, что он заходил слишком далеко. Что тогда, что сейчас он не стеснялся в выражениях, но с возрастом я стал

понимать, что на самом деле он был довольно чувствительным парнем. В нем было нечто, что выделяло его. Он был большим оригиналом, и мне это нравилось.

Некоторые старшие игроки вели себя со мной особым образом – из-за моего отца и Харри. Я никогда не понимал, действительно ли они хорошо ко мне относятся или нет, но Дикси мог послать меня так же далеко, как и любого другого. Ему было бы плевать, даже если бы мой отец был владельцем клуба, и я уважал его за это.

Уход за обувью был далеко не худшей из наших обязанностей. Нам приходилось убирать в столовой, коридорах, раздевалках и драить пол спортзала, когда все уже расходились по домам. Потом, в самом конце дня, нас оставляли в столовой, пока Тони Карр проверял, что везде убрано как надо. Эта часть была самой нервной. Мы терпеливо ожидали, ведь если бы была найдена хоть одна помарка, мы все были бы вынуждены задерживаться до тех пор, пока она не была исправлена. Когда кто-то не работал должным образом, все это становилось сущим мучением, но смысл был очевиден. Главное – командная работа и взаимовыручка.

Изредка нас заставляли остаться подольше, и чаще всего виноват в этом был Рио. Когда спустя годы Свен Йоран Эрикссон назвал Рио «немного ленивым», он заблуждался. Рио – не «немного ленив», он самая ленивая задница на свете – за пределами поля. Мне встречалось не так много футболистов, которые выкладывались бы на тренировках, во время матчей и в свободное время так же, как Рио. Он всегда был таким. Он всегда отдавал всего себя футболу, но в то же время ненавидел рутину и всегда отлынивал от уборки в спортзале и всего такого прочего.

Иногда он просто сбегал, а иногда начинал ныть о том, какие грязные ему достались бутсы, и о том, какая в душевых грязь. Меня это крайне забавляло. Несмотря на все это, он всегда был рад получить награду за хорошую работу. Это было очень весело, а обаяние Рио не оставляло мне иного выхода, кроме как смеяться над его шутками, выполняя работу за двоих. Мы чувствовали себя беззаботно, и мне это нравилось. В то время нас объединял дух товарищества, которого я не знал ни прежде, ни впоследствии. Оно было основано на восторге, какой чувствуешь в начале большого приключения, и на том, что все мы понимали, что мы занимались тем, чем хотел бы заниматься любой мальчишка.

Мы подначивали и подкалывали друг друга на тренировке и продолжали заниматься тем же, выполняя свою работу. Мы с Рио подружились сразу после того, как он перешел в «Вест Хэм».

Несмотря на то, что он на год младше, его почти сразу приняли в мою команду, и он отлично справлялся.

У нас была любимая игра, D, в которую мы играли два на два – я, Рио, Ходжи и Джо Кит были неразлейвода. Правила были крайне просты – один игрок команды останавливает мяч одним касанием, а второй перебрасывает его на противоположную половину поля в форме буквы D. Было очень весело, и мы рубились не на шутку. Тот факт, что всю игру мог запороть один человек, приводил к тому, что он еще несколько дней оставался объектом насмешек. Мы проводили вместе так много времени, что победы были куда предпочтительней.

В тот первый год лучшим игроком среди нас был Ходжи. Он мог играть как на любой позиции в полузащите, так и центрфорварда. Он был сильным и мощным, звездой, о которой все говорили. Он играл за школьную сборную Англии и на голову превосходил всех вокруг. Кроме того, у него был настоящий инстинкт убийцы, он все время забивал. И как забивал! Ходжи, подобно царю Мидасу, превращал любой пас в гол. Каждый его удар летел в верхний угол, хоть с 30 метров, хоть с лета.

К большому сожалению, его карьера закончилась слишком рано из-за ужасной травмы колена, но мы все еще отличные друзья.

Это были отличные времена, как в плане футбола, так и в плане социализации. Когда нам было 16–17, мы играли по утрам в субботу, а затем ехали на обед в «Макдоналдс». Не лучшее питание для восстановления, но мы просто обожали бургеры и картошку. Стэн, водитель нашего микроавтобуса, отвозил нас туда, дожидаясь, пока мы выйдем с едой, которую мы ели по пути на «Аптон Парк». Дни, когда «Вест Хэм» играл дома и мы приезжали за пару часов до матча, были лучшими.

У нас, молодых игроков, была возможность заглянуть за кулисы – и я обожал впитывать в себя предматчевое оживление, царившее в раздевалке и туннеле. Случалось, что нам было, чем заняться: например, помочь экипировщику или кому-то что-то срочно передать. По мере заполнения трибун и приближения трех часов на арене нарастал особый гул, которым заряжался и я. Глядя на то, как игроки натягивают на себя футболки и выходят на поле, а толпа поет I'm Forever Blowing Bubbles, я начинал грезить наяву, представляя, как сам окажусь одним из 11 счастливчиков и выйду в стартовом составе. Одна мысль об этом вызывала мурашки, а под ложечкой начинало сосать.

Но мне приходилось быстро возвращаться с небес на землю. Когда команда уступала в счете к перерыву, или хуже того, проигрывала матч, нужно было осторожнее выбирать слова. В

такие дни Харри был разъярен, и если он замечал, что кто-то из нас веселится, начинал орать: «Какого хрена ты веселишься?!»

Чаще всего он достигал желаемого эффекта, и мы замолкали. Да, он был в ужасном настроении, но мы были практически детьми. Харри не просто любит футбол, он живет им. Он не умеет проигрывать и не сдерживает эмоций ни перед кем – ни перед основными игроками, ни перед молодежью. Такова его натура – и тогда, и сейчас. Помню, как однажды он зашел в зал, где мы веселились, играя в D. Он был совершенно не в духе и запретил нам играть, а одного из нас отчитал особенно сильно: «Лучше бы ты пошел да потренировал свою чертову игру головой». Мы непроизвольно опустили головы. Иногда он вел себя очень устрашающе, но мы знали, что в этом случае он прав. Игра в D превратилась в прикол. Да, она была полезна для нашей техники, но из-за нее мы уделяли меньше времени навыкам, оттачивать которые не так весело.

Харри великолепно пресекает такие моменты. У него прямо-таки шестое чувство, которое он развил благодаря своему искреннему интересу ко всем сферам устройства клуба. Что даже более важно, он знает всех его работников, включая юношеские команды. О Харри часто говорят, что он горой стоит за игроков, но на самом деле он таков со всеми вокруг. Харри ко всем относится одинаково – к основным игрокам, резервистам, тренерам или работницам прачечной – и дает каждому понять, насколько он важен для успеха клуба.

Когда он на нас обрушился, мы понимали, что причина в том, что он желал нам самого лучшего, в том, что ему было не все равно. Он прекрасным образом умел шутить и веселиться, как если бы был одним из нас. Мы, юные игроки, жаждали его внимания, даже такого – ведь его гнев означал, что он нас заметил.

Нам не было знакомо напряжение игры в первой команде или управления ей. После того, как мы все убрали и успешно избежали встречи с Харри, мы отправлялись домой и наряжались для выхода в свет. Одной из лучших сторон игры в молодежке было то, что мы всегда были вместе. Не существовало никакого разделения на группировки. Нас объединял наш дух, и это была особая связь. Лишь сейчас я понимаю, что это время было одним из счастливейших в моей карьере – не было постоянного давления, с которым мне доведется столкнуться потом.

Рио на год младше меня и соответственно пришел в молодежку на год позже. По этой причине, а также за шутовство и безумные наряды его дразнили. Заслуженно. Не говоря уже о том, что вечером субботы он всегда приезжал последним, поскольку

ему приходилось мотаться в Пэкхем и обратно через весь город.

Естественно испытывать ностальгию по тем или иным временам. У каждого из нас есть воспоминания, возвращающие к жизни определенные чувства и образы. Те субботние вечера были для меня особенными. Да и сейчас ничего не поменялось. Можете представить, каково это, просыпаться с мыслью о том, что днем вы сыграете в форме любимого клуба, затем посмотрите, как играет ваш любимый клуб, а завершится день вечером в компании лучших друзей и симпатичных девчонок?

Я жил как в сказке, настоящей сказке. Мы с нашим голкипером Нилом Финном по прозвищу Финни и Ходжи были заводилами. Мы с Финни по-прежнему близки. Ему так и не удалось пробиться в основной состав, но один матч он сыграл. Ему было 17, и он не был готов ко взрослому футболу. Он поехал на матч с «Ман Сити» в качестве дублера Людо Миклошко. Вечером перед игрой Людо выбыл, и Финни пришлось выйти на поле. В то время стать самым юным футболистом в истории премьер-лиги было большим достижением. Перед матчем я общался с его родителями, и они жутко гордились своим сыном. Я понимал их чувства, но хорошо представлял, как сильно волновался мой друг прямо перед стартовым свистком. Для Финни тот день был невероятным, а я страшно завидовал – а потому до сих пор подначиваю его за то, что «Вест Хэм» проиграл 2:1, а Нил Куинн сделал дубль.

Как ни прискорбно, но в случае со вторым мячом Финни бросился Нилу в ноги, но тот подсек мяч и забросил его в ворота. Вероятно, это единственный приличный гол в карьере Нила, и я не упускаю шанса напомнить об этом Финни. Сейчас он играет в любительской лиге за «Ромфорд» и все еще не растерял ни грамма самоуверенности. Когда я шпыняю его за тот гол, он просто напоминает мне, что он-то хотя бы был в первой команде. Я любил подшучивать над ребятами и сам выступал объектом шуток – в основном, за спиной, что было неизбежно, с учетом того, чьим я был сыном и племянником. Не могу сказать, что я знал это наверняка, скорее чувствовал в общении с некоторыми людьми – небольшие трения, подводные течения. Я никогда не позволял им расстроить меня или затормозить мой прогресс, но в команде были игроки, относившиеся ко мне не так, как ко всем.

Как я на это реагировал? Просто пытался завоевать их уважение, играя так хорошо, как умею. Папа поступал немного по-другому. Если игра получалась плохой, он критиковал меня, чтобы ни у кого не возникло и мысли об особом отношении. Я все понимал.

Все это было мне привычно. Я старался лишь научиться как

можно большему и стать как можно лучшим игроком. Наша молодежка была хорошей, очень хорошей. В первом же сезоне мы победили в чемпионате, а я забил 25 голов, играя в центре поля. Там я чувствовал себя комфортно, я всегда был полузащитником, хотя для молодых игроков естественно менять позиции. Я был исключением и всегда играл в центре. Всегда. Рио, помнится, играл то в нападении, то в защите, а я всегда делал то, что умел лучше всего, и сейчас я чувствую, что это пошло мне на пользу. Но я менялся.

Физически и морально я был все лучше готов к большому футболу. В то время я осознал кое-что важное: я хотел быть чем-то бóльшим, чем обычный игрок, мне было мало отобрать мяч и отдать кому-нибудь другому, чтобы он разобрался, что делать дальше. Я хотел доминировать в центре поля, идти вперед и забивать голы.

Когда я присоединился к молодежке, я почувствовал, что здесь все сложнее, чем было прежде. Физические требования были выше, и мне приходилось ходить в тренажерный зал, чтобы стать сильнее и выносливее и не уступать сверстникам. Папа тем временем вдалбливал мне в голову, что я должен оттачивать базовые навыки полузащитника, а уже потом все остальное. Знаете, что самое лучшее? Он был прав. Возможно, поэтому я чувствую себя комфортно, получая мяч. Уродливая сторона игры в центре – перехват забегающих тебе за спину игроков, блокировки и отборы я натренировал именно тогда, и прошло немало времени, прежде чем я стал тренировать удары и начал забивать. Черная работа, которую выполняют хавбеки, стала фундаментом, на котором выросло все остальное.

Мне было необходимо быть сильным телом и духом. Тренировки молодежки проходили гораздо более нудно и однообразно, чем тренировки основного состава. В дополнение к ним я тренировался самостоятельно. У меня даже были упражнения, которые я изобрел сам. Я проводил много времени, ударяя мячом в стену и пробуя обработать его, и делал то же самое снова и снова, чтобы улучшить свою реакцию. Затем я начинал другое упражнение: позволял мячу пролететь мимо меня и бежал за ним. Затем я начинал снова, на этот раз усложняя задачу. Другие дети забредали в спортзал и занимались тем, что было весело – так же, как и мы, когда играли в D. У нас были возможности заниматься чем-то творческим, а не одной лишь тяжелой работой, но заставить себя делать скучные и трудные упражнения бывало непросто.

«Вест Хэму» удалось привлечь многих молодых игроков из числа сильнейших в стране. Я знал это, поскольку играл со

многими из них. Один из них пришел в 17 лет и не рос со мной, Ходжи и другими. Его звали Мартин Маллинс. Он выступал за сборную Шотландии среди школьников, и «Вест Хэму» удалось выиграть конкуренцию у клубов старой фирмы и нескольких английских команд. Он был довольно крупным парнем, вполне уверенным в себе, осознающим свою крутость. Я слышал, что он хороший игрок, и он достойно выглядел на тренировках. Однажды, когда все уже закончили работу, я принялся тренировать рывки. На улице лил дождь, но я взялся за дело. Влажная трава идеальна для тренировки челночного бега – бега между двумя заданными точками. Благодаря дождю я мог легко идти в подкат, бежать обратно и начинать круг заново – такого вы не узнаете из методичек, меня этому научил папа. Маллинс вышел одетым по погоде и увидел, что я бегаю и катаюсь по траве.

> Когда я присоединился к молодежке, я почувствовал, что здесь все сложнее, чем было прежде. Физические требования были выше, и мне приходилось ходить в тренажерный зал, чтобы стать сильнее и выносливее и не уступать сверстникам.

– Какого черта ты делаешь? – спросил он в недоумении.

Я ни слова ему не сказал, лишь остановился на секунду и продолжил работу. Я испытывал неловкость из-за своих внеурочных тренировок, и хотя верил в их необходимость, слишком стеснялся, чтобы доказывать ее кому-то другому. Маллинс был пижоном, уверенным, что он обладает всем, чтобы добиться успеха. Он просто посмотрел на меня свысока, покачал головой и удалился. Я переживал, но все равно выходил и продолжал работать с мыслями о том, кем хочу стать.

Папа составлял мне основную программу, но постановка новых уровней сложности была моей идеей. Сначала я бегал от штрафной до штрафной 8 раз и поднял их число до десяти. Затем я стал бегать с мячом, ведь это тяжелее. Я повторял те же упражнения, даже перейдя в первую команду. Бывало, что я чувствовал себя неловко – я тренируюсь, и тут на поле выходит Тони Карр с молодежкой, и все смотрят на меня. Но это было совсем не так, как тогда с Маллинсом. Тони просто обращал внимание на то, что мой день закончился, но я продолжаю трудиться. Возможно, они сочли меня сумасшедшим, не знаю. Знаю лишь, что я хотел стать как можно лучше, а для этого нужно было тренироваться больше и интенсивнее. Гораздо проще считать, что успех уже у тебя в кармане, чем выходить и делать то, что должно. Необходимо много работать.

Папа всегда говорил, что для того, чтобы стать футболистом, необходимо усердно и кропотливо трудиться, и потому я не ждал ничего другого. С той поры, как я только пришел в «Вест Хэм», я несколько вырос, я чувствовал это. Те кроссы, которые мы бегали дважды в неделю, поначалу были сущим кошмаром – я старался бежать как можно быстрее и чувствовал себя ужасно. Тони Карр и Фрэнк Берроуз, тренер резервной команды, помогли мне стать сильнее. Я страдал, потому что физически развивался не так быстро, как остальные, и мои ноги не могли за ними поспеть. Игроки вроде Ходжи уже были мужчинами – в душе он хвастался, демонстрируя волосы в разных местах.

Когда мне было 16 лет, я играл в молодежке, а спустя год – то в молодежке, то в резервах. Это было для меня большим шагом вперед. В том сезоне мы стали обладателями Кубка лиги среди резервистов, выиграв двухматчевое противостояние в финале, ставшее примечательным по двум причинам.

Первая – мы играли против «Челси». Вторая – Рио. В первом матче я забил, и мы повели в счете, но затем пропустили четырежды. Между первым и ответным матчами первая команда отправилась в турне в Австралию. После разгрома в первой игре клуб опустил руки, и наверное, нельзя их за это винить. В результате многие старшие резервисты уехали, и в игре на «Стэмфорд Бридж» их заменили игроками молодежки. Все, включая «Челси», были уверены, что ответный матч стал формальностью.

Никто не ждал, что мы сможем вытащить финал, а потому мы играли без всякого давления. Нельзя проиграть то, что уже проиграно, а потому между двумя нападающими тренер поставил высокого нескладного пацана – Рио. И случилось что-то потрясающее – Рио был просто в огне. Он играл как Роналдиньо со всеми его финтами и трюкачеством. Были минуты, когда я просто стоял, открыв рот от изумления. Вся команда сыграла хорошо, но Рио сыграл матч всей жизни. Мы вели в два мяча, а затем в три, прежде чем они забили. Это было совсем не важно. Мы были в ударе, и нас было не остановить.

В основное время мы победили 5:2, после чего шли дополнительное время и серия пенальти. Мы были спокойны и забили все, что могли. Мы победили – кучка парней, которые просто сделали, что могли во имя своего клуба, решившего убрать большинство основных игроков. Я впервые познал вкус триумфа, и он был особенным – еще и по той причине, что был одержан на выезде. Рио находился в экстазе, как и я. Это было особенное чувство, которое можно ощутить, лишь играя в футбол, и мы насладились им в полной мере.

Папа был слегка шокирован, но не удивлен. Он сыграл важную роль в переходе Рио в «Вест Хэм». Рио любит рассказывать, как папа неожиданно пришел к ним в маленькую квартирку в Пэкхеме, где жили они с мамой и братом Энтоном. Отец сразу же впечатлил его. Он водил большой черный «Мерседес», а ребята в том районе никогда не видели таких машин. Он был так же поражен, впервые придя к нам в гости – наш дом показался ему настоящим дворцом. Мы жили безбедно, и я это понимал, но его лицо, когда он зашел и огляделся, надо было видеть – он будто марсианина увидел.

Подписание Рио было огромным успехом для «Вест Хэма», он был очень перспективен. У него были сложности с координацией, как и у всех людей в период роста, например меня. Смотря на него, я поражался тому, какие длинные у него ноги. Он был удивительно высок и быстр, но далеко не так изящен, как сегодня. Он был отличным игроком, без сомнений. На тот момент он играл в середине поля и стеснялся своего телосложения. Я прекрасно знал, каково это, ведь я тоже страдал от скачков роста и того, какие неудобства они могут доставить.

«Я не справлюсь, я не справлюсь», – все время повторял Рио. Он был немного неуклюж, и одно время я беспокоился о том, что это может оказаться правдой. Он преодолел свою неуверенность в себе и твердо встал на ноги, попав в молодежку. И не важно, по какой причине он оказался в нападении в том финале Кубка лиги – решение было гениальным. После этого Рио прогрессировал очень быстро. Его контроль мяча всегда был великолепным, как и умение опускать мяч на землю первым же касанием. Он развивался и дальше, как вдруг Харри сообщил, что хочет, чтобы Рио стал защитником. Мы с Рио в недоумении переглянулись, но делать то, что от нас требовали, нам было не привыкать. Харри считал, что физические данные и умение работать с мячом помогут Рио стать выдающимся, разносторонним центральным защитником. На этой позиции в «Вест Хэме» выступали великие игроки, и когда его ставят в один ряд с недавно покинувшим нас Бобби Муром, я часто вспоминаю момент, когда Рио перешел в оборону.

О Харри говорят много хорошего и много плохого, но он увидел в Рио нечто особенное, его способность принести огромную пользу клубу и стране, и оказался прав. Уже тогда Рио играл на том же уровне, что сейчас за «Манчестер Юнайтед» и сборную Англии. Он всегда умел на дриблинге доставлять мяч вперед, и я не помню за ним неудач, ни в молодежке, ни в первой команде. Да, пару раз он совершал потери, и конечно, получал упреки. Такие уж мы, англичане – критикуем, а не поддерживаем.

Унижаем и говорим, что нужно было вынести мяч как можно дальше. Рио, впрочем, был настроен твердо. Он знал, на что способен, и это не только оборона. Возможно, он стал даже лучшим защитником, уйдя из «Вест Хэма» в «Лидс Юнайтед».

Дэвид О'Лири с уважением относился к искусству игры в обороне и хорошо повлиял на Рио. Возможно, ему было нужно повысить уровень концентрации. К моменту ухода с «Аптон Парк» он считал себя разносторонним, универсальным футболистом, но всем игрокам нужно расти и развиваться. Это было нужно мне, и так же нужно Рио. Мы немного утратили эту близость с тех пор, как он переехал на север, но, встречаясь в сборной, мы как будто возвращаемся в прошлое.

В те годы все считали, что именно Рио станет большим игроком. Я завидовал, желая быть тем, о ком все говорят. Рио уже был отличным футболистом – даже в полузащите. У меня все было по-другому. Рио достался выдающийся футбольный талант, а мне приходилось больше работать над собой. Мы отличались и физически. Я был пухлым и немного этого стеснялся, от этого не уйти. Я хорошо играл ногами и умел забивать, используя мозги и некоторый талант. Но придя в «Вест Хэм», я испытал трудности. Поначалу я был недостаточно мобилен и не успевал перемещаться по всему полю. Я быстро осознал, что на этом уровне сложнее забивать, проникая в штрафную, а со следующим сезоном пришли новые перемены, ведь это был мой второй год в молодежке.

К счастью, природа взялась за дело и выручила меня. Я развивался с опозданием и вырос, когда мне было 16 лет. Я немного вытянулся и соответственно похудел. Я стал сильнее и уже думал, что стал совсем взрослым, но тот сезон показал мне, что мне предстоит долгая дорога. Если быть точным, до Суонси и обратно. Я отлично помню момент, когда Харри сообщил мне, что отправляет меня в аренду. Я лежал, отдыхая после дневной тренировки в родительском доме, как вдруг зазвонил телефон. Мама взяла трубку и позвала меня.

– Слушай, Фрэнк, – сказал Харри, – у тебя появилась возможность уйти в аренду.

– Куда? – спросил я в беспокойстве.

– «Суонси». Знаю-знаю, это второй дивизион, но это пойдет тебе на пользу. Обрастешь там мясом, сынок.

Я был в замешательстве, чувствуя себя отвергнутым. Всю свою жизнь я провел в «Вест Хэме» или рядом с ним, а теперь мне сообщают, что мой шанс остаться в клубе надолго – покинуть его на какое-то время. Я не знал, что мне делать. Мне не хотелось уезжать даже на несколько недель. Что, если все пройдет хорошо?

Вдруг мне придется там задержаться? Мой дом и моя семья всегда были очень важны для меня, и я хотел донести свою точку зрения до Харри. Он бы понял – он же мой дядя, в конце концов.

– Что-то я не уверен, Харри, – ответил я. – Может, будет лучше, если я останусь в клубе, потренируюсь еще, больше времени проведу в зале. Обрасту мясом здесь.

Не знаю, слышал ли он меня. Я паниковал так сильно, что не мог почувствовать его реакцию на мое прошение о помиловании.

– Ты должен быть там завтра, – сказал он резко. – Ты будешь в порядке. Это пойдет тебе на пользу.

Я даже не знал, где этот Суонси находится. Я только получил водительское удостоверение, и мне пришлось достать карту. Я только-только стал чувствовать себя частью основного состава на «Аптон Парк», как вдруг меня посылали в далекий Уэльс.

Папа – хотя и считает, что я игрок куда более высокого класса, чем он – бывал в подобной ситуации, что и я. Ему было восемнадцать, и ныне покойный главный тренер «Вест Хэма» Рон Гринвуд отвел его в сторону и сказал, что он должен перейти в «Торки» на правах аренды. В те времена аренда молодого игрока была чем-то другим – по сути, она равнялась продаже. Папа возразил, хотя это было безумно сложно – он преклонялся перед Роном Гринвудом, уважая его как тренера и человека. Пойти ему наперекор было серьезным шагом. «Вест Хэм» тогда был успешен, а его академия напоминала конвейер, по которому талантливые молодые игроки попадали в постоянно обновляемый основной состав. Но папа знал, чего хочет.

Он сжал зубы и принялся вкалывать еще сильнее. Он оттачивал рывки, пахал как проклятый и прошел через многое на пути к своей мечте – играть в «Вест Хэме», больше нигде.

Одно из его любимых высказываний – то, что часто повторял Рон Гринвуд, когда они с Харри были юношами. Он иногда заглядывал к ним на тренировку и обращался с напутствием: все гениальное – просто. Многие считают, что Гринвуд опередил свое время в плане внимания к тактике и технике, и он нашел в моем папе прилежного ученика. В 17 лет они с Харри вернулись в свою школу, чтобы тренировать команду 14-летних игроков – я занимался тем же, когда играл в «Вест Хэме». Обучение детей помогло мне понять, чему я сам уже научился и как это лучше применять. Возможно, я талантливее его, но он хотел передать мне свое отношение к работе. Это пошло мне на пользу. Я понимаю решение своего отца, вставшего в позу и отказавшегося уходить, но даже он сказал, что я должен ехать.

Я очень страшился отъезда из дома. Я лишь недавно приобрел свой «Форд Фиеста» и волновался во время вождения по

трассе. Футбол тоже меня беспокоил. Мне было лишь семнадцать, и я видел себя атакующим полузащитником. Моя сильная сторона – при отсутствии особенной физики – была в том, чтобы получать мяч и идти вперед. Как я мог играть в тогдашнем втором дивизионе? Я не очень-то и представлял, как играют в футбол в низших лигах. Это не от неуважения, а от незнания, я действительно не представлял. На самом деле я горжусь тем опытом. Он сделал меня сильнее телом и духом, и я благодарен за него. Как выяснилось, со мной не могло произойти ничего лучше. Пожалуй, я уехал мальчиком и вернулся мужчиной.

Мне пришлось вырасти во многих отношениях. Прежде всего меня поселили в отеле, что само по себе было тяжело. Я привык жить дома, получать поддержку своей семьи. Даже обычный обед с родителями и дуракаваляние с Клэр и Натали могли помочь мне расслабиться. И я вынужден был расстаться с друзьями.

Тренировочная база «Суонси» была немного запущенной, и я был шокирован недостатком инфраструктуры, что уж говорить о стиле игры команды, бывшем совсем другим. Они взяли на правах аренды ирландского парня Робби Деннисона из «Вулверхэмптона». Он был прожженным ветераном, и долгие годы игры в не самых привлекательных лигах сделали его несколько циничным. Не знаю, что он думал обо мне поначалу, но оказалось, что он отличный мужик.

Мы были соседями и иногда выпивали вместе. Хотя я и скучал по дому, я постарался выжать из этого времени как можно больше пользы. Я многому научился, играя и тренируясь с парнями, для которых футбол был обычной работой, помогавшей оплачивать счета. Я научился уважать коллег по ремеслу, вне зависимости от их уровня. Все было совсем не так, как в «Вест Хэме», и я всему удивлялся. Приходя утром на тренировку, вы находили всю экипировку сваленной в кучу, и зазевавшись, вы могли остаться без нее – за все приходилось драться. Тренировочное поле находилось в нескольких сотнях метров от базы, и казалось, что на улице всегда лил дождь. Для большинства парней я был своего рода экзотикой, но они все оказались славными, и мы со всеми поладили. Все это было очень олдскульно – перед играми мы тренировались на стадионе, потом тягали тяжести. По сравнению с этим, в «Вест Хэме» нас баловали – наша форма всегда была постирана и аккуратно сложена, и нам оставалось лишь одеться. В «Суонси» каждую неделю выбирали игрока, который брал всю грязную форму и стирал ее дома. Эта честь меня миновала, поскольку я жил в отеле и провел в клубе слишком мало времени, чтобы кто-то заметил, что очередь до меня еще не доходила.

В «Суонси» каждую неделю выбирали игрока, который брал всю грязную форму и стирал ее дома. Эта честь меня миновала, поскольку я жил в отеле и провел в клубе слишком мало времени, чтобы кто-то заметил, что очередь до меня еще не доходила.

В целом я провел там два месяца и сыграл несколько матчей. Я даже забил «Брайтону» на выезде, и мы победили, но у нас не было ни времени, ни места, чтобы праздновать. По выходным я наматывал мили в моей темно-синей «Фиесте», спеша в Ромфорд, слушая танцевальную музыку и думая о том, как там Рио и Ходжи, и зная, что по прибытии получу полный отчет. В «Суонси» были отличные ребята, и ближе к концу моей аренды мы несколько раз выходили гулять. Однажды мы с Робби и парой других парней отдыхали в пабе, и вдруг передо мной вырос огромный валлийский парень. Кажется, он знал, кто я такой. «Почему бы тебе не свалить обратно в Лондон, чертов кокни?» – прорычал он. Я уступал ему в габаритах и не был настроен потерять зубы. Мне не хотелось втягивать в это друзей, и потому я просто сказал: «Нет проблем, я ухожу».

И я ушел. В двух последних играх я остался в запасе, поскольку клуб знал, что я не хочу продлевать арендное соглашение еще на месяц. Приближалось Рождество, и я хотел вернуться домой. Было самое время. Мы выиграли примерно два матча, а на стадион ходило не больше пары тысяч фанатов, наблюдавших, как мы пытаемся спастись от вылета. Но оно того стоило. Рио был со мной согласен – он ездил в аренду в «Борнмут» и вернулся гораздо сильнее, как и я. В «Челси» я вижу нынешних 17-летних игроков и знаю, что они не выдержали бы и пяти минут в тех условиях. Возможно, тогдашний «Вест Хэм» тоже оказался бы им не по зубам, а я выжил в «Суонси» и вернулся более сильным. Но все еще недостаточно.

Мои ноги были слишком худыми, и я понимал, что мне нужно нарастить мускулы. Папа тоже это знал и после тренировки гонял меня от штрафной до штрафной. Как настоящий центральный полузащитник: туда, обратно, туда, обратно. Теперь я лучше понимал, как мне нужно было держаться в условиях матча. Я продолжал развиваться, и в следующем году, пробившись по-настоящему в основной состав, когда мне было восемнадцать, я смог забить 10 мячей благодаря этому умению. Я был другим игроком. Я не участвовал в игре в центре поля так активно, как сегодня, потому что пытался больше времени проводить впереди.

Развить ноги и верхнюю часть туловища мне помогли занятия

с тяжелыми весами. Кроме того, не помешали и убийственные тренировки Пола Хилтона, тренера резервной команды. Он заставлял нас пробегать вокруг поля за минуту на скорости в три четверти от максимальной, после чего бежала другая группа, а затем вновь мы. Мы его за это ненавидели, но на самом деле он был отличным мужиком. Не сказать, чтобы он был очень мил с нами, когда некоторых рвало в конце тренировки, а он стоял над ними и орал. Сейчас я справился бы с заданием легко, и это помогает мне понять, насколько я стал физически сильнее за время моей карьеры. Мне было необходимо достичь этого уровня, прежде чем я мог бы даже задуматься об игре в первой команде.

Теперь я понимаю, чего хотел добиться отец всеми этими тренировками и упражнениями, которые я выполнял год за годом. И чего хотел Харри, отправивший меня в «Суонси». Тогда я не был готов играть за «Вест Хэм» – во всяком случае, физически, а возможно, и морально – и они отлично это видели.

Конечно, я этого не понимал. Не мог понять. У всех молодых игроков присутствует самоуверенность, заставляющая их думать, что они непобедимы. Я не был на 100 процентов уверен, что смогу выступать в основном составе, но все равно в это верил.

Возможно, это было к лучшему, потому что я неожиданно дебютировал, выйдя на замену против «Ковентри Сити» на «Аптон Парке».

Мы с Гордоном Страканом выходили одновременно. Ему тогда было 38, а мне, дебютанту, на 20 лет меньше. Харри чувствовал, как я переживал. Он обнял нас обоих и пошутил о нашей разнице в возрасте. «Полегче с ним!» – сказал он Стракану. Мы оба играли в центре, а потому должны были непосредственно противостоять друг другу.

Стракан находился на закате карьеры, и я не мог не думать о том, сколь многого он достиг. А я был в самом начале моей и готовился к своему первому матчу. Я был взволнован – даже скорее испуган. Я видел, как папа играл за «Вест Хэм», как играл Харри. Я рос, слушая их рассказы о хороших (и не очень) временах. Сейчас они оба были со мной: папа сидел на скамейке и, похоже, переживал не меньше моего, а Харри говорил мне, что хочет увидеть на поле. Как же часто я мечтал об этом моменте в детстве и юношестве. Резервный арбитр поднял табло с номером замененного игрока, я услышал рев толпы и впервые пересек боковую линию.

Фанаты приняли меня здорово, это одно из счастливых воспоминаний. Даже сейчас, оглядываясь назад на свою карьеру – «Вест Хэм», «Челси», сборную Англии и все те успехи, которых я достиг своим трудом, – я вспоминаю этот день с теплотой.

Впрочем, я успел сделать немного – побегал несколько минут, несколько раз коснулся мяча. Приятнее всего были аплодисменты болельщиков и их оживление, когда они услышали, что на поле выходит сын Фрэнка Лэмпарда. Я почувствовал, что приблизился к первой команде, но точно знал, что цель была все еще далека.

Неудивительно, что на следующий матч я также оказался на лавке. Дебют был частью моего развития, еще одной ступенью на пути к успеху. Некоторые футболисты с первой же игры оказывают влияние на происходящее. Например, Уэйн Руни против Турции – но я ведь не Уэйн Руни. Мой дебют стал скорее обрядом посвящения, чем билетом в основу. Я знал, что должно пройти еще какое-то время, прежде чем я смогу пробиться в первую команду.

В следующий раз я принял участие в первом матче против «Стокпорта» в Кубке лиги, игравшемся дома. В день игры кто-то выбыл – кажется, Джон Монкур приболел – и папа позвонил мне со стадиона.

– Фрэнк, дуй сюда. Ты играешь.

Перед его звонком я разогревался в парке через дорогу от дома, просто бегал и растягивался – но все равно запаниковал. Вдруг я перенапрягся, и это помешает мне сыграть хорошо?

Волновался я зря. Я выступил неплохо, но лучше всего этот день мне запомнился тем, как я чувствовал себя с точки зрения физики. Я казался себе мальчиком, игравшим против мужчин. Матч был крайне тяжелым и закончился со счетом 1:1. У меня был шанс забить, и я его упустил. После этого я был подавлен, и, вернувшись домой, чувствовал тошноту.

В тот период фанаты сильно ругали команду. Мы сыграли вничью дома, потом проиграли «Стокпорту» на выезде и переживали голевую засуху. Из-за всего этого давления парни в раздевалке были немного раздражительны. Я был совсем молодым и зеленым и не слишком часто играл после того матча. Всего за сезон я вышел на замену 7 раз, а матч против «Стокпорта» стал единственным, где я вышел в старте.

Следующий сезон наступил быстрее, чем мне того бы хотелось, но после интенсивной предсезонки в Шотландии я чувствовал себя физически сильнее, чем когда-либо прежде. Единственными молодыми игроками, кого позвали, были мы с Рио. Подготовка была очень напряженной, парни вроде Иэна Доуи и Иэна Бишопа не позволили бы никому филонить. Поездка мне очень понравилась, и мне стало еще комфортнее после того, как мы сыграли пару товарищеских матчей.

В первом же туре нам попался сложный матч – на выезде против «Арсенала» – и я вышел в стартовом составе, но был

заменен спустя 70 минут. Для «Вест Хэма» этот выезд был традиционно сложен, впрочем, как и для других команд. Мы проиграли 2:0. Я был разочарован игрой команды и своей. Я очень хотел повлиять на результат, но это был «Хайбери», это был «Арсенал», только-только начинавший обретать свой облик при Арсене Венгере через год после его назначения.

Давление всегда помогает мне выступать хорошо, но сейчас мне нужно было показывать максимум – дело шло к продлению контракта. Именно сейчас доказать, что я способен на многое, было важнее, чем когда-либо. Но я не выходил в основе уже 7 игр, а что хуже всего, подвергался нападкам фанатов. Они были и прежде: уже спустя пару игр после моего дебюта против «Ковентри» до меня стали доноситься оскорбления. Они появились очень быстро, и я не мог понять, почему. Нахождение в запасе не помогало, потому что некоторые видели в этом что-то вроде компромисса. То, что я был сыном Фрэнка Лэмпарда, накладывало на меня особые правила. Если кто-то другой оказывался в запасе, то все было просто – он восстанавливался после травмы, набирал форму или просто мог принести пользу, выйдя со скамейки. Что же касается меня, часть болельщиков была уверена, что я недостаточно хорош для основы, а в запас меня берут в качестве своеобразной услуги. Они напоминали мне об этом всякий раз, когда я разминался.

Конечно, все стихло за время моего отсутствия в составе, но в сезоне 1996/1997 после игры с «Арсеналом» я вышел еще дважды, но не сумел произвести особого впечатления. Я старался, как только мог, но уже к Новому году я ждал следующей предсезонки, разрабатывая план, как стать лучше. Я работал упорнее, чем когда-либо прежде, но к первой игре сезона 1997/1998 против «Барнсли» все еще не был готов. Я знал, что окажусь в запасе. Это было как волнующе, так и огорчительно. Я хотел играть в стартовом составе, но мне нужно было ждать благоприятного случая. Я знал, что для того, чтобы получить шанс выйти на поле, мне нужно было упорно работать и проявить себя в роли подмастерья.

Не знаю, есть ли оправдание нарушению режима. Не я первый, не я последний, но для меня это было впервые. Папа часто повторял, что нельзя выпивать вечером в четверг, если у тебя игра в субботу. Конечно, я так и делал. Финни – вратарь молодежной команды и в лучшем случае третий номер – позвонил мне и пригласил на ужин. Был вечер четверга. Мы пошли и пропустили по паре пива. На пятничной тренировке меня снедало чувство вины, еще более усилившееся после того, как я узнал, что точно попаду в запас. Подготовиться к

предсезонному матчу и так довольно сложно, физически и морально. Я чувствовал себя нормально, но в голове звучал голос, говоривший мне, что я должен быть подавлен, потому что два дня назад погулял. Голосов было два: мой и отца.

Не важно, что матч был товарищеским. Всю свою жизнь я вкалывал, пытаясь стать настолько хорошим футболистом, насколько это возможно. Не часть жизни, *всю жизнь*. Делать было нечего. Я разогрелся, когда получил сигнал тренера, и размышлял, получу ли шанс сыграть.

Дела на поле шли неплохо. Счет был 1:1, и я не был уверен, что меня выпустят, но это, конечно, случилось.

К этому моменту я смог убедить себя, что все будет нормально. Я возвращался мыслями к вечеру четверга, но изменить ничего уже не мог, оставалось лишь играть.

И я сыграл. Выиграл несколько единоборств, а когда получил возможность ударить, ударил что есть сил и увидел, что мяч прилетел в сетку. Я забил, но не знал, что делать дальше. Беспокойство о том, что уже произошло, отняло слишком много времени, чтобы подумать о том, что может произойти во время матча. Я развернулся и заметил Рио. Он был далеко, в своей обычной среде обитания. В центральном круге – мы ведь атаковали. Самое естественное, что я мог придумать – это побежать к нему. Мы ведь друзья, и я хотел разделить с ним этот момент. Но то, что произошло дальше, было абсолютно незапланированно и неожиданно.

Рио ждал меня – хотя я не ожидал, что он оставит зону комфорта – и мы просто начали танцевать. Совершенно спонтанно. Потом я узнал, что люди решили, что мы готовились. Но это было не так. Тем летом мы отдыхали на Кипре, и Рио все время танцевал свой безумный танец, в котором поднимал ногу, как какой-то слабоумный фламинго. Я встал перед ним и повторил это движение. Кстати, он и сейчас иногда так танцует. Даже если бы он закружил меня в вальсе, мне было бы наплевать – я только что впервые забил за клуб.

Потом мы успокоились, и пока мяч возвращался в центр поля, я взглянул на скамейку и увидел улыбку на папином лице. Мне показалось, что в ней было больше гордости, чем веселья от моего празднования, но, пожалуй, они оба там присутствовали. Этот мой взлет, к сожалению, сменился предсказуемым падением.

Следующие несколько игр я смотрел со скамейки запасных и не выходил на поле, пока один из игроков полузащиты не получил травму, что означало, что у меня будет шанс сыграть несколько раз. Я был еще совсем мальчишкой и пытался активно участвовать в происходящем. Бывали случаи, когда меня просто

оттирали от мяча, но я старался, как мог.

Харри продолжал ставить меня в основу, и вскоре я начал забивать. Против «Уолсолла» в Кубке лиги я сделал хет-трик – прекрасное достижение для первого полного сезона. В свои 19 лет я был без ума от счастья.

К концу сезона на моем счету было 10 голов, и я стал твердым игроком стартового состава. Если честно, я думал, что добился своего. Но я ошибался.

Папа устроил встречу с президентом клуба Теренсом Брауном и Харри, чтобы обсудить новый контракт. Президент имел привычку читать фанатские журналы и прислушиваться к мнению наиболее радикально настроенных болельщиков – некоторые из которых относились ко мне не лучшим образом. Я был в курсе их взглядов, но старался не обращать на это внимания, засучить рукава и просто играть. В фанатской среде ходила теория заговора – якобы тренер выпускал меня на поле на последних минутах, чтобы я, его племянник, получал бонус за выступления. Часть болельщиков, прочитавших эти вещи, поверила им и решила, что причина плохих результатов найдена. Началось с того, что несколько местных сочли, что мне все достается слишком легко. Эти взгляды распространяются, как рак – к движению быстро присоединялись новые болельщики. Но если честно, я никогда не мог помыслить, что среди них может оказаться президент клуба.

И вновь я ошибся. Браун упомянул эту ерунду, заявив, что руководство обвиняют в кумовстве. Он попросил Харри объясниться.

– Что за черт? Ты что хочешь сказать? – гневно ответил Харри. – Что я выпускаю игрока, чтобы он получил 500 фунтов? Фрэнк отличный игрок, и мы должны подписать с ним долгосрочный контракт.

Когда мне об этом рассказали, я был разозлен и немного шокирован. Я надрывался ради клуба и делал все возможное, чтобы быть для «Вест Хэма» хорошим игроком. Я был молотобойцем до мозга костей. Я ходил на стадион и поддерживал команду еще ребенком. По этой причине я и подписал с клубом контракт.

Именно тогда у меня впервые появилось подозрение относительно тех, кто управляет клубом, и с тех пор я никогда им не доверял. Я начал подвергать сомнению то, как они видят Харри и папу. Прежде мне казалось, что Браун – неплохой мужик, но не футбольный. Мы звали его мистером Трупаком – в честь популярного тогда персонажа шоу Гарри Энфилда. Браун носил такой же костюм в полоску и хранил столь же серьезное

выражение лица.

> Я надрывался ради клуба и делал все возможное, чтобы быть для «Вест Хэма» хорошим игроком. Я был молотобойцем до мозга костей.

После того как он упомянул кумовство, я стал более чутко относиться к тому, что происходит вокруг. Пару раз, выходя на разогрев, я слышал ворчание фанатов, сидевших вдоль зоны для разминки. Со временем ситуация стала хуже. Она планомерно ухудшалась вот уже два сезона, с момента моего дебюта. Когда тренер говорил мне выйти размяться, из-за скамейки меня освистывали. Но это было не самым худшим местом на «Аптон Парке».

Хуже всего была атмосфера на восточной трибуне, когда-то звавшейся курятником. Я не параноик, но дошло до того, что для меня было испытанием даже находиться в запасе. Мои гордость и стремление преуспеть были все еще сильны, но я не мог сказать Харри о том, что чувствовал. Если над тобой издеваются, когда ты играешь на выезде, это понятно и ожидаемо – совсем другое дело. Но не дома. Я ясно видел, что происходит, это было очевидно. Крики вроде «А ну сядь!» и «Беги к папочке!» были обычным делом.

Некоторые случаи были особенно неприятными. Иногда все было так ужасно, что мне хотелось оказаться на трибуне или вообще подальше отсюда. Во время одной из игр со мной на скамейке сидел Ходжи. Харри скомандовал мне переодеваться – и все началось. Недовольный гул и грубые выкрики, то, что я и ожидал. Ходжи схватил меня за руку. «Друг, тебе нужно уходить, и как можно скорее, – сказал он. – Эта хрень тебе не нужна. Ты этого не заслужил, ты выше этого».

Я не произнес ни слова. Он был прав. Я знал, что он прав, но нельзя просто взять и стереть детские воспоминания о клубе и свою любовь к нему. Я по натуре преданный человек и хотел хорошо играть ради «Вест Хэма», ради папы и Харри, профессиональная честность которых теперь подверглась сомнению. Мне не было обидно за себя – мне было обидно за них. Я думал о всех тех годах, которые они отдали служению клубу. Они добивались успехов, будучи игроками, и теперь работали в поте лица, чтобы вновь вернуть клубу эти успехи. Как и я. Мы оказались в этом положении все вместе, и меня обнадеживал факт, что за меня боролись люди, которым я мог доверить свою жизнь. Я всегда был готов ради них на все, и они это знали.

Я понимал, что они находились в неудобном положении, но они оба сильные и даже могут иногда пугать. Харри пугал меня,

когда я был ребенком. Но я и восторгался им. Футбол не был частью наших с ним отношений, пока мне не исполнилось четырнадцать. Как и большинство детей, я держал дистанцию, пока взрослые общались о чем-то серьезном. Я, приходясь ему племянником, вижу, что с семьей он такой же, как и с другими людьми. Он прямой человек с достаточно крутым нравом. Хотя я и страстно желал узнать побольше о футболе, я боялся произнести при нем хоть слово, чтобы не опозориться, хотя он и был отличным дядей. Поэтому то, что произошло со мной в более позднем возрасте, стало для меня еще тяжелее.

Я не избавился от этого чувства тревоги, даже когда он стал моим тренером в «Вест Хэме». Глубоко внутри я был все тем же маленьким мальчиком, а он оставался дядей Харри. Иногда у нас с ним случались конфликты, как бывает у всех игроков и тренеров, но в нашем случае все осложнялось родственными отношениями.

Бывало, что мне хотелось получить объяснение, почему я не играю. Вместо того чтобы постучать к нему и задать вопрос прямо, как поступил бы любой другой, я топтался под дверью его кабинета. Мне было страшно, и этот страх идет с самого детства, когда в его обществе я становился заторможенным.

У них с папой бывали разногласия. Иногда я выпадал из состава, и папа приводил Харри доводы в мою пользу. Вполне естественно, что папа вел себя по-отцовски, а Харри – как тренер, стремившийся сохранить свой пост.

Я все понимал. Я чувствовал, что Харри испытывает дискомфорт в определенных ситуациях, связанных со мной. Все еще больше усложнилось, когда на меня ополчились болельщики. Сейчас я куда больше сочувствую его положению в тот момент. Он защищал меня, когда я, как ему казалось, нуждался в этом. Он всегда заступался за меня, когда это было необходимо, как в той истории с Теренсом Брауном. Это естественно для нашей семьи. У нас в Ист-Энде принято приглядывать за близкими, и это здорово. Но когда это отношение смешивается с беспощадным профессиональным футболом, все меняется. Тебе приходится вести себя по-другому. Моей семье бывало трудно, хотя они и старались скрыть это от меня.

Люди видели только то, что мои отец и дядя были во главе клуба, и предполагали худшее. Отсюда их гнев и тревога. Им не нравилось уникальное положение вещей, сложившееся в «Вест Хэме». Я был по другую сторону.

Сейчас, общаясь с Джейми после игр, я понимаю, что он принимает мою точку зрения, а не нейтральную. Это точка зрения Лэмпардов и Реднаппов, наша точка зрения.

Всего этого было не избежать, и мы чувствовали беспокойство и стресс. Теперь я вижу, насколько все было сложно – и сейчас наше общение с Харри совсем другое. Теперь мы говорим друг с другом как равные. Это было бы невозможно без моего ухода из «Вест Хэма», и я чувствую, что заслужил его уважение. Иногда, как после присуждения мне звания лучшего игрока 2005 года, он звонил мне, чтобы сказать, какой я молодец, и благодаря этому я понял, что сложности в наших отношениях наконец-то позади. Это большое облегчение – не только для меня, но и для всех нас.

Харри с тетей Сандрой сидели прямо передо мной на гала-ужине премии, и было видно, что во время моего рассказа о том, как сильно они мне помогли, она очень расчувствовалась.

Сандра очень похожа на маму. Она всегда поддерживала Марка и Джейми, а если я был рядом, она уделяла столько же времени и мне. Она всегда была добра и понимала меня – даже когда я помогал Джейми уничтожить ее любимую клетку на заднем дворе – и теперь я понимаю, что пострадали не только мои отношения с Харри.

Я мог общаться с Сандрой так же, как с мамой, и я очень ее уважаю за то, что она всегда объединяла свою семью в лучшие и худшие времена, которые приносит футбольная жизнь. Мне очень жаль, что мы на какое-то время утратили ту дружность. Я вынужденно отдалился от человека, с которым был так близок в детстве. Сейчас мы успокоились и можем чаще говорить друг с другом. Очень грустно, что нам пришлось пережить те годы, потерянные из-за давления в «Вест Хэме».

Моя история отличалась от историй папы и Харри. В годы, когда я рос и формировался как игрок, было сложно иметь такого известного отца. Папа – большая фигура в истории «Вест Хэма», а я шел по его стопам. Еще у меня были дядя и кузен, с которым меня неизбежно сравнивали. Но Джейми был близок мне по возрасту и служил мне ориентиром и раздражителем. Наличие такого крутого двоюродного брата очень мотивировало меня. Я очень радовался его успехам и страстно желал достичь того же уровня.

У этих отношений, как выяснилось, были и минусы – например, меня считали Джейми Реднаппом для бедных. Даже вначале, когда мне нечасто давался шанс сыграть за первую команду, меня уже сравнивали с кузеном – и сравнение было не в мою пользу. С отцом и Харри меня сравнивали только в вестхэмовский период, а с Джейми куда дольше, ведь он был топ-игроком.

Я хотел достичь его уровня и выиграть чемпионат, и это очень на меня давило. От этого давления я не мог избавиться

много лет. Я был далеко не таким уверенным в себе, как Джейми. Окружающим казалось, что Джейми излучал талант, в то время как мне приходилось пахать. И сейчас я часто слышу, что Джейми более способный, а я более старательный. Мне понятна эта мысль, но мне кажется, что от истины она далека. Одаренные люди могут прибить тебя своим талантом, как, например, Роналдиньо, способный заворожить соперника своей игрой.

Но с другой стороны, справедливым ли будет утверждать, что Рой Кин или Джон Терри не обладают талантом только потому, что он не так бросается в глаза? Талант заключается не только в финтах и дриблинге. Да, это удивительный навык, и у кого-то он врожденный, а у кого-то нет. Но есть и другая сторона таланта – то, на что ты готов пойти, чтобы стать лучшим. Для меня оскорбительно, когда люди говорят, что я усердно трудился потому, что не отличался талантом. Мой талант показывает мой нынешний уровень. Он сложился из того, как много я работал, сколькому научился, в скольких матчах сыграл и сколько голов забил.

Мне кажется, что такие обобщения неправильны. Возможно, я согласился бы с ними в прошлом, не осознавая, что представляет собой талант. Кин настолько же технически оснащен и талантлив, как Роналдиньо, и доказал это своими настойчивостью, старанием и сильнейшим желанием добиться успеха. Для этого ведь тоже нужен талант.

Я понимаю, о чем думают люди, которые видят Уэйна Руни, ворвавшегося в большой футбол со скоростью метеора, когда ему было всего шестнадцать. Его талант легко назвать божественным. Я в свои 17 лет не обладал ни достаточной силой, ни необходимой внутренней зрелостью для игры за сборную. Однако нет универсального правила, что каждый должен выходить на максимальные обороты уже в юном возрасте. Это удается очень немногим, особенно в играх за сборную. Талант – то, как ты его реализуешь, и одного труда здесь недостаточно. Чтобы стать профессиональным футболистом, мне нужно было окрепнуть физически. Я это понимал, но некоторые игроки считают, что это необязательно и им достаточно лишь хорошо обращаться с мячом. Мне приходилось играть против классных молодежных команд, полных игроков с классными ногами, способных забивать. Многие из них, так и не понявших, что иметь потенциал стать футболистом и делать все необходимое, чтобы стать им, – далеко не одно и то же. У меня был достойный технический арсенал. Выступая за школьную или клубную команду, я мог обыграть любого, без труда забивая по 20 голов за матч. Но потом по мере развития я обнаружил, что мне тяжело отрабатывать по

всему полю. Я был недостаточно силен, чтобы выгрызать мячи у соперника. Я был пухлым ребенком – мне нужно было работать над скоростью и ловкостью, и я часами пытался стать лучше. Часто я просто ходил в парк и занимался с отцом. Я бегал и оттачивал удары, просто чтобы стать лучше. Эти занятия были очень полезны, приучив меня усердно тренироваться еще с самых ранних лет, хоть и не все из них приносили радость.

Однажды, когда мне было лет четырнадцать, папа навешивал мяч, чтобы я головой или ногой переправил его в пустые ворота. Я даже не мог попасть по мячу. Не знаю, проходил ли я через скачок роста или чувствовал себя плохо, но у меня совсем ничего не выходило, даже элементарные вещи. Мне не хватало координации, и я был так расстроен, что просто убежал с поля. Я не мог мириться с тем, что у меня не выходит, и меня объял страх, что я, возможно, недостаточно хорош, чтобы стать футболистом. Я задумался о будущем, о том, предложат мне в будущем контракт или нет. Домой я вернулся в слезах. Папа спросил меня, почему я сдался, а у меня была паническая атака – я боялся, что не добьюсь успеха. Но уже на следующий день я вернулся, чтобы попробовать снова, и у меня вышло лучше.

Я усвоил, что для того, чтобы оставаться конкурентоспособным, мне будет нужно улучшать определенный аспект моей игры или физической готовности. Я всегда много работал, стараясь преодолевать каждое препятствие на своем пути. Если сейчас у меня не получается, то мне нужно просто больше трудиться. Всю жизнь я следовал этому правилу, и думаю, что многие меня за это уважают. У меня было четкое осознание, что для того, чтобы получить контракт с «Вест Хэмом», пробиться в резерв, пробиться в основу, нужно много работать.

В моей жизни бывали моменты, когда я не был готов к следующему шагу. Чтобы его сделать, мне приходилось поработать еще немного. Возможно, у игроков вроде Руни все идет более гладко, но у меня было не так. В каком-то смысле мне даже повезло, и благодаря этому я еще больше уважаю усилия, которые мы тратим для достижения своих целей. Всем, чего я достиг, я обязан своему труду. Я неплохо играю в футбол и умею забивать, но знаю, что сразу перестану быть собой, если вдруг перестану пахать на тренировках. Если я дам себе поблажку, то не смогу забить так много голов и так же влиять на игру команды.

Проведя невзрачный матч, я задаю себе множество вопросов. Тренируюсь ли я по максимуму? Достаточно ли хорошо я отбирал мяч при игре в квадрат и опекал соперника в двусторонке? Не потерял ли я в скорости? Мне нужны ответы, и я не смогу уснуть, пока их не найду. В других случаях я чувствую, что у меня не

получается игра, и взвинчиваю темп, чтобы держать уровень. Бывает, что этого хватает – я могу забить и стать лучшим игроком матча. Но я все равно знаю, что это говорит о том, что на тренировках я был недостаточно старателен – и тогда я закатываю рукава и начинаю вновь.

Для меня естественно расширять свои границы. Когда я только подписал контракт с «Вест Хэмом», папа на одной из тренировок поставил меня против Мэнни Омойинми, который пытался обыгрывать меня один на один. Мэнни был быстр как ветер и отлично обращался с мячом. Он разрывал меня – просто бежал вперед и оббегал – раз 10 подряд. На одиннадцатый мне удалось коснуться мяча, а на двенадцатый и выбить. К концу тренировки он уже не мог меня пройти. Это был отличный урок и напоминание о том, что у любой проблемы есть решение. Я и сейчас так думаю. Даже сейчас в предсезонных играх пять на пять я могу выглядеть ужасно после нескольких недель отпуска. Кто-то однажды сказал, что я тяжело раскачиваюсь. Мне кажется, что дело не в этом. Я делаю все, чтобы уйти со старта раньше, чем противники. Я работаю над тем, чтобы стать лучше, и понимаю, что мне необходимо давление, чтобы достичь нужного уровня.

Со временем ты учишься лучше понимать, что тебе нужно. Одно из лучших качеств Жозе Моуринью – то, что он уважает своих лидеров и осознает, что тем виднее, что им нужно. Клаудио Раньери постоянно говорил мне, что нужно делать то-то и то-то, даже если я чувствовал противоположное. У Клаудио были интересные представления об отработке ударов. Он любил повторять, что вместо того, чтобы нанести 100 ударов, достаточно просто закрыть глаза и представить, как мяч залетает в ворота. Я понимаю, что это довольно популярная среди спортивных психологов методика. Но у разных игроков разные потребности. Я предпочитаю потратить полчаса на удары по воротам, чем думать о том, как буду это делать. Делать то, что должно – вот мое представление о позитивном мышлении. Так было всегда. Моуринью строг с молодыми игроками, потому что они должны учиться, но прислушивается к опытным футболистам, и до встречи с ним я никогда с подобным не сталкивался.

Работать с папой и Харри было все сложнее и сложнее. Моя жизнь становилась все тяжелее. Игра под началом отца и дяди – нечастый случай для английского футбола. В таком положении были свои плюсы и минусы, каждый из которых в свой вестхэмовский период я ощутил сполна. С другой стороны, мне уделялось больше внимания на тренировках, и моему развитию эта близость однозначно пошла на пользу. Папа и Харри замечали все сильные и слабые стороны моей игры, и я никогда не

испытывал недостатка в полезных советах от важных для меня людей.

Я был еще очень молод, и проблемы вне поля были мне нужны как собаке пятая нога. К сожалению, мне не хватало смелости и опыта, чтобы справляться с теми или иными неприятностями, и мне приходилось рассчитывать на других. Хуже всего мне пришлось, когда я пошел на встречу с фанатами. Я сидел на сцене вместе с Иэном Доуи, Марком Рипером, Питером Стори и Харри. Никого из пришедших я не интересовал. Я был просто заурядным молодым игроком, сидевшим с краю, и, как водится, основная масса болельщиков задавала вопросы о стоимости абонементов и спрашивала основных игроков об игре команды. Честно говоря, я даже не очень понимал, зачем пришел. Фанаты были настроены довольно решительно, но мне казалось, что никто меня и не замечал. Вдруг один парень встал и обратился напрямую к Харри.

– Фрэнк Лэмпард недостаточно хорош для «Вест Хэма», – объявил он.

«Ну вот, начинается», – подумал я.

– Почему вы ставите его в состав? Потому что он ваш племянник?

Я сидел и думал: «Какого черта?» Этот мужик, пусть даже и вел себя неподобающе, имел право на собственное мнение. Меня взбесило другое – то, что ни один другой болельщик ничего ему не возразил. Я понимал, что их мнение обо мне было не особенно высоким, но я все-таки был молотобойцем и в глубине души верил, что мы со всеми болельщиками в одной лодке. Разве я не заслуживал большего доверия, чем у этого фаната? Я был всего лишь мальчишкой, но было уже решено, что я недостаточно хорош. Что самое забавное, парень, задавший тот вопрос, оказался дядей другого игрока молодежки, который был старше меня, но не получал шанса в первой команде. Конечно же, это была не моя вина, но мое происхождение вновь показалось кому-то проблемой. Я был подавлен. Моей и без того слабой уверенности в себе был нанесен сокрушительный удар. Я промолчал, а Харри ответил спокойным тоном:

– Фрэнк – один из всего лишь четырех молодых игроков, которых Терри Венейблс вызвал в сборную перед Евро-96, – начал он. – Терри сказал тогда, что Фрэнк – большой талант и однажды станет капитаном сборной. «Вест Хэму» повезло иметь игрока его способностей, и не важно, из какой он семьи. Он отличный молодой футболист и станет еще лучше. Просто нужно немного подождать.

Я оценил его поддержку. Мне был понятен его ход – показать,

что не только они с моим папой видят, как я хорош. После мероприятия они сказали мне, что могут исключить этого мужика из фан-клуба, но я больше никогда его не видел.

Но я хотел бы сейчас на него посмотреть. Каким же трусом надо быть, чтобы наехать на мальчишку перед тремя сотнями людей. Именно тогда я понял, что с «Вест Хэмом» мне не по пути. Ходжи был прав – я должен был уйти.

3
Прекрасные мгновения

Покинув родительский дом, я обнаружил абсолютно иной мир. Я решил, что должен быть более независимым. Я мог позволить себе купить квартиру и, найдя подходящее место, сделал решительный шаг. Это был тот случай, когда я поступал так, как считал нужным, а не так, как хотел. Мне было очень комфортно дома. Мне нравилось, когда меня окружала моя семья. Но некоторые из моих друзей уже жили самостоятельно, и это казалось мне правильным решением. Оно и было правильным. Ну, по крайней мере, я так думал. Я быстро обнаружил, что вместо свободы я обрел больше свободного времени. Я мог делать все, что моей душе угодно – но не был уверен, что именно.

Первое время я делал то, что было мне привычно, и ходил домой к маме с папой. Там я ел и веселился с сестрами. Через несколько недель я даже переселился туда на пару дней, потому что мне было очень одиноко. Мама ничего не сказала. Она отлично понимала, что происходит и что мне нужно перестроиться. Я вернулся в свою квартиру в Вудфорд Грин и решил пригласить своих товарищей. Мне было скучно, и я не знал, почему. Ограничения, которые управляли всей моей жизнью, внезапно перестали существовать. Больше не было вопросов вроде «Куда пошел?», «Чем занят?» и всего такого. Я чувствовал себя немного потерянно без папиных допросов с пристрастием, случавшихся каждый раз, стоило мне открыть дверь.

Многие мои товарищи жили рядом: Сэм, которого мы называем Тел, Билли Дженкинс, Алан (Алекс), Финни, Шумный Майк и Х.К. (Сэм). Хорошие ребята. Большинство из них учились в конкурирующей школе, но мы познакомились, когда нам было 15 или около того, и с тех пор тесно общались. Я звонил им и приглашал посмотреть футбол в воскресенье. Это было естественно. У меня больше никого не было, я хотел компании, а ребята хотели посмотреть матч. Мне казалось, что это не так плохо. Мы смеялись и подначивали друг друга, и впервые в своей жизни я делал то, что делало большинство людей моего возраста. У меня была жизнь, жизнь за пределами моей работы. Вне футбола.

Вечером мы выбирались в паб и выпивали по паре бокалов. Место было наполнено людьми, выжимающими последнее из кончающихся выходных. Если у нас не было игры в середине

недели, я был выходным и в понедельник. Тогда я чувствовал, что мои выходные все еще в разгаре. Поэтому мы отправлялись в клуб и пили еще по паре пива, болтали с девушками и возвращались очень поздно.

Я никогда не делал так прямо перед игрой. Мне бы хотелось, но я был не так глуп. Это всегда была суббота после игры, воскресенье или, иногда, начало недели. Я думаю, что большинство молодых игроков проходят через это. Не могу сказать, что это полезно, но это необходимо. До вас доходит только тогда, когда вы понимаете, что тренируетесь не так хорошо, как следовало бы. Вы просто не можете тренироваться на привычном уровне, если ваше тело устало и все еще пытается избавиться от похмелья. Я все понимаю и осознаю, что в карьерном плане это было не лучшей идеей, но для меня это было в новинку. Мое детство и юность были не такими же, как у большинства людей.

Многие в 15 лет гуляют со своими приятелями. Они слоняются по торговому центру или местному парку, где-то достают банку пива и экспериментируют с алкоголем. В старшей школе пару раз так проводил время и я, но это случалось редко. Мама и папа были строгими. Они всегда хотели знать, куда я иду, зачем иду, и напоминали, что у меня тренировка. Мне не нужно было это повторять. Некоторые из моих приятелей серьезно относились к социальной жизни, но я уже был на пути к футбольной карьере и ничего другого для себя не хотел. Отчасти именно поэтому покупка собственного жилья дала мне чувство свободы. Никто не мешал мне выходить погулять или пригласить друзей тогда, когда захочу.

Ребята могли делать все, что пожелают. Я же, будучи футболистом, не мог. Однако бывали случаи, когда в воскресенье я пил, чтобы заглушить то, что происходило в игре накануне. Мне становилось легче, особенно в периоды, когда в «Вест Хэме» на меня сыпалось много критики и я совсем падал духом. Я чувствовал себя лучше, когда ко мне приходили ребята, и мы выпивали. Мы говорили о чем угодно, кроме самой игры, и я расслаблялся, избавлялся от стресса. Мне необходимо было через это пройти и осознать, что для этого есть правильное время, а есть совсем неподходящее. Мне все еще иногда хочется выйти и развеяться, и я это делаю. Но это должно происходить в нужное время. Вы должны знать свое тело.

Люди видят, что я сыграл 164 игры подряд и никогда не беру отдых. Как мне это удается? Я хорошо живу, хорошо питаюсь, хорошо отдыхаю, но все равно иногда пропускаю по пиву с парнями после игры или на неделе, когда нет матча. Главное –

это баланс, но иногда для того, чтобы его найти, вам нужно переборщить, и это именно то, что я сделал, уехав из родного дома.

Я пережил то же самое, что и большинство ребят в этом возрасте, но, поскольку я футболист, у меня все было немного по-другому. Меня узнавали. Это было неизбежно, когда мы гуляли с Рио, но мне было приятно. Мы зарабатывали хорошие деньги, и нам оказывали внимание. Мы легко проходили в клубы и могли провести своих приятелей. Это было хорошее чувство. У нас было достаточно денег, чтобы так жить. Мы могли бы гулять каждый вечер, если бы захотели. Я обрел свободу и хотел попробовать что-то новое. Для меня этот опыт был особенным, чем-то, о чем я слышал от друзей, но сам и близко не ощущал. Может быть, я слишком сильно увлекся. Некоторое время я находился в центре всего этого и был там счастлив. Я должен был научиться, и это был единственный способ.

Иногда я перебирал. Как и у всех, несколько лишних бокалов, и ты влипаешь в историю. Однажды ночь с субботы на воскресенье выдалась особенно длинной. Мы победили, и я развлекался как следует. За несколько часов я смог проспаться, но все еще чувствовал себя довольно неважно и решил позвонить своему агенту, Стиву Катнеру.

Я знаю Катнера с 18 лет. Папа имел с ним дело, когда «Вест Хэм» пытался купить Стива Боулда из «Арсенала». Катнер представлял Боулда, заинтересованного в том, чтобы перебраться на «Аптон Парк». Хотя трансфер так и не произошел, что-то в поведении Катнера произвело на отца впечатление. В то время у меня не было агента, и я искал кого-нибудь на эту роль, поэтому мы с папой встретились с Катнером в отеле Swallow неподалеку от Чедвел Хит.

> Мы зарабатывали хорошие деньги, и нам оказывали внимание. Мы легко проходили в клубы и могли провести своих приятелей. Мы могли бы гулять каждый вечер, если бы захотели.

Во время разговора я начал понимать, насколько важно иметь действительно хорошего агента, который бы заботился о вас. Катнер говорил умно. Он не был назойлив и не пытался показать свою значимость. Его компания очень маленькая, и он специализируется на удовлетворении всех потребностей своих клиентов. Многие молодые игроки заключают контракты с агентствами, которые уже обслуживают 200 других парней, потому что находят это впечатляющим. Я также видел, как агенты дают игрокам ужасные советы, потому что больше всего они

хотели помочь себе, а не клиенту. Катнер – не просто лучший в своем деле агент, он еще и очень хороший и верный друг. У нас нет конфликта интересов, потому что мы стали друзьями уже после того, как начали сотрудничать. Некоторые игроки нанимают друзей, а это, как мне кажется, легко может привести к неприятностям. Мне бы не хотелось чувствовать, что я получаю плохие советы от своего друга, не говоря уже о друге, который также занимается моим бизнесом и карьерой. У меня есть разногласия с Катнером, как и у него со мной, но я могу быть абсолютно уверен, что в результате я получаю то, что лучше для меня, и никто из нас не остается ущемлен. Я знаю, что мое место рядом с Катом, это знает и он. При первой встрече некоторые находят его немного странным. Он очень своеобразный, чудно одевается, довольно эксцентричен и часто обезоруживающе прямолинеен. Но тогда я почувствовал, что смогу доверять ему, и это было для меня самым важным.

В то время по воскресеньям он занимался теннисом с Джорджем Грэмом. Джордж был главным тренером «шпор», а я проводил хорошую серию выступлений, и «Тоттенхэм» заинтересовался мной достаточно, чтобы начать переговоры с «Вест Хэмом». Предложение Джорджа недавно превысило 5 миллионов фунтов стерлингов. Я набрал Катнера и начал рассказывать о событиях накануне. Должно быть, я звучал несвязно. И громко. Обычно он кричал на меня в ответ, ругал меня, но в этот раз он был очень тихим. Через пару минут я понял, что он повесил трубку. Меня это не обеспокоило, хотя и должно было.

Через несколько часов Катнер позвонил мне.

– Ты уже протрезвел? – спросил он.

– Да. А что?

– Когда ты мне позвонил, в моей машине сидел Джордж Грэм, а ты был на громкой связи. И то, что главный тренер, только что предложивший за тебя более пяти миллионов, услышал это все – очень плохо.

– Вот черт. Он понял, что это я?

– К счастью, я узнал тебя и отключился. С Джорджем все в порядке. Он только спросил: «Стиви, кто это, черт возьми?» Я ответил, что это один из моих товарищей по музыкальному бизнесу, который, видимо, надрался.

Я положил трубку и почувствовал себя плохо. И глупо. Это было обычным делом, но не тем, что я хотел бы допускать регулярно. Быть успешным футболистом означает находиться в нужном месте в нужное время. Я даже еще туда не прибыл. Катнер не стал читать мне нотацию – в этом не было

необходимости. По его голосу я понял, что он не в восторге. Он все еще любит рассказывать эту историю, и я даже слышал, как он рассказал об этом Джорджу. К счастью, Джордж сожалеет, что не получил меня за 5 миллионов, но весь эпизод напоминает мне о том, насколько тонкая грань лежит между успехом и провалом.

Иногда вам приходится учиться на ошибках. Жизнь футболистов подчиняется иному своду правил, чем у остальных людей. У нашей работы есть требования, ограничивающие то, что мы можем и не можем делать, и другие нюансы, о которых следует помнить из-за правил, налагаемых публичностью.

Я всегда очень заботился о своем здоровье и физической форме, но когда я отправился в свой первый отпуск с друзьями, они вылетели у меня из головы. Я отправился в Айя-Напу на Кипр с Джейми, когда мне было 17 лет, и наша компания вела себя довольно разумно, хотя мне и пришлось заверить маму, что с нами не было Стэна Коллимора!

Тогда, в 1996 году, Айя-Напа была идеальным местом для тех, кто был молод и хотел повеселиться. Она меня не разочаровала, и пять лет подряд я ездил туда. Когда я поехал с Джейми, я был совершенно неизвестен. Не было никакого давления со стороны людей, которые подходили бы и просили автографы. Я был всего лишь ребенком и находился в полном восторге от всего происходящего.

В последующие годы я ездил вместе с Телом и Билли. Затем поехали только я и Рио, но в то время мы еще не были звездами. Я играл в молодежке, и, хотя на тот момент мы оба уже дебютировали в «Вест Хэме», мы все еще оставались в тени, и нас никто не беспокоил. Мы определенно не были мишенью для таблоидов – два обычных молодых парня, которые наслаждались отпуском, как и все вокруг.

Мы с Рио, Телом и Билли вернулись через год и провели хорошую неделю, но через несколько дней после возвращения меня шокировало известие о том, что девушка, с которой я там встретился, продала свою историю в газету. Это было так унизительно. Мне было всего 19 лет, я отправился в отпуск и занимался тем, чем занимается каждый парень моего возраста, но это не значит, что мои родители должны были читать об этом за воскресным завтраком.

Меня это потрясло, но я был наивен, и Айя-Напа казалась мне лучшим местом для отдыха, и местом, которое я знал лучше всего. Мне следовало поехать куда-то еще, потому что к тому времени она стала самым популярным направлением для молодых футболистов. Казалось, что в премьер-лиге были организованы продажи путевок – так много знакомых лиц мы

встречали на пляже и на главной площади.

Где бы ни появлялись молодые и талантливые английские игроки, за ними неизбежно следуют писаки из бульварной прессы. Парни веселятся и выпивают по паре пива на вечеринке, где девушки занимаются тем же самым. Теперь я понимаю, что это была обычная медовая ловушка и укус был лишь вопросом времени.

К нашей следующей поездке в 2000 году я уже был начеку и в начале недели нервничал, когда в барах к нам подходили люди, узнававшие нас. Но, конечно же, после пары бокалов я успокоился, расслабился и поддался праздничному настроению. Однажды вечером я отдыхал с несколькими приятелями и еще одним парнем, который был знакомым наших знакомых.

Мы познакомились с несколькими девушками, переместились из бара в клуб, а затем направились в один из наших номеров. Мы веселились и смеялись, опьяненные выпивкой и свободой отдыха. Мы дурачились, сбросив с себя одежду. В тот момент я не очень задумывался о том, что делаю, и, как и большинство людей в подобной ситуации, просто двигался по течению.

Затем я заметил, что парень, которого мы знали не так хорошо, достал видеокамеру и шутливо комментировал происходящее. Ну, в то время это показалось мне забавным. И хотя на следующий день мы все были уставшие и похмельные, к тому времени, как мы вышли на солнце, мы уже подначивали друг друга относительно вчерашней ночи. Не было ни страха, ни беспокойства, что у нее будут последствия, потому что мы не сделали ничего плохого.

Где бы ни появлялись молодые и талантливые английские игроки, за ними неизбежно следуют писаки из бульварной прессы.

Через пару дней мы вернулись домой, а в субботу мы с Телом и еще парой ребят пошли пообедать в паб Punch and Judy в Ковент-Гарден. Когда мы только закончили есть, мне позвонил отец. В его голосе были нотки паники, но из-за шума я не мог понять, что он мне говорил. Я вышел на улицу, и то, что он сказал мне, было последним, что я хотел услышать.

Он рассказал, что газета получила копию видео с той ночи в Айя-Напе и завтра опубликует об этом материал. Папа был рассержен и разочарован.

– Как ты мог быть настолько глуп? – спросил он. И правда, как я мог?

У меня подкосились колени, и меня затошнило. Я был в шоке и не знал, что мне делать с этой информацией. Я позвонил Катсу,

который объяснил, что запись ночи, проведенной нами в Айя-Напе, была куплена News of the World и что мы с Рио и Кироном Дайером, снятые в различных ситуациях, станем героями завтрашней статьи.

Я чувствовал себя очень глупо и униженно. Мне не нужно было спрашивать, насколько плохо все выглядело. Я был в том номере и все знал. Теперь это узнает и вся страна. Это был сущий кошмар. Я попытался подготовиться к позору и стыду за то, что поставил себя и свою семью в такое ужасное положение.

Когда на следующее утро принесли газету, все было еще хуже, чем я ожидал. Они не только подробно описали события и напечатали фотографии, но и морализировали, утверждая, что мы «вели себя неуважительно и унижали достоинство женщин». Это была полная чушь. Никто не сделал ничего такого, чего делать не хотел. Я не совершил ничего противозаконного. Я был одиноким молодым парнем, который стал жертвой чужой жажды наживы и любовью общественности к сексуальным скандалам.

Все было очень предсказуемо. Любой материал о футболистах и их поведении должен был обладать негативным и низменным уклоном. Не следовало рассчитывать на беспристрастное отношение, хотя я нашел их тон немного чрезмерным для газеты с подобным содержанием. К сожалению, я находился не в том положении, чтобы осуждать других.

Остальные СМИ подхватили новость, и в течение недели все говорили обо мне, о футболистах и о крахе приличного общества. Все это казалось мне перебором, но тогда у меня не было права на слово в свою защиту, потому что я присутствовал на пленке и поэтому открыт для обвинения.

Вся эта история была очень липкой и неприятной, и за всю свою жизнь я никогда не чувствовал себя настолько униженным. Мне было дурно от стыда, и я несколько дней испытывал мучительную, выворачивающую нутро тошноту. Папа был прав. Как я мог быть так глуп? Я не хотел, чтобы на меня повесили ярлык безответственного молодого развратника. Я был не таким. Я хотел быть достойным человеком, хотел, чтобы меня воспринимали как молодого игрока с хорошей репутацией и светлым будущим.

Меня воспитывали не таким человеком, про которого могли бы печатать гадости в газетах. Я совершил ошибку в ситуации, в которой мне следовало бы больше задуматься о возможных последствиях. Я был разочарован собой и никогда не чувствовал себя так плохо.

Хуже всего была реакция мамы. Вся эта история казалась самой жуткой из всех, в какую только может попасть сын. Мама

не сердилась, ей просто было очень больно.

– Ты подвел нас, Фрэнк, но прежде всего ты подвел себя, – сказала она. – Это так на тебя не похоже. Ты так себя не ведешь, а молодые футболисты, поступающие подобным образом, смывают карьеру в унитаз.

Я не мог пошевелиться. По моему лицу текли слезы, и даже несмотря на то, что в моей голове проносился миллион мыслей, я не мог заставить себя говорить. Я знал, что она права. Она чувствовала тяжесть стыда за меня. Я сильно подвел ее – ее и моих сестер, моих бабушку и дедушку.

Футбол научил меня, что лучшие уроки – это те, которые вы получили из ошибок, и теперь мне предстояло сделать то же и в жизни. Я не должен был позволить себе оказаться в столь неприятной ситуации, и теперь понимаю, что даже не должен был ездить в Айя-Напу. Нечего и говорить, что больше я туда не возвращался.

Так я впервые смог оценить ущерб, который могут нанести газеты, и то, насколько они беспощадны. Я рад, что сегодня могу говорить об этом, как о делах давно минувших дней, и знать, что я не дам случиться чему-либо подобному вновь. Однако мои неприятности со СМИ на этом не закончились. Хуже того, они вновь подняли свою отвратительную голову сразу после одного из самых печально известных дней в современной истории, 11 сентября 2001 года.

Сообщения о зверстве, учиненном террористами в Нью-Йорке, начали просачиваться, когда мы начинали готовиться к утренней тренировке. У нас не было возможности понять, что именно происходит, и в раздевалке после нашего возвращения повисла напряженная атмосфера ожидания.

Некоторые сотрудники были очень расстроены, и когда я узнал, что произошло, я немедленно покинул Харлингтон и провел остаток дня охваченный ужасом, просматривая новостные каналы и пытаясь осмыслить происходящее. Мне позвонили из клуба, сказав, что наша игра в Кубке УЕФА, запланированная на этой неделе, скорее всего, будет отменена, но я должен тренироваться в обычном режиме.

Когда я направлялся к тренировочному полю, находившемуся рядом с аэропортом Хитроу, мир все еще пребывал в шоке, а дороги были заметно тише. Мрачная атмосфера усугубилась, когда Раньери сказал мне, что мой анализ крови показал низкий уровень железа и что мне дали выходной. Я ненавижу пропускать тренировки, особенно когда мне действительно нужно от чего-то отвлечься, сосредоточившись на чем-то другом.

Я сел в машину, позвонил своему другу Билли и поехал на

восток по трассе M25 к его дому. Мы часок побегали, а когда вернулись, я обнаружил сообщение от Эйдура, в котором говорилось, что в четверг всем дали выходной и некоторые из ребят собирались вместе пообедать.

Мы с Билли встретились с ними в пабе недалеко от базы, но, когда мы добрались туда, Джей Ти, Джоди, Эйдур и Фрэнк Синклер уже заканчивали есть. Мы присели и выпили по паре бокалов, прежде чем отправиться в другой паб. В деревне пабы на каждом шагу, а потому уже скоро мы сели за стол и заказали пива.

В этом месте все было как обычно. Там были и другие люди, которые ели и выпивали, и, несмотря на витавшую в воздухе атмосферу трагизма, все казалось вполне нормальным. Наше настроение все больше поднималось, и с каждым бокалом, вероятно, мы становились все громче. Я очень сомневаюсь, что мы были единственными в стране, кто в этот день искал отдушины, даже если мы сделали неправильный выбор.

Компания стала более шумной, и нам вновь захотелось сменить обстановку, а потому мы ушли. Возможно, на этом нам и следовало остановиться – особенно, когда одного из парней осенило, что за нами может следовать кто-то из прессы. К сожалению, мы перешли черту, за которой разум мог возобладать.

Мы заскочили еще в один бар, а затем решили отправиться в отель Holiday Inn прямо у выезда M4 на Хитроу. Было немногим больше пяти, и мы выпивали уже несколько часов. По телевизору крутили новости канала Sky, и несколько человек сидело рядом, ожидая ответов так же, как и весь остальной мир. Я не думаю, что наше появление было таким уж изящным, но нам удалось найти столик в дальнем углу зала, где мы могли бы продолжить свою шутливую беседу, никому не мешая. Мы заказали еду и напитки и были в веселом расположении духа.

Мы совершили ошибку – глупо было так делать через сутки после того, как многие люди в Америке лишились жизней. Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, насколько нелепо было поставить себя в такое положение. Нам нет оправдания. Поход по барам – плохая идея для известных футболистов в такое сложное время.

Однако я могу честно сказать, что мы не стремились оскорбить американцев, находившихся в этом баре. Мы не кричали на них и не демонстрировали им свои голые задницы. Мы были виноваты только в том, что вели себя громко и немного вульгарно, но мы сидели в сторонке. Конечно, СМИ представили все по-другому.

Через два дня нас вызвали в спортзал на встречу с управляющим директором клуба Колином Хатчинсоном. Журналисты News of the World собирали материалы об этой истории, включая показания «свидетелей», и пришли в клуб. Колин ждал нас вместе с корреспондентом и фотографом из газеты и сказал, что мы оштрафованы на две недели за нарушение правил клуба.

Он также объяснил, что журналисты пришли, чтобы услышать историю с нашей стороны, чтобы у нас была хотя бы возможность защитить себя в печати. Какая чушь. Мы осознавали, что происходившее выглядело не очень хорошо, но надеялись, что по крайней мере что-то из сказанного нами будет напечатано. Что-то действительно было напечатано – все, что нам инкриминировали и что подтверждало рассказ их «очевидцев».

Фотографии были еще лучше. На каждой из них мы выглядели как осужденные преступники – на тренировке в начале недели мне подбили глаз, и синяк был настолько колоритным, что я выглядел особенно виноватым. После выхода статьи предсказуемо поднялась новая волна осуждения футболистов и их позорного поведения.

Я знал это, потому что никто не чувствовал больше стыда, чем я. Словно чтобы подкрепить мои страдания, через несколько дней мне позвонил Свен-Йоран Эрикссон, чтобы сообщить, что не будет рассматривать меня в качестве кандидата на ближайшие отборочные матчи чемпионата мира. Он объяснил, что ФА запретила ему меня приглашать, но он вернет меня после того, как вся шумиха стихнет.

Я был рассержен и расстроен тем, что нанес ущерб своей репутации, а теперь и карьере. Я был очень подавлен, но обещал себе, что в будущем стану лучше и сильнее. Мир смотрел на меня в очень негативном свете, и я был настроен показать всем, каким я был в действительности.

Катнер всегда был рядом, чтобы напомнить мне то, о чем мне нужно было напоминать. Он всегда говорит лишь то, что думает – никакой ерунды, никакой фальши. Все для моей пользы и для блага моей карьеры. За эти годы я усвоил, что для меня лучше, как в футбольном плане, так и в жизни, и в этом мне очень помогли близкие люди. Теперь, я инстинктивно понимаю, удачное ли время для выхода в свет. Одна из причин, по которой я играю так много игр – то, что я знаю, когда и сколько я могу развлекаться. Некоторые игроки пьют до упаду, и я видел, к чему это может привести. Другие совсем не притрагиваются к алкоголю и не едят то, что не должны. Я хорошо питаюсь, но я не одержим едой. Я могу есть, что хочу, не будучи слишком

щепетилен.

Самое главное – найти баланс. Это требует времени, а тогда я еще не знал, где лучше провести черту. С футболом все было не так хорошо, как мне хотелось бы. Сезон 1998/99 был хорош, но не в плане голов. Шесть – не лучший показатель. Предыдущий сезон также прошел хорошо, потому что я смог закрепиться в обойме. Часто говорят, что второй сезон сложнее – тяжелее физически, морально, труднее становиться лучше.

Он вышел не столь захватывающим, как первый. Голы все не приходили, и отчасти из-за этого я чувствовал себя не лучшим образом. Однако дела клуба шли довольно прилично. У нас была очень хорошая команда. Рио, Джон Хартсон, Эяль Беркович и я играли достойно. Я все еще часто слышу, что, если бы «Вест Хэму» удалось сохранить эту команду, тогда, возможно, клуб выиграл бы трофей. Тревор Синклер выглядел отлично, а Майкл Каррик и Джо Коул едва стучались в двери первой команды, но компания вышла странной. Обычно мы располагались в середине таблицы или чуть ниже, а в этом сезоне поднимались все выше и выше. Мы набрали уверенность и стали силой, с которой следовало считаться. Ну, по крайней мере, дома.

В тот период в команде собрался хороший состав, в котором были и крутые парни. Ребята постарше все еще были там: Ломи, Джон Монкур и другие, также появился Нил Раддок, и мы обрели силу, о которой я раньше не подозревал. Была в команде и творческая жилка.

Я не самый большой поклонник Берковича как человека, но он был классным игроком, и мне нравилось с ним играть. Вам просто нужно было отдать мяч ему, а он уже выводил форвардов на ворота. Это он умел делать лучше всего, и в том году был в отличной форме. Паоло Ди Канио указали на дверь в «Шеффилд Уэнсдей», и когда он набрал обороты, мы стали по-настоящему зрелищной командой. Мы заняли пятое место, и это стало огромным достижением для «Вест Хэма». Это был лучший результат с сезона 1985/86 годов, когда клуб стал третьим, задолго до того, как в нем появился кто-то из нас. После этого «Вест Хэм» стал командой-лифтом: вылетел, вернулся, вылетел, вернулся.

Харри заслуживает похвалы. Мы были на грани очередного вылета в чемпионшип, но у него был дар подписывать игроков с изюминкой. Ди Канио, Беркович, Давор Шукер. Немногие обладают таким наметанным глазом, как Харри. И он все еще при нем. Иногда это была аренда игроков, которых больше никто не хотел. Игроков, возможно, выглядевших нетривиальным выбором – или слишком молодых, или казавшихся проблемными. Харри,

однако, умеет раскрывать таланты самых разных игроков.

Хотя и он несколько раз ошибался. На ум приходят Флорин Рэдучою, Илие Думитреску и Паулу Футре, но Харри находился в положении, когда ему приходилось рисковать, а закон средних чисел предполагал, что не каждый новичок окажется блестящим. Проблема конкретно с этими парнями заключалась в том, что они уже сделали себе имя, и их голод и страсть исчезли. Некоторые из них арендовали квартиры в Челси Харбор, притом что база находилась в полутора часах езды, и это неизбежно порождало вопрос, зачем они приехали в Лондон. Мне кажется, что они не очень представляли, на что подписываются, переходя в «Вест Хэм». Нам был свойственен скорее духовитый, чем изящный футбол, а некоторые из наших парней были очень сильны и любили это показывать. Вряд ли база Чедвел Хит была достаточно приятным местом после нескольких лет под солнцем Испании или Португалии.

Желая приструнить Харри, президент, вероятно, попрекал его этими подписаниями, когда тому хотелось пожаловаться, но Харри точно намного чаще оказывался прав. И при этом он не тратил много денег. Славен Билич и Игор Штимац добавили опыта нашей защитной линии, так же, как и Нил Раддок.

Бритва Раддок играл важную роль как на поле, так и за его пределами. Он заведовал нашим совместным времяпровождением и всегда выбирал идеальные места для игры в гольф, затем для обеда, и наконец, для того чтобы выпить. Он также обладал отличным чувством юмора.

Бритва отлично со всеми ладил – будь то старшие ребята, мы с Рио или иностранные парни. С ним всегда было очень весело, даже когда он и не пытался нас смешить. На тренировках мы играли один на один, и он заставлял Джо Коула бежать на него на полном ходу. Нил был не так быстр и просто пятился все дальше и дальше к воротам. Таким образом, Джо подходил так близко к воротам, что мог забить с 5 метров, а все остальные наблюдали за этим, сгибаясь пополам от смеха.

Еще одним опытным новичком был Иан Райт. К моменту перехода в «Вест Хэм» Райт уже отыграл свое, забил много голов и побил все возможные рекорды. Ему нечего было доказывать, и ему не нужно было много тренироваться. Но он все равно это делал, и мне импонировал его профессионализм. Когда я шел на поле, чтобы нанести свои обычные 100 ударов, он подходил ко мне и давал рекомендации по исполнению штрафных и технике удара по мячу. Ему было уже 33 года, и Роджер Кросс навешивал нам с фланга, чтобы мы пробивали по воротам. Я очень уважаю Райти, наблюдение за его игрой и его советы помогли мне стать

опаснее у чужих ворот.

Были и те, чья карьера была омрачена травмой, а Харри сохранял веру в них. Тревор Синклер был одним из них. Тревор всем запомнился как блестящий нападающий «Куинз Парк Рейнджерс», которому не повезло получить серьезную травму. Он перешел к нам и снова набрал форму, но в Харри было и что-то такое, что вселяло в Тревора доверие, и практически сразу он стал ключевым игроком на позиции правого вингера или второго нападающего. Я прекрасно с ним ладил. Он был очень простым и совсем не важничал. Некоторые демонстрировали нежелание сближаться со мной из-за моего отца и Харри. Тревор никогда об этом не беспокоился. Бывало, мы заходили в раздевалку после тренировки, и он говорил: «Скажи своему папе, что он провел дерьмовую сессию, Лэмпс!»

Я обожал эту его черту, это очень освежало. Он и над всеми остальными подшучивал в той же взрывной манере, не задумываясь об их реакции, хотя я редко встречал тех, кто мог сопротивляться его обаянию. Одна из наших командных рождественских вечеринок начиналась в баре в Ромфорде, а закончиться должна была в клубе. По пути в клуб Тревор решил, что мы должны пропустить по рюмочке в другом пабе. У меня не было возражений – хотя мы и были в карнавальных костюмах. Не знаю точно, как мы выглядели, врываясь внутрь, но в пабе стало так тихо, что и муху можно было бы услышать. Тревору было по барабану. Он заказал нам выпить и пригласил посетителей спеть всем вместе.

Уже через двадцать минут в заведении звучал хор под управлением правого вингера «Вест Хэма», одетого в розовый неоновый костюм прямиком из семидесятых, которому позавидовал бы и Хагги Беар из сериала «Старски и Хатч». Мы свалили оттуда, умирая от смеха, и в этом был весь Тревор – заразительный и веселый. «Вест Хэм» нуждался в таких людях, как он, чтобы поднять командный дух. Харри знал это и привел его. А еще он приводил звезд. Самой большой из них был, пожалуй, Паоло Ди Канио, и «Аптон Парк» превратился в негостеприимное место для любой из команд премьер-лиги.

До этого сезона мы мучились на поле. Некоторые игроки, казалось, не отвечали стандартам премьер-лиги. Но в целом у нас было довольно много сильных игроков, а в полузащите хватало бойцов – парней вроде Мартина Аллена или Пола Батлера. Хорошие футболисты, красота игры которых была не самой очевидной. Иэн Бишоп умел управляться с мячом, но команда страдала, как и он сам. Фанаты были нетерпеливы и требовали более прямого стиля игры, который был ему не близок.

В команду пришли Ломас, я, Беркович и Синклер. Ломи выполнял оборонительные функции, я играл боксту-бокса, а Беркович связывал нас вместе. Мы были уверены в себе и нашей схеме. Мы умели играть. Мы даже расстроились, не квалифицировавшись в Кубок УЕФА напрямую и отправившись лишь в Кубок Интертото.

В своем первом сезоне я доказал неправоту многих людей в отношении к себе, а во втором подверг себя сильному давлению, чтобы стать еще лучше. Команда усилилась, но мне приходилось довольно тяжело. Год назад мой прогресс был заметнее. Я уверенно выглядел с мячом и чувствовал себя комфортно. Возможно, это было не так заметно. Нынешний скачок был не столь очевидным, и я задавался вопросом, выглядело ли это со стороны так же плохо, как чувствовалось. В прошлом году мне лучше бежалось вперед, и я больше забивал. Мои ноги были легкими, и часто я просто знал, что сейчас произойдет что-то хорошее.

Теперь все изменилось. Я чувствовал себя тяжелее. Моего оптимизма поубавилось. Мне стало сложнее защищаться, и в этом году я понял, что не всегда могу просто бежать вперед по своему усмотрению. Мне нужно было научиться выбирать время более разумно. Тогда я впервые осознал необходимость ограничить это свойство своей игры ради блага команды, чтобы добиваться побед, а не славы. Удача не сваливалась на меня просто так, и я всегда отлично чувствовал свой прогресс. В том сезоне мне было труднее определить, в каких аспектах я совершенствуюсь, и это меня беспокоило.

Обычно мы побеждали с минимальным счетом, и я почувствовал, что кривая моей обучаемости в этом сезоне стала более пологой. Я играл почти в каждом матче. Я стал настоящим профессионалом. Не было ничего лучше, чем играть. Контраст был разительным, ведь изначально я попал в борющуюся за выживание команду, фанаты которой выражали все больше недовольства Харри. Теперь же я являлся частью хорошей команды, которая здорово играла, и это было потрясающе. Я чувствовал, что тренировки стали полезнее и куда приятнее. Все кусочки пазла сложились. Конечно, в этом был и элемент удачи. Харри купил хороших игроков, но в состав вошли и талантливые молодые игроки из академии, которые были свежи, полны энтузиазма, голодны до побед и страстно желали преуспеть в клубе.

Происходила смена поколений, и я видел ее, ощущал. Я испытываю глубочайшее уважение к парням, которые хорошо служили клубу, когда я был в молодежке – к таким парням, как

Доуи, Дикс и Бишоп, каждый из них был очень хорошим игроком и отличался в высшей степени сильным характером. Но, пожалуй, их время как группы закончилось. Они были очень старомодны и несколько закостенели. Проблема заключалась в том, что футбол двигался вперед, и распитие пива и вина в автобусе после игр казалось уже неприемлемым.

Все они обладали сильным характером, в котором «Вест Хэм» в определенный момент нуждался. Но теперь их время ушло, и для прогресса клуба было необходимо строить новую команду с более молодыми игроками. Харри и папа поняли, что, дав молодежи больше ответственности, они смогут перестать полагаться на более опытных ребят. Кроме того, они совершили несколько умных приобретений.

Одним из них был Игор Штимац. Он был очень умным, и я хорошо с ним ладил. Он подвозил меня на тренировку, и мы много болтали о его карьере. Игор также обладал мужественным характером и многое успел повидать и совершить. Я сразу понял, что мне есть, чему поучиться у него.

Он успел провести 50 матчей за сборную Хорватии, а на клубном уровне много поиграл у себя на родине, в Испании, а также в «Дерби Каунти». Он был смышленым и отлично со всеми общался. У него был необычный талант – он здорово находил общий язык со старшими парнями на задних рядах автобуса, иногда даже выпивая с ними, и так же легко общался с молодежью. Однажды он даже выпивал со мной и моими приятелями в местном баре. Мы развлекались, играя в пул и занимаясь подобными вещами, а он удобно располагался неподалеку с чашкой кофе, болтая с нами. Несмотря на то, что нам было по 19 или 20, а он был на десять лет старше, он разрушал возрастной барьер легко и стильно.

Игор задержался в «Вест Хэме» всего на пару лет, но он был представителем нового поколения. Еще одним его представителем был Шукер. Давор был очень культурным. Ему тоже довелось поиграть за разные команды, в том числе провести несколько лет в мадридском «Реале», и он пришел к нам из гораздо более фешенебельного «Арсенала». Но уже вскоре он стал одним из нас. Монкс называл его Дэйвором на ист-эндовский манер, и ему это очень нравилось. Он был отличным игроком – прирожденным бомбардиром с убийственной левой ногой. Я сразу же привязался к нему. Он был другим, и я знал, что смогу многому у него научиться, как и у Игора. Давор был очень уверен в себе – настолько, насколько возможно. Его карьера выдалась очень успешной, и он уже был богат в то время, как подписал контракт с нами.

Иногда он болтал о том, как лучше инвестировать деньги. Недвижимость. Здесь и в Хорватии. Также он вкладывался в ценные бумаги и акции, в том числе печально известной компании «Прекрасные мгновения». Давор, по всей видимости, разбирался в рынке и имел хороших советников. Джон Монкур был не так хорошо осведомлен, и когда он попросил Давора дать совет, то тот порекомендовал именно «Прекрасные мгновения». Монкса впечатлило то, что Давор скупил акций аж на 500 тысяч. Отлично, решил он, я тоже смогу немного подзаработать. Воодушевленный успехами Давора и его дорогим автомобилем, он вложил 20 тысяч фунтов. В «Вест Хэме» были не самые большие зарплаты, и эта сумма была существенной для Монкса.

Пару месяцев все шло хорошо. Каждое утро, переодеваясь перед тренировкой, Джон спрашивал Давора, как идут дела у «Прекрасных мгновений».

– Замечательно, поднялись на два пенса, – отвечал Давор.

Этот диалог стал совершенно обычным делом в нашей раздевалке до того дня, когда все стало не так замечательно. На самом деле все было очень плохо. Стоимость акций опустилась ниже плинтуса, и пакет стоил гораздо меньше того, что было заплачено.

– «Прекрасные мгновения», – сказал Монкс. – Скорее, блин, ужасные мгновения.

– Мне жаль, Монкс, – ответил Давор.

– Вот же черт, Дэйвор. У тебя-то все нормально, а мне нечем кормить своих детей из-за этих акций.

Давор не был виноват. Он потерял намного больше денег, но никогда не жаловался, в отличие от Монкса, который еще несколько месяцев трещал об «Ужасных мгновениях», смеша всех нас. Атмосфера в раздевалке была чудесной, главным образом из-за целого набора ярких личностей, которых Харри сюда привел.

Еще одним из них был Ди Канио, хотя еще одного Паоло быть не могло в принципе. Он был по-своему очень профессиональным. Я не могу сказать, что соглашался со всем, что он делал. Для него все должно было быть правильным, даже если у всех остальных было по-другому. Например, меня очень раздражало, когда, получив травму, он возвращался в Италию на двухнедельную реабилитацию. Но не было никаких сомнений в том, что он делал то, что считал отвечающим интересам команды. Бывало, что мы тренировались в Чедвел Хит в ужасную холодрыгу и под проливным дождем, и всем было очень интересно, где же Паоло. И он частенько возвращался в четверг, заявляя, что готов играть в субботу.

Он следил за собой, но был слишком эгоистичен, чтобы быть

настоящим профессионалом. Мысль о том, что он просто поехал отдохнуть на пляже, была привлекательной, но я знаю Паоло и знаю, что, куда бы он ни ездил, он хотел лишь поскорее восстановиться и вернуться в игру. Даже когда он был с нами, его тренировки проходили по-другому. Он говорил, что хочет заняться чем-то особенным с тренером по физподготовке, и пока все остальные бегали до потери пульса под руководством Харри, Паоло находился где-то в уголке, расслабленно выполняя какие-то ерундовые упражнения. Но он был настолько особенным игроком, что ему это сходило с рук. Он знал это, мы тоже знали и принимали это. Нам были нужны такие игроки, как он и Игор, чтобы расти – подняться из зоны вылета и начать выигрывать, желая достичь большего. Со временем я стал гораздо лучше чувствовать эту перемену в ментальности.

В «Челси» под руководством Моуринью мы привыкли побеждать в каждом матче. Мы выходим на поле, ожидая, что не проиграем. Многие годы я ощущал эти внутренние изменения, и теперь вижу, что именно это произошло с «Вест Хэмом» в том сезоне. Они были не такими масштабными, но сейчас я понимаю, что это были они.

Я провел в клубе долгое время, всю свою жизнь, но никогда не видел в команде столько классных футболистов: Паоло впереди, Тревор Синклер на фланге, Джо Коул рядом со мной, а Рио и Игор за моей спиной. Были игроки, которые изменились вместе со мной. Стив Ломас и Джон Монкур были игроками старой закалки, теми, на кого можно было положиться в битве, и особенно в битве за выживание. Джон, помимо прочего, отлично ладил с молодыми парнями. Он поддерживал нас, и мне кажется, что в нашем лице он видел новую эру в истории «Вест Хэма». Я глубоко уважаю всех тех парней, которые играли в клубе в девяностые годы. Я смотрел на них с трибун и на тренировках, а затем стал и полноправным членом команды.

Повзрослев, я начал понимать, что хочу большего, чем единичные победы над большими клубами или неплохие кубковые кампании. Я был не одинок – Рио тоже был амбициозен, как и Джо. Не могу сказать, что мы были циничными. В начале карьеры вы всегда смотрите вверх, а не вниз, и, вероятно, именно поэтому нам было намного комфортнее с новым, растущим «Вест Хэмом». Клуб несколько заржавел. Каждый сезон начинался с ожидания борьбы за выживание. Мы были совсем другими. Мы стремились достичь большего, и признаться, вероятно, уже вынашивали мысль о том, что в конечном итоге нам придется покинуть «Аптон Парк». Мы это обсуждали, и это естественный процесс для молодых игроков в таком клубе, как «Вест Хэм».

Преданность в футболе изменилась с шестидесятых и семидесятых годов, когда было естественным провести всю карьеру в одном клубе.

Взгляните на Мэтта Ле Тиссье. У него были свои причины, и он заслуживает уважения за то, что провел всю свою карьеру в «Саутгемптоне». Однако многие задаются вопросом, почему он не перешел в более сильный клуб и не выступал на более серьезном уровне, ведь он, безусловно, обладал достаточным для того талантом. Возможно, сейчас и он сам задает себе тот же вопрос. Я всегда полагал, что величайшая сила человека в том, чтобы сделать все возможное для реализации своего потенциала и подобраться как можно ближе к вершине. Именно поэтому мы с Рио находимся там, где находимся. Это не высокомерие, не тщеславие. Скорее, это внутренняя решимость добиться успеха. Мне доводилось видеть и слышать, как некоторые иностранные игроки объявляют себя лучшими в матче, лиге – даже в мире. Даже когда они говорят, что непременно выиграют ту или иную игру, я съеживаюсь.

> Не могу сказать, что мы были циничными. В начале карьеры вы всегда смотрите вверх, а не вниз, и, вероятно, именно поэтому нам было намного комфортнее с новым, растущим «Вест Хэмом».

Даже если бы я думал таким образом, я ни за что не сказал бы об этом публично. Иностранные игроки легко относятся к тому, что в нашей культуре не допускается. Короновать или как-то возвысить себя – не по-английски. Мы, англичане, считаем такое поведение высокомерным.

Тем не менее оно нас интригует. Когда Мухаммед Али пел сам себе дифирамбы, я думаю, что мы все смотрели на него с неохотным восхищением и симпатией. Он делал это с улыбкой, а не с насмешкой. Однако в общем и целом мы склонны порицать такое поведение. Думаю, что еще одним хорошим примером из мира бокса послужил бы Крис Юбенк с его обычной напыщенностью. Мне кажется, что нынешнее поколение английских игроков находится посередине между двумя крайностями. Если раньше было принято не превозносить себя, вести себя скромно и все время пахать, то сейчас все по-другому. Впрочем, до некоторых иностранных игроков, которые цены себе не сложат, нам еще далеко.

Я осознал, что быть амбициозным вполне нормально – почему мне не стоит говорить, что я хороший игрок, но хочу стать еще лучше? Однако всему есть время и место. Я могу сказать, что хочу расти, играть в сильной команде и выигрывать трофеи, но

проблема была в том, что меня могли неправильно понять. Когда я говорю, что я амбициозен и хочу добраться до вершины, люди слышат: «Фрэнк Лэмпард хочет покинуть «Вест Хэм». Из-за этого возникают проблемы. Звучат обвинения в предательстве, ведь я был фанатом всю свою жизнь. Мне не разрешается хотеть большего – большего, чем мог предложить тогдашний клуб.

Мое футбольное образование в «Вест Хэме» все еще продолжалось. После того как мы стали пятыми, вокруг клуба поднялась шумиха, и, хотя мы упустили шанс напрямую попасть в Кубок УЕФА, клуб получил право поучаствовать в Кубке Интертото и квалифицироваться через него. Именно тогда я ощутил вкус международного футбола! Была какая-то ирония в том, что в первом раунде нам досталась команда под названием «Йокерит». Первый европейский поход «Вест Хэма» почти что за двадцать лет, и мы едем в Финляндию. Просто превосходно.

Стадион «Тёёлё» был довольно маленьким и заурядным, но это не имело значения для наших фанатов. Около двух тысяч из них решили, что это серьезное событие, и я едва мог поверить своим глазам, выйдя на разминку. Они приехали с флагами, баннерами и полными воздуха легкими и пели, как будто это был финал Лиги чемпионов. Это было особенное зрелище, вновь пробудившее чувство глубокой гордости, все еще горевшее во мне. Несмотря ни на что, «Вест Хэм» был моим клубом, а люди на стадионе – моими людьми. Лучше всего было то, что я забил со штрафного, принеся команде ничью 1:1, и мы прошли дальше, обыграв соперника с минимальным счетом дома.

Даже несмотря на то что противник был слабым, а мы еще не пробудились от спячки, я ощутил, что футбол в Европе отличается от внутрианглийского. Он был более техничным, более выжидательным. На этом уровне это было труднее осознать, и лишь годы в «Челси» помогли мне научиться. Тем не менее это был очень приятный момент. Еще до старта премьер-лиги мы сыграли во втором раунде Кубка Интертото против голландского клуба «Херенвен». В первом, домашнем матче я забил еще один гол, который я считаю лучшим за свой период в «Вест Хэме». Я все еще прокручиваю его у себя в голове. 23 метра. Бум. От штанги прямо в сетку. Я побежал к фанатам, они сходили с ума. Это был еврокубок, мы побеждали, я забил – настоящее чудо. Они были сильнее, чем «Йокерит», но мы смогли их победить. Выездной матч принес нам еще одну минимальную победу, и, хотя это был лишь небольшой шаг на пути к олимпу европейского футбола, для такого клуба, как «Вест Хэм», ощущения были сродни выигрышу в лотерею.

Клуб нуждался в деньгах. Игроки хотели получить опыт, а

фанаты – попутешествовать. Все были счастливы. Я забил свой третий гол сезона уже в 1-м туре премьер-лиги, и мы вновь победили «Шпор» со счетом 1:0. Мы начинали напоминать прежний «Арсенал».

Мы были стабильны в результатах и сыграли с тем же счетом в финале Кубка Интертото против французского клуба «Мец». К сожалению, результат был не в нашу пользу, да еще и на «Аптон Парке». И я не забил пенальти. Это был мой первый промах с пенальти на высшем уровне. Я очень расстроился, хотя и не сразу. В такой момент нужно просто отстраниться и продолжать играть. Трибуны не слишком меня критиковали. Болельщики уже с нетерпением ждали ответного матча, и, по крайней мере, у нас еще оставались шансы. В туннель я уходил, переживая о незабитом пенальти и чувствуя себя несчастным.

Подобный результат в матче еврокубка казался ужасным. Я отчаянно желал пробиться в Кубок УЕФА и ощутить вкус настоящей борьбы. Мы хорошо сыграли в остальных матчах, и я был уверен, что мы справимся. Если бы я только ударил по-другому, получше, просто забил бы этот чертов мяч в сетку. Ответный матч был лишь через две недели. Я не знаю, кто ждал его больше – игроки или фанаты. Мы все еще были непобедимы, сыграв вничью с «Астон Виллой» на выезде и победив «Лестер» дома. В раздевалке царила уверенность, что мы сможем поехать во Францию и добиться нужного результата.

Фанаты ощущали то же самое. По крайней мере, это чувство разделяли те, кто отправился в Мец почти сразу после игры с «Лестером». Они сотнями забивались в автобусы с упакованными обедами, ужинами и несколькими банками пива. Возможно, «Вест Хэм» так давно не играл в Европе, что наши фанаты не знали, что уже появились новые способы попасть на игру – самолеты, поезда и все такое. Но «молотобойцам» это было не нужно. Они были консерваторами во всем. Сам я этого не видел, но бабуля рассказала мне, что это выглядело, как будто весь Ист-Энд эвакуировался – целые колонны автобусов, полные болельщиков, направляющихся в порты.

Команда, к счастью, полетела, и я отлично помню свое особенное предвкушение этого матча. Останавливаться в гостиницах на ночь перед выездной игрой было для нас обычным делом. Не могу сказать, что они всегда были на высоте, но я не жалуюсь. Они все были достаточно хорошими, и я привык к ним. А вот в Меце даже наше размещение было более высокого уровня.

Мы прибыли в прекрасное загородное шато. Клуб видел возможности, которые откроет нам победа, и решил шикануть. Мы оценили эти усилия. Когда вы привыкли находиться в

середине таблицы и сражаетесь лишь за место чуть выше своего, большинство игр сливаются в одну. Дело не в том, что они не важны, но некоторые матчи, сыгранные за «Вест Хэм», я просто не помню. Матч против «Меца» не из таких. Из окна автобуса я видел бордово-голубые волны, заливавшие улицы города, и то, как они пели, пили, предвкушали.

Мне казалось, что с нами ездило много людей в Финляндию и Голландию, но сейчас их было больше в разы. К стартовому свистку прибыли новые подкрепления, и на стадионе оказалась довольно внушительная группа фанатов «Вест Хэма». Они были в хорошем настроении, в нем был и я после того, как забил первый мяч. В результате мы выиграли со счетом 3:1.

После игры я ненадолго задержался на поле, чтобы впитать в себя зрелище. Ребята подошли отпраздновать победу вместе с фанатами, и я присоединился к ним. Везде царила чистая, незамутненная радость. Футбол дает много поводов для радости как игрокам, так и болельщикам. Иногда наши эмоции совпадают, но не так часто эмоции на трибунах передаются футболистами на поле. Но именно это произошло в Меце той ночью. Мы все были фанатами, опьяненные тем, что мы стали частичкой истории «Вест Хэма». Я искупил свою вину за промах с пенальти. Мы сыграем в одном из крупнейших еврокубков. Это было особенное чувство.

Игор Штимац остался доволен жеребьевкой первого раунда. Он возвращался домой в Хорватию, где мы должны были играть с «Осиеком». Первый матч вновь игрался дома, я забил, и мы уверенно победили. Не могу сказать точно, стал ли причиной этот успех, но большой Игор, по всей видимости, решил, что ответный матч будет формальностью. Я хотел бы думать, что поводом для организованного им совместного похода на стрельбище стало чувство уверенности в результате, а не сомнения в нашей безопасности. Это было, пожалуй, одно из самых странных предматчевых мероприятий за всю мою карьеру. Представьте себе сцену после обеда.

– Что делаешь?

– Собираюсь поспать. А ты?

– Наверно, телик посмотрю. Как насчет тебя, Монкс?

– Едем на полигон с Игором, постреляем из винтовок.

Они стреляли по мишеням, но после прибытия в Хорватию пулевые отверстия, которыми пестрели стены домов по всей стране, приобрели куда более зловещий вид. Моя первая поездка на Балканы состоялась вскоре после того, как страна пережила войну. Наш отель был простеньким и скорее напоминал общежитие. В углу комнаты стояла жесткая односпальная

кровать, а простыни были колючими и накрахмаленными, такими, на которых никогда не чувствуешь удобство. Вот вам и сладкая жизнь профессионального футболиста. Несмотря на все отвлекающие факторы, нам удалось сохранить концентрацию и благополучно пробиться в следующий этап. Мы были в отличной форме, и это было захватывающее чувство. Этот сезон оказался для меня лучшим в клубе. Я забил четырнадцать голов, и, хотя наша европейская кампания продлилась недолго, у нас все равно было ощущение, что мы чего-то достигли. Следующий шаг оказался труднее.

Было сложно представить, что «Вест Хэм» продолжит расти и прорвется в первую четверку. Футбол быстро менялся, и без серьезных вложений добиться значительного прогресса было очень сложно. Денег просто не было.

Я видел потенциал команды и был отлично знаком с клубными традициями. У нас были игроки, которые играли должным образом, и фанаты имели право ожидать новых успехов. Это стало одной из причин того, что многие болельщики за пределами Лондона хотели, чтобы «Вест Хэм» преуспел. Это идет еще с чемпионата мира 1966 года, когда в основе сборной играли три игрока из «Вест Хэма», и я мог понять, почему многие люди питали слабость к клубу. Он имел ореол романтики. К сожалению, когда вы становитесь пятыми, фанаты автоматически ожидают, что вы улучшите этот результат.

В случае «Вест Хэма» ожидания не оправдались. Поклонники мечтали о победе в премьер-лиге, хотя клуб никогда прежде не добивался этого успеха. Даже команда времен Мура и Херста не выигрывала в чемпионате. Харри часто шутит, что в команде, в которой он играл, было шесть или семь великих игроков, но клуб не поднимался выше середины таблицы, что говорит о том, насколько плох был он и остальные четверо.

Вы можете привыкнуть к быстрому и зрелищному футболу, но так и не добиться побед, и, возможно, «Вест Хэм» попал в эту ловушку. Болельщики хотели совершенства, но жизнь, а именно кадровый состав и бюджет, диктовала, что оно было недостижимо. Справедливости ради, эта проблема касается не только «Вест Хэма». Все болельщики хотят возвращения былой славы. Ребенком я мечтал о том же. Каждый из них надеется и молится, что однажды сможет пережить нечто подобное. Чрезмерные ожидания порождают проблемы, и мы испытали это на себе на следующий сезон.

Несмотря на то что мы совершили нечто особенное – и сделали это с несколькими молодыми ребятами в составе, – значительная часть болельщиков автоматически нацелилась на

четвертое место. В этом не было ничего страшного. Нет ничего плохого в том, чтобы хотеть большего и быть настроенным оптимистично.

Я чувствовал то же самое – у меня ведь была такая же мечта. Однако наши мечты не всегда совпадают с реальностью, и фанаты стали выражать недовольство. Для этого многого не нужно. Несколько неудачных матчей в чемпионате, и нас уже смешивали с грязью. Иногда вам нужно отступить, чтобы шагнуть вперед. В «Вест Хэме» так не считали. Папа и Харри делали все возможное, чтобы улучшить показатели предыдущего сезона. Еврокубки стали большим приключением для всех в клубе, и тот факт, что я регулярно забивал, не остался незамеченным кое-где еще.

Уже довольно давно ходили разговоры о моем вызове в сборную Англии. Как всегда, все началось с газет и распространилось через остальные СМИ. Я не обратил на это особого внимания. Джейми был основным полузащитником сборной, и в ней уже играли такие парни, как Пол Скоулз и Никки Батт. Кевину Кигану задавали вопросы о моем участии в товарищеском матче против Бельгии, который представлял собой разминку перед стыковыми матчами за выход на Евро-2000 против Шотландии. Он тепло обо мне отзывался, но вы не можете определить, какими будут ваши отношения с главным тренером, пока он на самом деле не вызовет вас и вы не поработаете с ним лично.

Участие в сборной было мне не в новинку, отнюдь. Я играл за молодежную команду, а моя первая поездка в основную сборную случилась еще во времена Терри Венейблса. Команда готовилась к Евро-96 на тренировочной базе в Бернэм Бичес. Венейблс хотел, чтобы молодые игроки почувствовали, каково жить и тренироваться с основным составом в период подготовки к самым важным играм за последние 30 лет. Безусловно, этот опыт произвел на меня впечатление.

В отель я приехал, страшно нервничая. Все шло не так гладко, как этого хотел бы главный тренер. Приподнятое настроение во время недавней поездки в Гонконг и последовавшее бурное веселье в самолете на обратном пути пробудили в прессе вкус крови. А турнир еще даже не начался. Не могу сказать, что я заметил у игроков какую-то панику – лишь явное единение. Терри Венейблс ответил на критику, сомкнув ряды и отказавшись наказать хоть кого-то из тех, кто был вовлечен в эти инциденты.

Я и впоследствии сталкивался с внедрением подобного осадного менталитета. Он может быть эффективным

инструментом, и, хотя я был всего лишь мальчишкой, присоединившимся к группе взрослых мужчин, я ощущал сплоченность, которую вряд ли что-то могло пошатнуть. К счастью, Джейми тоже там был, уже являвшийся в сборной своим. В результате я был принят компанией гораздо легче, чем можно было ожидать.

Это было довольно сложно, учитывая, что я бродил по базе, как ослепленный звездами подросток. Мне было всего 16 лет, а в Чедвел Хит было не так просто встретить игроков подобного калибра. Каждый раз, поворачивая за угол, я видел Стива Макманамана или Робби Фаулера. С ними меня еще давно познакомил Джейми, а потому я чувствовал себя относительно комфортно в их компании. Но лишь до того момента, пока я не вышел во двор перед отелем и чуть не упал. Там был Газза, игравший в настольный теннис – игравший с теми же энтузиазмом и злобой, с которыми он играл в футбол.

С одной стороны от него была площадка, размеченная, чтобы играть в теннис головой. Игра была в самом разгаре, но я даже не заметил, кто принимает в ней участие. Я просто остолбенел. На самом деле я был в полном восторге, и я был не единственным. Персонал отеля расположился на безопасном расстоянии, чтобы наблюдать за играющим ураганом. У Газзы было такое свойство. Не прикладывая никаких усилий, он мог поглотить любого в радиусе сотен метров вокруг себя. Он обладал настоящим магнетизмом. Даже талантливые и опытные игроки не могли преодолеть силу его притяжения. Помимо меня, на его орбите застряли и Алан Ширер, и Тони Адамс. Те, кто мог наблюдать за ним лишь на футбольном поле, не могли и подозревать, насколько широко влияние Газзы распространялось за его пределами. Это было просто невероятно.

Его энергетика была настолько мощной, что ощущалась даже когда его не было поблизости. Уже осознание того, что он где-то в здании, пробуждало удивление и любопытство. В первое утро сбора весь состав собрался в командной столовой. Это было обычной практикой для нашего тренировочного режима, и мы уже облачились в свои спортивные костюмы и кроссовки. До соревнований оставалась еще пара недель, но отель уже дрожал от нетерпения. Велись разговоры о том, что произойдет сегодня, и о том, что может случиться в этом месяце. Там были все, даже ответственный за экипировку и физиотерапевт. Вернее, все, кроме Газзы.

Я сидел с Джейми и Робби и ел свои хлопья. Терри Венейблс поздоровался с нами по пути к буфету. Я был все еще в восторге от его приветствия, но смог ощутить, что всех в столовой

занимает что-то другое. Лишь позже, столкнувшись с этим лично, я понял, чем вызван этот дискомфорт.

Те, кто был давно знаком с Газзой, а их тут хватало, знали, что еще чуть-чуть, и быть беде – он все еще не спустился к завтраку. Иногда кому-нибудь это могло показаться смешным, иногда нет. Нервное напряжение нарастало с каждой минутой, а Газзы все не было видно. В конечном итоге он пришел, никого не разочаровав своим появлением.

Он был одет в домашний халат и держал половину арбуза под мышкой. В промежутках между его поеданием Газза давал каждому из подающих завтрак сотрудников отеля уморительные прозвища. Я не знал, как мне на это реагировать. Я никогда не видел ничего подобного, но так я узнал, каким он был. Газза правил этим местом, мог делать все, что ему заблагорассудится, и был очень популярен у своих подданных. Конечно, я, как и все, слышал рассказы о нем – в раздевалке или общаясь со старшими игроками из других клубов. В компании всегда был кто-то с очередной безумной историей о Газзе.

Те, кто был давно знаком с Газзой, а их тут хватало, знали, что еще чуть-чуть, и быть беде – он все еще не спустился к завтраку. Иногда кому-нибудь это могло показаться смешным, иногда нет.

До этого я видел его лишь издалека. Еще мальчиком я видел, как он играл на «Аптон Парке». Он был еще совсем подростком в футболке «Ньюкасла» – весь такой жилистый и непредсказуемый, но каким-то образом ему удавалось играть против «Вест Хэма» совсем по-взрослому. До этого дня мне не доводилось подобраться к феномену Газзы поближе. Теперь я смотрел ему прямо в лицо.

Он был абсолютно сумасшедшим – никаких сомнений – но даже когда он выходил за рамки разумного, ему это прощалось, ведь было просто невозможно не любить Газзу. Его любили все, и не просто так. Широта его души ничуть не уступала его колоссальной харизме, а дополнялось все несравненным чувством юмора. Его бесконечные розыгрыши были совершенно уморительны и заставляли всех быть настороже. Вопрос «А где Газза?» звучал очень часто, ведь отсутствие Газзы было еще заметнее его присутствия. Будучи новичком, я ожидал, что стану его новой жертвой, и долго ждать не пришлось. Я спал сном младенца, как вдруг зазвонил телефон.

– Привет! – прорычал кто-то с северным акцентом. – Ты, конечно, сможешь подсказать мне, что там идет по четвертому каналу в четверть четвертого, да, малыш Фрэнки?

В полубессознательном состоянии я попытался отыскать выключатель и газету. Наконец я нашел телевизионную программу и сказал Газзе, что в это время будет идти документальный фильм об изменении климата в Антарктике.

– Вон оно что! – сказал он с воодушевлением. – Спасибо!

Я положил трубку и закрыл глаза, как вдруг до меня дошло, что меня разыграли. Я размышлял о том, как же мне достанется за завтраком. Ну и отлично. Теперь, когда меня развел Газза, я был здесь своим. К сожалению, это был еще не конец. Утром я все еще отсыпался, как вдруг громкий стук в дверь заставил меня спрыгнуть с кровати. Это вновь был он, одетый в халат. Он не сказал ни слова, по крайней мере, мне. Он просто прошмыгнул мимо меня, бормоча себе под нос: «Восемьдесят один, восемьдесят два, восемьдесят три» и так далее. Я понял, что он считает свои шаги – так же, как рефери показывает стенке перед штрафным ударом, на какое расстояние ей нужно отойти.

– Газза, – спросил я, – что ты делаешь?

– Восемьдесят девять, девяносто, девяносто один…

Он обошел мою комнату по кругу и уже направился к двери, как вдруг обернулся и приложил палец к губам, показывая мне, чтобы я молчал, как будто я мог нарушить его сосредоточенность или сбить с шага. Я смотрел ему вслед – удаляясь по коридору, он не переставал считать. Вот так впечатление – немного нереальное, но абсолютно бесценное.

Все остальное время тоже не ограничивалось чисткой бутс и распределением формы. Я участвовал в тренировках с командой вплоть до матча против Швейцарии, а затем вернулся к более обычной жизни – той, в которой не было Газзы. Я повидал достаточно – достаточно, чтобы осознать, как много мне нужно трудиться, чтобы однажды сыграть за свою страну на самом высоком уровне. Я был благодарен за этот урок. Я чувствовал себя комфортно в этой среде и наслаждался каждой минутой. Мое желание сделать шаг вперед стало еще сильнее.

После этого я проходил трехлетнюю стажировку в сборной игроков до 21 года, а в 19 лет Питер Тэйлор назначил меня ее капитаном. Это пошло на пользу моей подготовке к основной команде, потому что с точки зрения техники и тактики эти уровни очень близки. Однако в плане физического и морального развития, внимания, конкуренции – это небо и земля. Я регулярно забивал за молодежку и считал Тэйлора очень способным тренером и приятным человеком. Его методы были куда прогрессивнее, чем у его преемника Говарда Уилкинсона, чьи устаревший взгляд на футбол и отношение к команде не очень подходили молодым игрокам. Но с каждым сыгранным

матчем я все больше концентрировался на переходе во взрослую сборную. Я отлично понимал, что от меня требовалось, но должен был подождать – еще три года, если быть точным.

За это время обстановка в сборной Англии резко изменилась. Венейблсу немного не хватило, чтобы достичь финала Евро-96, после чего ему сообщили, что он уволен. Его преемником стал Гленн Ходдл, который поехал с командой на чемпионат мира во Франции, а затем передал пост Кевину Кигану. С самого начала сезона 1999/2000 годов я был в отличной форме. Голы лились рекой – пять в моих первых двенадцати играх, но вызов в основную сборную Англии в октябре все равно стал для меня неожиданностью. Нам предстояло сыграть с Бельгией на «Стадионе Света» в Сандерленде в рамках подготовки к стыковому матчу за выход на Евро-2000 против Шотландии.

После объявления состава одним из первых мне позвонил Джейми. Он тоже получил вызов, хотя его появление было ожидаемым, в отличие от моего. Джейми был в восторге от возможности сыграть вместе. Мы шутили о том, что это может произойти, когда были детьми, но тогда предполагали, что это случится в клубе, а не в сборной. Становясь старше, мы иногда осмеливались говорить об этом уже более серьезно. Затем, когда я тренировался со сборной перед Евро-96, другие ребята острили, что однажды я присоединюсь к Джейми в команде. Я лишь отшучивался, хотя в своей голове и мечтал о таком развитии событий. Играть за сборную своей страны – мечта каждого мальчишки. Но играть за нее с двоюродным братом, а по совместительству и одним из лучших друзей – это просто утопия.

Когда я присоединился к основной части состава сборной, Джейми уже был там. Как и три года назад, его присутствие облегчило мою акклиматизацию. Как только мы вышли на поле для тренировок, мои неловкость и застенчивость сразу сошли на нет. В футболе действует естественный отбор, и мне нечасто приходилось видеть в сборной Англии игрока, которому этот уровень был не по плечу. Джейми был в отличной форме как на поле, так и за его пределами, и я расслабился. Я начинал понимать, как себя чувствовали Гари и Фил Невиллы – братья в семье, семья в футболе. Джейми и я были двоюродными братьями и тоже очень футбольной семьей. В этот момент я смотрел на него так же, как и всегда – снизу вверх. Он был больше меня – старше, мудрее и увереннее. Он играл в футбол лучше меня и выглядел лучше меня. Но Джейми был заинтересован лишь в том, чтобы помочь мне стать как можно лучше. И конечно, в победах нашей сборной.

Как и всегда, я был благодарен ему за опеку. По мере

приближения игры я начинал все больше нервничать, и, хотя я чувствовал, что хорошо выгляжу на тренировках, я никак не ожидал, что начну матч в стартовом составе и сыграю за сборную сразу же после вызова. В пятницу перед этой игрой Артур Кокс, помощник Кигана, отвел меня в сторонку и сказал, что я должен сообщить своей семье, что выйду в основе. Я не знал, что ответить, и лишь выпалил «спасибо». Видя, что слегка шокировал меня, он решил помочь мне осознать происходящее, объяснив решение тренера. Пол Скоулз, перед этим забивший хет-трик сборной Польши, останется на скамейке – он уже был твердым игроком основы – а потому главный тренер позволит мне попробовать свои силы и посмотрит, что из этого выйдет. Хорошо. Лэмпард вместо Скоулзи? Отлично, никакого давления. Следующие несколько секунд я прокручивал в голове лучшие и худшие варианты развития событий. Затем я пошел искать Джейми, чтобы сказать ему, что наша детская мечта вот-вот сбудется.

В эту ночь я едва мог заснуть от волнения. Услышать, что через 24 часа мечта всей вашей жизни исполнится – это, по меньшей мере, удивительный момент. Каждый из нас иногда задумывается, каково это, выиграть в лотерею. Но можете ли вы представить себе, что вам скажут, что завтра в 3 часа вы станете победителем? К несчастью, это оказался не тот джекпот, которого я бы хотел.

Мы выиграли, и это было важно. Джейми даже забил победный гол своим традиционно великолепным ударом левой ноги. Я подбежал к нему, чтобы отпраздновать, но мои чувства не соответствовали образу, который я рисовал в своей голове. Мы оба смеемся, но чего-то не хватает. Это до сих пор меня расстраивает. У меня нет никаких удивительных воспоминаний об этом дне. Я изо всех сил пытался восстановить это утраченное ликование, но его просто нет. И никогда не было. Игроки часто говорят, что дебютная игра за сборную – большое дело, и так оно и есть, но я чувствую себя очень странно. Мне был всего лишь 21 год, и я был настолько сосредоточен на том, чтобы сыграть хорошо, и так боялся неудачи, что не смог как следует насладиться моментом, не позволил себе ему порадоваться.

В моей голове звучит государственный гимн, и я помню гордость, переполнявшую мою грудь и подступавшую к горлу, но сама игра практически не отложилась у меня в памяти. Все технические аспекты на месте: Пол Инс играл опорника за моей спиной, Джейми был рядом, а по краям – Кирон Дайер и Стив Гаппи. Алан Ширер и Кевин Филлипс играли впереди. Команда и впрямь изменилась. Джейми очень сильно поддерживал меня во

время игры. Он выступал на самом высоком уровне уже несколько лет и сейчас помогал мне с каждым моим шагом и пасом. Когда игра позволяла, я мысленно возвращался в те деньки в его садике на заднем дворе и к разбитой, развалившейся клетке для птиц. Теперь мы играли за сборную Англии, как бы это ни было удивительно. С другой стороны, в юном возрасте вы воображаете, что нет ничего важнее игры за сборную своей страны, но когда она наступает, все кажется удивительно обычным.

В лучшие времена мне свойственно блокировать любые эмоции в случаях, когда я хочу сохранить контроль и концентрацию. Лишь позже я осознаю, что произошло, но к тому времени становится слишком поздно – чувства уже оставляют меня. Еще одной из причин отсутствия воспоминаний об этой игре, как я теперь понимаю, стало то, что мой следующий вызов в сборную случился лишь через два года.

Гленн Ходдл, заступивший на пост главного тренера сборной после Евро-96, меня даже не рассматривал, а свой второй матч за сборную я сыграл сразу после того, как Кигана сменил Свен-Йоран Эрикссон – против Испании на «Вилла Парк» в феврале 2001 года. На стадионе папа встретил Клаудио Раньери, и лишь спустя год после подписания контракта с «Челси» мы узнали, что в этот день он меня просматривал. Несмотря на двухлетнее затишье после игры с Бельгией, это был прекрасный день. Я играл с Джейми, а мои родители были на трибунах вместе с Харри и Сандрой, а потому этот момент стал очень особенным. После игры я пошел отмечать дебют с несколькими близкими друзьями, и все они были очень за меня рады, но я все равно не чувствовал, что достиг чего-то серьезного. Однако то, что испортило этот день больше всего, произошло чуть позже.

На следующее утро я встал с бóльшим, чем обычно, желанием просмотреть газеты. День прошел так быстро, что мне было практически необходимо увидеть свое имя, написанное черным по белому – просто чтобы убедиться, что все это было на самом деле. Все оказалось правдой. Вот я, вот Джейми, но все заголовки были посвящены тому, что Киган, предположительно, сказал нам обоим в перерыве.

По сообщениям газет, тренер рассказал, что немного пожурил полузащиту в перерыве, что и заставило нас включиться. В действительности, впрочем, он не сказал нам ни слова. Не напрямую. И, конечно же, не в выражениях, приведенных в прессе. Это было совершенно безумно. Я не узнал ни слова из того, что было напечатано. По-видимому, он сказал нам, что мы недостаточно часто берем под контроль мяч и распоряжаемся им не лучшим образом. Если бы он это и сказал, то ничего

страшного. Мы действительно играли намного лучше во втором тайме, и поэтому я могу лишь предположить, что он хотел поставить это себе в заслугу.

Я был удивлен тому, что Киган, по всей видимости, сказал после матча. Если бы он устроил мне выволочку в перерыве, то я бы не стал ожидать, что он предаст это огласке, учитывая, что это был мой дебют, а мне был всего 21 год. Меня бы это очень расстроило, но еще хуже, когда в СМИ появляется что-то, чего на самом деле не было. Джейми, увидев это, в недоумении позвонил мне. Мне было неприятно. Я не понимал, зачем Кигану понадобилось приписывать себе такое. Я знал, что сыграл средне, но для международного дебюта вполне пристойно.

Мама сказала мне, что это всего лишь еще одно препятствие, которое мне нужно преодолеть, но мой дебют был омрачен. Последствия были незамедлительными, и все это казалось мне лишним. Я решил оставить эту историю в прошлом – это было мне необходимо. Я вернулся в «Вест Хэм», где нам предстояло провести один из самых важных матчей в современной истории клуба во втором круге Кубка УЕФА против «Стяуа» из Бухареста. Игра была совсем непримечательной, поскольку мы проиграли со счетом 0:2, и этот день запомнился мне по другим причинам. Во-первых, погода была ужасной – дождь лил как из ведра, и поле было практически полностью покрыто водой. Во-вторых, когда мы выстроились на поле перед игрой, нас приветствовал актер Ларри Хэгмэн. Мы так никогда и не поняли, почему Джей Ар Юинг из знаменитого сериала «Даллас» жал нам руки тем промозглым октябрьским вечером в Румынии. Учитывая новообретенную любовь Монкса к оружию, я спросил, не он ли стрелял в Джей Ара. Он не рассмеялся. Сказать, что это было настоящим абсурдом, было бы преуменьшением, но вся наша европейская кампания выдалась довольно необычной.

Болельщики снова прекрасно нас поддержали, а матч как следует познакомил нас с суровыми реалиями континентального футбола. Нам казалось, что мы можем играть в достаточно открытый футбол, и неплохо контролировали мяч. Они нам это позволяли, потому что именно этого от нас и хотели. Затем, как только мы начали чувствовать себя комфортно, они забили. А потом забили вновь. После этого они взвинтили темп, перекрыли все зоны и засушили игру. Это стало уроком для всех нас. С тех пор я сталкивался с таким развитием событий неоднократно.

Матч заканчивается плохо, но вам кажется, что у вас есть ответная игра, в которой вы все исправите. В матче против «Стяуа» на «Аптон Парке» мы бросили на это все силы. Мы на самом деле играли довольно неплохо, но взломать оборону

соперника так и не смогли. Я как следует узнал этот сценарий уже после того, как покинул «Вест Хэм». Первые пару сезонов в «Челси» мы сталкивались с той же проблемой. Европейские команды могут быть очень хитрыми – они заманивают вас, а потом наказывают за ошибку. На самом деле я научился определять такие ситуации и справляться с ними лишь после перехода в «Челси», когда начал регулярно выступать в Лиге чемпионов. Этот опыт стал для меня и «Вест Хэма» чем-то принципиально новым. Времена, когда можно было выигрывать еврокубки с английским стилем игры – с открытым забралом, шашки наголо, – закончились, и теперь нужно быть умнее.

Времена, когда можно было выигрывать еврокубки с английским стилем игры – с открытым забралом, шашки наголо, – закончились, и теперь нужно быть умнее.

Последствия нашего вылета не стали удивительными – по крайней мере, не на первых порах. Никто не ожидал, что мы пройдем так далеко, и пока мы оставались в игре, все было чудесно. Команда во главе с Харри и папой дала «Вест Хэму» и его поклонникам то, чего клуб жаждал много-много лет. Некоторые старшие болельщики вспомнили о деньках, когда в Ист-Энде гостили звезды европейского футбола и их можно было увидеть в непосредственной близости. Для остальных это было ароматом экзотики. В эти месяцы они жили нашей игрой, отмечали наши победы и тратили заработанные тяжелым трудом деньги на путешествия вместе с любимой командой. Игроки действительно ценили эту поддержку. И я определенно. В этих поездках я ощутил товарищество, какого не чувствовал с тех пор, как ребенком поддерживал своих героев с трибуны.

Негативные последствия также имелись, хотя появились и не сразу. Наши результаты во внутреннем первенстве были нестабильны, но некоторое недовольство фанатов было вызвано тем, что мы не смогли вновь квалифицироваться в еврокубки и продлить наши приключения. Они имеют право повышать уровень своих ожиданий, когда команда повышает уровень своей игры и приближается к успеху. Это абсолютно естественно. Им понравились выезды, и они видели, что у нас молодая команда с многообещающими игроками, которые могут демонстрировать увлекательную игру и добиваться побед. У нас были большие перспективы, и это могло стать началом новой великой главы в истории клуба, но его первые лица не хотели вкладываться в будущие успехи.

Президент и совет директоров были счастливы купаться в лучах славы, которой добились Харри, папа и игроки на поле.

Уверен, они наслаждались отелями, гостеприимством и посетили несколько хороших ресторанов, пока мы колесили по разным концам Европы. А почему бы нет? Но при этом они должны были поддержать нашу команду – тренеров и игроков – и помочь им прогрессировать, расти и добиваться новых высот. Но они решили не делать этого, и я никогда не пойму, почему. Клуб не особо тратился на трансферном рынке. Лучшие игроки клуба вышли из клубной академии или были куплены почти за бесценок.

«Вест Хэм» находился на перепутье, и руководство клуба должно было решить, в каком направлении он будет двигаться дальше. Я чувствовал это, Рио чувствовал это, и я знаю, что папа и Харри очень хотели бы знать, каким будет следующий шаг. Мы с Рио говорили об этом, стараясь понять, сможем ли мы и дальше улучшать нашу игру в «Вест Хэме». В основу стучались и другие молодые игроки, такие как Джо, Майкл и Джермейн, тогда как некоторые из более опытных парней либо прошли свой пик, либо ожидали продажи. Ди Канио остался еще на пару сезонов, прежде чем перебраться в «Чарльтон», но парням вроде него сигнал от клуба был не так важен. Знать, какими были планы на будущее, нужно было игрокам, которые выросли вместе с клубом. Ядро уже имелось. Преданности и энтузиазма уже было вдоволь, и не хватало лишь сильного руководства и готовности инвестировать в настоящее для постройки прочного фундамента на будущее.

Но мы слышали лишь тишину. К концу сезона энтузиазм и драйв, вызванные высоким местом команды в прошлом году и европейской кампанией в этом, практически испарились. Наш сезон завершился болезненным домашним поражением от «Мидлсбро». Грядущий распад команды уже можно было почувствовать. Игроки часто говорят, что воедино команду связывает дух. Дух бывает очень разным. Он поднимается и падает в соответствии с результатами, обстоятельствами и атмосферой, но дух крепок ровно настолько, насколько крепок сосуд, в котором он содержится. В «Вест Хэме» он был хрупким по многим причинам.

Мастерство Харри подписывать игроков определялось его способностью подмечать, вербовать, а затем составлять из людей самых различных национальностей и талантов полноценную боевую единицу. Внедрить некоторые из компонентов было нелегко. Например, Беркович – хороший футболист, который великолепно пасует, когда находится в форме. В то же время медалей за отвагу ему не видать. Ребята вроде Ломи и Джона Монкура были полными его противоположностями – настоящими мужчинами, готовыми сражаться за вас до последнего. Но им, в частности Ломи, не хватало утонченности при работе с мячом,

необходимой, чтобы заиграть на высшем уровне.

Раздевалка была полна противоположностей, но общим знаменателем был Харри. Он обладал необходимыми характером и личностью, чтобы охватить всех игроков и превратить их в сплоченную команду. Когда от одного человека зависит столь многое, вполне естественно, что связующая нить легко рвется. Именно это произошло с «Вест Хэмом», когда «Лидс Юнайтед» сделал предложение о трансфере Рио. Как всегда, все началось со слухов в газетах. Клуб отрицал, что у них есть основания. За год до этого, когда я подписывал новый контракт, меня заверили, что Рио не будет продан. Тем не менее разговоры никуда не ушли.

Первое время клуб опровергал каждую публикацию, касавшуюся возможного ухода Рио. Я старался от этого отстраниться. Все знали, что мы с Рио хорошие друзья, а потому мне часто задавали вопросы, на которые я не всегда мог ответить: уходит ли он, не хочет ли он уйти, как бы я себя почувствовал в таком случае. Как и все остальные, я смотрел телевизор, слушал радио и читал газеты, но с каждым заявлением, что Рио не продается, я все больше раздражался и сердился. Я знал, что переговоры велись. Что бы они ни говорили лично мне или в прессе, я точно знал, как обстоит дело. Я знал, что он уйдет.

Теперь мне интересно, правда ли Теренс Браун и управляющий директор Пол Олдридж думали, что я верил в то, что они мне говорили. Я знал, что они пытались меня одурачить, говоря, что Рио остается. Они, по всей видимости, понимали, что продажа Рио подаст неправильный сигнал как для фанатов, так и для других игроков клуба. Хотя ему был всего лишь 21 год, даже собака того, кто хоть немного разбирается в футболе, видела, каким он был игроком, и тем более, каким потрясающим игроком он должен был стать. Продать Рио было все равно что стащить фамильное серебро – «Вест Хэм Юнайтед» лишился части своей души. Какая бы ни была причина – а их оказалось 18 миллионов – решение было принято. Я бы ни за что так не поступил, ведь Рио был одним из моих лучших друзей, что уж говорить о его очевидной ценности для команды. Я знал, что его уход ударит по мне дважды.

Я не спорю, что часть Рио хотела уйти, хотела нового вызова вдали от Лондона. Мы много раз обсуждали это, и ни один из нас не видел себя ветераном, заканчивающим карьеру там же, где и начал, на «Аптон Парке». Но это не имело значения, значение имело время и то, как была обработана вся ситуация.

Я понимаю, что люди из мира футбола лгут, некоторые больше, чем другие. И в определенных ситуациях они чувствуют в этом необходимость. Меня не устраивает лишь то, что мне лгали

за пять минут до заключения сделки, лгали прямо в лицо. Я просто не мог поверить, что им казалось, что со мной можно так поступать и что я так наивен. Если бы люди в клубе были со мной более откровенны, возможно, я смог бы понять образ их мышления. Но в реальности кто-то решил, что нужна ложь, ложь и еще больше лжи. Они явно догадывались, что я отреагирую плохо, узнав правду. И они не ошиблись.

18 ноября 2000 года мы отправились на «Элланд Роуд», чтобы сыграть с «Лидс Юнайтед» в рамках премьер-лиги. Мы выиграли 1:0 благодаря голу Найджела Уинтерберна. Рио играл, как и я. Это был последний раз, когда мы вышли на поле в футболках «Вест Хэма». Восемь дней спустя Рио стал самым дорогим защитником в истории футбола, перейдя в «Лидс» за 18 миллионов фунтов. Как странно, ведь газеты трубили об этом несколько недель, Теренс Браун встречался с агентом Рио, а стоимость была согласована. Но мне все время говорили одно и то же: он не уходит. Они думали, что я совсем тупой? Думали, что я прощу им этот обман, что буду продолжать двигаться вперед по инерции и не стану падать духом лишь потому, что я сын Фрэнка Лэмпарда? Ведь я «молотобоец» до мозга костей. Я Фрэнк-младший. Я могу поднять шум, но все равно останусь. Я привык к этому.

Я вспомнил, как проиграл награду лучшему молодому игроку года. Я играл в основе весь год, и моя победа, казалось, была «на мази». Голосования как такового не было – решение принималось тренерским штабом, но конкурентов у меня не было. Однако победителем был объявлен Мэнни Омойинми. Он играл за молодежку, и играл хорошо. Но это ведь совсем другое дело. Я так и не понял, как это вышло. Думаю, это решение было политическим. В конце концов, Харри сильно критиковали за то, что я играл в первой команде. Возможно, сам факт моей игры казался достаточной наградой. Нет смысла награждать меня, чтобы подтвердить, как хорошо я выполняю свою работу. Новый сезон, тот же исход. Отдадим приз Мэнни, Фрэнк не будет возражать. Я действительно не возражал, ведь Мэнни был моим хорошим приятелем. Но в то же время меня волновали причины, по которым меня игнорировали.

Предполагалось, что я не стану жаловаться. Это было правдой. Мне было больно – я хотел эту награду. Она много для меня значила, потому что я был фанатом «Вест Хэма». Я не сказал отцу, что был расстроен, а мама прочла все на моем лице. Она знала, что я не смогу получить признание, которого заслуживаю, по политическим причинам – из-за того, кем были мои отец и дядя. Ее это очень расстраивало. Возможно, я ожидал слишком

многого. Я хотел лишь какого-нибудь признания того, что я играл хорошо. Вместо этого я получил удар под дых. Но что самое плохое, я начал задумываться о том, как клуб меня видит.

Это лишь один закулисный эпизод, заставивший меня прийти к выводу, что эту битву мне не выиграть. Все, кто находился вне клуба, хотели меня выпнуть, считая, что я выхожу на поле лишь благодаря родственным связям. В то же время люди в клубе боялись признать мои успехи, ведь в этом случае их могли обвинить в фаворитизме.

И даже если бы до меня не дошло, что я не смогу выиграть трофеи с «Вест Хэмом», но когда-нибудь осмелился задуматься об уходе, то меня назвали бы грязным предателем. Самое странное, что многие умудряются увидеть в футболе то, чего нет. Я понимаю, что футбол – их страсть. Футбол – и моя страсть тоже. Однако одно лишь то, что мы испытываем к нему сильные чувства, не означает, что в футболе действует особенный набор правил, относящихся только к нему, а не к реальной жизни. Например, болельщики могут оскорблять меня, называть меня дерьмом, унижать меня и моего отца.

Но когда речь заходит о принятии решений о моей жизни, они ожидают, что я останусь верным «Вест Хэму». Что никогда не уйду, потому что поддерживал его еще мальчишкой, и закрою глаза на все остальное, как и они. Однако между нами большая разница. Люди, которые ходят на игры и кричат с трибун на меня, тренера или любого другого члена команды, после матча возвращаются домой к жене и детям и забывают о том, что происходило на стадионе. Они возвращаются к реальной жизни. Футбол для них – просто хобби, хотя и серьезное.

Я не думаю, что они когда-нибудь хоть на минуту задумываются о том, как их действия в эти 90 минут могут повлиять на людей, которых они атакуют. Ни разу не случалось так, чтобы я уезжал домой с «Аптон Парка» и не забрал злость, издевки и свист болельщиков с собой. Считается, что футболист должен быть довольно толстокожим. Однако я очень чувствительный, так уж получилось. Я не стыжусь этого, и это одна из вещей, которые делают меня тем, кто я есть. Это не значит, что я всегда испытывал гнев из-за отношения ко мне. Я не хныкал, мечтая о том, как отвечу на всю эту критику в свой адрес. Иногда мне подворачивалась такая возможность, но я ни разу ей не воспользовался. Был один подросток, который на каждой игре сидел прямо за нашей скамейкой. Если я оставался в запасе, то он первый вскакивал, видя, что я выхожу на разминку: «Садись, Лэмпард!», ну или старое доброе: «Ты носишь эту футболку лишь благодаря своим папаше и дяде!» Сначала я старался не обращать

на него внимания и игнорировать оскорбления, но время от времени все-таки посматривал наверх. Там был он, с лицом, искаженным от ярости. Я не мог понять, что же я ему сделал, чем заслужил подобное обращение? Я не видел других причин, кроме того, что ему было не больше четырнадцати.

Кроме того, я частенько заходил в местный банк, где работала кассиром одна милая женщина, болельщица «Вест Хэма». Она всегда была очень приветлива и вежлива со мной и обязательно здоровалась. Почти в каждом разговоре она упоминала своего сына, также большого поклонника клуба, и у меня в голове сформировался образ достойного молодого человека, который любит «Вест Хэм» так же сильно, как я в его возрасте. Однажды я случайно встретил ее неподалеку от «Аптон Парка». Я поздоровался, как и всегда, и вдруг увидел рядом с ней того самого маленького негодяя, который обычно сидел за нашей скамейкой. Она была очень дружелюбна и, судя по всему, рада возможности познакомить со мной своего сына, фаната клуба и меня лично.

Мне захотелось сказать: «О да, и он отлично это демонстрирует. Кстати, а вы знаете, что он курит?» Он просто молчал и выглядел очень кротко. На какое-то мгновение мне захотелось рассказать ей о том, что ее сынуля – грандиозная заноза в заднице и матерщинник. Но я смолчал. Какой в этом смысл? Я знал, что ее сын для нее важнее, чем я, и это понятно. Зачем давать ей повод для расстройства и стыда за свою семью? Вот как я рассуждал. Моей маме доставалось от фанатов, сидевших рядом с ней на стадионе. Моим сестрам тоже приходилось выслушивать гадости на играх и в обычной жизни. Всякий раз, когда они выходили на прогулку, появлялся какой-нибудь придурок, которому было что сказать о «Вест Хэме» и их чертовых папе и брате. Ожидалось, что они должны спокойно это воспринимать. Почему?

При чем тут они? Как будто одно лишь то, что члены их семьи работают в «Вест Хэме», дает людям право прерывать их вечер оскорбительными ремарками в наш адрес. Они – моя семья и имеют право на ту же поддержку, какую дают мне, однозначно. Мама прекрасно резюмирует такой подход. Когда ее спрашивают, какой клуб она поддерживает, «Вест Хэм» или «Челси», она всегда отвечает: «Челси». После этого сразу же следует новый вопрос: как вы могли изменить своим цветам? «Потому что он мой сын, моя семья, моя кровь и плоть». Ее осуждали за этот переход. Как и моего отца, моих сестер и моих друзей. Вот чего не понимают те, кто задают подобные вопросы. Если бы я спросил, что для них важнее, «Вест Хэм» или семья, то я уверен, что их ответ мне

известен.

В этом отношении Лэмпарды ничем не отличаются от остальных. Мы держимся друг за друга. Я помню, какой проблемой являлось то, что трое из нас были так тесно связаны с клубом. Харри переносил это тяжелее, чем папа. Если в субботу мы проводили плохой матч, он не мог просто выбросить его из головы. Он сидел глубоко внутри, снедая его: что он сделал, чего не сделал, что мог бы сделать. Я думаю, это обычное явление для любого футбольного тренера, но он все выходные, не переставая, прокручивал игру в голове. Отец был не таким. Завершив карьеру игрока, он занялся бизнесом и расширил сферу своей деятельности. Он всегда помнил о том, что действительно важно, и не позволял футболу заслонить собой все остальное.

Возможно, ему было немного легче оградить нашу семью от футбола потому, что он был ассистентом, а не главным тренером. Когда я начал играть, ситуация стала труднее для всех нас, потому что мы оба находились в центре событий, но в этом были и свои плюсы: когда дела шли хорошо, мы радовались в два раза больше.

Тревоги, как правило, обходили папу стороной. Весь удар принимал на себя Харри. Когда болельщики взывали к его отставке, он прекрасно все знал, и, хотя отец находился под тем же огнем, он всегда находился у Харри за спиной. Он сознательно оставлял маму, меня или моих сестер в стороне от футбола. Я знаю, что он делал это ради нашей пользы, и с его стороны это было очень благородно. Очень часто мне хотелось исчезнуть после неудачной игры, но дома меня ждали лишь ожесточенные споры, ведь отец был дома. В целом он старался держать работу как можно дальше от дома. Он понимал, что на меня тоже оказывается огромное давление, и последнее, что мне требовалось, так это разделить и то бремя, которое они несли вместе с моим дядей. Все те годы, которые он потратил, обучая, наставляя, вдохновляя и мотивируя меня стать профессиональным футболистом, окупились.

В моем тогдашнем положении я сам был единственным человеком, кто мог помочь мне добиться успеха. Папа тоже не хотел, чтобы я страдал из-за его проблем. С меня было довольно усилий, которые я тратил на то, чтобы пробиться в основу и стать сильнее. Мне было необязательно знать, что состоялось собрание совета директоров или что на трансферы наложено вето. Это не значит, что я не хотел этого знать. Я узнавал новости от разных других людей, а папа рассказывал мне только то, что я, по его мнению, должен был знать. Он отлично разбирался в том, что было важно, а что нет, и соответственным образом фильтровал

информацию. Я знал многое из того, что не знали другие игроки, например, о политике клуба или о команде.

> Очень часто мне хотелось исчезнуть после неудачной игры, но дома меня ждали лишь ожесточенные споры, ведь отец был дома.

Мы говорили о футболе постоянно. Никто не ограничивал темы для нашего разговора. Однако он предпочитал сохранять в тайне что-то, что, по его мнению, было не так важно. Было несколько старших игроков, которые ничуть не стеснялись вламываться в его офис с требованием объяснить, почему они не играют или не попадают в запас, или еще что-нибудь. Каждый из нас хотел бы быть в курсе всего, что происходит у нас на работе, и я не был исключением. Если я узнавал, что игрок разговаривал с Харри на повышенных тонах, я никак на это не реагировал. Это не значит, что, встречая его в раздевалке, я мог смотреть на него, не думая о сцене, которую мне описали. Но ничто из этого никоим образом не повлияло ни на меня, ни на мои отношения с товарищами по команде. Я мог несколько абстрагироваться, потому что привык выставлять психологический барьер между собой и тем обстоятельством, что отец и Харри были у руля. Мне пришлось привыкнуть. Некоторым опытным игрокам ничего не стоило оскорбить или обозвать Харри или отца. Я осознал, что это часть футбольной культуры, и в большинстве случаев они просто выпускали пар. Но мне бывало сложно. Я был еще молод, и это казалось мне некрасивым.

Сейчас я рад, что помалкивал, потому что это было не мое дело. Все это меня расстраивало, потому что я воспринимал эти моменты как личное оскорбление для своей семьи. Я видел в таком свете очень многие ситуации, но заставлял себя рассматривать их в более широком контексте. Если игрока не включают в состав на игру, а он считает, что это несправедливо, он имеет право на объяснение. Было довольно иронично, что я помнил, как чувствовал себя, когда наматывал круги вокруг кабинета Харри, боясь войти и задать ему тот же вопрос.

Некоторые вещи так раздражали папу, что он не мог держать их при себе. В один прекрасный день Ди Канио ворвался в кабинет Харри, требуя, чтобы ему разрешили уйти в «Челси». Джанлука Виалли выразил свою заинтересованность в его подписании, и Паоло просто не мог удержаться. Я был в курсе всей истории, и, зная Паоло, сцена явно выдалась жаркой. Там явно было много криков и взмахов рук – каждый из которых принадлежал Паоло. Никаких проблем, подумал я, не считая того, что мне часто приходилось слышать его рассказы о том, что «Вест

Хэм» – его вторая кожа, и если его порезать, прольется бордово-голубая кровь. Меня это бесило, отчасти потому, что в моем случае это было правдой, но я никогда не разыгрывал эту карту. Теперь я отношусь к этому спокойнее, потому что с возрастом становится легче распознать, когда игрок выпендривается, и давайте посмотрим правде в глаза – футболисты говорят много всякой чепухи.

Я находился в странном положении. Все это я пропустил через себя. Многое из прошлого осталось со мной – что-то оказалось полезным, а что-то все еще терзает меня. В общем и целом, я многому научился. Мне пришлось усвоить множество суровых и полезных уроков, которые были мне нужны, чтобы идти вперед. В период моей игры за «Вест Хэм» на мне лежала огромная ответственность. Я пришел в клуб с большими надеждами, а покинул его с тяжелым грузом. Основную его массу взвалил на себя не я. Я прекрасно понимаю уникальность противоречий, связанных с отношениями между главным тренером и игроком, когда они приходятся друг другу отцом и сыном.

Я видел эти проблемы повсюду: Брайан и Найджел Клафы, Стив и Алекс Брюсы, и только те, кто через это прошел, могут знать, насколько это тяжело. Это настоящая уловка-22. Должен ли отец игнорировать своего сына, даже если он лучший игрок на своей позиции, из опасений, что его обвинят в кумовстве? Или он должен поступать так, как будет лучше для команды и для него лично как для тренера? Кажется, что ничто не разделяет людей так, как семья, хотя все должно быть совсем не так. Я был воспитан совсем не так. Я вырос в районе, полном фанатов «Вест Хэма», которые шли по жизни с девизом: всегда заботьтесь о своей семье.

Я видел всю эту ситуацию в самом неприглядном свете. Я был частью семьи «Вест Хэма», в самом буквальном смысле: моя бабушка, мои папа и мама, мой дядя и мои сестры. Но я не получал никакой поддержки. Никто мне не помогал. Это полностью противоречило местной этике. Возвращаясь на «Аптон Парк», я все еще слышу в свой адрес упреки. Меня обвиняют в предательстве. Но где же их верность мне? Верность моему папе? Верность Харри? Харри и мой отец вытащили «Вест Хэм» из болота, когда клубу грозили вылет из премьер-лиги и потеря какого-либо фундамента.

Затем с помощью таких игроков, как Пол Китсон, Джон Хартсон и некоторых других, им удалось поднять клуб так высоко в турнирной таблице, как никогда прежде. Они привели в клуб новых игроков, которые показывали болельщикам интересный,

увлекательный футбол, которого те так жаждали. Что самое главное, они воспитывали молодых талантливых футболистов, мотивировали и поощряли их, а затем давали им возможность выступать в основе, прогрессировать и помогать «Вест Хэму» стать реальной силой, с которой нужно было считаться. При этом родители ребят, занимавшихся в молодежной системе, верили, что клуб сможет помочь их сыновьям добиться успеха, как он помогал молодым игрокам в прошлом.

Под руководством Харри и моего отца клуб мог бы вернуть себе звание Академии футбола. И как же они были вознаграждены за свои усилия, за годы напряженной работы, вернувшей клубу это доверие? Харри был уволен, а на следующий день ушел и отец. Фанаты, освистывавшие меня, совершенно не показывали мне преданности. Несмотря на все достижения папы и Харри, совет директоров не проявил никакой лояльности и уволил их.

Трубку подняла мама. Я был у нее дома, когда она вошла в комнату и сказала мне, что Харри уволен. Она была совершенно спокойна. Я был удивлен ее реакцией и этой новостью. Разногласия Харри и президента клуба длились уже полгода, с тех самых пор, как был продан Рио. Это было хорошо известно. Он отчаянно хотел вести клуб вперед и хотел сделать команду сильнее, но вместо денег получал лишь оправдания. Клуб был в долгах. Стадион нуждался в реконструкции. Наверное, это можно было предвидеть, но когда вся ваша жизнь вращается вокруг одного-единственного объекта, невозможно увидеть ее со стороны.

Наша жизнь вращалась вокруг «Вест Хэма». Я никогда не мог представить жизнь за пределами клуба – какими бы горькими ни были мои обиды. Мама сразу же позвонила Сандре, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Сандра была расстроена, но куда больше беспокоилась за Харри. Я спросил, как звучал по телефону папин голос, и она ответила, что он в порядке. Он очень сильный человек, но видел, что исход был неизбежен. Уволили только Харри, и в типичном для «Вест Хэма» стиле руководство оставило тренерский штаб в подвешенном состоянии – никто из тренеров не знал, что будет дальше. Но для папы никаких вопросов не стояло. Он был предан, и если бы его не попросили уйти, он бы сам сказал, что уходит.

Он никогда не показывал своего расстройства. Он рассердился, но больше от врожденного чувства гордости, оттого, что он в чем-то потерпел неудачу, нежели по какой-то другой причине. Также он расстроился из-за Харри. Он знал, через что прошел Харри, лучше, чем кто бы то ни было. Он видел все, что оказывалось скрыто для окружающего мира за дверями зала для

совещаний и кабинета главного тренера после того, как все остальные уходили.

Харри отреагировал намного острее, чем отец, который отнесся к ситуации вполне спокойно. Он был разочарован тем, как все закончилось, хотя и испытывал некоторое облегчение. Говорят, что каждый главный тренер точно знает, что в один прекрасный день будет уволен. Может быть, они предпочитают не думать об этом слишком много, но кто станет их винить?

Я позвонил Харри, чтобы узнать, как он.

– Я в порядке, Фрэнк, – сказал он своим обычным хриплым голосом. – А ты как?

Ожидаемо мужественный ответ:

– Мне жаль, Харри.

– Чего жалеть, сынок? Жалеть не о чем. Что сделано, то сделано. Я в порядке. У меня все будет отлично. Вот увидишь.

Несмотря на это, разговор дался мне нелегко. Семейные отношения всегда мешали разговорам о футбольных делах, а в тот момент казалось, что происходит обратное. Он был благодарен за сочувствие. Он был моим дядей, и я хотел равняться на него, как и прежде. Он тоже этого хотел. Я чувствовал, что ему было больно, но он не желал показать, насколько.

– Береги себя, – сказал я, когда разговор естественным образом подошел к концу.

– Спасибо, сынок. Но и ты береги себя. Хорошо, Фрэнк?

Я понимал, что он имеет в виду. И он был прав. Я знал это, это знал и папа. Папа очень быстро взял на себя заботы о моем будущем. Это был его естественный инстинкт. Он принял то, что случилось с ним, и хотел сделать все, что было в его силах, чтобы защитить меня от последствий. Чутье подсказывало мне: беги, беги как можно скорее. И дело было уже не в футболе, а в моей семье.

Если бы мои отношения с фанатами были превосходными, возможно, все было бы иначе. Если бы Рио остался, то, может быть, остался бы и я. Кто знает, что было бы, если бы мне не лгали? Тем не менее приглашение на встречу с президентом клуба Теренсом Брауном через неделю после ухода Харри и отца меня заинтриговало.

Я перенес операцию по удалению грыжи и не тренировался. Моя последняя игра завершилась домашним поражением от «Лидса» в конце апреля. Неделей ранее я забил «Ньюкаслу» за десять минут до конца матча, когда мы проигрывали в два мяча. Это был пенальти.

Я встретился с Катнером и спросил его, что он об этом думал.

– Давай просто пойдем и послушаем, – сказал он. – По крайней мере, это будет интересно.

Мы вошли в кабинет Брауна, и он поздоровался со мной так тепло, как только мог. Однако в его голосе звучала и нотка беспокойства, и я думал о том, что, по его мнению, я могу сказать. Он заметно нервничал, но почти сразу же перешел к сути. Клуб хотел, чтобы я остался. Я был удивлен. У меня сложилось противоположное впечатление. Браун сказал, что понимает, как мне тяжело. Я слушал, смотря ему прямо в лицо. Я понимал его слова, но все это казалось мне немного нереальным.

Он понимает? В самом деле? Знает ли он, каково это – чувствовать ненависть тысяч людей, ради которых стараешься изо всех сил? Имел ли он хоть какое-то представление о том, скольких усилий мне стоило игнорировать эти оскорбления в надежде, что я смогу вернуть расположение этих родных мне людей? Мог ли он постичь боль, стыд и разочарование, которые «Вест Хэм» причинил моей семье своим поступком по отношению к отцу и дяде? Я так не думал. В его словах я не слышал ничего, что указывало бы на сочувствие мне и понимание того, через что мне пришлось пройти.

И все же ему хватило наглости говорить, что клуб хотел бы, чтобы я подписал новый контракт и помог ему построить дивное новое будущее. Я посмотрел ему в глаза. Полагаю, я надеялся увидеть хоть какие-нибудь эмоции, хотя бы минимальное осознание того, что я испытываю. Ничего. Даже намека на сожаление.

Я попытался осмыслить происходящее. Неужели они действительно хотели, чтобы я остался и играл за клуб, или здесь было замешано что-то еще? Ведь если бы я подписал новый контракт, моя рыночная стоимость автоматически повысилась бы. До меня доходила информация, что они уже озвучили заинтересованным клубам ценник в 14 миллионов фунтов. Кроме того, по моему контракту мне полагались бонусы за лояльность в случае, если меня решат продать – если бы я подал запрос на трансфер, то лишился бы этих денег. Не состоит ли план в том, чтобы подтолкнуть меня к уходу и сэкономить? Это было очень вероятно, но я на это не клюнул. Браун почувствовал, что ему не удастся меня переубедить. Я отдал им свое время, свое внимание, свою преданность. Взамен они попытались на мне навариться.

Катнер сказал, что в сложившихся обстоятельствах будет даже лучше, если я покину «Вест Хэм». Он был уверен, что они это поймут. Я встал с намерением покинуть кабинет Брауна. Мне отчаянно хотелось оттуда выйти. Перед тем, как зайти, я волновался, а от разговора меня чуть не вывернуло. Неожиданно

президент постарался совершить последнее усилие в попытках убедить меня.

– А если я скажу тебе, кто станет нашим новым тренером, ты не передумаешь? – спросил он.

Я задумался. Какая мне разница, кто заменит в клубе мою плоть и кровь? Размышления продлились не больше секунды.

– Плевать я на это хотел, даже если это Фабио Капелло. Я ухожу.

Я вышел из его кабинета в последний раз. Катнер положил руку мне на спину, демонстрируя поддержку. Покидая «Вест Хэм», я чувствовал лишь облегчение – как будто весь груз, который я носил столько лет, упал с моей души. Все было кончено. Наконец-то все кончено.

Я ушел из «Вест Хэма» не только из-за того, как клуб поступил с моим отцом. Это правда, что я стремился стать более сильным игроком. Но по правде говоря, если бы мой отец и Харри остались, я сделал бы то же самое. Я благодарен клубу за все эти годы, потому что они помогли мне стать тем игроком и человеком, которым я являюсь сегодня. Я горд, что по-прежнему несу в себе дух Ист-Энда. На самом деле, сейчас он сильнее, чем когда-либо. Этот дух заключается в преданности моей семье.

Я всегда буду заботиться о своих близких. От начала и до конца, всю свою жизнь.

4
Конец романа

«Вест Хэм» до сих пор пробуждает во мне сильные чувства.

Иногда, когда я играю против него за «Челси», изливаемая на меня с трибун «Аптон Парка» желчь напоминает мне о гневе и презрении, которые я пытался оставить позади, уходя из клуба.

И хотя бывают времена, когда мне хочется совсем вычеркнуть «Вест Хэм» из своей жизни, я понимаю, что это не произойдет никогда. Невозможно просто взять и отбросить лучшую часть первых 20 лет твоей жизни, и глупо представить, что я могу забыть клуб, который любил больше любого другого.

Однако сейчас я общаюсь с очень немногими болельщиками «Вест Хэма», хотя это и странно, учитывая, что моя семья и среда, в которой я рос, были насквозь пронизаны клубом. Мне так даже комфортнее. Причина? Отношение ко мне со стороны значительной части фанатов «Вест Хэма».

Да, были люди, которые были ко мне добры, защищали и поддерживали меня, даже когда это было непопулярной позицией. Я не забыл и не забуду их.

В моих глазах они настоящая душа «Вест Хэма»: болельщики, которые ценили мою приверженность клубу и старание играть как можно лучше.

К сожалению, они в меньшинстве, и от того, что я думаю и говорю о «Вест Хэме» в таком негативном ключе, мне становится не по себе. Я не хочу оскорбить тех, от кого получал лишь поддержку и признание – их мне критиковать не за что. Однако я не могу просто игнорировать то, что я чувствую, и забыть то, что я пережил.

Когда я возвращаюсь на «Аптон Парк», некоторые говорят мне, что не одобряют то, как ко мне относились и как со мной поступали. Обычные люди, которых я встречаю и на улицах Лондона, в ресторанах и везде, куда бы я ни пошел.

Еще я получаю письма, авторы которых пишут мне, что гордятся тем, чего я, выпускник системы «Вест Хэма», достиг. Это стало происходить чаще при Жозе Моуринью, когда успех стало возможно измерить трофеями и медалями. Эти люди не только выражают мне свои симпатии и восхищение, но и извиняются за прием, который я сегодня получаю на «Аптон Парк».

Это очень мило и хорошо, но я не вижу, чтобы кто-то вставал и противостоял бурлящему вокруг котлу ненависти, когда я выхожу на поле в синей футболке. Я не жду, что они займут мою

сторону, но не понимаю, как кто-то может говорить, что сочувствует моему положению, и тихо сидеть и слушать, как со всех сторон «Аптон Парка» на меня льются оскорбления. Если им не хватает смелости заявлять о своем отношении открыто, зачем говорить о нем мне? В конце концов, я не первый, с кем болельщики «Вест Хэма» обращались подобным образом.

Пол Инс был настоящей легендой – фанаты обожали и боготворили его за уважение к делу и заряженность на поле. Я тоже был его поклонником. В детстве я восхищался им и хотел быть на него похожим – хотел быть таким же активным, доходить до самой штрафной и забивать важные голы. Он был именно таким футболистом, каким я надеялся стать. Инси называл себя Хозяином, и никто не мог поспорить с этим прозвищем.

Пол Инс был настоящей легендой – фанаты обожали и боготворили его за уважение к делу и заряженность на поле. Однако, уйдя из «Вест Хэма», он вдруг стал иудой.

Однако, уйдя из «Вест Хэма», он вдруг стал иудой.

Я находился на трибуне «Аптон Парка» с ребятами из молодежки, когда он вернулся сюда впервые после перехода в «МЮ». От него и мокрого места не оставили. Своеобразные публичные казни были привычным делом для восточной трибуны, но это было настоящее линчевание. Его освистывали и травили с первой минуты, и чем дальше, тем сильнее. Кричалки, плод невероятной злости фанатов, носили абсолютно возмутительный характер. Однако Инси был невозмутим, воспользовался моментом и сравнял счет на последней минуте матча – тогда обстановка накалилась еще сильнее. Теперь ругательства меня по-настоящему испугали.

Я пытался прийти к пониманию, почему некоторые начинают считать своими врагами Пола Инса или Фрэнка Лэмпарда. Футбол полон страсти, и фанаты гордятся тем, как сильно любят клуб и насколько ему преданы. Я знаю это, потому что сам такой же. Но когда акцент смещается в сторону одного отдельного человека – это совсем другое дело.

Вот что происходит, когда я возвращаюсь на «Аптон Парк». Я не знаю, как и почему, но каким-то образом игра превращается в съезд ненавистников Фрэнка Лэмпарда. Это можно понять уже во время чтения диктором составов команд, когда трибуны еще не заполнены до конца. Когда объявляют меня, по стадиону проходит ропот, как и в то время, когда я играл за «Вест Хэм». Все становится хуже, и после стартового свистка фанаты отрываются на всю катушку: «Пошел на хрен, Лэмпард», «Вали в свой «Челси», папенькин сынок», «Иуда», и конечно, моя любимая фраза «Пошел

на хрен, жирный урод!».

Футбольный матч оборачивается какими-то массовыми протестами против возвращения Фрэнка Лэмпарда. Дело не в том, что я себе на уме или параноик. Любой, кто бывал на матчах «Вест Хэма» и «Челси», слышал эти оскорбления и, вероятно, от них устал – если не является держателем абонемента.

Мне доводилось слышать и читать, как болельщики «Вест Хэма» оправдывают свое отношение ко мне хорошей памятью. Я бы посмеялся, но веселого здесь мало. Если бы их воспоминания действительно были такими яркими, то возможно, они увидели бы в них, как пятилетний мальчик в футболке «Вест Хэма», закутанный в слишком большой шарф, ходит на «Аптон Парк» с отцом и сестрами и что есть силы поддерживает команду. И если они и правда болеют за клуб так сильно, как говорят, то наверняка им доводилось посещать матчи молодежки и видеть, как сын легенды «Вест Хэма» старается выйти из тени своего отца. Как он изо всех сил пашет на тренировках и в играх за резерв, надеясь, что однажды станет достаточно хорош, чтобы сыграть за любимый клуб.

Те, кто заявляют, что обладают слоновьей памятью, больше напоминают золотых рыбок. Многих удивляет, что, несмотря на все свои достижения, я все еще переживаю о своем вестхэмовском периоде. Его длительность – основная причина, почему мои воспоминания все еще свежи. Меня поносили за то, что я был сыном Фрэнка Лэмпарда, а не за то, что я недостаточно хорошо играл. Сейчас я занял второе место после Роналдиньо в голосованиях за звание лучшего футболиста Европы и мира и победил в премьер-лиге вместе с «Челси», и моим критикам нелегко это принять.

Они считали, что я недостоин «Вест Хэма», но сейчас я достаточно хорош для того, чтобы играть в основе чемпиона премьер-лиги и сборной Англии. Оказалось, что они были неправы. Какова их реакция? Признать ошибку и помалкивать в мой адрес? Нет, конечно, нет. Ничего подобного. Они понимают, что им показали их место, но гнев застилает им глаза, и вместо того, чтобы забыть обо всем, они теряют всякое чувство меры и бранят меня за мой успех еще больше. Они засовывают головы в песок, клянутся в верности «Вест Хэму» и решают, что их мнение обо мне остается неизменным. Они фанаты «Вест Хэма» и ненавидят Фрэнка Лэмпарда. Как это печально.

Если бы я ушел и не смог стать лучше, если бы в «Челси» я растратил свой потенциал и играл плохо, то мое возвращение на «Аптон Парк» ограничивалось бы чем-то вроде: «Ну ты и лох, Лэмпард» или «Бессмысленная трата денег» и не превращалось бы

в такую вакханалию. Вакханалия вызвана именно тем, что, покинув «Вест Хэм», я стал сильнее и успешнее, и они ненавидят чувство своей неправоты.

Когда мне было восемнадцать, у меня был период, когда я заходил в Интернет и читал фанатские сайты. Там были сотни чат-комнат и форумов, посвященных «Вест Хэму», посетители которых выражали разную степень презрения к моей персоне: от обычного шлака до совершенно неадекватных выпадов. В этих школах футбольной критики меня обозначали как «такого-то сына», к чему я давно привык. Меня называли так же, когда я выходил на поле или разминался на бровке, так что по крайней мере они были последовательны. Как и я последовательно работал, отдавая все силы клубу. Если болельщик говорит мне, что я сыграл плохо, то это его личное мнение, на которое он имеет право, если был на стадионе, и с ним можно согласиться или не согласиться. Футболиста может задеть или обидеть критика его игры, но по-настоящему меня бесит одно очевидно несправедливое обвинение – в том, что я ленивый. Это любимая тема фанатов «Вест Хэма», несмотря на то, что на самом деле я был самым трудолюбивым в клубе.

Я находился на базе даже в выходные, всегда оставался после тренировки и всегда старался стать лучше. Про меня можно сказать все, что угодно, но только не то, что я ленивый. Еще одним нелепым наездом было то, что я якобы забивал только в кубковых играх и против слабых команд.

Звонки в студию были просто уморительны. У этих балаболов было столько претензий ко мне, что мне начинало казаться, что эти потоки оскорблений в мой адрес были любительской попыткой коллективной терапии.

Если я играл хорошо и поводов для придирок не было, то они их придумывали. Еще одной моей любимой претензией было то, что меня никогда не заменяли и не сажали в запас, потому что команду тренировали мой отец и Харри. Мне есть что сказать по этому поводу. Перейдя в «Челси», я сыграл в четырех первых играх и пропустил одну из-за удаления. После этого я провел 164 матча в стартовом составе подряд, установив новый рекорд премьер-лиги. Эта серия длилась пять сезонов при двух главных тренерах. Поэтому я снимаю шляпу перед всеми фанатами «Вест Хэма», жаловавшимися на то, что я никогда не сажусь в запас. Вы были правы, это так, но с причиной вы не угадали. Кто выбирал стартовый состав, не имело значения, как показали дальнейшие события.

Когда я играл в «Вест Хэме», случались и другие инциденты – например, фанаты часто подходили ко мне в пабах после игр. «Вы

только посмотрите. Ты сегодня играл дерьмово, как тебе хватило храбрости явиться сюда после такого?» И так далее, и тому подобное. Однажды вечером я пошел выпить вместе с Монксом и парой его приятелей, фанатов «молотобойцев». Бар был полон крупных мужиков, у которых было не очень много волос на голове и еще меньше интереса ко мне. Но вдруг кто-то закричал: «Эй, Стив! Вон сидит Фрэнк Лэмпард, которого ты поливал весь день!» Мы победили со счетом 2:1 и играли хорошо, но этого было недостаточно. Я был еще совсем мальчишкой. Меня тут же окружили десять мужиков, и я не мог там оставаться. Через несколько минут я ушел, полностью упав духом.

Дошло до того, что мне не нужно было находиться рядом с фанатами, чтобы чувствовать их злобу. Она преследовала меня повсюду – и дома, и на улице. Я ощущал ее, ложась спать вечером и просыпаясь утром. Было так плохо, что в день игры я приходил в ужас от необходимости ехать на «Аптон Парк». Я начинал нервничать за сутки до игры, и мне становилось все хуже. Поначалу я не мог понять, что со мной. Сначала я считал, что это обычное волнение перед игрой: каким будет результат, сыграю ли я хорошо или плохо, и вообще сыграю ли. Но это чувство – все та же тупая боль в животе – не покидало меня и после матчей, и я понял, что дело в другом.

Спустя годы мама заговорила со мной об этом. Она сказала, что очень беспокоилась обо мне. По выходным я выглядел бледно и задумчиво и все глубже проваливался в себя по мере приближения игры. Сначала она списывала мое состояние на предматчевый мандраж, но быстро поняла, что проблема куда серьезнее. Мне было грустно. Я не хотел выходить из дома из-за того, что ждало меня снаружи. Мама понимала, что прямой разговор со мной лишь усилит мою боль и что я попытаюсь сделать вид, что все в порядке и ей не о чем беспокоиться. Это происходило не каждую неделю. Иногда я играл очень хорошо и осознавал это, чувствуя себя увереннее и крепче. Но меня не сильно хвалили за удачные матчи – лишь меньше критиковали. Но я был рад любому послаблению.

Впрочем, оно длилось недолго – пара неточных передач или продолжительное движение без мяча возвращали все на круги своя. Первыми заводились болельщики с «курятника», восточной трибуны напротив технической зоны и скамеек запасных, где собирались самые горячие фанаты клуба. С учетом того, какой шум могут произвести 30 тысяч глоток, начало больше походило на жужжание. Когда эти выкрики доходили до других секторов, скорость распространения возрастала. Свист и улюлюканье охватывали весь стадион, подобно раку. Я знал, как это

происходит, и я так боялся, что не мог даже спокойно принять мяч. Это было дико. Мне всегда хорошо удавалось отбирать мяч у крайних или центральных защитников и разгонять атаки. Я играл так с раннего детства и сейчас так играю. Это самое естественное для меня действие на поле. Но в то время я жутко боялся сделать что-то не так.

Я видел, что могу открыться и получить пас, и начинал осторожничать. Вдруг за мной по пятам следует соперник? Я чувствовал давление и не открывался под передачу, потому что опасался, что это лишь приведет к новым оскорблениям с трибун.

Иэн Бишоп был одним из самых одаренных игроков клуба. Он был старше меня, но в плохие периоды проходил через то же, что и я. Удивительно. В команде были и другие, более брутальные игроки, которым поклонялись только за то, что они иногда шли в подкат. После моего ухода в «Вест Хэме» играл Майкл Каррик, и его оскорбляли точно так же. Почему? Просто он хотел играть хорошо. Это странно: в «Вест Хэме» гордятся тем, что команда всегда следовала духу игры и стремилась играть в футбол, но сейчас тех, кто пытался вновь разжечь этот дух, возненавидели. Ни один растущий молодой игрок не может обойтись без ошибок. Без них нельзя научиться. Никто не идеален. После ухода Майкла из «Вест Хэма» мы с ним общались и нашли общие черты в том, как с нами обращались.

Однако в моем случае все было гораздо более ядовито. Отчасти из-за ситуации с папой и Харри, но думаю, что в любом клубе можно найти одного-двух игроков, которые подвергаются нападками даже в случае качественной игры и побед.

Это в природе людей – или даже в природе футбольных клубов.

Пауло Ванчопе разносили в пух и прах, особенно когда команда испытывала трудности. Пауло был необычным игроком. Он мог великолепно играть в один день и не столь великолепно в другой. Но это случается с каждым! Такой уж он был, и для талантливых футболистов это не редкость. Когда критика бьет по их уверенности, появляется серьезная проблема. Бывает, смотришь одноклубнику в глаза и видишь лишь страх и ненависть – ни внутренней силы, ни страсти. Единственное, что заполняет их мысли – страх перед тем, что может произойти. Это не идет на пользу футболу. Я сталкивался с этим в «Вест Хэме» и сейчас не реагирую на критику так остро. Теряя мяч, я могу справиться с этим и не стесняюсь вернуть его себе, но тогда я пережил очень темные моменты – дни, недели, даже месяцы.

Каждый раз, когда я выходил со скамейки на разминку, определенная часть трибуны начинала меня оскорблять. Я быстро

пробегал мимо них и прятался возле углового флага. Возвращаясь, я поступал точно так же – такое вот ребячество. Бывало, что я совершенно не хотел играть – когда сидел на скамейке запасных, а грязь с трибун уже лилась, и я надеялся, что Харри меня не выпустит, и мне не придется столкнуться с большим. Тогда мне хотелось лишь уйти, не оглядываясь.

У меня не было ни сил, ни воли, чтобы идти вперед. Я стал замкнутым и подавленным из-за всей этой ситуации. Папа все знал. Он видел меня в игре, на тренировках и в семейном кругу. На футбольном поле можно спрятаться, и это довольно несложно – я видел, как игроки это проворачивают. Пару раз теряя мяч, они начинают опасаться новой потери, требуют у тебя паса, а сами бегут в противоположном направлении. Признаться, я и сам так делал в худшие свои моменты. Папа это замечал, но никогда не ругал меня. Вместо этого он мотивировал меня искать встречи с мячом, придерживаться основных футбольных ценностей, смотреть страху прямо в глаза и преодолевать его.

Иногда мне казалось, что я иду ко дну, но папа всегда был рядом и вновь вытаскивал меня на сушу.

Я много размышлял о своем будущем, подумывая перейти в клуб низшей лиги. Доходило до того, что мне приходило в голову совсем оставить футбол. Я предпочел бы работать с 9 до 5 часов, как мои друзья, чем дважды в месяц терпеть оскорбления 30 тысяч человек. Пару раз я пытался уйти из «Вест Хэма». Я шел к Харри и говорил о своем решении, но тот отвечал, что не отпустит меня, что у нас с Рио есть будущее в «Вест Хэме», что мы и есть это будущее. Несмотря на сомнения, я понимал его точку зрения и наивно верил, что увижу свет в конце туннеля.

Я вновь засучивал рукава и работал еще больше. Я выбирался из своей депрессии, говоря себе, что добьюсь успеха. Внутренняя сила, которую я обрел, в дальнейшем стала одним из важнейших факторов моего развития. Сейчас я понимаю, что извлек из той ситуации пользу, став психологически устойчивым. Это очень важно, потому что я и сейчас могу завестись из-за прошлого. В частности, меня раздражает, когда болельщики «Вест Хэма» говорят, что мой прогресс начался после ухода из клуба. Безусловно, в «Челси» я стал гораздо лучше – глупо с этим спорить – но я не могу принять то, что они не видели моего потенциала в «Вест Хэме». Конечно, я развился с тех пор, когда мне было 18 или 21, но со стороны фанатов невежественно отрицать, что мой потенциал был виден уже тогда. Если бы они дали мне шанс, то возможно, я остался бы подольше или по крайней мере ушел мирно.

Я отнюдь не рад тому, что между мной и клубом, в котором я

рос и который так любил, такая вражда. Мне могли дать шанс проявить себя. Они могли бы увидеть во мне мальчика, который вкладывал всю свою душу, стараясь играть как можно лучше; футболиста, отец которого – один из самых верных слуг клуба и член одной из самых успешных команд в его истории. Они могли бы думать об этом, когда я допускал ошибки, и вдохновлять меня на лучшую игру в следующий раз. Они могли дать мне шанс.

Когда на «Аптон Парк» возвращается Рио, он не испытывает никаких проблем. Я бы хотел, чтобы у меня было так же. Мне хотелось думать, что, возвращаясь, я получал бы достойный прием – но дело зашло слишком далеко. Я не изменю своего мнения о «Вест Хэме». Я не могу. Случилось слишком многое, пролилось слишком много крови. Даже если «Аптон Парк» устроит мне овацию, мне будет плевать. Мне это уже не нужно.

Когда я уходил, клуб находился в затруднительном финансовом положении и был вынужден продавать игроков. За меня они выручили 11 миллионов фунтов – очень неплохая прибыль от продажи игрока, доставшегося им бесплатно, и игрока, которого болельщики не считали достойным «Вест Хэма», а тем более «Челси». Меня расстраивает, что за время, которое я провел в клубе, я не получил никакой благодарности. Этот клуб должен был занять особенное место в моей жизни и карьере. Я чувствовал, что мне повезло родиться в семье, настолько тесно связанной с клубом и верной ему. Моей главной детской мечтой было играть за мой клуб, и когда эта мечта исполнилась, я думал, что уже ничто не заставит меня испытывать большую гордость и радость. Мне очень жаль, что эти чувства ушли.

Для меня очень важно, чтобы люди поняли, насколько близко к сердцу я принимаю случившееся. Большинство игроков, болевших за клуб или игравших в нем, всегда будут интересоваться его результатами после ухода. Помню, как Джо Коул, перейдя в «Челси», относился к «Вест Хэму» именно так. После матча кто-нибудь из тренерского штаба зачитывал нам результаты остальных игр, и Джо всегда спрашивал, как сыграли «молотобойцы». Если они проигрывали, он отворачивался в расстройстве.

Мои раны были все еще свежи, и я приветствовал эти новости с кривой ухмылкой. Вот какой была глубина моих чувств – я хотел, чтобы «Вест Хэм» проиграл. Сейчас у меня нет такого энтузиазма – я даже не слежу за их результатами.

Это может прозвучать странно или даже мстительно, но я отказываюсь верить, что кто-то в моем положении мог бы чувствовать себя по-другому. Я не собираюсь извиняться перед теми, кто наслаждался оскорблениями в мою сторону. Разве я

должен? Мне что, нужно страдать от этого отношения тысяч людей все 90 минут и забыть о нем сразу после финального свистка? Это невозможно. Фанаты слишком легко забывают, что то, что случается с игроками на футбольном поле, – важная часть их жизней. Случившееся со мной в «Вест Хэме» сильно меня подкосило. Большую часть страданий я испытывал, когда вокруг не было никого – уже после того, как во время матча меня звали дерьмом, жирдяем и еще чем похуже. И после этого у меня в сердце должно остаться место для «Вест Хэма»?

> Я не собираюсь извиняться перед теми, кто наслаждался оскорблениями в мою сторону. Разве я должен? Фанаты слишком легко забывают, что то, что случается с игроками на футбольном поле, – важная часть их жизней. Случившееся со мной в «Вест Хэме» сильно меня подкосило.

А у моих родителей и моей семьи? Мне так не кажется.

По правде говоря, теперь моя семья не испытывает к «Вест Хэму» никаких чувств. Это была атака на каждого из нас. Она не ограничивалась футболом и отравила наши жизни без пощады и сожаления. В «Челси» все по-другому. Многие болельщики «Вест Хэма» высмеивали «Челси» за то, что тот заплатил за меня кругленькую сумму. Начало моей карьеры в новом клубе не совсем заладилось, и фанаты «Челси» могли бы обернуться против меня. Но они этого не сделали. Мне дали возможность показать, на что я способен, и когда я начал играть хорошо, они сразу оценили это. Они пели мое имя и аплодировали, когда я получал мяч. Помню, как однажды на «Стэмфорд Бридж» я запустил длинную диагональ на Йеспера Гронкьяера. Мяч до него дошел, хотя дело и закончилось угловым. Когда он принял мяч, по стадиону пронесся довольный гул, и подойдя к угловому флажку для подачи, я услышал скандирование: «Есть лишь один Фрэнк Лэмпард». Я подумал: «Ну ничего себе, такого со мной еще не бывало». И это были фанаты клуба, в который я перешел совсем недавно. Так я узнал, что такое справедливое отношение – мне дали время показать все, на что я способен. Моя связь с клубом укрепилась, и я знаю: что бы ни случилось в будущем – например, если «Челси» захочет меня продать или я окажусь не нужен тренеру, – в моем сердце всегда будет место для этого клуба. Я всегда буду следить за его результатами и желать ему побед.

Я бы не променял годы, проведенные в «Челси», ни на что. Там мне оказывали уважение, которого я не знал в «Вест Хэме» и которого не знал мой отец. Он точно вошел бы в сборную «Вест

Хэма» всех времен. Он играл за клуб 20 лет, проведя при этом более 700 матчей. Когда ему было восемнадцать, он сломал ногу, но смог пробиться в состав, долгие годы выступал в основе, а после окончания карьеры стал ассистентом главного тренера.

Папа заслуживает того, чтобы его называли в одном ряду с Бобби Муром, Джеффом Херстом и Билли Бондсом. Я не сравниваю себя с отцом, но мне кажется, что фанаты могли принять во внимание его верность и отнестись ко мне по-другому. Но этого не произошло, а теперь и он не получает должного уважения.

Очень грустно и несправедливо, что папа, посещая «Аптон Парк», вынужден выслушивать гадости. Вместо того чтобы дать легенде, посвятившей клубу всю жизнь, спокойно посмотреть футбол, некоторые предпочитают клеймить его сына. «Скажи своему сынку, что он чертов иуда!» – лишь одна из тех вещей, которые его просили мне передать. Папа сдержался и не отреагировал, хотя парень и сам довольно быстро ретировался – а то быть беде. Все не должно быть так. Разве можно так с ним поступать? Что это за «болельщики», которые ведут себя так? Ненавижу. Меня можно называть как угодно, а отца оставьте в покое.

Какие бы у них ни были претензии ко мне, они не оправдывают такое отношение к моему отцу. Он провел всю карьеру в одном клубе, выиграл два Кубка Англии и подарил болельщикам одни из лучших минут их жизней. Меньшее из того, что они могут для него сделать – показать немного благодарности, но я ничего подобного не жду, как и они не должны ждать чего-то от меня.

Когда-то я старался выкинуть из головы то, что случилось 15 марта 1997 года, но в свете последующих событий это оказалось очень сложно. Мы играли на выезде против «Астон Виллы», и я вышел в стартовом составе. Матч получался рваным и очень тяжелым.

Спустя полчаса после начала я пошел в стык, но шипы застряли в газоне. Боль пронзила мою ногу – я сразу понял, что это перелом.

Физиотерапевт выбежал на поле, прочитал агонию на моем лице и увидел, в каком моя нога состоянии. Он позвал врача и людей с носилками. Я плохо помню эти минуты из-за ужасающей боли, охватившей мой разум. Однако я помню радость и аплодисменты, которыми меня провожал в больницу гостевой сектор «Вилла Парк».

Я провел в гипсе следующие четыре месяца, но мне повезло – я смог восстановиться за лето и был готов к началу следующего

сезона. В это время я сфокусировался на лечении и отбросил весь негатив. Что же произошло в тот день в Бирмингеме, я узнал позже от друзей.

Я был в компании с несколькими парнями, которые ездили на матч с «Виллой». Мы немного выпили, и разговор зашел о моей травме и той игре, завершившейся нулевой ничьей. Они опасались поднимать эту тему, но признали, что некоторые болельщики «Вест Хэма» радовались тому, что я покидал поле – на носилках и в мучениях. Мои приятели извинились за это – им было противно делить трибуну с такими мстительными и злыми людьми. Я просто не мог поверить в то, что слышу. Я знал, что не нравлюсь определенной группе болельщиков, но никогда бы не подумал, что они могут радоваться моей травме. Меня тошнило. Мне было всего восемнадцать – каким нужно быть трусом, чтобы так обращаться с 18-летним игроком?

Это были взрослые люди – но в их глазах можно было увидеть лишь ненависть.

Я пытался не показывать, как сильно на меня подействовал их рассказ. Большинство моих друзей – ближайших и просто приятелей – ходили на все матчи «Вест Хэма», и я спросил их, что обо мне думает большинство болельщиков: «Будьте честны. Я хочу знать». Оказалось, что рядом с каждым из них сидит по меньше мере один парень, поливающий меня на протяжении всей игры. У кого-то был всего один такой сосед, у других – большая часть сектора. Я не был удивлен. Мама и тетя Сандра ходили в ВИП-ложу, и даже там слышали оскорбительные тирады в исполнении одного придурка в нескольких рядах за ними. Маму и тетю Сандру легко узнать, и он хорошо понимал, что делает. Мама вставала со своего кресла и метала гневные взгляды, чтобы смутить, но он все продолжал.

Несмотря на то что мама устала от этих нападок, она не пропускала ни одной игры, а я несколько раз искал этого мужика после игр, но он уже был далеко. Но я не забыл о нем, как и папа. Обычно он не показывает эмоции после моих голов. Он давно научился оставаться спокойным – тем более что на выездных матчах «Челси» ему часто приходится сидеть с фанатами соперника. Мама рассказывала, что всего раз видела празднование гола в его исполнении – когда в январе 2006 года я забил с полулета в игре на «Аптон Парк». Они сидели в ВИП-секторе. Папа вскочил на ноги, сжимая кулаки, и медленно повернулся, чтобы все вокруг как следует его рассмотрели. Думаю, что эта акция была направлена против того парня, который доставал маму и Сандру, но не важно, был ли он на трибуне. Послание папы было более важным: он хотел показать,

что семья для него на первом месте.

Конечно же, в тот день меня освистывали, осмеивали и оскорбляли – обычное дело. Крики раздались, как только автобус «Челси» припарковался возле «Болейн Граунд». «Жирный Фрэнк!», «Иуда!», «Бессмысленная трата» и все такое. Меня забавляет, когда фанаты «Вест Хэма» пытаются оправдать свою ненависть ко мне моим переходом в «Челси». Сколько раз я слышал от них, что меня освистывают только за то, что я предатель. Я смеюсь, читая в прессе про «фанатов, обратившихся против своего бывшего любимца».

Чушь собачья, я никогда не был их любимцем. Меня освистывали практически каждую неделю на протяжении долгих лет. Сейчас они создают миф о том, что в отношении ко мне виноват лишь я сам. Если бы это было так, то я понял бы их чувства. Но все наоборот – мой переход – это следствие их поступков. Они могут это отрицать и отрицают, но я знаю, что произошло на самом деле, и не я один.

После церемонии награждения лучшего футболиста мира 2005 года в Женеве я ужинал с Ианом Райтом, участвовавшим в ней. Мы вспоминали наши вестхэмовские деньки, и он заговорил об отношении фанатов ко мне. Так странно: иногда я оглядываюсь назад в прошлое и не верю, что все действительно было так плохо, как мне запомнилось. Но потом кто-то вроде Райти дает мне взгляд со стороны, и я понимаю, насколько все было беспросветно.

Произошедшее сделало меня крепче. Теперь я лучше справляюсь с разочарованиями, а мое стремление к успеху стало еще сильнее из-за того, что я пережил в прошлом. Это видят и остальные. Рио в разговорах со мной и с журналистами говорил о том, через что я прошел, и как это помогло мне стать лучшим игроком и более сильным человеком. Мне кажется, я смог завоевать уважение тех, кто в те годы был рядом со мной, тем, как себя вел. Они думали, что я не справлюсь, но у меня получилось.

Даже сейчас мне сложно проследить корни этой проблемы: как все началось, почему стало хуже и как достигло такого градуса, как сейчас. Я пришел в команду, сражавшуюся за право остаться в премьер-лиге. Мы сражались за выживание, и война не бывает красивой. Я был готов к борьбе, но еще не был достаточно физически и морально силен, чтобы справляться с этим давлением. Для Рио все было по-другому. Его игре была свойственна естественная грациозность, благодаря которой его прозвали новым Бобби Муром. Рио работал так же много, как я, но его игра лучше принималась фанатами из-за того, что его

талант был более очевидным. Я обладал способностями, но понимал, что во мне не было чего-то столь особенного, что бросалось бы им в глаза и заставляло бы их кричать: «Ого, вот это талант!»

Мне говорили, что я слишком медленный. Сейчас, в 28, я быстрее, чем 10 лет назад, благодаря кропотливой работе над ускорениями и выносливостью, но сказать, что мне не хватало скорости, было бы неправдой. Я не спринтер, и у меня необычная манера бега – с Тьерри Анри мне никогда не сравниться. Но моя сила в другом.

Игра Зинедина Зидана также нетипична. Он не быстр, но его скорость обманчива – он все время с мячом и всегда ищет возможность отдать пас, а не несется на ворота. Я не сравниваю себя с Зиданом. Но мне хотелось бы. Я считаю его одним из величайших игроков и настоящим украшением игры.

Но я точно быстрее, чем считали окружающие.

Я точно не был самым медленным в составе, и конечно, скорость – это еще не все, как и, видимо, хорошая игра. Существовало явное противоречие между тем, как игру «Вест Хэма» видели его болельщики, и тем, как он действительно играл. Утверждение, что та команда была хороша, было бы ложью, потому что я запомнил ее совсем другой.

Мы играли прямолинейно и быстро. Нам приходилось: в борьбе за выживание у вас нет времени на красивую игру и финты. Я старался опустить мяч на землю и играть, но я не мудрил. В то же время я старался созидать больше, чем многие более опытные футболисты, а когда это не совсем получается, легко стать мишенью для болельщиков.

На «Аптон Парк» царила атмосфера противоречивости. С одной стороны, болельщики горячо приветствовали грубые подкаты и воспевали своих тафгаев. С другой, небольшой финт, даже не приносивший преимущество в атаке, встречался ликованием. Ни тем, ни другим я практически не занимался, если вообще занимался. Я старался играть максимально просто, как завещал Рон Гринвуд. К сожалению, красота стиля моей игры ускользала от тех, кого интересовали лишь самые поверхностные элементы футбола.

Я не считаю себя олицетворением всего хорошего и замечательного, что есть в футболе. Я всего лишь делал то, что считал нужным, и старался делать это хорошо. Освистывания я не заслужил. Даже несмотря на 10 забитых мячей в первом полном сезоне, я все равно был козлом отпущения. Мне не давали шанса показать, что я могу играть еще лучше, меня лишь критиковали за то, что я был недостаточно хорош.

И несмотря на все то, что мне причинили фанаты «Вест Хэма», у них для меня всегда найдется новая изобретательная шпилька. Даже после двух побед в премьер-лиге и регулярной игры в сборной Англии болельщики все еще уверены, что я прошел такой путь благодаря тому, что мой отец был ассистентом главного тренера. Я и представить не могу, какими невеждами надо быть, чтобы так считать. Если у вас есть малейшее представление о том, как нужно относиться к рвущему на поле жилы молодому игроку, вы не станете его освистывать – это верный способ его похоронить. Все, что вы можете для него сделать – дать ему время и позволить творить. Критика фанатов «Вест Хэма» никогда не была конструктивной. Как раз наоборот – они хотели меня уничтожить. Они желали мне провала – все еще желают.

Из-за того, что я играл в основе, болельщики задавались вопросом, почему из состава выпадали более опытные и заслуженные игроки. И у них перед глазами был готовый ответ: папа и дядя Харри. Под огнем был не только я.

Мы проиграли пару игр командам, находившимся в турнирной таблице ниже нас, и команду вовсю поливали. В Харри бросали абонементами с пожеланием «пойти на хрен».

В общем-то, он отвечал любезностью на любезность и легким движением руки возвращал абонемент законному владельцу. Многие болельщики разделяли убеждение, что ради места в основе мне не нужно было работать и доказывать свою состоятельность. Если бы я пришел в «Вест Хэм», сделав себе имя в каком-нибудь другом клубе, возможно, мне было бы проще. Точно было бы проще, если бы моя фамилия была не Лэмпард.

Говорят, что нужно разыгрывать карты, которые тебе раздали. Это относится и ко мне.

Я во многом стал жертвой обстоятельств и не мог повлиять на то, кто мой папа, да и не стал бы. Или на то, что я попал в основной состав уже в 17 лет. Я ни о чем не жалею, потому что испытания сделали меня сильнее – достаточно сильным, чтобы справиться с чем угодно.

Когда мне исполнился 21 год, я осознал, что эту битву мне не выиграть. В «Вест Хэме» я никогда бы не избавился от клейма папенькиного сынка. Я начал представлять себя в других клубах и в других цветах. Сначала меня это немного потрясло. Всю свою жизнь я мечтал играть в футболке «Вест Хэм Юнайтед» и не променял бы свой клуб ни на один другой.

Но потом, спустя годы постоянных изнурительных унижений, все поменялось. Я пошел бы на все, чтобы уйти. Я бы отправился в чемпионшип или уехал за границу – куда угодно. Сейчас,

в «Челси», я полностью удовлетворен своей карьерой, и мне смешно оттого, что я все еще являюсь мишенью для оскорблений.

Не считая отношений с Элен и нашей дочери Луны, больше всего в своей жизни я доволен тем, что покинул «Аптон Парк» и многого достиг. Болельщики, освистывавшие и делавшие меня крайним, могут ставить себе в заслугу то, что они мотивировали меня желать большего. В какой-то мере они и сейчас меня мотивируют. Мы с моей семьей знаем, что даже если я в одиночку приведу Англию к победе на чемпионате мира, все равно найдутся фанаты «Вест Хэма», которые припомнят мне упущенный момент или неточный пас. Мы смеемся над ними, ведь это именно что смешно – смешно, что кто-то может необоснованно иметь на меня зуб.

Если лучшая месть – жить хорошо, то я могу сказать, что я очень счастлив – счастливее, чем когда-либо в «Вест Хэме» – клубе, в котором я всегда хотел играть. Сейчас я знаю, что это уже никогда не повторится.

5
Мой цвет – синий

Клаудио Раньери понравился мне с первой же встречи. По дороге к его дому в Парсонс Грин я сильно волновался, и не только потому, что я вот-вот должен был встретиться с главным тренером «Челси», куда имел возможность перейти. Катнер заехал за мной на такси, и поездка по улицам западного Лондона стала для меня своеобразным приключением. Каким-то образом она вселила в меня хорошее предчувствие по поводу того, что таило в себе будущее. Районы Найтсбридж, Челси и Фулхэм Роуд были мне абсолютно незнакомы, но я сразу же почувствовал, что это место меня влечет. Это был новый экзотический мир, бросающий мне вызов. До этого я жил только в Эссексе, и все мои путешествия ограничивались поездками из дома в Чедвел Хит на тренировки и на «Аптон Парк» в дни матчей.

Было тепло, и ряды белоснежных домов блестели, купаясь в солнечных лучах. Катс увлеченно рассказывал о возможных сценариях встречи. Я слушал, но не испытывал волнения. Я был настроен оптимистично по поводу перехода, себя лично и направления, в котором я двигался.

По прибытии нам открыла экономка Раньери. Я впервые в жизни встретил экономку и был несколько смущен. В доме все было очень стильно, и чувствовалось, что здесь было привычно иметь прислугу. Нас проводили в комнату, где нас ожидал главный тренер «Челси».

Он показался мне очень дружелюбным и открытым. Он поприветствовал нас вежливо, но в той же теплой, добродушной манере, в которой обращался ко всем, с кем общался. Он был хорошо одет: пиджак спортивного покроя, брюки и рубашка, элегантно, но по-итальянски непринужденно – классический Клаудио, как показали будущие годы. Его чувство стиля во многом отражало его личность. Раньери был из другого поколения, нежели игроки, которых он тренировал и воспитывал. Он – дитя эпохи и культуры, в которых надлежало соблюдать определенный уровень формальности, и поэтому носил пиджак. В то же время он остро чувствовал футбольные реалии – как то, что твой внешний вид и машина, которую ты водишь, являются неотъемлемой частью производимого тобой впечатления. Я думаю, иногда ему приходилось бороться со своей приверженностью к олдскулу, но опять-таки у него была классная черная «Феррари», которую он купил в Италии и привез с собой –

я бы даже сказал, очень классная. Даже среди внушительной коллекции автомобилей, припаркованных возле Харлингтона, нашей тренировочной площадки, машина шефа притягивала восхищенные взгляды. Ему это нравилось.

К сожалению, на первой встрече было несколько сложно изъясняться свободно, поскольку его английский был еще не так хорош, и Гэри Стэйкеру пришлось переводить почти всю беседу. Сначала Гэри получил известность как переводчик Джанлуки Виалли, когда тот только перешел в клуб. Потом он стал ассистентом Луки и до сих пор является неотъемлемой частью клуба. Он сильно помогал и Раньери после его переезда в Лондон.

> Раньери был из другого поколения, нежели игроки, которых он тренировал и воспитывал. Он – дитя эпохи и культуры, в которых надлежало соблюдать определенный уровень формальности, и поэтому носил пиджак.

Не думаю, что в первые несколько месяцев у него было время на уроки английского.

После увольнения Виалли по прошествии четырех туров чемпионата 2000–2001 годов основной целью Челси было достижение результатов, а разобраться со всем остальным планировалось по пути. Это привело к тому, что среди фанатов и СМИ укрепился образ Раньери, искаженный из-за того, что он не мог свободно изъясняться.

Я сразу понял, что он за человек. Он ничего не скрывал. Обмен любезностями прошел быстро. Он пошутил насчет погоды, я посмеялся. Не знаю, почему, но мне показалось это уместным. И мы тут же перешли к делу – не к финансовому вопросу, а к футболу. Он долго и подробно объяснял мне свою философию и идеи. Он видел меня игроком, для которого важна техническая сторона игры. Игроком, жаждущим учиться и запоминать новое. Тут он был прав. Интуиция редко его подводит – Клаудио очень хорошо разбирается в людях. Даже несмотря на то, что почти весь разговор проходил через переводчика, я уже начинал его понимать.

Мы мгновенно прониклись взаимным уважением. Мне понравилась его прямолинейность. Я ценю людей, которые откровенны со мной – он не юлил, говоря, что хочет улучшить мою игру в защите. В части нападения у меня было все в порядке. Он видел меня в деле, плотно изучал нарезки с моей игрой и считал, что у меня имеется уклон в сторону атаки – примерно 70 на 30. Не скажу, что я был не согласен с его оценкой. Мне нравилось выдвигаться вперед к воротам, но меня заинтриговала

его задумка, призванная сделать меня еще эффективней. План был прост: он хотел изменить баланс в моей игре на 50 на 50, помочь мне научиться удачнее выбирать время этих подходов, а также больше участвовать в игре в центре поля.

Он был заинтересован в моей энергии и потенциале. Раньери считал, что сможет раскрыть их и помочь мне стать еще более сильным игроком. Я был впечатлен. Я толком ничего и не сказал, а он уже прочитал мое страстное желание прогрессировать.

Он обрисовал свое видение команды. Планировалось еще несколько крупных трансферов с игроками, которые хорошо дополняли бы меня. Он собирался приобрести еще одного полузащитника, и я был заинтригован, когда он упомянул Эммануэля Пети. Он перешел из «Арсенала» в «Барселону», но не смог адаптироваться и показать весь свой талант. Вместе с Патриком Виейра Пети составлял ядро команды, которая в 1998 году размазала всех на пути к победе в чемпионате и кубке Англии, оформив золотой дубль. Также он выиграл чемпионаты мира и Европы вместе со сборной Франции, и вот он переходит в «Челси» и будет играть бок о бок со мной. Отлично. Волноваться не о чем.

Планировались и другие подписания, но в моей голове и так роились сотни самых разных вопросов. Какие у нас перспективы в этом сезоне? Будет ли Пети играть на подстраховке, как на «Хайбери», и позволять мне идти вперед? Какой игровой номер я получу? Мне пришлось притормозить. Раньери продолжал говорить, но уже чувствовал, что ему удалось достучаться до меня. Больше всего, однако, меня привлекло его всепоглощающее стремление преуспеть в «Челси».

Он стал рассказывать о своих планах на предсезонную подготовку. Прежде я был знаком лишь с традиционными методами Харри и отца – мы были людьми привычки. Возвращались в первую неделю июля и в течение недели устраивали пробежки в парке Хайнолт Форест. Это была простая и эффективная схема; после летнего перерыва усиленные тренировки приносили удовольствие, и было приятно снова находиться среди своих. Мы проводили разминку, а после играли двусторонки пять на пять. Такой режим подходил нашему разношерстному составу – хорошим молодым игрокам и игрокам постарше, привыкшим тренироваться так, как они это делали на протяжении всей своей карьеры. Харри знал, что нет смысла пытаться научить старых псов новым трюкам, а представить, что кто-то вроде Бритвы Раддока мог проходить комплексные тесты от фитнес-тренера «Челси» Роберто Сасси, было очень сложно. Помню, как-то раз папа попытался заставить Бритву

потренировать рывки – не знаю, зачем. Ему все-таки было 33 года, и он весил за сотню килограммов. Наверное, папа был излишне оптимистичен, считая, что может подтянуть скорость Бритвы. Уже минут через пять тренировка дала результат, но не тот, что папа ожидал, поскольку Раддок потянул икроножную мышцу и, прихрамывая, направился к физиотерапевту.

Какое-то время в «Вест Хэме» тоже был итальянский специалист по физподготовке. Арнольдо Лонгаретти – мы звали его Арни – работал в Серии А, и открытость Харри всему новому и чей-то совет привели Арни в наш клуб. Это был интересный эксперимент, но для некоторых парней постарше он оказался немного чересчур. Иан Райт, Бритва и даже Монкс не выдерживали нагрузок, и в конце концов Харри пришлось попросить Арни притормозить. А вот Паоло Ди Канио его обожал. Неудивительно. С ним он даже занимался дополнительно – прыжки через конусы и спринты. Так я узнал о существовании различных тренировочных методик, но это была лишь пробная версия того, что ожидало меня в «Челси». Во время тренировок в «Вест Хэме» я не только нарастил мускулатуру, но и приобрел характер – я был благодарен за это, но я изменился и был готов к чему-то новому. Отец видел это и поддерживал меня в моем стремлении найти то, что поможет мне подняться на новый уровень.

Когда мы сидели в тот день в его гостиной, Раньери уже продумал каждую мелочь в подготовке игроков к сезону. Я и сам от природы очень организован, и это мне понравилось. Раньери такой же – несмотря на то, что окружающим кажется, что он действует суматошно, веселит и раздражает людей своей манерой общения с прессой. Бывало, стараясь донести свои мысли, он пытался переводить итальянские поговорки на английский или использовал английские выражения не в том контексте. Такие случаи происходили и при общении с игроками, нас они тоже забавляли. Однако Раньери был очень скрупулезен во всем, что касалось команды.

В нашей насыщенной беседе вдруг возникла пауза. Его экономка принесла нам напитки. Раньери очень гордился своим происхождением и посоветовал мне попробовать кофе, сказав, что он итальянский. Мне нравился его стиль. С ним мне было комфортно, и некоторое время я просто сидел и слушал его, обдумывая свои действия.

Недавно интерес к моему приобретению выразила «Астон Вилла», но до этого момента я не особенно много размышлял о переезде в Бирмингем. Первым клубом, вышедшим со мной на контакт, был «Лидс Юнайтед», и меня очень привлекала

атмосфера грядущего успеха, которую клуб обрел за сравнительно короткий период времени. Они были довольно многообещающей командой и считались будущим топ-клубом. Они уже хорошо себя показали, дойдя до полуфинала Лиги чемпионов, где потерпели поражение от «Валенсии», и от них ждали следующего шага – бросить вызов «Ман Юнайтед» и «Арсеналу» в борьбе за первое место в премьер-лиге.

Я отправился на встречу с Дэвидом О'Лири, который считался лучшим молодым тренером в стране. Я подготовился. Как-никак, в прошлом сезоне Рио перешел туда за рекордную сумму, поэтому выбор был несложный. Он рассказывал мне об их сильном командном духе. Большинство игроков были молоды и разделяли амбиции и стремление к трофеям. Алан Смит, Робби Кин, Дом Маттео и другие были хорошими игроками, и команда представляла собой сплоченный коллектив, в котором все упорно трудились и любили проводить время вместе. Рио считал, что переезд из Лондона принес ему сплошную пользу. После всего случившегося со мной в «Вест Хэме» мысль о переезде была очень заманчивой. Лидс был очень далеко – далеко от насмешек над «папенькиным сынком» и обвинений в кумовстве. В Лидсе я мог бы быть самим собой и научиться самостоятельности. Мне отчаянно хотелось расстаться со своим прошлым. Лидс мог стать спасением. Район, в котором располагалась тренировочная база «Торп Арч», очень красив, а жизнь здесь сильно отличалась от той, к которой я привык.

Что же касалось самого футбола, то решившись на переход, я задумался о том, куда гипотетически хотел бы перейти, и «Лидс» первым пришел мне в голову. И так сложилось, что он стал первым клубом, сделавшим мне предложение – чрезвычайно заманчивое предложение. Теперь это не кажется удивительным, учитывая склонность владельцев играть по-крупному. Но на тот момент результаты клуба были достойны затраченных денег.

Вокруг клуба была большая шумиха, но меня смутило то, как она повлияла на наш разговор с О'Лири. Я был уверен, что «Лидс» – это клуб, который знает, чего он хочет. Также казалось, что на пути к своей цели они не остановятся ни перед чем – для них нет слишком высокой цены, ни в плане стоимости трансфера, ни в каком-либо еще. Я почувствовал, что все это немного слишком, и не мог понять, какова моя роль в этом их плане. О'Лири объяснил мне, не затягивая. Он был по-своему вежлив и сказал, что «Лидс» хочет меня купить, но мне придется бороться за свое место. В клубе уже числились и сражались за место в полузащите Ли Бойер, Оливье Дакур, Дэвид Бэтти, Эйрик Бакке и Стивен Макфейл. Должен сказать, я был несколько шокирован:

но не тем фактом, что мне не гарантируют места в основе – я был рад показать себя и ожидал этого – а непродуманностью стратегии.

Учитывая то, что «Лидс» обозначил серьезность своих намерений, предложив 14 миллионов фунтов, в которые «Вест Хэм» меня оценил, я ожидал, что у них будет замысел, как задействовать меня наиболее продуктивно – на какой позиции я буду играть и с кем, чего от меня будут ожидать. Это достаточно очевидные нюансы, которые принято учитывать, если собираешься потратить столько денег. Но ничего подобного не было. И хотя весь этот эксперимент на «Элланд-роуд» впоследствии провалился, как и попытки погашения финансировавших его кредитов, я рассчитывал, что у тренера хотя бы будет четкое представление о моей роли в его планах. Но О'Лири, казалось, был другого мнения на этот счет. Он знал о конкурирующем предложении от «Челси» и сменил тактику. Он думал, что «Челси» постоянно выкидывал деньги на ветер, покупая отыгравших свое бывших звезд, жажда успеха которых уже давно была удовлетворена или сводилась лишь к получению большой зарплаты. Такая трансферная политика на «Стэмфорд Бридж» продолжалась уже давно. Густаво Пойет, Джанфранко Дзола, Пети и даже Виалли – все эти игроки перешли в клуб, когда им было уже за тридцать. Каждый из них выступал с разной степенью эффективности. «Лидс» же, наоборот, состоял из молодых и амбициозных игроков и достиг бы многого, вне зависимости от того, присоединился бы я к ним или нет.

О'Лири рисковал, общаясь со мной таким образом. «Лидс» придерживался манеры поведения, которую некоторые считали высокомерной и которой я в некотором роде восхищался. Я тоже хотел быть лучшим и не стеснялся этого. Разница между мной и «Лидсом» заключалась в том, что я никогда не смог бы вести себя столь же дерзко, какими бывали они, и на тот момент я не обладал достаточной самоуверенностью. В общем и целом, я не был впечатлен. О'Лири сказал, что если я хочу заработать побольше денег, то мне следует остаться в «Вест Хэме». Я нашел это оскорбительным, с его стороны это было абсолютной несправедливостью. Деньги в разговоре даже не всплывали. Единственной причиной, по которой я проделал весь этот долгий путь по трассе М1, было желание поговорить с ним о футболе. Я никогда не занимался деталями контракта, зарплатой и другими финансовыми вопросами. Конечно, я заботился о своих доходах, как и любой другой, но тон, в котором он высказался обо мне, предполагал, что переход меня на самом деле не интересовал. Это также взбесило меня. Советуя мне остаться в «Вест Хэме», где

мне было комфортно и где я мог играть каждую неделю, он сказал мне кое-что, чего говорить не стоило. Я приехал не для того, чтобы тратить его или свое время.

За время нашей беседы О'Лири успел сказать многое, но у меня было ощущение, что я так ничего и не узнал о своей предполагаемой роли в механизме «Лидса». Я питал большие надежды на переход. Больше всего на свете я желал стать лучше, стать частью амбициозной и перспективной команды, но этот разговор меня лишь запутал. С Раньери я точно знал, где мое место и чего бы он от меня хотел. В этом они с О'Лири сильно отличались. После этого никогда не возвращался к мыслям о «Лидсе».

Раньери четко дал понять, что уважает меня как игрока, и считал, что я способен преуспеть, играя под его руководством. Я тщательно все обдумал, размышляя о том, каково это – подписать контракт с «Челси». Я никогда не болел за них, но и ненависти не испытывал. Я был фанатом «Вест Хэма». Фанаты «Вест Хэма» испытывали здоровую неприязнь к фанатам «Челси», разжигаемую обычным соперничеством двух команд из одного города. У клубов была определенная история противостояния, но уже очень долгое время ни один из клубов не считался доминирующей силой, и особых поводов для волнений не было. Принимая во внимание отличие в географическом положении и тот факт, что «Челси» в последнее время тратился чуть ли не больше всех в Англии, фанаты «Вест Хэма», похоже, были сосредоточены на более традиционных соперниках вроде «Тоттенхэма». Тем не менее это решение было для меня непростым. Я рос с любовью к «Вест Хэму», который считал себя крупным лондонским клубом, и мысль о том, чтобы играть за другую команду, прежде даже не приходила мне в голову. На то не было причин. Всю свою жизнь я жил «Вест Хэмом» и наивно полагал, что никогда из него не уйду. Ну, точно не в другой столичный клуб. Всем было хорошо известно, кто я и откуда, и я гадал, как меня примут фанаты «Челси». Как ни крути, я поддерживал другой клуб, а теперь должен был играть за них.

Между «Вест Хэмом» и «Лидсом» не было принципиального соперничества. Я покидал клуб, где вечно попадал под раздачу за то, кем являлся. Мне не хотелось переходить туда, где рисковал навлечь на себя такое же отношение по тем же причинам. Последнее, чего бы мне хотелось в моем положении – попасть из огня да в полымя. Я просто не знал, примут ли они меня.

Я поспрашивал мнения своих одноклубников, с которыми общался наиболее плотно – Стива Ломаса и Джона Монкура – им я доверял. Меня смущало, что в «Челси» был довольно глубокий

состав, многие игроки которого были звездами, и в случае перехода мне пришлось бы попотеть, чтобы пробиться в состав. С другой стороны, такая конкуренция дала бы мне возможность стать сильнее. Монкс и Ломи были уверены: зная, что я хотел прогрессировать, они посоветовали отодвинуть вопрос с фанатами на второй план. Главным было то, что в «Челси» в окружении лучших игроков я мог и сам стать лучше. Это суждение, высказанное многоопытными коллегами, мнение которых я уважал, имело большой вес. Хотя, возможно, они просто хотели выпроводить меня, чтобы избавиться от лишнего конкурента за место в центре поля!

Предложение от «Челси» поступило почти в самом конце трансферного окна, но, как только я познакомился с Раньери и осмотрел стадион, все закрутилось очень быстро. За меня заплатили 11,1 миллиона фунтов. Я пытался осмыслить, что это значило, но, откровенно говоря, происходило столько всего, что мне было трудно собрать мысли в кучу. Даже контракт я подписал не в установленный день. Нужно было пройти медосмотр – процедура была стандартной, хотя этим летом мне и вырезали грыжу. Слухи уже просочились, но официальное заявление поставили на следующий день. На пресс-конференции Колин Хатчинсон – генеральный директор клуба – рассказывал о том, что я был куплен на замену Густаво Пойету и Деннису Уайзу, которые только что покинули клуб. Слушая его речь, я осознал, что задача выйдет непростой. Пойет был настоящей легендой «Челси» и побил не один бомбардирский рекорд, хотя, конечно, чем-то подобным я занимался в «Вест Хэме». Мне дали восьмой номер, прежде принадлежавший Пойету, что меня несказанно обрадовало. Это был мой счастливый номер, а при переходе в новый клуб нет никакой гарантии, что тебе так повезет. Я ответил на несколько вопросов, но в целом пресс-конференция показалась мне несколько пугающей и странной. Мы вышли на поле «Стэмфорд Бридж», чтобы сделать несколько снимков. Я оглядел стадион, который уже был мне неплохо знаком, поскольку мне уже приходилось на нем выступать.

Колин передал мне мою новую футболку, и со всех сторон защелкали затворы фотоаппаратов. Посмотрев на синюю майку, я на какое-то мгновение осознал, как сильно изменилась моя жизнь – я взял новый курс на будущее. «Вест Хэм» остался позади, где-то далеко на востоке. Все это казалось немного нереальным, похожим на сон – но в то же время абсолютно естественным, даже раскрепощающим. У меня было отличное предчувствие. Раньше я страшился, что почувствую себя совершенно не в своей тарелке, но зря – я чувствовал себя как дома. Я сделал глубокий вдох и

мельком взглянул на себя в полностью синей форме. Я выпрямился и высоко поднял голову. Я ощутил нечто, чего не испытывал уже довольно долгое время: я снова гордился тем, что играю в футбол.

Съемка подошла к концу, но оставалась еще одна формальность: мне нужно было познакомиться с президентом клуба. Люди называли Кена Бейтса «Мистером Челси». Им он и был, хотя все, что касалось самой игры, он доверил тренерам и Колину. Прежде я с ним знаком не был, но благодаря его частым появлениям в прессе можно предположить, какой он. У него была репутация человека, твердо придерживающегося своей точки зрения и не терпящего возражений, и потому я немного забеспокоился, когда Колин сказал, что мы приглашены на ланч в ресторан Fishnets в Челси Виллидж.

Кен Бейтс, несмотря на невысокий рост, производит впечатление сильной и властной личности, и этот образ ему идет. Я был немного взволнован. Не каждый день лицом к лицу встречаешься с кем-то, кто только что отвалил за тебя одиннадцать миллионов, но он был чрезвычайно дружелюбен, и в конце концов мы стали довольно близки. Странно, но я чувствую, что многим ему обязан, потому что он с готовностью отдал за меня такие деньги. Я не отвечал за ситуацию на трансферном рынке – а за меня была заплачена рыночная цена – но, когда за тебя были отданы деньги, естественно испытывать легкое волнение. В себе я не сомневался, но со стороны Кена Бейтса это был огромный акт доверия, и к тому же очень дорогостоящий.

Но между нами что-то щелкнуло, и он с самого начала проявил ко мне особый интерес. Он не особенно вмешивался, но иногда в раздевалке мы получали небольшие замечания о том, что ему нравится, а что не очень. Если возникала проблема, он немедленно давал это понять. К счастью, мне удавалось сохранять его благосклонность – по большей части.

Впервые я влип в неприятности перед последним матчем сезона, в котором нашим соперником был «Мидлсбро». Мы всей командой находились в отеле, когда он увидел меня и предложил присесть. Я сразу же понял, что это неспроста. Он спросил, был ли я в ночном клубе в предыдущую субботу. Он говорил спокойно, как и всегда. Я признался, что ходил в клуб, но был несколько озадачен и обеспокоен тем, куда движется наша беседа.

– Ты пил в клубе, – сказал он.

– Да, я отдыхал и немного выпил, – ответил я.

– Вышибала в клубе – мой знакомый, и он сказал, что ты пил очень много.

Меня загнали в угол, и я не знал, что ответить.

– Господин президент, не так уж я был и пьян. Я встречался с друзьями и немного выпил, – сказал я, но он меня прервал:

– Послушай. Я заплатил за тебя 11 миллионов и сто тысяч фунтов и не хочу, чтобы ты меня подводил.

Он говорил в своей манере – прямолинейно, но сильно не давил. Сейчас я оглядываюсь на эти события и уважаю его еще больше. Он хотел, чтобы я знал, что он в курсе всего, что происходит, но также и хотел, чтобы я отвечал за свои поступки. То же самое случилось, когда я дал интервью мужскому журналу. Это был мой первый и последний раз. Мне задали несколько вопросов о раздевалке и шутках, которые в ней приняты, и все обернулось кошмаром. В статье были намеки сексуального характера, и один из таблоидов зацепился за это и вывернул все наизнанку. Это была моя ошибка, но до меня дошли слухи, что президент был очень недоволен. Меня не вызвали на ковер, но однажды я шел по коридорам «Стэмфорд Бридж» и услышал хорошо знакомый голос.

– Фрэнк! Подойди, пожалуйста.

«Черт, – подумал я. – Меня прижали».

Я чувствовал себя провинившимся школьником. Я знал, о чем пойдет речь, и прежде, чем он заговорил, я дал понять, что сожалею и что такое больше не повторится. Однако он не собирался устраивать скандал. Напротив, он был очень взволнован. Он сказал, что я выше того, чтобы давать подобные интервью, что мне стоит думать, прежде чем говорить – думать о том, как мои слова могут быть истолкованы. Он был прав, а я не знал, что ответить. Он сделал мне своего рода выговор. Я почувствовал, что он скорее разочарован, чем зол на меня. Он принял меня под свое крыло, а меня подловили и поставили в неприятное положение, и это ранило его.

Он искренне интересовался своими игроками, и ни в коей мере не оскорбляя множество иностранных футболистов, которые великолепно служили «Челси», он, казалось, особенно заботился о благополучии английских ребят. Когда Джоди Моррис и Джей Ти влипли в неприятности в ночном клубе Wellington год спустя, он публично защищал их, поддерживал и первым возвестил о том, что их оправдали.

Кен был очень преданным человеком и ожидал такого же отношения. Он управлял клубом как частью своей семьи, а его жена Сюзанна вносила материнскую лепту. Она выражала живой интерес к женам и девушкам игроков и очень помогла мне, когда я только пришел в клуб. Сюзанна была очень деликатной, чем разительно отличалась от Кена. Она очень заботливая, и в этом

смысле напоминала мне мою маму.

Под конец своего первого сезона в «Челси» я начал встречаться с Элен Ривас. Элен – испанка, и, хотя она прекрасно владеет английским, ей порой бывает непросто включиться в некоторые беседы, особенно с малознакомыми людьми. Кен и Сюзанна знали о серьезности наших отношений и пригласили нас на ужин в итальянский ресторан La Famiglia рядом со «Стэмфорд Бридж». Я переживал по поводу предстоящей встречи. Мы пришли в отель Chelsea Village, и нам сказали подняться в апартаменты Кена. Он был галантен и провел для нас экскурсию, после чего мы спустились и сели в такси. Кен разговаривал с водителем в своей бесцеремонной манере, спрашивал, болеет ли тот за «Челси». Бедолага ответил, что он фанат «Тоттенхэма» – ответ неверный, и Кен доставал его, пока мы не приехали. Нас усадили за хороший столик – естественно – и официант разлил напитки. К блюду мне подали бокал красного вина, которое я очень хотел попробовать на вкус, но к которому боялся прикоснуться, ведь Кен мог не одобрить. Я думаю, он это заметил. Я отпил буквально один глоток, но в разгаре вечера он заказал напитки всем, кроме меня. Мне это показалось уморительным. Кен – отличный собеседник, прирожденный рассказчик. К несчастью, он болтал о футболе и говорил так быстро, что Элен с трудом удавалось прослеживать линию разговора, и она занервничала. Сюзанна обратила на это внимание и сменила тему разговора, чтобы Элен было комфортнее.

Думаю, Джей Ти он тоже приглашал на обед – это был его способ сказать, что мы составляем английское ядро команды, сердце и душу «Челси», какими он их видел. Не реши он раскошелиться на меня, я мог и не перейти в клуб и не достичь того, что я достиг в своей карьере, и я очень признателен за это. Я полагал, что это огромные деньги, но, как оказалось, не такие уж большие, по мнению остальных.

На самом деле я даже гордился суммой трансфера. Я бы хотел, чтобы она была как можно больше, просто потому что это означало бы, что я ценный игрок для команды, ее заплатившей. Эта сумма не сильно на меня давила. Наверно, было множество фанатов «Челси», в то время считавших, что сумма слишком велика, и еще больше болельщиков «Вест Хэма», которые потирали руки при мысли о ней, но я верил в себя больше, чем кто бы то ни было. Фрэнни Джеферс перешел из «Эвертона» в «Арсенал» в тот же день за чуть меньшую сумму, так что все было относительно и в соответствии с текущей ситуацией на трансферном рынке. Единственным, с кем я это обсудил, был

отец. Он сказал, чтобы я не беспокоился, ведь через несколько лет я буду стоить вдвое больше. Я посмеялся над ним. Я знаю, что он пытался помочь мне расслабиться, но он любит напоминать, что был прав. В любом случае, я никак не мог повлиять на стоимость перехода – на нее нужно было просто закрыть глаза.

> На самом деле я даже гордился суммой трансфера. Я бы хотел, чтобы она была как можно больше, просто потому что это означало бы, что я ценный игрок для команды, ее заплатившей.

В начале июля состоялась предсезонная поездка в Роккапорену в Италии, но перед этим у меня было что-то вроде небольших каникул, и я переехал из Эссекса в квартиру над магазином на Уолтон-стрит в Челси, арендованную для меня клубом. Для меня переезд был большим событием, и я готовился к нему несколько недель. Я всего лишь переезжал на другой конец Лондона, так сказать, но всю свою жизнь я провел в районе, в котором вырос – он был знакомым и безопасным. В то время еще одним клиентом Катнера был Марк Боснич, он уже был в клубе и жил неподалеку. Он очень мне помог – показал окрестности и рассказал кучу всего о клубе.

Бозо был очень яркой персоной. Он подвез меня на мою первую тренировку, и я сразу понял, что он стопроцентный голкипер. Его голос был очень громким и четким, а смеялся он просто громогласно. И он не прикидывался. Таким он был почти всегда – величественным и веселым.

Мы часто ходили ужинать вместе. Он жил неподалеку, и мою квартиру можно было считать великолепной уже из-за одного только расположения. На Уолтон-стрит сконцентрировано большое количество магазинов и ресторанов, а я жил прямо над рестораном Scalini. Очень быстро я подсел на его кухню, а спустя еще какое-то время официанты собирали мне заказ навынос – абсолютно любые блюда из меню. Было забавно, поскольку в период моих выступлений за «Вест Хэм» ужин в Scalini становился большим событием. И вот теперь я жил в двух шагах от него, делал заказ по телефону, и уже через пару минут кто-нибудь из работников доставлял его к моему порогу. Это мой любимый ресторан и по сей день.

В новом районе я освоился легко, а вот переход в клуб стал поистине культурным шоком. Все радикально отличалось от того, что было в «Вест Хэме». Например, в Чедвел Хит у нас была повар Ширли, которая, дай ей бог здоровья, была очаровательной, но готовила ограниченный ассортимент блюд: пирог с курицей и грибами, пастуший пирог и, время от времени, спагетти

болоньезе. По понедельникам мы ели жаркое, а всю оставшуюся неделю питались плотно. Я любил такую пищу, хотя она не всегда сочеталась с тренировками и футболом. Больше всего столовая «Вест Хэма» напоминала закусочную или бургер-бар. Она была оборудована не лучшим образом. На старой тренировочной площадке «Челси» в Харлингтоне дела обстояли примерно так же. Условия были отстойные, у нас была большая открытая кухня наверху, но еда была совсем другой. Был огромный выбор различных видов спагетти и салатов, и я сразу понял, что моя диета изменится радикально.

Мало было мне культурного шока в столовой, так Раньери еще и очень любил отслеживать физические показатели игроков с помощью анализа крови. Один такой провели в мой первый день, и меня поразило, что они наполнили кровью около десяти маленьких колбочек для анализа, оценки уровня метаболизма и общего здоровья моего организма. Удивительно, но в тот день они обнаружили, что уровень железа у меня в крови мизерный – не критический, но на грани. Поначалу я скептически относился к этим процедурам. В «Вест Хэме» ничего подобного не производилось. Если бы врач взял анализ крови у одного из наших парней в Чедвел Хит в неудачный день, то обнаружил бы, что тот выпил десять кружек пива и пару бокалов вина, не думаю, что кто-то из нас хотел знать о таком. Харри знал, что у нас такая система работать не будет, и не настаивал. А если серьезно, в моем первом сезоне в «Челси» Раньери частенько давал мне выходной и время от времени отправлял отдыхать без объяснения причин. Оказалось, это было нужно для того, чтобы уровень железа в моем организме пришел в норму.

Лично я считал, что он слишком уж сильно полагается на эту систему. Меня не смущали обследования, но я искренне убежден, что игроки знают свой организм получше любых докторов, когда дело касается общего состояния здоровья. На определенном этапе Раньери хотел, чтобы железо мне вводили с помощью уколов, но я был от этого не в восторге. Мне не объясняли, зачем это нужно. Я знал, что нахожусь в хорошей форме и не нуждаюсь в уколах. В конце концов я стал принимать железосодержащие витамины и проходил курс довольно часто, и меня не покидала мысль, что я провел четыре года в «Вест Хэме» и никогда не слышал об этом диагнозе. До этого момента я полагался на собственные ощущения. Если чувствуешь себя хорошо, ты играешь, если нет – обращаешься к тренеру, а там посмотрим. В современном футболе все гораздо более серьезно, и Раньери привык использовать достижения спортивной науки в каждодневной работе.

В «Вест Хэме» чаще всего мы сдавали анализ на холестерин, но в «Челси» тестировались даже наши прыжки. Наш тренер по физподготовке Роберто Сасси измерял улучшения формы в межсезонье – мой прогресс был небольшим. Я никогда прежде не сталкивался с подобными методами, а Раньери их просто обожал, и порой Сасси работал с нами дни напролет. Сначала мы тренировали рывки, потом бег, и за время дистанции проделывали пять разных видов прыжков, и поначалу я недоумевал: на кой черт это нужно? Видя, как изменилась моя физическая форма с тех пор, как я перешел в «Челси», я понимаю, насколько полезны были эти тренировки. Первые два года были напряженными, но теперь я чувствую, как хорошо развилась моя мускулатура.

> Если чувствуешь себя хорошо, ты играешь, если нет – обращаешься к тренеру, а там посмотрим.

Иногда меня просили выполнить определенное упражнение, которое я не мог сделать хорошо, а временами даже толком не понимал, что от меня требуется. Это меня очень смущало. Меня купили за одиннадцать миллионов, а выглядел я, наверно, как идиот, просто потому что не привык к такого рода тренировкам. Я не уверен, была ли у Сасси возможность сделать все, что он хотел, но я ценю его помощь.

Еще шесть или семь ключевых игроков не вернулись к предсезонке, поскольку участвовали в отборочных матчах к чемпионату мира. Джимми Флойд Хассельбайнк, Эйдур Гудьонсен, Марсель Десайи и другие получили дополнительный отпуск. Я был рад – в частности, потому, что никак не мог освоиться в команде.

У Раньери была традиция отвозить своих игроков в маленькую деревушку в итальянских горах для межсезонных тренировок, и тем летом я взошел на борт самолета с группой едва знакомых мне ребят, многих из них, особенно тех, что помладше, я видел впервые. Я занял место рядом с Джо Кинэном, еще одним английским полузащитником, и мне стало немного комфортнее, а через два кресла от меня сидел Билли Маккалох. Билли только недавно стал клубным массажистом и был гораздо тише, чем сейчас. Я помню, как тогда подумал: «Что еще за старикан?» Сейчас это может показаться странным, ведь Билли утверждает, что он более известен, чем некоторые футболисты! Мы с ним находились в очень похожей ситуации, будучи новичками, пытающимися влиться в коллектив, не создавая особой шумихи и стараясь не выставить себя дураками. Если честно, Билли работал как проклятый в этой поездке и показал,

как хорошо он справляется со своими обязанностями. Джоди Моррис заметил это почти сразу, и Билл никогда не отлынивал от работы и делал все возможное, чтобы игроки находились в наилучшей физической форме. Он много сделал для меня. Он заводится, когда мы с Джей Ти говорим про его «волшебные руки», но мы совсем не шутим – я бы не смог отыграть столько матчей, если бы не профессионализм и старания Билли. Мы подружились в том самом первом путешествии. Я сказал ему, что если он присмотрит за мной, то же самое я сделаю для него. Мы стали приятелями.

Джоди Моррис и Джон Терри тоже были там, и мы сразу нашли общий язык, поскольку мы все англичане и ровесники. Мы проделали трехчасовой путь на автобусе до отеля, который, по правде говоря, был больше похож на общежитие. Местечко довольно милое, но глухое. Я поселился в одной комнате с Джоди, с которым нас на какой-то из вечеринок познакомил Рио и против которого я играл в молодежке.

Мы провели там шестнадцать дней, напряженных и скучных. Условия были спартанские. Кровати были маленькие, в комнате стоял маленький телевизор, ловивший лишь иностранные каналы. Тренировки были тяжелые, но это помогло мне сфокусироваться на том, что было действительно важно. В «Вест Хэме» мы всегда могли развлечься – послеобеденным гольфом или еще чем, но здесь все вертелось вокруг тренировок. Я понял, что каждый день пытаюсь просто продержаться. Здесь все было на уровень выше, более строго, с большим количеством силовых нагрузок. Я старался произвести хорошее впечатление, но под конец дня ходил как в воду опущенный, потому что знал, что выглядел не лучшим образом. Даже самые простые задачи здесь, казалось, были сложнее.

По завершению сессии мы с Джоди и Джей Ти отходили друг от друга метров на пятьдесят и пасовались. Джоди – отличный футболист, и на тот момент уже имел опыт выступлений в Лиге чемпионов и регулярно играл в чемпионате. Он воспитанник академии «Челси», и то, что он пробился в основу – немалое достижение, учитывая, как активно клуб закупался в то время. Мне кажется, что он сильно недооценен. Он обладает классными навыками и действительно играет в футбол. Он обязательно предложит себя, если вас будут прессинговать и вам потребуется адресат для передачи. Он очень умный игрок и блестяще находит свободные зоны и создает их для партнеров. Играя с Джоди, вы можете быть уверены в том, что он не станет принимать или отдавать пас, если есть риск потери, и в том, что он ни за что не дрогнет, каким бы сильным ни был соперник. Таких, как он,

настоящих мужиков в футболе все меньше. На поле он такой же, как и за его пределами, и всегда говорит правду в лицо, ничуть не стесняясь. Я очень ценю его за это и знаю, что мы навсегда останемся друзьями.

Некоторые команды выходят на игру, стремясь запугать соперника. «Челси» традиционно считали более мягкой командой. Это случалось не так часто, но, если случалось и Джоди был рядом, я знал, что могу на него положиться. Мы не позволяли глумиться над собой, и что бы люди ни думали о физической стороне игры, если соперник грубит, то я хотел бы играть с Джоди. Он столь же отлично обращался с мячом, но, к сожалению, его вклад в игру «Челси» вспоминают не так часто из-за отказа продлить контракт с клубом по финансовым причинам.

Джон обладал теми же качествами и, хотя был моложе, обладал таким же классным пасом, что и Джоди. В «Вест Хэме» я был постоянным игроком стартового состава, и за меня только что выложили кучу денег. И несмотря на это, я заметил, что Джоди и Джей Ти обладали лучшим длинным пасом с обеих ног, чем я. Я недавно перенес операцию и несколько потерял в силе удара левой ногой: мои передачи стали короче, и я это знал. Было неловко. Порой я даже испытывал страх перед Дзолой или Десайи, но это было зря.

В «Вест Хэме» мы привыкли посмеиваться, если кто-то напортачил, но в «Челси» была совсем иная культура. В начале тренировки мы играли в квадрат, и после одной из своих ошибок я поднял глаза, ожидая увидеть, что кто-то из опытных игроков смотрит на меня снисходительно – не насмешливо, а скорее с недоверием, потому что я умудрился запороть то, что, по его мнению, может сделать любой. Но, к моему удивлению, этого не произошло. К счастью, мне пошла на пользу одна из отцовских баек про Бобби Мура. Очевидно, если твой пас ему получался неточным, он не психовал – это было ему не свойственно. Вместо этого он просто смотрел на тебя, как бы напоминая: «Соберись. Это не наш уровень». Мур был величайшим футболистом, когда-либо игравшим в «Вест Хэме», и я осознал, что сделал гигантский шаг, перейдя в «Челси».

Через неделю после начала сборов, по клубной традиции, я, как новенький, должен был исполнить песню. По мере приближения этого дня я начинал все больше нервничать, настолько, что мне не было дела до тренировок, настолько мое будущее выступление меня страшило. И становилось лишь хуже. Звезды начинали возвращаться, так что мне выпала честь выставить себя дураком перед всеми лучшими игроками команды. А я даже не мог выпить бокал вина для храбрости. Я

был сам не свой. Другие выбрали песни Синатры и тому подобное. «Ну и молодцы», – подумал я, не видя необходимости рисковать. Я решил перестраховаться и прогорланил песню Maybe It's Because I'm a Londoner Дэйви Джонса. Я схалявил, но мне было все равно.

Петь пришлось и нескольким другим ребятам, в частности, Боло Зендену и Пети. Когда настала очередь Билли, он очень стеснялся и сказал, что у него нет голоса. Вместо этого он предложил рассказать пару шуток. Повисла неловкая тишина. Футбольное сообщество очень строго выстроено и базируется на иерархии, напоминающей ту, которая существует на школьной игровой площадке. Это не то место, где новички могут менять правила. И зрители здесь не те, перед которыми стоит выпендриваться. Тебя строго осудят, и плохое первое впечатление о тебе либо сломает тебя, либо закалит. Билли был либо чрезвычайно глуп, либо абсолютно уверен в себе. Ему дали шанс, и в зале начались смешки, потом все больше и больше, а к концу его выступления все едва не надорвали животики. Так началась карьера Билли-комика. После этого он смешил нас каждый вечер. Он и сейчас продолжает это делать.

Джей Ти был еще совсем молод – ему было 18 лет – и несколько скромнее, но уже тогда показывал характер и, как я слышал, становился очень хорошим игроком. Когда начались тренировки, я понял, насколько он хорош. Он только что получил награду как лучший игрок клуба. Это было большое достижение, учитывая, что он обошел старших и более звездных членов команды, но уже тогда вокруг него был ореол, указывающий на то, что Джон – будущее команды и в будущем станет капитаном. Было что-то особенное в его работе на тренировках. Его глаза горели целеустремленностью, желанием прогрессировать и побеждать, и я был таким же. Хоть он и был тише, чем сейчас, под его внешним спокойствием уже тогда проглядывала яркая самобытная натура.

Поездка показала, насколько интенсивными будут тренировки под руководством Раньери и Сасси. Мы устраивали километровые кроссы на большой высоте, а также много бегали на короткие расстояния. Незадолго до этого я перенес операцию по удалению грыжи и теперь во время ударов по мячу испытывал приступы боли в паховой области, но не хотел ничего рассказывать. Я был новеньким, хотел произвести хорошее впечатление и частенько задерживался на тренировках, чтобы продемонстрировать свой энтузиазм. Когда все остальные уходили, я практиковался в ударах по воротам вместе с Анджело, но плотно пробивать не получалось. Я испытывал боль, и все

только ухудшалось из-за нарастающей у меня внутри тревоги. Я чувствовал себя как в первый день в новой школе, и когда я задумываюсь о том, насколько уютно мне в «Челси» сейчас, кажется, что с тех пор прошла целая вечность. Как же отчаянно я старался добиться успеха!

До начала сезона мы провели несколько контрольных матчей, и в одном из них, против «Лейтон Ориент», фанаты которого меня вовсю поливали, меня поставили в центр полузащиты, из-за того, что нас покинули несколько игроков. Еще и Роберто Ди Маттео получил травму, и существовали сомнения по поводу его возвращения. Зенден отправился на левый фланг, Йеспер Гронкьяер, пришедший по ходу предыдущего сезона, еще были Йоканович, Сэм Далла Бона и Марио Станич.

Предполагалось, что я и Пети будем находиться в центре, и мне не терпелось поиграть рядом с ним. Баланс в будущей четверке полузащитников с двумя вингерами и Пети в качестве опорника внушал мне оптимизм. Номинально он играл слева, а я любил атаковать. На предсезонке Раньери пару раз попытался поставить меня на фланг, и я начинал переживать по поводу того, насколько хорошо начну сезон.

Мое беспокойство имело под собой основания. Раньери ставил меня как слева, так и справа в полузащите, и теперь я жалею о том, что с самого начала четко не выразил свои возражения по этому поводу. Моя позиция была не единственной сложностью, с которой мы столкнулись, поскольку Пети был уже не таким стабильным игроком, как в «Арсенале», и в первые недели нам так и не подвернулась возможность сыграться. Хотя были матчи, когда он был в ударе и играл шикарно. Он часто травмировался, и наше с ним сотрудничество пошло не совсем по плану из-за вынужденной ротации.

Помимо этого, я никак не мог разобраться, что из себя представляет Ману. Он не был компанейским и не принимал участия в подшучиваниях или совместном отдыхе, отчего узнать его хоть в какой-то степени становилось только сложнее. Немного погодя я понял, что это просто его натура. Мы не стали бы лучшими друзьями. Он был слегка угрюм и замкнут, и что бы он там обо мне ни думал, он держал это при себе. Меня это устраивало, хотя какая-то степень товарищества с партнером никогда не помешает.

Перед моим дебютом мне в голову лезли неприятные мысли о том, что я пережил в «Вест Хэме». Никогда точно не знаешь, как тебя примут болельщики новой команды, а я еще и перешел из другого лондонского клуба. Я слушал, как диктор зачитывал состав команды. Он дошел до моего имени, и я услышал в

ответном восклицании болельщиков искреннюю радость. Слава богу. Первый матч сезона с «Ньюкаслом» мы сыграли вничью, 1:1. Зенден забил, но Кларенс Акунья сравнял счет. Не о таком результате я мечтал, но больше всего разочаровывало, что я узнал, как сложится мое ближайшее будущее. Я начинал игру в центре поля и выглядел неплохо, но в итоге меня ставили на фланг. В том сезоне такое происходило часто.

Я был в ярости, не потому что играть в центре полузащиты было моим святым правом, но потому что я пытался вписаться в состав, а в нескольких первых играх меня кидали то влево, то вправо из-за травм. В этом, конечно, не было ничьей вины. Второй матч прошел лучше, мы выиграли у «Саутгемптона» на выезде, и несколько газет назвали меня лучшим игроком матча, но я по-прежнему не имел четкой позиции, что не давало мне покоя.

На следующей неделе мы играли на выезде с «Тоттенхэмом», и я несколько зациклился на том, как покажу себя и где окажусь в расстановке. Матчи между «Челси» и «Шпорами» всегда проходили довольно напряженно, и, к несчастью, для меня матч чемпионата на «Уайт Харт Лейн» стал историческим событием. До того момента меня еще ни разу не удаляли с поля.

В тот день я узнал, каково это, и счел этот опыт не самым приятным. Нельзя назвать меня злодеем – я получил две желтых, вторая из которых была крайне досадной. Первую я получил за фол на Саймоне Дэвисе, и здесь все понятно. Но затем игра накалилась, и после гола Джимми с пенальти в ней держался ничейный счет – 2:2. Я сделал голевой пас в момент, когда Джимми открыл счет, но «шпоры» тоже забили дважды. После этого мне удалось получить мяч в штрафной, и, прежде чем я успел нанести удар, меня снесли. Все было однозначно – Ледли Кинг ударил меня по ноге, но рефери показал, что можно играть. Когда я поднимался, Нил Салливан и Крис Перри набросились на меня с обвинениями в том, что я нырял. Терпеть этого не могу. Я не симулянт, и все, кто хорошо меня знает, подтвердят – я не падаю на траву без причины. Мы немного потолкались, но игра продолжалась, пока мяч не вышел за боковую. И тут арбитр направился в мою сторону – я знал, что меня ждет. С поля я ушел злым и раздосадованным.

По завершении матча Раньери подошел ко мне, чтобы поговорить: «Фрэнк, на поле ты должен быть спокоен как удав. Остынь». К тому моменту я уже успокоился. Красная карточка не так уж сильно меня беспокоила, потому что была на усмотрение арбитра. Куда больше меня зацепило то, что меня назвали дайвером. Будь это правдой, я не стал бы отпираться, но это был фол, и обвинения в мой адрес просто вывели меня из себя.

Я был очень расстроен. Марсель забил на последней минуте матча, что разрядило обстановку, но я не мог взять и забыть о том, что меня удалили. Я ненавижу, когда такое случается, и команда оказывается в сложном положении из-за меня. Если б это произошло в ситуации, когда у меня не было другого выбора, кроме как нарушить правила, мне бы не было так обидно. А тут все было так неудачно и бессмысленно.

Я находился в клубе без году неделя и уже заработал дисквалификацию – не лучшее начало. Раньери знал, что я расстроен, и знал, когда нужно дать игроку отдохнуть. На ту неделю он освободил меня от тренировок. Я недоумевал. Прошло всего две недели с начала сезона, я был в порядке, хотел тренироваться, но он настоял на том, что мне нужен отдых, потому что после него мой организм будет лучше реагировать на тренировки.

Я забил свой первый гол за клуб в следующем матче в кубке УЕФА против софийского «Левски». Казалось, что дела идут в гору, но следующий матч в каком-то смысле стал олицетворением нашей игры в том сезоне – в домашнем матче против «Мидлсбро» мы комфортно выигрывали 2:0 к началу второго тайма, но в итоге сыграли вничью – 2:2. Мне казалось, я играл хорошо в тот день, но Раньери заменил меня за полчаса до конца при счете 2:1. В наши ворота был назначен сомнительный пенальти, но матч в целом показал нашу уязвимость – у нас все было под контролем, но преимущество мы не удержали.

Мы испытывали сложности не только в чемпионате, но никто не мог предположить, с чем нам придется столкнуться в преддверии второго раунда Кубка УЕФА. События 11 сентября уже наложили отпечаток на еврокубки, и когда мы следили за жеребьевкой, некоторые ребята заметно переживали, что нам может достаться команда из Израиля.

Как и всегда в таких случаях, нам достался «Хапоэль» из Тель-Авива, и тогда же было высказано предположение, что выездной матч будет проводиться за пределами Израиля, поскольку риск был очевиден. В те дни весь мир находился в нервном напряжении и состоянии враждебности, и казалось немыслимым ехать туда на игру.

Мы были уверены, что матч состоится на Кипре или другой подходящей нейтральной территории, и не могли поверить, что все-таки будем играть в Тель-Авиве. Команда была обеспокоена. Администрация клуба прослышала об этом и созвала собрание игроков и тренера в спортзале тренировочной базы, на которое был приглашен сотрудник спецотдела полиции, чтобы провести с нами беседу и ответить на все вопросы. Клуб отчаянно хотел

отправить на выездной матч сильнейший состав, и тот парень постарался уверить нас в том, что нас будут хорошо охранять. Предполагалось, что у нас будет постоянное вооруженное сопровождение и что наш рейс будет защищен как в воздухе, так и на земле. Не всех удалось убедить. Игроки активно переговаривались, и некоторые были сильно обеспокоены. Раньери очень четко чувствовал подобные вещи, и его реакция нам понравилась. На него давило правление клуба, но он ясно дал понять, что никого не будут принуждать ехать и никаких штрафных санкций для тех, кто откажется, не последует. Он был на нашей стороне.

Думаю, Кен Бейтс хотел, чтобы поехали все, но это было сложно осуществить. В определенный момент мы обсуждали, стоит ли нам принять коллективное решение об отказе от поездки, но руководство предупредило, что в таком случае пошлет молодежную команду. Мы знали, что клуб нуждается в деньгах, которые может принести достойная европейская кампания, и во избежание санкций со стороны УЕФА им все равно придется отправить кого-то на игру. Даже если те проиграют со счетом 10:0, это будет лучше, чем громадный штраф и отстранение от последующих соревнований.

Тренер покинул помещение, чтобы мы могли все обсудить. Экстренные собрания в том сезоне проводились постоянно. Если мы проигрывали матч, мы собирались вместе и детально обсуждали, что пошло не так, разряжая обстановку. В этой ситуации все было несколько иначе, ситуация была затруднительная. Как правило, на таких собраниях дискуссию вел капитан – Марсель или Грэм Ле Со. В итоге оба они отказались ехать, так что решение оставалось за остальными членами команды. Мы оценили наше положение. Была устроена перекличка тех, кто был готов поехать, и в итоге всего шестеро старших членов команды отказались принимать участие в матче. Неженатые ребята относились ко всему спокойнее, тогда как парни постарше, с семьей и детьми – Десайи, Ле Со, Пети, Вильям Галлас, Альберт Феррер и Эйдур Гудьонсен – были более напряжены.

Я их не виню. Я и сам нервничал, хотя еще не был женат. Но любой, кто садился в самолет после того нечеловеческого кошмара в Нью-Йорке, помнит, что не чувствовал себя, как обычно, в безопасности. СМИ еще больше усложняли обстановку, называя игроков трусами и предателями. Это было по-настоящему жестоко, учитывая, что нас просили отправиться в одну из потенциальных горячих точек после теракта 11 сентября. Грэм отдавал всего себя команде в матчах с любым соперником,

а Марсель, который войдет в историю как один из лучших защитников в мире, – человек с сильным характером, не поступающийся своими принципами. Кроме того, он очень семейный и твердо отстаивает то, во что верит. Все это особенно странно, учитывая, что большинству представителей прессы также дали возможность выбора, и они предпочли не ехать. Журналисты подняли слишком большую шумиху, и я считаю, что они не учли всех факторов, имевших место. Они просто писали, что вздумается, потому что было модно докапываться к «Челси».

Я отлично понимал тех, кто решил остаться дома – в какой-то момент я и сам подумывал отказаться, но потом почувствовал, что должен. Я видел, как нас критиковала пресса, и ожидал, что все станет еще хуже. Кроме того, я отлично понимал, что в «Челси» совсем недавно, и все еще пытался адаптироваться, тогда как Марсель и Ману были старше и достигли всего, чего только можно достичь в футболе. Я едва перешел, и предполагалось, что я буду по-английски тверд и решителен, и мне не хотелось, чтобы мой дух подвергался сомнению. Со стороны могло показаться, что между теми, кто поехал, и теми, кто не поехал, возникло напряжение, но на деле все было очень просто – те, кто сел в самолет, тоже хотели бы остаться дома.

Теперь, когда у меня есть Элен и дочь Луна, я скажу, что, возникни подобная ситуация снова, я мог бы и не сесть в самолет. Я спрашивал маму и отца об их мыслях в то время. Мама не хотела, чтобы я летел, а вот отец указал на то, что в случае отказа люди усомнились бы в моей преданности клубу – мой ценник вновь сыграл свою роль.

В итоге, мне недостало смелости сказать «нет», и я подвергся влиянию большинства. На самом деле это вина УЕФА. Они не должны были загонять «Челси» в такую ситуацию. Парой сезонов позже «Манчестер Юнайтед» разрешили не лететь в Израиль и вместо этого сыграть на Кипре. Существовало мнение, что в нашем случае футбольным властям было проще принять решение потому, что клуб не обладал достаточным авторитетом. Если бы в подобном положении оказался «Милан» или «Реал», исход наверняка был бы иным.

Это была лишь малая часть моих мыслей по пути на посадку в самолет. Все казалось каким-то нереальным, но полет прошел нормально. Вполне нормально, если не учитывать того, что вместе с нами летела вооруженная охрана, а в отель наш автобус сопровождали военные и полиция. То же самое было и в гостинице – каждый этаж находился под наблюдением охраны, которая патрулировала входы и выходы. Предполагалось, что все это должно было нас успокоить, но я, наоборот, был взвинчен до

предела.

Мне не терпелось сыграть этот матч отчасти потому, что я хотел вернуться домой как можно скорее. После избиения, которое устроила пресса не приехавшим на матч ребятам, результат вряд ли мог оказаться хуже, чем поражение со счетом 2:0. Наш состав позволял сыграть лучше – в основе был всего один молодой игрок, центральный защитник Джоэль Китамирике. Мы пропустили оба гола на последней минуте матча, который выдался кошмарным. Учитывая обстоятельства, ничья была бы достойным и приемлемым результатом, особенно потому, что с нами не было шести наших лучших игроков.

Атмосфера была враждебная, но не столько по отношению к нам, сколько в силу активной поддержки собственной команды. Раньери сильно наехал на нас в перерыве, когда счет был 0:0, хотя я думал, что мы справляемся нормально, принимая во внимание обстоятельства. Он кричал на нас, спрашивая, какого черта с нами творится. Возможно, вся эта ситуация доконала и его, хотя он довольно часто использовал метод реверсивной психологии: так, если мы думали, что играем хорошо, он подстегивал нас. Мы могли вести в два мяча и контролировать игру, но он все равно показывал недовольство, потому что хотел быть уверен, что мы сохраним владение мячом и во втором тайме. Моуринью так не делает, но таков был метод Раньери.

Я привык к этому. Он часто срывался на нас, когда мы имели преимущество в один, а то и несколько мячей – в итоге мы лишь ошарашенно глядели друг на друга с одной и той же мыслью: мы справлялись хорошо. Таким способом он не давал нам расслабляться. Я уважал его мнение касаемо поведения в той ситуации, но не уверен, что это всегда производило положительный эффект. Он не учитывал тот факт, что он работал со взрослыми людьми и опытными профессионалами. Мы сами видели, хорошо мы играем или плохо, и хотя я видел, что он таким образом лишь пытался мотивировать нас еще больше, выглядело это неубедительно.

До начала работы с Моуринью я не знал, что может быть иначе. В перерыве матча, в котором мы шли к первой победе, он пришел в раздевалку с ухмылкой на лице, подождал, пока мы все соберемся, и сказал, что мы играли превосходно. Он указал на все положительные моменты и сказал, что не видит причин, почему бы нам не выиграть с разницей в 5 или 6 мячей. Это был самый настоящий акт доверия, демонстрация уверенности в нас. Это подняло нам настроение и возымело желаемый эффект. Для Моуринью важно общаться с игроками, как со взрослыми мужчинами, особенно когда все идет хорошо.

Не то чтобы он ничего не говорит, когда мы играем отстойно. Он точно так же указывает на то, что мы делаем неправильно, но опять-таки обращаясь с нами, как со взрослыми. Нет даже намека на попытку нас подначить. По какой-то причине он просто говорит все, что думает, и в большинстве случаев его мнение совпадает с нашим. Даже если итог игры нелегко предсказать со стороны, игроки часто могут определить, удастся им победить или нет. Той же способностью обладает и Моуринью.

С Раньери все было несколько сложнее. Трудно было представить, что дела могут пойти еще хуже, чем в Тель-Авиве, но так и случилось. Мы надеялись стереть из памяти свое фиаско, пробившись в следующий этап, продемонстрировав единство и силу. Пять из шести игроков, не поехавших в Израиль, через две недели вышли в основе в домашнем матче. Мы пропустили гол в первом тайме, затем сравняли счет, но больше ничего сделать не смогли и проиграли с общим счетом 3:1 по сумме двух матчей.

Это было довольно странно. Я был ни при чем, но знал, что «Челси» проиграл «Санкт-Галлену» в прошлом году, и возникало ощущение, будто мы приобрели репутацию клуба-неудачника. Хотя это и не совсем справедливо, учитывая, как хорошо они играли, когда пробились в четвертьфинал Лиги чемпионов за пару сезонов до этого. Пожалуй, больше всего последствия проигрыша сказались на ребятах, которых пресса выставила козлами отпущения, таких как, например, Грэм Ле Со. Грэм – настоящий профессионал и хороший семьянин, который делал то, что считал правильным для себя и своих близких, за что его заклеймили позором. Должно быть, это повлияло на него, и я считаю это несправедливым.

У меня же были проблемы иного рода. Если меня не заменяли, я все равно постоянно играл не в центре полузащиты, и это начинало раздражать меня все больше и больше. Даже если в начале матча я играл в центре, Раньери производил замену, выпуская Йокановича, и говорил: «Лэмпс, сместись на фланг». Моей обычной реакцией в таких ситуациях было: «Да какого черта?» Дошло до того, что Джей Ти и Билли по утрам перед матчами спрашивали меня: «Где играешь сегодня, Гиггзи?» Несмотря на прозвище, я вовсе не Райан Гиггз, и хотя я старался даже на неродной позиции показать максимум, играть там было совсем неудобно. Я безмерно восхищаюсь и уважаю Раньери и всегда буду говорить о нем только хорошее, но вся эта возня с перестановками заставляла многих из нас испытывать дискомфорт.

В итоге уже к Рождеству я сыграл пятнадцать матчей на ненавистном правом фланге. Я пытался поговорить с тренером,

но он лишь ответил, что это на благо команды. У нас было много травм, и ему казалось, что я со своей физикой лучший кандидат на эту роль. Мы с Раньери обсуждали это несколько раз. Я знаю, что стал жертвой обстоятельств, а не какой-то жестокой шутки. И я был готов делать то, что от меня требовалось.

Однако это совсем не помогало мне прогрессировать. Я перешел в «Челси», чтобы продолжить развиваться и стать еще лучшим игроком, но сейчас чувствовал себя в ловушке на краю поля и находился в растерянности, потому что редко встречался с мячом и не имел возможности выходить на ударную позицию. Еще тяжелее было оттого, что всю свою карьеру я провел в центре – не считая редких случаев в «Вест Хэме». На какое-то время я отпустил ситуацию, потому что каждый раз, когда я поднимал эту тему в разговоре с Раньери, он отвечал, что у него нет другого выбора. Я все еще оставался новичком и не хотел искушать судьбу. Но все же я был уверен, что хоть, по его словам, он и был доволен, фанаты и пресса недоумевали, зачем он заплатил столько денег за центрального полузащитника, чтобы потом поставить его на фланг. Отец приходил на игры и обычно говорил, что мне нужно обсудить свою позицию с тренером.

> Я безмерно восхищаюсь и уважаю Раньери и всегда буду говорить о нем только хорошее, но вся эта возня с перестановками заставляла многих из нас испытывать дискомфорт.

Я понимал, что он имеет в виду. Я рисковал остаться заурядным правым вингером, а не преуспеть в центре поля. Меня беспокоило, что я не раскрываю свой потенциал полностью, но в первые несколько месяцев болельщики «Челси» не выказывали особенного недовольства моей игрой, в отличие от фанатов «Вест Хэма», которые сожрали бы меня за минуту.

Приближалось мое долгожданное возвращение на «Аптон Парк». Я знал, что меня там ждет, но так сложилось, что мой дедушка выяснил это еще до меня. Он жил в Челмсфорде и имел привычку ходить за покупками в местную мясную лавку. За день до матча с «Вест Хэмом» он стоял в очереди, занятый своими делами, как вдруг услышал разговор двух женщин. Одна спросила другую, пойдет ли та смотреть игру на «Аптон Парк». Ответ был острее мясницкого ножа.

– Я пойду туда только для того, чтобы показать этому Лэмпарду, где раки зимуют, – сказала она.

Дедушка не постеснялся и переспросил:

– Что вы сказали, милочка?

– Этот Лэмпард получит за то, что бросил команду, –

ответила она.

– Вы говорите о моем внуке, – вмешался дедушка. – И прежде чем критиковать его, вам следует хоть на минутку задуматься о том, что он пережил в «Вест Хэме», стараясь изо всех сил – стараясь для таких, как вы.

Она смущенно понурила голову и быстро выскочила из магазина. Когда он рассказал мне о случившемся, я был очень горд тем, как он вступился за меня и нашу семью. Деда уже нет в живых, но он был именно таким – всегда яростно защищал своих.

В то же время в преддверии возвращения в ту же враждебную среду я чувствовал себя не лучшим образом. Им не терпелось вновь наброситься на меня, и мой приезд стал для многих самой причиной визита на стадион. И конечно, прием получился ожидаемым.

Я отчаянно хотел поехать и добиться победы, возлагая большие надежды на этот матч. За ночь до игры мы остановились в отеле, и по пути на стадион я испытывал все большее беспокойство и давление. Я знал, что меня начнут поливать грязью, как только я выйду из автобуса. «Предатель», «Иуда» и «Катись к хренам, жирный Фрэнк» – вот наиболее вежливые из возгласов, которыми меня встретили. Я старался не обращать на них внимания и по дороге в раздевалку смотрел прямо перед собой. Но как бы там ко мне ни относились болельщики, как только я оказался на стадионе, я почувствовал, что я дома. Меня поприветствовали все, от охранников до администратора по экипировке Эдди и женщины, готовившей нам чай. Они все истинные «молотобойцы» и люди с большой буквы. Они были свидетелями того, что происходило со мной в «Вест Хэме», и сказали, что очень рады, что у меня все хорошо. Они до сих пор это повторяют. Для них я был своим, они видели, как я взрослел. Не было никакого подтекста, никакой личной неприязни. Даже сейчас они приносят извинения за то, как меня встречают фанаты, и я им очень благодарен.

К сожалению, Раньери вновь принял меня за Гиггзи, и я начал матч слева. Я был подавлен, потому что хотел сыграть как можно лучше, вести игру из середины, но опять оказался выжат к бровке. Это было плохо еще и потому, что играть мне пришлось прямо перед «курятником», и поток оскорблений хлынул вместе со стартовым свистком. Все это было до боли знакомо и неприятно, но дальше было только хуже.

Майкл Каррик и Фредди Кануте забили по разу, и меня перевели направо. Это был сущий кошмар. Джимми вернул нас в игру, отквитав один мяч, а затем я хорошо пробил, приняв навес слева, но Шака Хислоп отразил удар ногами – и что бы мы ни

делали, отыграться нам не удалось. Я перепробовал все, и мне казалось, что у меня есть шанс наковырять хоть один гол, но увидел, что готовится замена. С ужасом я увидел, что на табло горит мой номер. Я не сразу осознал, что это происходит на самом деле. Двигаясь к боковой линии, я чувствовал, как внутри меня нарастает ужас.

Я думаю, Раньери не осознавал всей остроты моего положения – его решение имело чисто тактический характер, и он не принимал во внимание, какое воздействие оно на меня окажет. Сидя на скамейке, мне пришлось выслушивать насмешки и злорадные выкрики фанатов у себя за спиной: «Деньги на ветер», «Ты все еще недостаточно хорош для «Вест Хэма», Лэмпард» и так далее. Я был опустошен. Со стадиона к ожидавшей меня машине меня сопровождала охрана. Разумеется, нам придется пробиваться сквозь толпу, и на меня вылился обычный поток желчи.

На следующий день я позвонил маме, которая специально не поехала на матч, потому что знала, какая там будет атмосфера. Она была очень огорчена: она слушала трансляцию матча по радио и слова Тони Гейла перед ним. Гейл проницательно сказал, что на игре я получу по полной и что, по его мнению, я это заслужил тем, как покинул «Вест Хэм». Его слова привели маму в ярость. Она очень верно подметила, что новое упоминание моего имени могло подстегнуть многих фанатов, слушавших радио по пути на матч. В общем, он лишь раскачивал лодку еще больше. Гейл много лет был игроком «Вест Хэма» и знал меня и моего отца, и я не мог понять, зачем он это делал.

Прежде всего моего отца и дядю уволили из клуба, и я решил перейти как ради саморазвития, так и из принципа, и я не понимал, какие еще обстоятельства сделали бы мой уход оправданным в его глазах. Я поступил правильно, и все же он считал себя вправе критиковать меня, не принимая во внимание все эти факторы. Он плохо знает меня как человека, и я не помню, чтобы он говорил нечто подобное о других покинувших клуб игроках, поэтому мне было непонятно, за что он так на меня взъелся.

Некоторые бывшие футболисты по той или иной причине любят критиковать действующих игроков. Гейл играл за «Вест Хэм» после того, как долгая и успешная карьера моего отца в клубе подошла к концу, и ушел, прежде чем тот стал ассистентом, а я начал выступать за молодежку. В отличие от других бывших игроков клуба, он никогда и никоим образом не выказывал желания познакомиться со мной. Просьба передать привет отцу была обычным делом, когда я встречал ветеранов «Вест Хэма», но

Гейла в их числе не было.

После матча я пошел прогуляться и выпил пару кружек пива, и когда мама рассказала мне о том, что услышала по радио, я рвал и метал. Ее это по-настоящему опечалило, и я попросил Катнера узнать для меня номер Гейла. Я позвонил ему.

– Это Тони Гейл? – спросил я.

– А кто спрашивает? – услышал я в ответ.

Я еще подумал: «Кто так отвечает на звонки?» Наглый хмырь.

– Это Фрэнк Лэмпард.

– Да ну-у-у. Это шутка, правда?

– Нет. Это Фрэнк Лэмпард, и мне не понравилось то, что вы вчера сказали обо мне по радио.

– Что? Я довольно лестно о тебе отзывался.

– Не надо втирать, – ответил я. – Я знаю, что вы сказали, и это расстроило мою семью. По-вашему, это достойно? Бывший футболист не может позволять себе говорить такое болельщикам.

Я объяснил ему, что ушел из клуба, чтобы прогрессировать и из-за увольнения моего отца, и что он не имел права так говорить. Я спросил, есть ли у него сын, он ответил утвердительно.

– Как бы вы себя чувствовали, если бы ваш сын оказался в подобной ситуации?

Он замолчал, а потом рассказал историю своей семьи, которая будто бы была поводом говорить такое. Следующие пятнадцать минут я пытался достучаться до него, но он держался очень высокомерно и настаивал, что ничего плохого не сделал.

– Фанаты, которых вы вчера подначивали, срывались на меня с тех пор, как мне было семнадцать, – сказал я. – Вы были на «Аптон Парк» и все слышали.

– Чепуха, – ответил он.

Это только разозлило меня. Я не понимал, почему он настроен так агрессивно, не тогда по телефону, а на радио. Думаю, он считал, что я просто сопляк, не имевший права звонить ему и докапываться до него. Что действительно меня вывело, так это тот факт, что он даже не был знаком со мной – со мной и моей ситуацией. Гейл был одним из тех футболистов, до которых доходили те или иные слухи из их бывших клубов. По этой причине он должен был знать, как обстояли дела с отцом и Харри.

Несмотря на это, его высказывания были односторонними. Найди он время позвонить мне или отцу и спросить об обстоятельствах случившегося, мы бы с радостью ему рассказали. Вместо этого он предпочел собственную интерпретацию событий, и это меня взбесило. Не надо было быть гением, чтобы понять,

что в клубе все не очень радужно, раз они уволили отца и Харри.

Ему не было оправдания. Например, его сверстник Элвин Мартин обладает тем же статусом в СМИ, но, прежде чем высказывать свое мнение, старается разобраться, что же произошло в действительности, за что я его уважаю. Очевидно, он отдает себе отчет в том, что в потенциально деликатных ситуациях нужно соблюдать равновесие. Гейл же просто накалял обстановку, и до сих пор продолжает это делать. Он провел достойную карьеру, и потому мне непонятна необходимость меня поносить.

Перед Евро-2004 я практически обеспечил себе место в стартовом составе сборной, и конечно же, перед началом чемпионата Гейл написал, что мне до чемпионата было как до Луны и вместо меня нужно было выбрать другого игрока. И было еще множество подобных примеров.

Когда летом 2005 года в прессе прошла информация, что «Реал» предлагает за меня 20 миллионов фунтов и Майкла Оуэна, я был в курсе происходящего, потому что Катнер получил звонок из Испании. Один из участников сделки со стороны «Реала» интересовался моим мнением на предмет переезда в Мадрид. В то же время о своем будущем раздумывал Стивен Джеррард, и Гейл не преминул вставить свое очень ценное мнение: «Стивен Джеррард – лучший полузащитник мира, и именно поэтому «Реал» так стремится сделать его одним из галактикос. Испанским гигантам, обладающим внушительным трансферным бюджетом в 110 миллионов фунтов, также приписывают интерес к подписанию Фрэнка Лэмпарда. Но я уверен, что «Реал» предпочтет увидеть на «Бернабеу» именно Джеррарда».

Катнер позвонил ему и спокойно поинтересовался, откуда в нем это постоянное желание меня унизить. Стивен – игрок такого уровня, что он заинтересовал бы любой клуб в мире, но дело было не в этом. Моя претензия была лично к Гейлу. Даже когда разговор не касался меня, он все равно находил способ меня упомянуть. Он это отрицает, но все довольно просто проследить вплоть до моего звонка тем воскресным утром. Я не могу понять, почему это затянулось так надолго. Он мог бы позвонить мне и закопать топор войны. Мы оба «молотобойцы», и я не хочу вражды, но такие случаи этому не способствуют.

На мне он не остановился. Был случай, когда Харри подумывал вернуться в «Портсмут» из «Саутгемптона», а Гейл разнес его в пух и прах по радио. Джейми слушал передачу и немедленно позвонил Гейлу на мобильник, оставив длинное гневное сообщение, в котором высказал все, что о нем думает. Довольно забавно, но он до сих пор ждет, что тот ему перезвонит.

Дошло до того, что вся эта ситуация превратилась в любимый объект для шуток среди членов моей семьи и друзей. Мне плевать, как у него там сложилась карьера, просто мне хотелось, чтобы он не испытывал этой необходимости срываться на других игроках в газетах и по телевидению.

Я позвонил отцу и рассказал, что поговорил с Гейлом. Он был рад, что я постоял за себя, но отметил, что я мог настроить его еще более враждебно по отношению ко мне. Отец обычно пытается меня успокоить, рассказывая, что даже Бобби Муру, лучшему защитнику в истории клуба, доставалось от болельщиков «Вест Хэма». Бобби Мур взял отца под свое крыло и заботился о нем на поле и за его пределами. Он часто говорит, что видит многое от него во мне – манеру движения и игры и то, что я никогда не реагирую на фолы и не психую – и это мне очень льстило. Под огнем оказался не только я.

Всю нашу команду начали критиковать за нестабильность, и, к несчастью, последовавшая серия игр подтвердила обоснованность этих обвинений. «Челси» имеет обыкновение хорошо играть на «Олд Траффорд», и в декабре того года мы уничтожили «МЮ» со счетом 3:0, полностью сметя их с поля. Мы показали ту игру, на которую были способны, но после этого матча случились две обидные ничьи против «Эвертона» и «Блэкберна», в очередной раз обнажившие нашу главную слабость – неспособность сохранять стабильность и добиваться чего-то великого.

Я размышлял о своих первых нескольких месяцах на новом месте. Без сомнения, я перешел с намерением побороться за чемпионство, но после начала сезона я быстро осознал, что мы находились в неподходящей для борьбы за титул форме, а теперь понимаю, что мы просто недотягивали. Нам не хватало стабильности, а некоторые позиции были недостаточно качественно усилены. Несколько игроков были только подписаны, в том числе я и Вильям Галлас. Было видно, что уровень нашей игры растет недостаточно быстро, к тому же невозможно взять титул, когда состав меняется от матча к матчу.

Играя против команд, находившихся в середине или в конце турнирной таблицы, мы часто уступали им либо играли вничью. Несложно было сделать вывод о том, что к концу сезона первыми нам не стать. Еще хуже было, когда подобное случалось в домашнем матче. Мы проиграли 4:2 «Саутгемптону», и в рождественский период наше отставание лишь выросло. С результатами, подобными этому, титул не выиграть.

Хуже всего было то, что у нас был хороший состав, но мы провели слишком много слабых матчей. Мне казалось, что

олицетворением нашего состояния был я. Я все еще осваивался и не всегда играл так, как хотел бы. Постоянная ротация стартового состава отражается на игре, и наше шестое место по итогам сезона, а также финал Кубка Англии служат тому отличным подтверждением.

Я еще раз сыграл на фланге в матче на «Олд Траффорд», но потом все наладилось – я перешел в центр поля, и мы победили «Ливерпуль» со счетом 4:0. Преображение было мгновенным. Свой первый гол я забил уже в следующем матче против «Болтона», и могу честно сказать, что лишь в тот день почувствовал себя своим в клубе.

Дело было не в фанатах. После всего, через что мне пришлось пройти в «Вест Хэме», устроенный ими прием приносил мне лишь облегчение и радость. Я хорошо знаю Лондон. Многие из них, вероятно, были обеспокоены. Кто-то из них мог выпивать с болельщиками «Вест Хэма», которые говорили им: «Спасибо за 11 миллионов! Он был все равно нам не нужен». Такие истории я слышал постоянно и отлично понял бы, если бы у них появились вопросы в тот период, когда я играл на фланге – тем более с учетом рассказов «молотобойцев» о том, что я не стою своих денег.

20 января мне удалось их посрамить. После ушатов помоев, вылитых на меня на «Аптон Парк», мы втоптали их в газон – если быть точным, со счетом 5:1 – и это было прекрасное чувство. Эйдур и Джимми оформили по дублю, и мы не дали сопернику ни шанса. Гостевые болельщики начали игру с очередной порции оскорблений, но заткнулись уже через 10 минут. К 60-й минуте мы забили три безответных гола, а я все бил и бил с самых разных позиций, страстно желая отличиться. Джей Ти подбежал ко мне и сказал, смеясь: «Что, Лэмпси, хочешь гол? Постарайся-ка еще немножко».

Он развлекался, как и я. Он знал, как много для меня это значило. Он видел все в моих глазах и слышал все, что я говорил в раздевалке всю неделю перед игрой. Каждый раз, оказываясь рядом с гостевым сектором, я одаривал болельщиков широкой улыбкой, чтобы они тоже это знали.

К счастью, фанаты «Челси» оказались куда терпеливее. Они здорово ко мне относились, а когда я перешел в центр, они стали еще больше меня поддерживать. Я размышлял, как и на каком месте мы закончим чемпионат. Мне казалось, что у нас еще остается шанс выйти в Лигу чемпионов, но эта мечта с каждым туром ускользала от нас все дальше. Возможно, мне недоставало амбиций, но тогда я был доволен борьбой за первую тройку. С «Вест Хэмом» мне однажды удалось финишировать пятым, но

это было скорее сенсацией, чем ожидаемым результатом.

Но в «Челси», оглядываясь по сторонам, я видел, какой у клуба огромный потенциал. Франко Дзола был удивительным футболистом, но в том сезоне он играл не так много, Джимми и Эйдур были великолепны. В сумме они забили 51 мяч, и, вероятно, это лучший атакующий дуэт, вместе с которым мне доводилось выступать. Не уверен, что во всей премьер-лиге была связка лучше. Они были одновременно безжалостны и волшебны – в приеме, передачах, подключениях и ударах. Неоднократно бывало, что девять из нас играют неплохо, а эти двое самостоятельно приносили нам победу. Я не слишком убивался из-за того, что мы не взяли титул, отчасти потому, что знал, что наши игроки достаточно хороши, чтобы в будущем поднять клуб еще выше и выиграть чемпионат. Я чувствовал, что моя игра становится лучше и я сделал шаг вперед.

Конечно, иногда жизнь напоминала мне, какой долгий путь нам предстоит пройти. Одним из таких моментов стал ответный матч полуфинала Кубка лиги против «Шпор». Дома мы одержали победу со счетом 2:1 и были в шаге от моего первого финала, но были разгромлены – 5:1. Это было жутко, особенно оттого, что это была первая победа «Тоттенхэма» над «Челси» за последние 10 лет. Однако такие поражения – это опыт, и когда нам вновь выпало играть с ними в Кубке Англии, я понимал, какая на нас лежала ответственность.

До первой строчки нам было далеко, и это был наш последний шанс на трофей. Наша кубковая кампания началась немного нервно, с гостевой ничьей против «Норвича», но ответный матч оказался простым. Я порадовался возможности сыграть против «Вест Хэма» в 4-м раунде, хотя первый матч, игравшийся дома, мы вновь сыграли вничью. В переигровке на «Аптон Парк» Джермейн Дефо сделал дубль, и нам пришлось отыгрываться дважды, а на последних минутах победный мяч оформил Джей Ти. Отлично. Он быстро становился ключевым игроком для нашей команды. Я был вне себя от радости, потому что по ходу игры подвергался обычным оскорблениям и не смог бы вынести поражение.

Поход за Кубком Англии спас наш сезон. Хотя мы и уступили «Арсеналу», в противном случае все решили бы, что для «Челси» год выдался прекрасным. Мы заняли шестое место, квалифицировавшись в кубок УЕФА, и добрались до полуфинала Кубка лиги. Эти достижения и близко не отвечают нашим нынешним амбициям, но в то время все было совсем неплохо. Я был доволен тем, как все складывалось, своим личным прогрессом и голами, которые мне удалось забить после

Рождества. Я остался в восторге от четвертьфинального матча против «Шпор», в котором мы победили 4:0 и отомстили за предыдущее поражение. В полуфинале на «Вилла Парк» нам достался «Фулхэм», и очередной гол Джей Ти принес нам победу и путевку в Кардифф.

> Мы заняли шестое место, квалифицировавшись в кубок УЕФА, и добрались до полуфинала Кубка лиги. Эти достижения и близко не отвечают нашим нынешним амбициям, но в то время все было совсем неплохо.

Утром перед игрой я дрожал от нетерпения. Мне удалось поспать, но не то чтобы много. Мне не терпелось выйти на поле. Когда я был ребенком, моя семья всегда собиралась у телевизора, чтобы посмотреть финал, кто бы в нем ни играл. Мой папа принимал участие в двух финалах, а теперь была моя очередь.

Подготовка шла хорошо, за исключением того, что Джимми травмировал икроножную мышцу и прилетел после консультации специалиста только в день игры. Я очень удивился, узнав, что он начнет матч в старте, но за несколько часов до игры они с Джей Ти проходили фитнес-тесты.

Джей Ти проснулся с головокружением и свалился с кровати. Он сразу отправился к доктору, а тот – к Раньери. Джон смог восстановиться к командному собранию, но тренер уже решил, что выпустит на поле Галласа.

Джон был совершенно подавлен. Как и я, он рос на этом турнире, и пошел бы на все, чтобы сыграть в финале. Он прошел фитнес-тест, как и Джимми, и был готов играть, но наш наставник решил, что сыграет лишь один из них. Выбор Джимми меня не смущал, потому что пройденный тест говорил о его готовности, но наша разминка вселила в нас сомнения.

Мы встали в круг, чтобы порастягиваться и побегать на месте 5–10 минут. Джимми был с нами и выполнял упражнения, но к его икре был прикреплен электростимулятор, призванный ослабить боль и размять мышцу. Я всегда верил в Джимми, но то, что ему приходилось делать это за час до важнейшего матча сезона, вызывало вопросы о его готовности сыграть. Однако Джимми лучше большинства игроков даже в неидеальных кондициях, и у тренера было не так много вариантов.

Джимми – очень целеустремленный игрок, и страстно желал сыграть, но уже к 10-й минуте матча стало понятно, что он не готов. Он старался как мог, но у него ничего не получалось, и Раньери стоило заменить его пораньше. Первый тайм мы сыграли неплохо, мы не забили, но и не пропустили, и выглядели хорошо. Мы владели инициативой, но не хватало лишь остроты в

завершении, а я был доволен своим противостоянием с Патриком Виейра.

Наш главный тренер выпустил Франко вместо Джимми лишь на 69-й минуте матча, на 70-й забил Рэй Парлор, а еще через 10 минут интригу похоронил Фредди Юнгберг. Окружающим казалось, что Джимми был любимчиком Раньери, но мне так не кажется. Джимми – один из лучших нападающих, с которыми я когда-либо играл, и один из лучших, кого я когда-либо видел. Обычно он играл лишь потому, что этого заслуживал. Многие забывают, что в первый сезон при Романе Абрамовиче Джимми часто выходил на замену вместо Эрнана Креспо или Адриана Муту, и все равно стал лучшим бомбардиром.

Возможно, решение, принятое Раньери в Кардиффе, было данью уважения Джимми. Он заслуживал шанса показать, что готов играть, а ошибка Раньери, пожалуй, была в том, что он не увидел, что у Джимми ничего не получается. В этот раз настройка настройщика не совсем удалась.

Сезон еще был не завершен – по крайней мере, я на это надеялся. На следующей неделе должны были объявить состав сборной на грядущий чемпионат мира. Перед турниром мы сыграли несколько контрольных матчей, и мне удалось провести целых 5 минут против Парагвая на «Энфилде». Пресса, как водится, много писала о том, кто поедет в Японию, а кто нет, и я находился где-то между залом ожидания в аэропорту и диваном в моей гостиной.

Эрикссон всегда отзывался обо мне положительно, и мне казалось, что я имею некоторое преимущество перед конкурентами. Я хорошо сыграл против Виейра в финале кубка и вообще хорошо провел концовку сезона. По имевшейся информации, Эрикссон собирался обзвонить тех, кого он оставит дома. Тем утром, помнится, я встал довольно поздно, даже не думая о том, что сегодня будет объявлен состав сборной.

Зазвонил телефон. Скрытый номер. Несмотря на то, что по натуре я пессимист, я все равно верил, что попаду на чемпионат. И тут я услышал голос: «Привет, Фрэнк, это Свен Эрикссон». Я не успел все осмыслить, и уже к концу первой фразы мое сердце оборвалось.

– Это решение было для меня сложным, Фрэнк, уверяю тебя, – сказал он в попытке подсластить пилюлю. – Ты еще очень молод, и у тебя еще будет шанс сыграть на чемпионате мира.

Я все еще пытался прийти в себя. Это стало для меня шоком. Хотя я никогда не уверял себя, что поеду в Японию, я надеялся, надеялся глубоко внутри, что попаду туда вместе со всеми.

– Послушай, – сказал Эрикссон. – Отдохни этим летом

хорошенько и возвращайся в следующем сезоне. Я буду наблюдать за твоими успехами в «Челси» и обязательно позову на матчи квалификации к Евро-2004.

– Хорошо. Спасибо, я так и сделаю.

Я едва смог выдавить эти слова. Во рту пересохло, и телефон просто выпал из моей руки. Оглушенный, я ходил по квартире кругами. Я никуда не еду – ни в Японию, никуда. Наконец, я сел и задумался, что же делать дальше. Мне было слишком стыдно, чтобы кому-нибудь позвонить и поговорить об этом.

Мне казалось, что ничего хуже и быть не может. Но уже вскоре оказалось, что я был не прав. По инерции я включил телевизор и увидел на канале Sky состав сборной. Оказалось, что помимо основного списка есть еще и резервный. Часть меня надеялась, что я все равно попаду на самолет, но я не попал даже в лист ожидания.

Даже, блин, в лист ожидания. Я размышлял о словах Эрикссона, вновь и вновь прокручивал наш разговор в голове. Ему пришлось сделать ужасный звонок, но он сделал все, чтобы помочь мне пережить это. Когда шок спал, я был очень зол – но не на Эрикссона, а на себя.

Что мне нужно было сделать, чтобы попасть в состав? Когда я должен был сыграть лучше? Мог ли я забить больше голов? Достаточно ли усердно я тренировался? Допрос третьей степени перерос в допрос четвертой степени, а затем и пятой. Я ничего не мог поделать, лишь в мельчайших деталях разбирал свой сезон. Это мне не помогло и не решило мою проблему.

Эта ситуация очень меня разозлила, но мне удалось убедить себя, что изменить я ничего уже не могу, и мне оставалось лишь смириться с этим. Когда эмоции схлынули, я решил, что самым лучшим для меня будет уехать из страны. Я посмотрел чемпионат мира по телевизору, но удовольствия не получил. В голове все еще роились мысли о том, как все могло бы обернуться. Все, о чем я думал теперь – это как поскорее вернуться в состав сборной Англии.

6
Это по любви

Шесть тысяч восемьдесят восемь миль – ровно настолько далеко я уехал, чтобы оставить позади расстройство из-за непопадания в состав сборной на чемпионат мира. Я подготовился к тому, что принятое решение будет причинять мне боль еще довольно долгое время. Я думал, что, оставшись не у дел, я просто не смогу безболезненно пережить это. Я ошибался.

Я пошел в туристическую компанию Thomas Cook и забронировал поездку на Маврикий. Это было довольно просто, но что действительно помогло мне избавиться от страданий из-за непопадания в сборную, так это девушка, сидевшая возле меня в самолете, – Элен Ривас. На тот момент мы были знакомы всего несколько недель, но в ней было нечто, что возвращало мне равновесие, когда казалось, что мой мир перевернулся с ног на голову. Прежде я не встречал никого, подобного Элен. Она умная, веселая, понимающая, а ее красота просто сразила меня наповал в момент нашей самой первой встречи. Ситуация была не из простых. Попытка завязать беседу в гудящей толпе переполненного клуба – не лучшее начало отношений.

Однако для разговора с Элен мне пришлось собрать волю в кулак. Я отдыхал и веселился с друзьями. Как правило, мы тусуемся отдельно от всех остальных по понятным причинам, но тогда в бар пришла компания, в которой были наши знакомые. В нее входила и Элен, и едва увидев ее, я был очарован. Она болтала со своими друзьями и не замечала, что я на нее смотрю.

Я выпал из беседы, в которой участвовал, и не отводил от нее взгляд, пока она инстинктивно его не почувствовала и не обернулась. Смутившись оттого, что меня раскрыли, я прервал беседу, продолжавшуюся уже без меня. Я занервничал и попытался отвести внимание от себя, но это было тщетно. Она уже все поняла.

Все было элементарно, но в общении с девушками мне не хватало уверенности в себе. Даже несмотря на то, что женское окружение было мне привычно, встретить кого-то, кто мгновенно произвел на меня такое сильное впечатление, было в новинку. Реалии таковы, что, будучи футболистом, ты так или иначе привлекаешь определенное внимание женского пола, отправляясь в бар или клуб. Это часть сегодняшней культуры. Говорят, что футбол – это новый рок-н-ролл, и если ты решаешь стать его частью, то у тебя появляется масса возможностей проводить

время с поклонницами и фанатками, которые крутятся вокруг игроков. До этого у меня никогда не было серьезных отношений. По правде говоря, это не совсем так. Футбол был моей второй половинкой с самого юного возраста.

Однако после перехода в «Челси» я заметил, что стал гораздо более знаменит. Ценник в 11 миллионов фунтов сам по себе притягивает внимание. Чаще всего возникавшие ситуации были забавными. Я мог 10 минут пообщаться с девушкой в клубе, а на следующий день мы становились поводом для обсуждения в колонке слухов. До Элен у меня никогда не было серьезных отношений. Самые долгие – с одной южноафриканской девушкой – продлились около шести месяцев. Мы виделись примерно дважды в неделю, но это было не всерьез. Все сошло на нет, как только я перешел в «Челси», и я не вспоминал о ней до тех пор, пока через пару лет не оказался на пляже с Элен и не получил звонок от Катнера.

Я мог 10 минут пообщаться с девушкой в клубе, а на следующий день мы становились поводом для обсуждения в колонке слухов.

– Ну и что за девица? – осведомился он со своей обычной деликатностью.

– Кто? Понятия не имею, о ком ты, – ответил я обескураженно.

– Ну она говорит, что встречалась с тобой, и ты очень некрасиво с ней расстался.

– Что? Когда?

– Этим утром в News of the World.

До меня наконец дошло. Она продала историю газете, рассказав, что любила меня, а я плохо с ней обошелся, разорвав отношения некрасивым образом. Это было неправдой. Тем не менее это послужило мне хорошим уроком, показавшим, как чужая слава вызывает у людей чувство зависти и делает их озлобленными. В те несколько месяцев, что мы встречались, она ни разу не говорила о своей любви. Мы не подходили друг другу, и это было очевидно из того, что наша дружба так ни во что и не вылилась. Я никогда прежде не влюблялся и не знал, каково это и что это значит. К Элен же я не испытывал ничего, кроме любви.

В баре я пробирался через толпу в ее направлении, всем своим видом показывая, что я и так туда направлялся. Я сказал «привет» и представился. Одно это уже может спровоцировать у людей странную реакцию. Те, кто знают, кто я такой, просто нервно хихикают, когда я говорю: «Привет, я Фрэнк». Однако я никогда не загадываю наперед, и с Элен это было только к

лучшему. Она кивнула и улыбнулась, но как только назвала свое имя, я запаниковал. Было что-то необычное в том, как она говорила – акцент. Она отлично владела английским, но произносила слова с сексуальным гортанным мурлыканием, которое меня просто ошеломило.

– Из Барселоны, – сказала она, отвечая на мой очевидный вопрос.

– А, хорошая команда, но сейчас играет хреново, – сказал я, нервничая.

Она слегка закатила глаза. Я подумал, что, возможно, стоит прекратить этот разговор прямо здесь и сейчас. Поддерживать беседу из-за громкой музыки и так достаточно сложно, а если добавить в уравнение слегка поддатого эссекского парня и восхитительную каталонку, то ситуация принимает прямо-таки дурацкий оборот.

Я должен был попытаться еще раз. В ней было что-то, заставившее меня поверить, что у меня есть шанс. Я никак не мог припомнить, что. Доброта в ее голосе и ее взгляд говорили, что она заинтересована во мне, хотя это свидание сильно походило на промах с пенальти. Скорее из-за культурного шока – хотя тогда я об этом не думал. Просто я никогда в жизни не мог представить, что буду встречаться с испанкой. Мой разум тогда был закрыт для других культур. Я был очень домашним мальчиком, и мои интересы и вкусы не выходили далеко за пределы Лондона и района, в котором я вырос.

Мы успели пообщаться слишком мало, прежде чем она ушла с друзьями в другой клуб. Похоже, ей со мной было не настолько интересно, как мне бы хотелось. Я часто о ней думал, невзирая на то, что мой опыт с девушками указывал, что я попусту трачу время.

Через пару недель я обедал в ресторане Scalini со своим кузеном Марком и Билли Дженкинсом, как вдруг в окне промелькнула сногсшибательная девушка. На ней был белый обтягивающий топ, а лицо частично скрыто за огромными солнечными очками по последней моде. Ресторан, как всегда, гудел, наполненный людьми. Мы все еще разговаривали, когда я заметил, что та самая девушка села за соседний столик. Я смотрел на нее в течение нескольких секунд, затем наклонился к Марку.

– Видишь ее? – сказал я, стараясь быть осторожным и не тыкать пальцем. – Я бы на ней женился.

Я не шутил и не дурачился. Марк одобряюще кивнул.

Обед подходил к концу, когда вдруг завязалась беседа между нашим и соседним столиком. Я посмотрел на девушку,

пришедшую последней, и узнал в ней Элен. Она выглядела иначе. Волосы были собраны, и я отметил, как ярко светились ее глаза при каждой улыбке. Поначалу была некоторая неловкость из-за того, что мы не узнали друг друга сразу, но она вскоре испарилась в расслабленной обстановке ресторана. Мы хорошо поладили, и по ее обезоруживающе наивным вопросам я понял, что она не имела ни малейшего понятия о том, за какую команду я играю и что я вообще футболист.

Я бывал в подобных ситуациях с другими игроками, и большинство из них, недолго думая, переходит к той части, где они берут у девушки номер телефона. Я гораздо более застенчивый и набрался смелости попросить ее номер, только когда все уже собирались уходить. Она улыбнулась и без колебаний написала его.

– Чем собираешься заняться дальше? – спросил я, крепко стиснув листок бумаги.

– Пойдем прогуляемся, а позже заглянем еще куда-нибудь. А ты? – сказала она застенчиво.

– Еще не знаю. Посмотрим.

Еще не успев выйти из ресторана, я сказал Билли, что этим вечером мы определенно идем гулять. Была середина недели – время, когда я, как правило, и носа из дома не высовываю. Но ситуация была необычная, и мы с Билли отправились ко мне домой, чтобы подготовиться.

Элен рассказала мне, куда именно они собираются, и мы приехали рано – чудовищно рано. Музыка эхом отражалась от стен, потому что внутри почти никого не было, но я не хотел рисковать, боясь упустить ее. Мы с Билли заняли места в баре, стараясь выглядеть круто, насколько это возможно в полупустом заведении. Наконец она появилась – со своей плывущей походкой она вошла и вышла, прежде чем я успел подойти и поговорить. Но ничего страшного – у меня был ее номер, и я собирался им воспользоваться.

На следующих выходных я играл в полуфинале Кубка Англии против «Фулхэма» в Бирмингеме. Матч проходил на «Вилла Парк» в воскресенье, и мы устроились в отеле за городом. Я уставился на цифры, написанные ею на листке, а затем на мобильник. И набрал номер.

– Привет, Элен, это Фрэнк, – сказал я еле слышно.

– Фрэ-энк, – протянула она с испанским акцентом, который теперь мне так хорошо знаком.

– Да, помнишь, мы встретились в ресторане, и ты оставила мне…

– Да, я помню, – перебила она. – Эй, можно я тебе перезвоню,

у меня тут вторая линия.

– Да, разумеется, – ответил я и положил трубку.

Черт. Она просто отфутболила меня. Знаете, как бывает, когда кто-то едва знакомый говорит, что перезвонит, потому что устраивает зимние олимпийские игры в аду, а ты все равно сидишь у телефона и ждешь звонка. Я просто не мог в это поверить. Я и так достаточно волновался из-за игры, а тут меня еще и отшила девушка, с которой я отчаянно хотел пойти на свидание. Я лег в кровать и попытался поспать – безуспешно. Через пару часов зазвонил телефон.

– Привет, Фрэнк, это Элен, – прозвучал ее голос. – Прости, я говорила со своими родными в Испании и не хотела прерывать разговор. Как ты?

Так все и случилось – столь же естественно, как восход солнца, она осветила мою жизнь и наполнила ее теплотой и счастьем. Мы договорились поужинать вместе в Лондоне. Конечно же, в Scalini. Свидание было запланировано на вечер понедельника, и я попросил своего друга Тела составить мне компанию и выпить пива у меня дома, прежде чем я отправлюсь на свидание. Мне нужно было набраться храбрости.

Но мне не следовало так беспокоиться. Храбрость не пригодилась. Вся нервозность и беспокойство испарились, как только мы сели за столик. Сложно объяснить, но, оставшись наедине, мы сошлись, как два кусочка мозаики. Не было неловкости и дискомфорта, нам не приходилось вести долгие светские беседы. Я знал, что Элен та самая – мое сердце кричало об этом.

После этого мы были неразлейвода. Каждый день или через день мы ужинали вместе, а затем начали проводить время в квартирах друг друга. Жизнь была прекрасна. Жизнь была великолепна. До тех самых пор, пока мне не позвонил Свен-Йоран Эрикссон и не сообщил, что я не попал в сборную на чемпионат мира. Но даже тогда я утешил себя мыслью, что смогу провести лето, отдыхая со своей девушкой.

Маврикий – как раз то, что мне было нужно. Элен – как раз то, что мне было нужно. По возвращении я почувствовал, что все мое напряжение ушло, и уже находился в предвкушении следующего сезона. Несколькими неделями ранее в порыве безумия я подписался на поездку в Лас-Вегас мужской компанией на несколько дней с Биллом Бладом Маккалохом и Шумным Майком. Я не получил от нее особого удовольствия. Мы ничего особенного не делали. Мы играли в карты, пили пиво и шутили. Англия играла против сборной Аргентины в Саппоро, и мы не ложились до четырех утра, чтобы посмотреть матч. Я не то чтобы

хотел, скорее чувствовал, что должен увидеть его. Было неприятно – не потому, что матч был плохой – а потому что с момента исполнения национального гимна до самого финального свистка я задавался вопросом – а каково было бы играть там.

Просто смотреть матч или находиться на стадионе недостаточно, имеет значение лишь выход на поле. Когда был назначен пенальти, Билл и Майк повскакивали со своих мест, а я остался сидеть, словно приклеенный. Я сконцентрировался на том, что должен сделать так же, как Дэвид Бекхэм на экране. Я вспомнил, как плохо мне было, когда я узнал, что остаюсь дома. В голове прозвучали слова Эрикссона: «Я буду следить за твоей игрой в «Челси» и задействую тебя в отборе к Евро-2004».

После нашего разговора я вновь и вновь воскрешал их в памяти. Иногда я отпускал эти мысли, а иногда представлял, как отвечаю тренеру английской сборной совсем иначе. Как всегда, задумываться о том, что хотел бы сказать, начинаешь, когда момент давно упущен. Я хотел сказать ему, что в следующем сезоне вернусь еще сильнее, лучше и целеустремленнее, чем когда-либо. Я обратился к Биллу – человеку, которому всегда мог довериться и который всегда был готов выслушать каждого в «Челси» – и сказал, что нам надо поговорить.

– Ладно, придурок, – сказал он и повернулся обратно к экрану.

Мы вместе прыгали от радости, когда Бекхэм забил, но я не очень-то хотел праздновать. Я уже строил планы на будущее в сборной и, кроме того, скучал по Элен. Билл потом сказал мне, что всю поездку я выглядел как томящаяся от любви собачонка. Наверное, так оно и было. Я не мог дождаться возвращения.

Домой я вернулся с обновленным пониманием цели своей жизни и работы. Наши с Элен отношения развивались стремительно, подталкиваемые необходимостью съехать с квартиры, которую я снимал на протяжении первого сезона в «Челси», и покупкой новой вблизи Олд Бромптон-роуд.

Одно от другого отделяли недели, и в промежутке я намеревался обосноваться в отеле Chelsea Village. Меня эта перспектива не сильно радовала. У Элен была небольшая милая квартирка в Южном Кенсингтоне, и поскольку мы так хорошо ладили, она сказала, что мне стоит пожить у нее, пока моя квартира не будет готова. Спрашивать дважды не было необходимости.

Это было веселое время – отчасти потому, что квартирка была крохотная, и, находясь дома, мы всегда были рядом. Иначе и не получалось. Гостиная располагалась на нижнем ярусе, спальня – на втором, и чтобы попасть туда, нужно было пройти через

ванную. Нам было все равно – нам было уютно, и мы веселились от души.

Я возвращался домой с предсезонных тренировок, и мы сворачивались калачиком на диване, ужинали и смотрели «Большого Брата». Приготовления в моей новой квартире заняли всего около двух недель, но нам с Элен было так комфортно вместе, что я без колебаний предложил ей переехать ко мне. Других вариантов я себе и не представлял – я хотел быть с ней. Забавно, но мы могли бы и не съехаться так быстро, если бы не обстоятельства, показавшие нам, как это может быть.

Для меня это определенно было большим шагом. Я не был тусовщиком, но мне нравилось ходить по клубам с друзьями. Однако после того, как я прочувствовал вкус домашнего уюта, все, чего я хотел – это проводить время с Элен. Я и сейчас люблю собираться с одноклубниками и друзьями, и так будет всегда, но когда ты влюбляешься, жизнь меняется. Я определенно стал более домашним, и через два месяца совместной жизни мы завели собаку и нарекли ее традиционным испанским именем – Реджи.

С Элен мне было легко брать на себя обязательства. Нам было очень уютно вдвоем, и мы много времени проводили дома. Я с удовольствием узнавал новое об испанском языке и культуре. Для меня это стало естественным ростом. Мне нравилось вести жизнь молодого холостого футболиста со всем хорошим и плохим, что она в себя включает. Бывало, я совершал ошибки – но встреча с Элен сильно меня изменила, и никакая из этих перемен не казалась мне странной.

Роккапорена уже не была для нас чужой, когда мы приехали туда на предсезонный сбор. В этот раз он был короче, потому что до этого мы уже целую неделю тренировались в Харлингтоне. Я был намерен сделать шаг вперед относительно своего первого сезона в клубе. Мы вновь провели какое-то время вместе с Биллом Бладом и продолжили разговор, начатый мной пару недель назад в Лас-Вегасе.

– В этом году я собираюсь взять быка за рога и заявить о себе в «Челси», – сказал я. – В прошлом сезоне я был чересчур робким – не возражал играть на неродной позиции и вел себя слишком тихо на клубной базе. Мне нужно сделать так, чтобы меня услышали и почувствовали мое присутствие. Этот сезон важен для меня. Я уже акклиматизировался и теперь должен утвердиться в качестве одного из главных игроков в команде.

Билл – мой друг и готов заступиться за меня даже передо мной.

– Твое влияние на команду уже очень внушительно, Лэмпс, – ответил он.

Но меня несло дальше.

– Но нельзя ходить и рассказывать, какая ты важная птица, и при этом недотягивать до этого статуса. Посмотри на Роя Кина и Патрика Виейра. Они живут и дышат этим, и никто не подвергает сомнению их важность. Сейчас, Билл. Пришло мое время.

С тех пор Билл напоминал мне об этом разговоре. Он говорил, что в моем голосе была та же решимость, которую он слышал снова и снова в важные для клуба моменты – в день игры в Лиге чемпионов, в день, когда завоевали первый трофей. Так оно и было. Тем летом я почувствовал себя иначе и знал, что моя жизнь меняется к лучшему.

Я достаточно отстранился от мыслей о чемпионате мира, чтобы разобраться в том, что творится у меня внутри. Я был полон гнева – я был уверен, что достаточно хорош, чтобы войти в сборную. Меня одолевало много негативных мыслей: о моей игре, о себе самом и других игроках, которых взяли на чемпионат.

«Он не лучше меня, – думал я. – Возможно, я смог бы изменить ход игры голом или передачей. Я бы справился лучше, чем он». Это не было проявлением неуважения к игрокам в команде. Мой отец называет это «профессиональной ревностью», которая является не ревностью к тому, кто играет вместо тебя, а ревностным желанием быть лучше, чем ты есть. Тебя должно разрывать из-за того, что ты недостаточно хорош, тебе должно быть тяжело наблюдать за играми, в которых ты не участвуешь. Для меня, отчасти, это было способом пережить неудачу. Я был глубоко подавлен. Я никогда еще так сильно не переживал отказ.

Единственное, с чем я мог это сравнить, было чувство, когда меня не взяли в Лиллешол. Тогда было плохо уже оттого, что моя семья и друзья знали, что я не прошел отбор, но теперь унижение было публичным, и что бы там ни говорили окружающие, чтобы утешить меня, они не могли заглушить навязчивый голос в моей голове, твердивший, что я недостаточно хорош.

Мне даже было стыдно сказать об этом Элен. Я предупредил ее, что перед турниром наша команда летит с женами и подругами в Дубай, спросив, не хочет ли она поехать со мной. Я боялся того, что она может подумать – тогда мы не так хорошо друг друга знали, и я переживал, что как бы я ни пытался объясниться, она решит, что я пытаюсь отмазаться. Мое исключение из сборной неизбежно повлекло отстранение от возбуждения, охватившего всю страну.

Мне не хотелось знать, как сборная проводит контрольные матчи, или получать сводки из лазарета. Мне не хотелось видеть флаги на зданиях и каждой второй машине на улицах Лондона. Я

не могу сказать, что я не патриот. Я люблю свою страну, но тогда я сам с собой не ладил. Когда переживаешь такое, легко замкнуться в себе – кажется, что весь мир настроен против тебя.

Это можно сравнить разве что с ощущением, которое испытываешь, когда тебя отвергает кто-то, с кем ты очень хотел бы быть. Я прошел через те же стадии гнева, отчаяния, неуверенности к себе и ненависти, которые проходишь, когда тебя отвергает девушка. И все же ты всегда можешь позвонить ей и попросить второй шанс – но с тренером сборной Англии такое не пройдет. Я чувствовал себя совершенно беспомощным. Некоторые в подобных ситуациях решают отреагировать позитивно. Моим естественным порывом было отринуть горечь.

Я был твердо намерен взять в свои руки каждый аспект своей карьеры, и при первой встрече с Клаудио Раньери после перерыва я посмотрел ему в глаза и почувствовал решимость провести свой лучший сезон. Я перевел свое отчаяние от непопадания в состав в заветное желание добиться успеха.

Я начал самостоятельные пробежки еще на каникулах, и когда стартовали тренировки, я легко в них включился. Что-то в моем характере заставляет меня ощущать себя несокрушимым, когда я нахожусь в своей лучшей физической форме – словно никто и ничто не может мне навредить. Это не то, что я показываю открыто – это скорее внутреннее чувство комфорта и уверенности в себе, которые, кроме меня, могут разглядеть только самые близкие друзья и родные.

Совсем скоро я ощутил особенное покалывание – и уверенность в каждом своем шаге. За прошедшие двенадцать месяцев я очень вырос. Я ушел из родного клуба, покинул родительский дом и начал новую жизнь в «Челси». У меня начались серьезные отношения, и я был как никогда уверен, в каком направлении хочу двигаться. Короче говоря, я повзрослел. Прогресс, достигнутый мной в «Челси», стал фундаментом для того, чтобы метить выше.

Оглядываясь назад, я могу с уверенностью сказать, что это лето кардинально изменило мою жизнь. Оно также стало началом самого важного этапа в истории «Челси». Я изменился к лучшему, но поначалу не был уверен в том, к чему приведут изменения в «Челси».

Впервые за многие годы «Челси» не тратил больших денег на трансферном рынке. Больше того, клуб не потратил ни копейки. Прежде на «Стэмфорд Бридж» словно стояла вращающаяся дверь, через которую приходили и уходили дорогие футболисты. В 2002 году к нам присоединились только два футболиста – Марко Амбросио из «Кьево» и Энрике Де Лукас из «Эспаньола».

Отсутствие трансферной активности приводило в замешательство, и лишь по ходу сезона мы узнали, насколько плохи дела у клуба в финансовом отношении. Тем не менее игроки отнеслись к этому практично и посчитали, что немногочисленность приобретений даст команде возможность обрести стабильность. В прошлом сезоне было слишком много перемен и шлифовки, и лично я был рад тому, что мы могли сконцентрироваться на уже имевшихся игроках, даже если мы просто не могли никого купить.

Мы заявляли о планах побороться за победу в премьер-лиге, хотя более реалистичной целью стала бы квалификация в Лигу чемпионов. Однако Раньери всегда делал акцент на качество игры, а не на результат или амбиции. Даже перед отдельными играми он подчеркивал, что то, как мы играем, важнее результата. Иногда он ставил цели, но они были очень ограниченными, и это приводило меня в замешательство. Например, если мы финишировали шестыми, он хотел, чтобы в следующем году мы стали пятыми, а когда посреди сезона нам это удавалось, он говорил, что было бы неплохо подняться еще на ступень выше. Раньери никогда бы не сказал: «Итак. Давайте выиграем чемпионат. Давайте побеждать в каждом матче». Таких фраз в его словаре не было. Его стилем была осторожность, и постепенный прогресс его полностью устраивал. Это был иной подход, и он не хотел взваливать слишком большую ответственность на себя или игроков.

Однако мне это было не по душе, и я часто раздражался. Почему он так говорит? Почему не подстегивает нас выйти на поле и победить, несмотря ни на что? В том сезоне я часто задавал этот вопрос Эйдуру, Джей Ти и самому себе. Если мы проигрывали пару матчей, проводилось «экстренное собрание», и тренер рассказывал нам о важности хорошего выступления в следующей игре. Я его не критикую. Тогда у нас еще не было кадров, которые придут позже и, возможно, Раньери не верил, что мы завоюем титул. Таким был стиль его работы, но я не могу себе представить, чтобы так готовил свою команду Моуринью. Иногда он просто говорил: «К черту качество игры, просто идите и добейтесь победы». Единственное, что имеет значение – это счет на табло.

> Раньери никогда бы не сказал: «Итак. Давайте выиграем чемпионат. Давайте побеждать в каждом матче». Таких фраз в его словаре не было.

У Раньери были и другие практики, которые теперь я нахожу странными. Например, он показывал нам видеонарезку сильных

сторон команды-соперника, рассказывая, как та может воспользоваться нашими слабостями. Это подрывало нашу веру в свои силы, особенно когда происходило за пару часов до игры против таких команд, как «Арсенал». Увидеть анонс того, как нас размажут по полю за 90 минут, было не лучшей подготовкой. Вместо того чтобы рассказать нам, как мы сможем расшатать их оборону, он демонстрировал нам, как Тьерри Анри проносится мимо пяти защитников и делает хет-трик. Я уважительно относился к тому, что он был выходцем из итальянской тренерской школы, где главной целью считается избежать поражения. Но когда перед домашним матчем против команд вроде «Сандерленда» Раньери предупреждал нас о том, что они могут с нами сделать, мне кажется, многие из игроков смотрели на ситуацию иначе. Фаворитом были мы. Это им стоило беспокоиться. Разговор должен был идти о том, как мы с ними расправимся.

Нельзя умалять заслуг Раньери перед «Челси» и мной лично, и я ни в коем случае этого не делаю. Я безмерно его уважаю, и только узнав про иные тренерские методы, я осознал, что существуют и другие способы мотивации игроков. Однако тогда, в самом важном сезоне своей карьеры, я мотивировал себя сам. Во что бы там ни верили остальные, я хотел выиграть чемпионат. Но вот чего не знал никто из нас при выходе из подтрибунного помещения стадиона «Вэлли» на стартовый матч чемпионата против «Чарльтона», так это то, что наш проход в Лигу чемпионов станет ключевым фактором для развития футбольного клуба «Челси» в будущем.

Можно смело предположить, что в случае нашей неудачи Роман Абрамович, искавший в 2003 году клуб для покупки, не обратил бы на нас внимания. Единственной мыслью в моей голове той августовской субботой было то, как мне хорошо. Мы все чувствовали себя здорово. Предсезонные тренировки проходили тяжело, но продуктивно, а игроки были в отличной форме и рвались в бой. Уже через полчаса мы проигрывали со счетом 2:0.

Я не мог в это поверить. Все лето дела шли так хорошо, но как только начались настоящие матчи, все пошло прахом. Пол Кончески вывел их вперед, а затем забил Ричард Руфус, и я подумал: «Ну вот».

Франко Дзола отквитал один мяч еще до перерыва, а во втором тайме на поле вышел Карлтон Коул, которому удалось изменить игру и сравнять счет за 6 минут до финального свистка. Добавленное время уже было на исходе, как вдруг мяч отскочил в мою сторону. Глазами я показал Дину Кили, что направлю его в

один угол, а сам пробил в другой. Мы победили.

Я подбежал к фанатам, чтобы отпраздновать, ощущая, как радикально все поменялось за один час. Начало чемпионата выдалось отличным, и весь оптимизм, с которым я вышел на игру, вернулся. О победных голах можно рассказать так много – они могут перекрыть собой все – но я чувствовал себя просто прекрасно. Был послан правильный сигнал.

Было важно начать претворять в жизнь все, что я наговорил Биллу Бладу перед стартом сезона. После этого мы сыграли дома вничью с «Ман Юнайтед» со счетом 2:2, и это было не худшим вариантом. Следующий матч против «Саутгемптона» стал памятным из-за атаки, которую мы начали на своей половине поля. Я перевел мяч на фланг Эйдуру и продолжил бежать. Тот сделал ответный пас, а я дождался, когда вратарь выйдет на меня из ворот, и лишь тогда аккуратно его перебросил. Это один из моих любимых голов за «Челси», и он стал отличным дополнением к мячу, забитому в ворота «Чарльтона». Два гола в трех матчах очень меня подстегнули, но по факту мы одержали лишь одну победу, и этот факт позволял трезво взглянуть на вещи.

Наше положение не изменилось и после визита «Арсенала» на «Стэмфорд Бридж». Безвыигрышная серия «Челси» против «кануниров» в чемпионате длилась уже без малого 8 лет. Мы повели, а затем еще и получил красную Патрик Виейра. Коло Туре, еще не закрепившийся в стартовом составе, вышел вместо Эду и сравнял счет.

Мы провели еще пару неплохих матчей, и в целом старт вышел хорошим. Однако в Европе мы испытали новый позор. В Кубке УЕФА нам противостоял норвежский клуб «Викинг» из Ставангера, и каждая газета не упускала шанса напомнить нам о прошлогоднем фиаско в матчах с «Хапоэлем». Это было неизбежно. Я начинал привыкать к тому, что некоторые находили особое удовольствие в том, чтобы обливать нас грязью. В «Вест Хэме» мишенью выступал лично я, а в «Челси» – весь клуб, а иногда и его президент Кен Бейтс.

В день игры Раньери сообщил, что предоставит мне отдых. Я удивился и расстроился. В таких играх, как эта, лучше всего выставить всех сильнейших, размазать соперника дома со счетом 4:0 и спокойно отправиться на выезд. Он выпустил меня в перерыве, и, несмотря на блеклую игру, мы контролировали ситуацию на поле. Забив дважды, мы чувствовали себя уверенно, но пропустили незадолго до финального свистка. Сам по себе пропущенный мяч не был критичным, но из-за него некоторые ребята заметно переживали перед выездной игрой. Нас все еще

преследовали кошмары прошлого сезона, и никто из нас не хотел подвергнуть себя или тренера тому же унижению.

На поле в Норвегии мы явно вышли с той же боязливостью, и уже спустя полчаса уступали в два мяча. Непосредственно перед перерывом мне удалось сократить отставание в счете, но через 15 минут мы вновь пропустили. Никто не опустил голову – мы верили, что все в наших руках, и уже через две минуты забил Джей Ти. Мы держались долго, но не до конца. Мы сыграли очень бесхитростно. Сначала мы позволили им забить на последних секундах первого матча, и, конечно, «Викинг» оглушил нас своим голом за три минуты до конца ответной игры. Второй сезон кряду мы спотыкались на команде, которую должны были проходить пешком.

Это была катастрофа. После матча мы отправились в аэропорт, где было множество выездных болельщиков, проходивших досмотр и дожидавшихся своих чартерных рейсов. Понятное дело, они были не в лучшем настроении, и Раньери порядком досталось от некоторых из них. Ощущение было отвратительное. В этой ситуации невиновных нет, и не совсем честно, что вся критика пала на тренера. Первостепенной и основной причиной поражения было слабое выступление игроков, которые сглупили и сами усложнили себе жизнь.

В «Вест Хэме» мне почти не довелось отведать европейского футбола, и одним из аргументов в пользу перехода в «Челси» стало желание играть на этом уровне и набираться опыта. Если нам показалось, что фанаты были суровы, то газеты и подавно порезвились вволю. Большинство из них решило, что «Челси» впал в кризис. Это было преувеличение, но после поражения от «Ливерпуля» на следующих выходных это стало сложнее отрицать – а ведь шел только сентябрь.

Тогда же был объявлен состав сборной Англии на отборочные матчи к чемпионату Европы против Словакии и Македонии, и на этот раз меня включили – что прибавило мне оптимизма. Перерыв давал мне возможность отдохнуть от «Челси» и попытаться взглянуть на все со стороны. Я не участвовал в самом первом матче сборной в сезоне – против Португалии на «Вилла Парк», но после пропуска чемпионата мира пропуск еще одного матча не сильно меня шокировал. И все же в памяти всплыли слова, которые я услышал в телефонной трубке в прошлом мае, и я задался вопросом, где же мое место. В том матче играл Ли Бойер, и я задумался о том, как низко я находился в иерархии игроков по мнению Эрикссона.

Ответ не заставил себя долго ждать. Я был рад, что меня включили в официальные матчи, хотя и не был уверен, что смогу

выйти на поле. За пару дней до игры мы приехали в Братиславу, и, несмотря на то, что она ознаменовала собой начало крупного отборочного турнира, сама игра ушла на второй план в связи с событиями, происходившими за пределами поля. В городе произошло несколько стычек между группами фанатов соперничающих команд, но это было ничто в сравнении с заголовками газет, посвященными нашему тренеру.

За два дня до игры стало известно о его отношениях с телеведущей Ульрикой Йонссон, и СМИ устроили ему засаду перед пресс-конференцией. По телевизору я наблюдал, как он поднимается по ступенькам отеля, в котором должен был выступать. Мистер Эрикссон редко выказывает хоть какие-то эмоции – по крайней мере публично. Даже его улыбка больше напоминает акт вежливости, нежели естественную реакцию. Это не означает, что он не искренний. Он твердо оберегает частную жизнь, и, учитывая пристальное внимание и полное отсутствие приватности, которые идут рука об руку с работой тренером сборной, я его не виню. Встретившись в тот день лицом к лицу с репортерами и камерами, он выглядел спокойным и подготовленным, однако было сложно не заметить окружавших его членов руководства Футбольной ассоциации, что было необычно. Тогдашний исполнительный директор Адам Крозьер и Дэвид Дэйвис явно демонстрировали свою поддержку.

Я уважаю Футбольную ассоциацию за это решение и считаю, что они поступили верно. От тренера сборной Англии ждут, что он будет целиком и полностью отдаваться работе, что, по мнению некоторых, не дает ему права на личную жизнь. Мы все время от времени страдаем от излишнего внимания со стороны СМИ, которое в некоторых случаях несправедливо и неоправданно.

Никто из игроков не сомневался в том, как он справится с этой ситуацией. Уж я – так точно, хотя в тот момент я еще не мог сказать, что знаю его хорошо. Я знал, каков он, однако с момента нашей первой встречи я понял, что его менталитет абсолютно чужд английскому футболу. Я был в составе команды, игравшей товарищеский матч против Испании в феврале 2001 года, первый после его назначения. Когда меня представили ему в отеле, он был очень вежлив, не особенно разговорчив и явно отлично подготовился, заранее изучив выбранных им игроков. Приветствие было душевным, но не сказать, что теплым. Он не предпринимал попыток выстроить отношения с игроками так, как это делаем мы сами и некоторые тренеры. Также он не пытался поощрять тип взаимоотношений, наиболее знакомых большинству английских игроков, при котором тренер выступает авторитетной фигурой, но скорее в отеческом, нежели в

воспитательском духе. В «Вест Хэме» при Харри я привык к тренеру, который был частью всего, что происходит в раздевалке, включая всеобщее подшучивание друг над другом, но также знал, как провести черту, определяющую, кто здесь главный. Тренерские методы Раньери и Моуринью очень отличаются, но в плане взаимодействия с игроками они похожи. Мистер Эрикссон же не похож ни на кого. Он, конечно, не тот бесчувственный сухарь, каким его часто представляют окружающие – на самом деле в сборной его очень любят и испытывают к нему привязанность. В то же время он поддерживает определенную дистанцию, подчеркивающую превосходство его положения.

Первое время никто из нас не знал, чего ожидать, но по прошествии всех этих лет нас мало что может удивить в тренере английской сборной. Пожалуй, лучше всего его можно описать, назвав невозмутимым. Мы знали, что за написанным в газетах не последует никакого фейерверка. Одно лишь то, что человек, которого они окрестили «Ледышкой», проявил страсть, не означало, что он взорвется им на потеху. На самом деле вся эта шумиха на него никак не повлияла, он даже никогда и никоим образом не поднимал этот вопрос в разговорах с нами. Такова его манера ведения дел, и она ничем не навредила игрокам. Некоторые отнеслись к этой ситуации с юмором. Раздевалка остается довольно брутальным местом, и тот факт, что тренер показал прежде неизвестную сторону своего характера, стал поводом для шуток и освежил атмосферу.

К несчастью для мистера Эрикссона, этот эпизод стал концом медового месяца с английскими СМИ, и мне кажется, что поток негативных мнений полился на него именно в сентябре 2002 года. Единственным ответом, который он представил общественности, была сама игра, в которой я, правда, не участвовал.

Стадион в Братиславе был крошечным. Раздевалка была настолько маленькой, что не смогла вместить весь наш состав и тренерский штаб, и мне пришлось постоять в коридоре. Я был крайне расстроен непопаданием в основу, а непопадание даже в запас делало мою поездку совсем бессмысленной. Мне нечасто доводилось чувствовать себя настолько лишним, как в тот вечер. В холле стояли автоматы с едой, и чтобы скоротать время до начала матча, мы с остальными ели шоколадки. Вдруг появился тренер.

– Сколько голов у тебя в сезоне? – спросил он.

– Два, – ответил я.

– Выглядишь хорошо и бодро. Как себя чувствуешь?

Мне хотелось ответить: «Честно говоря, как полное дерьмо,

потому что я сижу в коридоре вместо того, чтобы готовиться к игре». Конечно же, я придержал язык.

– Да, босс, хорошо. Хотя хотелось бы сыграть побольше матчей.

– Твое время придет, Фрэнк, не беспокойся.

Этот короткий разговор успокоил меня, вселил уверенность. Отсутствие причастности к игре пробудило к жизни почти такое чувство паники, как то, что я испытывал во время чемпионата мира, но мистер Эрикссон смог ослабить его одной непродолжительной беседой. Его манера обращения с людьми заставляет их чувствовать свою значимость, даже когда факты утверждают обратное. Это один из его главных тренерских талантов.

Победа над Словакией приглушила шумиху по поводу романа с Ульрикой, а мы вернулись в Англию для подготовки к матчу против сборной Македонии на стадионе «Сент-Мэрис» в Саутгемптоне. В этот раз, войдя в раздевалку, я увидел на стене свою футболку – я попал в запас. Отлично, уже прогресс. Я оставался в расширенном составе сборной до матча против ЮАР в самом конце сезона, где сыграл хорошо, записав на свой счет голевую передачу. Я выглядел хорошо, но полузащита сборной состояла из Бекхэма, Батта, Скоулза и Джеррарда, что означало, что мне предстоит тяжелейшая борьба, но я знал, что мне нужно делать.

Когда возобновились тренировки в «Челси», матч двухнедельной давности против «Ливерпуля» казался очень далеким. Нам предстояло играть на выезде с «Манчестер Сити», и этот матч врезался мне в память по разным причинам, хорошим и не очень. Мы одержали уверенную победу, я был доволен уровнем своей игры и особенно реакцией наших болельщиков. После игры они громко скандировали мое имя и пели прижившуюся с тех пор песню «Супер Фрэнк Лэмпард». Тогда я услышал ее впервые, и исполнялась она с таким воодушевлением, что я почувствовал себя великолепно. В «Вест Хэме» песен мне не посвящали. Там выделяли лишь избранных игроков, в то время как все остальные игнорировались. Логике это не поддавалось. В «Челси» мой адреналин зашкаливал, но в этом случае не только от победы в матче – мне удалось свести счеты совсем иного рода.

Утром перед игрой я проснулся полным нервного напряжения. Я долго ждал, когда этот день наступит. Я знал, что собираюсь сделать, и не собирался отступать. Я позвонил Катнеру.

– Сегодня Беркович узнает, что я о нем думаю, – сказал я ему.

– Что? – ответил он.

– Я дам ему понять, что я не шучу. Я обыграю его, а заодно дам ему знать, как я зол.

– Что ты задумал, Лэмпс?

Внезапно я разнервничался и сменил тему. Я не мстительный человек, и я не из тех футболистов, что играют чрезмерно грубо или используют нечестные приемы. Если бы я сказал Катсу, насколько я был зол, он лишь попытался бы отговорить меня. Я был спокоен. Я знал, что делал. Я собирался показать Эялю Берковичу, что я был зол на него из-за лжи, сказанной им о моем отце, и боли, которую он причинил моей семье. Никто не мог меня остановить.

У меня не было намерений причинить ему вред. Я не такой игрок и никогда им не был. Я неспособен на такое как человек и тем более как футболист. Я просто хотел, чтобы он узнал – я недоволен, а вернее, просто-напросто огорчен тем, что он сказал об отце. Он должен был понять, что я был свидетелем и что ему следует быть осторожнее в своих необоснованных и болезненных обвинениях в адрес моей семьи.

Отрывок из его автобиографии, в котором он назвал моего отца расистом, был процитирован в News of the World. Он утверждал, что стал жертвой дискриминации в «Вест Хэме» и это стало одной из причин его ухода из клуба. Это была совершенная ерунда, и меня очень оскорбило, что он попытался оправдать свой уход таким образом.

Беркович ушел после столкновения на тренировке, когда Джон Хартсон попал ему ногой по голове. В этом не было и толики расизма, как не было и дискриминации из-за его национальности или религии. Я наблюдал за работой отца в клубе ежедневно, и он никогда не выбирал себе любимчиков и не выказывал предубеждений против каких-либо игроков. Все в клубе его любили и уважали, и проблем никогда не возникало. Отец также якобы советовал Харри снимать с игры Берковича, а не меня в случае замены. Даже если это и было, то папа был прав – особенно в холодные дни в местах вроде Болтона, когда Беркович больше заботился о сохранении рук в тепле, чем о борьбе за результат, которую вели все остальные. Он полная противоположность Джей Ти и Джоди – человек, которого не интересует никто другой и который ни за что не заступится за партнера. Я ничего не имел против Берковича-игрока – мне нравилось играть с ним в одной команде – но он причинил мне горькую обиду, когда попытался запятнать репутацию моего отца таким циничным образом.

Я рассматривал другие варианты. Говорить с ним было бы бесполезно – он очень высокомерный человек, уверенный, что он

всегда и во всем прав. Мы, конечно, могли просто все отрицать, но обвинения такого рода автоматически вешают на тебя своего рода клеймо, из-за которого сам разговор на эту тему приносит лишние проблемы. Я все для себя решил. Я собирался преподать ему урок на поле.

Беркович всегда любил покрасоваться с мячом, и я решил, что обведу его пару раз, дав ему понять, что происходит. У меня такое было впервые, и я решил полагаться на свои инстинкты. Долго ждать не пришлось. Берковичу нравится удерживать мяч в свободных зонах – он всегда был жадиной – и я позволил ему почувствовать себя в безопасности, и лишь тогда сделал свой ход. Я пошел на мяч и по инерции влетел ему в ноги. Получай. В этом фоле не было никакой жестокости или злого умысла – шипы я убрал, но сделал достаточно, чтобы опрокинуть Берковича на землю. Я пополз в направлении боковой линии. Марсель Десайи подбежал ко мне и помог подняться на ноги.

– Какого хрена ты вытворяешь? – спросил он тихим сердитым голосом.

Он наблюдал за происходящим с близкого расстояния. Он не знал о моих счетах с Берковичем, но видел мои глаза в тот момент, когда я побежал в его сторону. Марсель знал, что что-то происходит, но не понимал, в чем дело.

– Нельзя так играть. Не делай так больше, – напомнил он мне.

Рефери показал неизбежную желтую карточку. «Ладно, – подумал я, – спорить не буду». Я был рад, что реализовал свое намерение. Он не был травмирован, но я сделал ему достаточно больно, чтобы до него дошло, в чем дело. Я такого раньше не делал и повторять не собираюсь. Как показывает мой послужной список – всего одна красная карточка за всю карьеру – я совсем не грубый игрок.

Я забыл о случившемся, и оно не оказало на меня продолжительного воздействия, поскольку после выезда на «Мэйн Роуд» мы работали над тем, чтобы превратить победы в привычку. Выкинув историю с Берковичем из головы, я почувствовал облегчение. С каждой игрой я ощущал свой рост, и даже в жизненных мелочах я начал обретать все большую веру в себя. Данное самому себе обещание стать ключевым игроком в клубе начало претворяться в жизнь. Я физически ощущал, что стал сильнее и бил точнее. Я также стал гораздо увереннее в ведении мяча и выборе правильного момента для передачи.

Вера в себя проявлялась и в моей игре в целом. В свой первый сезон я боялся просить пас, отчасти потому, что меня окружало такое количество отличных игроков. Это было несознательно, но

с футболистами вроде Пети и Дзолы я практически чувствовал, что не имею права требовать пас. Теперь я поменял свое отношение. Я обращался к защитникам и убеждал их отдать мне мяч.

Отец всегда говорил, что нужно добиваться своего. Делать все необходимое, чтобы мяч оказался у тебя. Он предельно прямо обрисовал варианты, лежавшие передо мной перед переходом в «Челси». «Сынок, ты можешь выходить на поле, немного участвовать в игре и показывать неплохую игру матч через матч, – говорил он. – Или можешь просить мяч каждый раз, оказываясь возле него, и творить. Только тогда люди начнут говорить, что тот или иной матч для них выиграл Фрэнк Лэмпард».

Я знал, что он прав, знал, что таким я и хотел быть. Даже сейчас, если по завершении игры я чувствую, что где-то недоработал, я просматриваю обзоры по телевизору и читаю прессу, чтобы проанализировать свое выступление. Если я не забил или не сделал важную передачу, я чувствую, что подвел сам себя. Я отринул все комплексы, которые пришли со мной с «Аптон Парка» на «Стэмфорд Бридж». Я становился игроком, которым всегда мечтал быть, хотя мне и сложно описать это другим людям. В футболистах, которые меня вдохновляли, вроде Кина и Виейра, меня восхищали больше их умения и боевой дух, нежели непосредственно стиль игры.

Я не хотел быть «забивающим полузащитником», как Роберт Пирес и Густаво Пойет. Я хотел быть полузащитником, который приносит голы – вовлеченным во все аспекты игры от защиты до голевой передачи и, само собой, регулярно отправляющим мяч в сетку. Если задуматься, существовало не так уж много игроков, способных на такое. Кину пару раз удавалось забивать 10 и более голов за сезон, но в целом он играл довольно глубоко. Вместо этого я взял понемногу от каждого и добавил к тому, в чем силен от природы.

Сейчас мне кажется, что именно этот набор умений стал главной причиной, по которой я сыграл так много матчей в свои первые пять лет в «Челси». Будь я тренером, я бы хотел иметь полузащитника, умеющего играть в защите, который будет сердцем командного механизма, а также игроком, способным забивать голы и ассистировать партнерам. Если ты в состоянии продемонстрировать все эти качества, ты становишься незаменимым. Я был бы счастлив иметь такого игрока.

Я не хотел быть «забивающим полузащитником», как Роберт Пирес и Густаво Пойет. Я хотел быть полузащитником, который приносит голы – вовлеченным

во все аспекты игры от защиты до голевой передачи, и, само собой, регулярно отправляющим мяч в сетку.

В то время мне было нужно усовершенствовать еще один навык. Я только начал осваивать походы вперед из центра, которые станут моей визитной карточкой. Дополнительные тренировки, диета и все те аспекты моей жизни, которые изменились с переходом, начали складываться и делать меня другим. Раньери потратил много времени, объясняя мне, когда мне нужно рваться в атаку, а когда оставаться на месте. Это было сложно, поскольку инстинкты говорили мне атаковать при любой возможности. В «Вест Хэме» я забил таким образом 40 голов и надеялся забить в «Челси» еще больше. Папа был с этим согласен, и его присутствие осложнило мои первые недели в клубе. Еще недавно он командовал мной с тренерского мостика «Вест Хэма», и это вошло у него в привычку. На «Стэмфорд Бридж» мои родители сидят на первом ярусе, практически прямо за скамейкой запасных. Я смотрел на Раньери, который командовал мне держаться поближе к оппоненту или прессинговать его, а папа над ним жестами показывал, чтобы я бежал вперед, или забегал сопернику за спину, или что-нибудь еще. Я по привычке смотрел на тренерскую скамейку в ожидании инструкций, а затем краем глаза видел отца, советующего мне действовать совершенно иначе. Надо отдать ему должное, несмотря на выработанную годами привычку, отец быстро осознал, что ему нужно отойти на второй план и отдать первенство Раньери. Он перестал подавать явные сигналы, но признает, что продолжает мысленно подсказывать мне, что делать.

Некоторые игроки время от времени замечали за мной эту двойственность и подшучивали надо мной. У Раньери был очень личностный подход к игрокам, и по мере того, как моя значимость для команды возрастала, он все чаще разговаривал со мной наедине о том, что мне следует делать в матче. Такие вещи всегда служат поводом для шуток в раздевалке, и парни прозвали меня сыном Раньери.

Каждый раз, когда меня вызывали на инструктаж к тренеру, Эйдур говорил: «Лэмпс, тебя папа ищет». И, конечно же, когда мой настоящий отец приходил на игры – а он приходит на каждую – их становилось двое. Вот так я стал сыном двух отцов. Эти шутки стали частью командного духа, который рос под руководством Раньери, и указывали на то, какое сильное уважение и привязанность к нему испытывали игроки.

Раньери очень страстно в меня верил – действительно, как отец – и это было очевидно. Иногда доходило до того, что даже во

время тренировок он все время командовал мне: «Стой, не беги». Я оглядывался, не веря своим ушам. До меня не доходило, что за «Вест Хэм» я забивал в основном потому, что постоянно бежал вперед, но лишь 20 процентов этих забегов приносили пользу.

Чему я научился, так это принимать решения в нестандартных ситуациях, чувствовать, когда есть шанс забить, и когда нет, и как распоряжаться мячом, если вариантов развития атаки нет. За это я должен поблагодарить Раньери. Покупая меня из «Вест Хэма», он разглядел во мне потенциал и раскрыл его, обуздав мои наивные порывы идти вперед, несмотря ни на что.

На поле дела тоже шли неплохо. Перед Рождеством мы проиграли «МЮ» в Кубке лиги, но 21 декабря благодаря голам, забитым мной и Эйдуром, мы обыграли «Астон Виллу» и возглавили турнирную таблицу. Было здорово добраться до вершины, и вся наша команда действительно была на высоте. Мне свойственно не слишком терять голову в подобных ситуациях, и мне кажется, что и тогда шестое чувство подсказывало мне, что мне не следует слишком радоваться.

В понедельник я прибыл на тренировку, а там уже все кипело. Джоди, Джей Ти и Эйдур уже сидели в нашей маленькой так называемой «английской секции», именуемой так потому, что старая тренировочная площадка была разделена на шесть мини-раздевалок. Среди них была итальянская комната, французская и весь остальной мир. Эта планировка была ужасной для футбольного клуба и никак не способствовала становлению и улучшению командного духа. Командный дух у нас имелся, но разделение усложняло нам жизнь. Однако этот недостаток компенсировался развитием наших отношений с Эйдуром, Джоди и Джей Ти. Мы много говорили об играх, клубе и том, куда мы движемся. Именно тогда мы с ними подружились, и трое – Джоди позже ушел из клуба – офицеров армии Моуринью объединились. Мы втроем проложили мостик из эры Раньери в будущее.

Мы с Эйдуром очень быстро сдружились. Он на год младше меня, и я до сих пор нахожу это удивительным – настолько он зрелый и разумный. Эйдур – очень умный и любознательный и всегда всем интересуется, начиная с того, как у тебя дела, заканчивая тем, что ты думаешь о том или ином игроке в команде. Когда приходишь в новый клуб, только некоторые игроки действительно интересуются твоей личной жизнью и семьей, и Эйдур всегда был очень внимателен в этом плане. У нас обоих есть дети, и я многое узнал от него об отцовстве еще до рождения Луны. Он очень искренний человек, и за эти годы мы стали лучшими друзьями.

Одна из причин, почему его так любят в «Челси» – его

футбольный интеллект. Эйдур – один из самых умных футболистов, которых я когда-либо знал – он в точности знает, как и когда действовать. Бывают игроки, отлично умеющие вести мяч и финтить так же хорошо, как он, но они будут время от времени терять мяч в попытке обвести соперника. Но Эйдур не таков. Он слишком хитер и обязательно выманит противника на себя, а сам отдаст передачу в самый нужный момент. С ним очень здорово играть, и если я, пасанув ему, забегаю вперед, то могу быть уверен, что он идеально выложит его мне на ход. Он идеальный инсайд, но его умения этим не ограничиваются.

Когда я перешел в «Челси», меня сразил наповал Джимми Флойд Хасселбайнк. Любой, кто хоть раз сталкивался с его ударом, знает, о чем я говорю – буквально. Джимми – прирожденный нападающий, самый одаренный из всех, с кем я играл. В нем есть доля эгоистичности, которой обладают все хорошие форварды, а также приносящий ему успех инстинкт хищника. В мой первый сезон в клубе они с Эйдуром забили 53 гола на двоих, но на следующий лишь одному из них выпал шанс показать, что он способен сделать это снова. Это был Джимми.

Я очень сочувствовал Эйдуру. Эйдур поучаствовал в большинстве голов, забитых Джимми в сезоне 2001–2002 годов, либо стал их непосредственным создателем, но Раньери решил, что будет ротировать Дзолу и Эйдура между собой, и получалось нескладно. Бывало, он играл действительно отлично и забивал, но все равно исключался из стартового состава на следующий матч. Я не мог этого понять. Как и он. И я чувствовал, что это не дает ему показывать свой максимум, к которому он приближался в прошлом сезоне.

Я понимал, как непросто было Раньери: Франко было нелегко отправить в запас, равно как и Джимми, и может быть, поэтому порой Эйдур оставался не у дел. Наша тактика не предполагала возможности разместить на поле всех троих, поэтому кто-то должен был уступить. Мы с Эйдуром часто говорили об этом в нашей «личной» раздевалке, и мы с Джей Ти и Джоди поддерживали его.

У нас хватало ярких личностей – людей вроде Дзолы, Десайи и Пети, внушавших уважение за то, чего они добились в своей карьере. Джимми, напротив, просто требовал отдать ему мяч – постоянно. У меня ушло какое-то время на то, чтобы набраться храбрости, но я знал, что для того, чтобы утвердиться в «Челси», я должен был выступить против него. Джимми не был задирой, ничего подобного – скорее он был очень сильной личностью и обладал огромной самоуверенностью. Когда я только начал тренироваться с клубом, я отдавал ему мяч по первой просьбе.

Примерно так и прошел мой первый сезон. Он являлся частью иерархического строя в клубе, а я был новичком, пытавшимся в него вписаться. Все мои английские друзья пробыли в клубе дольше меня и помогали мне освоиться, но действовать по-своему я стал только после того, как принял осознанное решение следовать своим инстинктам, а не выполнять чьи-то указания.

– Лэмпс! Лэмпс! Пасуй мне, пасуй! – вновь прокричал мне на тренировке Джимми.

Я оставил мяч себе и нанес удар, который отразил вратарь.

– Эй! Я же сказал отдать мяч, – заорал Джимми.

– Иди к черту, Джимми.

Я едва мог поверить, что сказал это. Джимми тоже. На площадке моментально воцарилась тишина, все ждали бури. Джимми славился тем, что с проблемами разбирался моментально. Он направился ко мне, и я уж решил, что грядет взбучка. Может, он просто прибьет меня. Он ухмыльнулся – во все зубы, своей широкой, теплой улыбкой показывая, что все нормально. Вот и все – я стал своим. Я вернулся в игру и потребовал паса громче, чем когда-либо прежде. Я был горд собой и собирался доказать, что я прав.

Приближалось Рождество, а вместе с ним и период, часто обеспечивавший решающее преимущество той или иной команде. Мы вступили в него преисполненные оптимизма. Я питал большие надежды, даже несмотря на то, что, как правило, «Челси» не выдерживал этого испытания, и нам предстояло сыграть три тура за шесть дней, два из которых на выезде. После тренировки в канун Рождества Раньери организовал собрание и изложил нам свои планы на предстоящую неделю. Мы должны были играть с «Саутгемптоном» в Boxing Day, затем с «Лидсом» на «Элланд Роуд», а следом – на «Хайбери» 1 января. Он сказал, что каждый из 19 игроков состава примет участие в первых двух матчах. Придя на тренировку в Рождество, я выяснил, что не участвую в матче против «Саутгемптона».

Я отправился в кабинет тренера. Он явно ожидал меня увидеть.

– А, – сказал он без доли удивления. – Я так и подумал, что ты навестишь меня.

– В чем дело, босс? – перешел я прямо к делу. – Я хочу играть, и я не заношусь, но думаю, что мы должны выпустить на поле всех сильнейших и выиграть матч. Домашняя игра с «Саутгемптоном» – отличный шанс завоевать три очка, пусть у нас и впереди кошмарный выезд в Лидс. Если мы наберем три очка и там, то дальше может случиться всякое. Мы ведь только забрались наверх турнирной таблицы.

Он выслушал меня, но по его взгляду я понял, что он принял решение задолго до того, как ответил.

– Фрэнк, наберись терпения, – ответил он. – Ты сыграешь с «Лидсом», и в том матче у нас будет шесть свежих игроков.

Игру против «Саутгемптона» я начал в запасе и вышел всего за 5 минут до конца вместе с Вильямом Галласом. Матч получился ужасным, и ничья стала не таким плохим результатом. Соперник под руководством Гордона Страхана играл неплохо и очень организованно. Мы спокойно отнеслись к такому итогу и отправились на матч в Лидс. В состав вернулись отдохнувшие игроки, но сыграли мы как дерьмо, проиграв 0:2. Для меня это стало ударом – оказаться на первой строчке турнирной таблицы и не суметь защитить и укрепить свое положение.

Я не уверен, что мы обыграли бы «Саутгемптон», выстави мы самый сильный состав – тут не угадаешь. Но никогда прежде мне не встречался тренер, который перед чередой игр заявил бы, что собирается задействовать в них столь большое количество игроков. Я придерживаюсь мнения, что нужно играть сильнейшим составом, и, в случае победы, следует выпускать на поле все тех же одиннадцать игроков, пока у них остаются силы. Все-таки мы профессионалы и должны быть способны выдержать две или три игры кряду. Возможно, мы немного устанем, но в это время года все команды работают в том же режиме, так что наши соперники пребывают в том же положении. Я знаю, что ротация была тренерским методом Раньери, но, как показало время, она не всегда являлась лучшим вариантом.

Слово тренера по физподготовке Роберто Сасси имело большой вес в выборе состава на матч. Именно Сасси проводил анализы крови и замерял наши показатели во время тренировок, и он же давал боссу советы по поводу того, кому нужен отдых. Это раздражало меня тогда и раздражает сейчас. Сасси не имел никакого отношения к футболу, но оказывал на тренера серьезное влияние, которое не нравилось многим игрокам.

Справедливости ради скажу, что неделей позже несколько игроков провели с Раньери разговор, и он признал свою ошибку. Он говорил об этом открыто, и я его за это уважаю. Сасси же своей ошибки не признал. Даже если бы мы набрали в этих двух играх всего лишь три очка, мы бы по-прежнему оставались наверху турнирной таблицы и могли бы еще поднажать.

Однако худшее было впереди – мы схлестнулись с «Арсеналом», нашим непосредственным соперником за титул, и проиграли 2:3. Я не виню тренера за это поражение. Ему нужно отдать должное за то, как я вырос под его началом, и я всегда буду ему благодарен. Но все-таки в том сезоне наша команда

имела шанс достичь большего. «Арсенал» и «Манчестер Юнайтед» были не так недосягаемы, как в предыдущие годы, и мы показали, что способны бороться с ними за высшую строчку. Однако ключевым фактором стало отсутствие опыта – мы не умели удерживать лидерство так же, как они, и это же касается и Раньери. Для победы в чемпионате нужно иметь особую психологическую устойчивость, одна половина которой заключается в понимании, каково это – выигрывать титулы, а другая – в понимании, насколько больно их проигрывать.

«Челси» был не совсем готов сражаться с большими клубами. Единственной командой, которой удавалось забраться на одну из двух первых строчек таблицы с тех пор, как на «Хайбери» стал работать Арсен Венгер, стал «Ливерпуль», но это был единичный случай.

Мы все еще учились, и хотя мы расстроились из-за того, каким мимолетным оказалось наше пребывание на вершине, мы знали, что должны продолжать играть на пределе возможностей до самого конца. Борьба за место в Лиге чемпионов была в разгаре, и нам предстояло много работы.

> Для победы в чемпионате нужно иметь особую психологическую устойчивость, одна половина которой заключается в понимании, каково это – выигрывать титулы, а другая – в понимании, насколько больно их проигрывать.

К несчастью, временами возникало ощущение, что против нас оборачивались вещи, которые должны нам помогать. Возьмем, к примеру, поле «Стэмфорд Бридж». В зимний период оно всегда становится хуже, но именно в том сезоне оно стало больше напоминать песочницу. Мы играли против «Чарльтона» в матче, ставшем известным как «битва на пляже». Это было ужасно, хотя команды и находились в равных условиях. Мы в то время показывали хороший футбол, и мне казалось, что для «Чарльтона» этот песок стал преимуществом – возможностью использовать предполагаемую нелюбовь «Челси» к тяжелому труду.

Пару лет спустя, перейдя в «Челси», Скотт Паркер рассказывал мне, что Алан Кербишли действительно в тот день советовал своим игрокам играть жестче из-за состояния травы. Им нужно было активнее прессинговать нас и идти в стыки. Но это не сработало. Мы разгромили их со счетом 4:1, и, как ни удивительно, «Чарльтон» подал жалобу в премьер-лигу в связи с состоянием поля. Очень иронично, учитывая план, с которым они вышли на поле.

Мы не были такими мягкотелыми, как многим нравилось думать, и по ходу сезона я чувствовал, что моя физическая сила и уверенность возрастают. Я был серьезен в своем намерении добиться стать важнейшим игроком для клуба, и когда в конце января мы обыграли «Лидс» со счетом 3:2, я почувствовал, что приближаюсь к цели. Я забил, Эйдуру удался удар ножницами, а затем Доминик Маттео встал на пути моего удара и помешал мне оформить первый дубль за «Челси». Уже тогда я думал, что могу переворачивать игру в свою пользу, но мне хотелось, чтобы общественность оценивала меня на том же уровне, что и Кина, Виейра и Стивена Джеррарда. Они постоянно оказывают влияние на ход игры и доминируют в большинстве матчей, и до этого времени меня никогда не упоминали в одном ряду с ними. Мы проводили серию важнейших матчей, в которых мне нужно было менять игру, и я начинал подтверждать свой класс.

Также мне не терпелось доказать свою значимость для сборной Англии. В середине следующей недели нам предстоял товарищеский матч с Австралией, а я получил ушиб лодыжки в матче против «Бирмингема» в предыдущую субботу. Я покинул поле с травмой, и после игры Эрикссон позвонил Раньери прямо в клубный автобус. Тренер сказал мне, что Свен был впечатлен моей игрой и хотел поставить меня в основу на следующий матч. Поинтересовался, в состоянии ли я. Я был очень польщен и сказал, что справлюсь.

Несмотря на травму, я был настроен играть, особенно учитывая, что матч должен был проходить на «Аптон Парк». Для меня это было не идеальное место из-за хулиганов, но я всегда был чрезвычайно горд защищать честь страны, и была некая притягательность в том, чтобы сделать это там, где начинался мой путь в футболе. За день до матча я затянул повязку потуже, вышел на тренировку и успешно прошел фитнес-тест. Лучше бы я этого не делал. Нога ужасно болела, и я знал, что поступаю неправильно. Я не пытаюсь оправдаться, потому что в самой игре я чувствовал себя не слишком плохо.

Я вышел в паре с Никки Баттом, и мы знали, что в перерыве вся основа будет заменена, что само по себе стало кошмаром. К перерыву мы уступали в два мяча, и трибуны нас освистывали. Я играл, но не оказывал на игру никакого влияния, что было обычным делом в моих первых играх в футболке сборной.

Матч завершился со счетом 1:3 и стал самым большим фиаско за всю мою карьеру в национальной команде. Ситуация ухудшалась тем, что я хорошо играл за «Челси» и очень хотел проявить себя и на международной арене. Я чувствовал, что расту и развиваюсь, и, хотя и не имел большого опыта международных

матчей, я понял, что публика не сочла это поражение незначительным. Пресса впилась в нас зубами, отчасти это было справедливо, отчасти не очень. Единственным позитивным явлением этого вечера можно считать дебют некого Уэйна Руни. По иронии судьбы, гол престижа забил не он, а Фрэнни Джефферс, но стать звездой было суждено лишь юному таланту из «Эвертона».

Наш сезон шел по привычному сценарию – мы играли хорошо и выполняли большую часть задуманного, но без претензий на выдающиеся достижения. Мы потерпели поражение от «Манчестер Юнайтед», которое только подтвердило то, что мы и так знали: чемпионами нам не стать. Раньери продолжал мотивировать нас на продолжение борьбы, и перспективы прохода в Лигу чемпионов для меня было более чем достаточно.

Как выяснилось, это также было необходимо, чтобы клуб продолжил существование. Я все больше переживал из-за финансового положения «Челси», и не только из-за слухов и газетных статей. Нам сказали не обмениваться футболками с командами соперников, а вилки и ножи в кофейне на тренировочной площадке заменили на пластиковые. Были произведены сокращения, и мы все чувствовали, как с приближением разгара сезона напряжение нарастало.

В следующем раунде Кубка Англии нам достался «Арсенал», и перед матчем на «Хайбери» многие списывали нас со счетов. Но выход в финал принес бы клубу кое-какие деньги, а потому мы были твердо настроены пройти. Мы сражались, как могли, и за 10 минут до конца мне удался классный удар. Счет сравнялся, и была назначена переигровка. Мы были уверены, что дома у нас есть шансы на победу, но они с самых первых минут обрушились на нас подобно урагану, и уже к перерыву мы проигрывали в два мяча. Матч завершился поражением – 1:3. Нам оставалось лишь бороться за третье место в чемпионате и путевку в Лигу чемпионов.

Нашим непосредственным соперником был «Ливерпуль». По воле случая, нам было суждено встретиться в последнем туре. «Манчестер Юнайтед» уже обеспечил себе титул, и СМИ ухватились за единственную интригу – борьбу за третье место, а потому шумиха поднялась рано.

На финишной прямой мы буксовали. Мы проиграли на выезде «Астон Вилле», а затем, за неделю до последнего матча, и «Вест Хэму», что было особенно обидно. К моменту начала подготовки к игре с «Ливерпулем» журналисты стали величать будущее противостояние «матчем на 10 миллионов фунтов», поскольку именно они стояли на кону. Однако на самом деле на

кону стояло что-то большее, и об этом мы узнали лишь вечером перед игрой.

Раньери решил поселить команду в отеле накануне матча. Обычно мы просто отправлялись в отель Chelsea Village, но в этот раз по какой-то причине остановились в Royal Lancaster. У нас глаза на лоб полезли от удивления, ведь мы сталкивались с финансовыми ограничениями ежедневно, но тогда никто ничего не заподозрил. Я решил, что, возможно, нас решили немного побаловать, чтобы сакцентировать внимание на том, насколько важен этот матч.

Как обычно, мы поужинали всей командой, но после этого Гэри Стэйкер сказал, что нам нужно пройти в комнату, где кое-кто хочет с нами побеседовать. Это было довольно странно, и ребятам стало любопытно, что же происходит. Никогда прежде мы не прибегали к помощи мотивационных ораторов, и кое-кто в команде отнесся к этому скептически. Нас ожидал крупный мужик, представившийся бывшим американским солдатом, ветераном Вьетнама. Я был сбит с толку. Команда притихла, и этот парень почти сразу завладел нашим вниманием.

Он рассказал историю о том, как его взвод попал в безвыходное положение, пытаясь добраться до деревни, чтобы спасти гражданских. Вьетконг установил огневую точку на стратегически важной позиции, служившей хорошим укрытием и с которой они могли обстреливать американцев при каждой попытке прорваться вперед. Несколько человек лишились жизни, пытаясь захватить позицию врага. Противостояние продолжалось какое-то время, пока один из его друзей не отправился в одиночную миссию, чтобы уничтожить вражеский пост.

Он детально описал каждый шаг того парня и все эмоции, которые испытывали оставшиеся солдаты, понимавшие, что шансов вернуться у него нет. Он бросился на пулеметчика, взорвав гранату. Он погиб мгновенно, отдав свою жизнь, чтобы другие могли выжить.

В комнате стояла тишина. У некоторых ребят на глаза навернулись слезы.

Солдат закричал:

– Завтра вы победите! Победите или умрете пытаясь! Вы отдадите жизнь за товарища.

Он маршировал на месте, и некоторые из нас кричали вместе с ним. Это было очень трогательно – он хорошо знал, как разжечь в сердцах огонь. Эти переживания немного меня шокировали, но я чувствовал себя хорошо, и все остальные преисполнились энтузиазма. Если в команде и присутствовали сомнения в том, что мы способны выиграть, то теперь они исчезли. Теперь мы

знали, что победим.

Накал страстей немного спал, когда в комнату вошел исполнительный директор Тревор Берч. Он нечасто встречался со всей командой – особенно в вечер перед игрой – и, естественно, все затихли.

– Я должен сказать вам кое-что очень важное, – сказал Берч. – Я не собираюсь дурачить вас или приукрашивать реальную картину. Клуб находится в тяжелом материальном положении. На самом деле его лучше назвать кризисом.

В комнате раздалось несколько возгласов, в которых слышался шок и болезненное ожидание того, что нас ждало. Вскоре мы это узнали.

– Для того чтобы футбольный клуб «Челси» продолжил свое существование, вы должны квалифицироваться в Лигу чемпионов. Проще говоря, если вы не одержите победу над «Ливерпулем», клуб закроется.

Я услышал то, что он сказал, но не был уверен, что все правильно понял. События этого вечера не укладывались у меня в голове. Мы с Джей Ти и Эйдуром попытались их осмыслить. Мы знали, что у клуба были проблемы с финансированием. Весь сезон нас преследовали разговоры о долгах в 80–100 миллионов фунтов. Игроки слышат и читают о таких вещах – и конечно, мы ощутили на себе сокращение бюджета – но в основном мы стараемся лишь концентрироваться на работе и выигрывать матчи. За это нам и платят. Но Берч был серьезным человеком и к тому же очень искренним. Он не пытался нас запугать. Честно говоря, я не уверен, правильно ли поступило руководство, сообщив нам. Мы и так прекрасно понимали, насколько важен этот матч, а потому было рискованно возлагать на нас полную ответственность за будущее клуба.

Позже я узнал, что сразу после вступления в должность в начале сезона Берч изучил контракты всех игроков. Взглянул на мой – довольно внушительный, на четыре года вперед – и высказал предположение, что, возможно, будет лучше отпустить меня бесплатно и сэкономить на моей зарплате. Забавно, как в этом мире все меняется.

Разумеется, Раньери знал все, что происходило за кулисами, но никогда не обсуждал это с нами. Как и всегда, он хотел, чтобы мы полностью сосредоточились на футболе. Мы были полны решимости победить – ради клуба, болельщиков, президента, Раньери и себя самих.

Выйдя на газон «Стэмфорд Бридж», мы сразу окунулись в волшебную атмосферу. По сути, мы играли финал кубка – победитель получает все. Несмотря на наш настрой и осознание

последствий поражения, мы пропустили быстрый гол – Сами Хююпя забил головой. Начала хуже и представить было нельзя. Мысленно я вернулся к словам Берча – проиграете, и «Челси» конец. Я не мог поверить, что все закончится именно так. Мы не могли этого допустить.

Когда мяч вернулся в центральный круг, я заорал на всех: «Давайте, давайте же, черт возьми! Вы все знаете, что нужно делать! Давайте вернемся в игру».

Понемногу мы возвращали себе мяч – пасуем, пасуем, нагнетаем, нагнетаем. Защита «Ливерпуля» начала раскрываться, и при каждой потере мяча мы сразу толпой набрасывались на соперника в попытке его вернуть. Сначала мы заработали угловой, потом опасный штрафной, и, наконец, сравняли счет. Казалось, что это длилось целую вечность – но на самом деле прошло лишь три минуты.

Мы отметили гол, но очень сдержанно. Ничья нас не устраивала – клуб могла спасти лишь победа, и мы все это понимали. Мы играли все увереннее и доминировали на каждом участке поля. Волнение совсем ушло, и у нас получалось практически все.

Незадолго до 30-й минуты Йеспер Гронкьяер нашел подбор и отправил мяч мимо Ежи Дудека, выведя нас вперед. Мы все обожали Йеспера. Он классный парень, очень добрый и веселый. Все вместе мы побежали отметить его гол с фанатами, и я мог почувствовать облегчение, охватившее стадион. Мы удержали преимущество, одержав не самую красивую, но заслуженную победу.

Если бы только 41 911 фанатов знали, что мы совершили в тот день. Наконец прозвучал финальный свисток. Я был изнурен физически и психологически. Болельщики сходили с ума, а мы совершили круг почета. Я наслаждался этим моментом. Сезон вышел очень трудным и полным испытаний. Я чувствовал, что стал сильнее – мне удалось забить 8 мячей, и я стал вторым в голосовании за приз лучшему игроку года после Франко Дзолы.

Стадион ликовал – тысячи фанатов не покидали своих мест, распевая песни, и мы ощущали себя так, словно только что выиграли трофей. Сейчас я пытаюсь представить, что могло произойти в случае нашего поражения, и просто не могу это вообразить. Страшно даже подумать.

7
Империя Романа [1]

Говорят, что революции начинаются не с крика, а с шепота. Немногие были в курсе планов Романа Абрамовича приобрести «Челси», а я узнал о них по телефону. Мы с Элен проводили отпуск в США, и когда мы лежали возле бассейна в Лас-Вегасе, мне пришло неожиданное голосовое сообщение. Это был Рио.

«Друг, «Челси» покупает русский миллиардер. Серьезно! Чувак богат до чертиков и может купить кого угодно. Грядут серьезные перемены. Надеюсь, ты готов к борьбе за место в составе, она будет нешуточной! Хорошего отпуска».

Ну спасибо. Рио не упустит своего шанса меня накрутить, и этот случай подходил как нельзя кстати. Я не знал, как отнестись к этой информации. Несколько месяцев ходили слухи о разных потенциальных инвесторах, но я никогда не слышал о Романе Абрамовиче. Я немного поразмышлял над этим и пошел плавать. Рио, наверное, просто прикололся.

Двумя днями позже, когда мы были в Лос-Анджелесе, английские газеты объявили, что Кен Бейтс продал клуб российскому нефтяному магнату. Я позвонил папе и Катнеру, но было слишком мало надежной информации и слишком много слухов. Единственное, в чем можно было быть уверенным – новый владелец «Челси» богат. Очень богат.

Уже через считаные дни клуб стали связывать с переходами лучших игроков мира – назывались имена Тьерри Анри, Роналдиньо, Андрея Шевченко, Роналдо – и это только нападающие. В полузащиту планировалось приобрести Эмерсона из «Ромы», Стивена Джеррарда из «Ливерпуля» и Дэвида Бекхэма из мадридского «Реала». Кроме того, Раньери должен был покинуть клуб.

Я позвонил нескольким людям, чтобы узнать последние новости, и, хотя у клуба, кажется, все было прекрасно, я не знал, что будет со мной – но я никогда не боялся конкуренции и трудностей. Вернувшись, я увидел, что клуб наводнили новые игроки. Глен Джонсон, Адриан Муту, Уэйн Бридж, Дэмиен Дафф, Жереми, Эрнан Креспо и Алексей Смертин уже присоединились к клубу, и это было далеко не все. Несложный подсчет показал: 4 полузащитника уже в составе, ожидаются Клод Макелеле, Хуан Себастьян Верон и Джо Коул. Всего семь. Я задумался над своим положением и решил, что есть два пути: уйти из «Челси» или стать сильнее. Я решил стать сильнее.

Мистер Абрамович прибыл в Харлингтон спустя пару дней после начала предсезонной подготовки. Все были в курсе визита и приехали пораньше – молодые игроки даже помыли машины. В комплексе царила атмосфера нервозности и неуверенности, что же произойдет дальше. Однако человек, с которым мы познакомились, оказался очень приятным, и по всей видимости, волновался не меньше, чем мы. Он не говорил по-английски, но вежливо поздоровался с футболистами и тренерами. Когда он подошел ко мне, я был немного удивлен его внешностью. Многие представляют богатых и влиятельных людей очень внушительными, но он показался мне некрупным и довольно застенчивым.

С ним был его близкий друг и член совета директоров Евгений Тененбаум, а также переводчик. Английский – родной язык для Евгения, но он отлично говорит и по-русски и много лет работает с Романом. Раньери всех представлял, стараясь поддерживать спокойную и непринужденную атмосферу.

Подойдя ко мне для рукопожатия, мистер Абрамович улыбнулся. Я тоже улыбнулся и поздоровался, а менеджер сообщил новому владельцу мое имя и амплуа. Слушая, он смотрел прямо на меня, и я смог прочитать в его глазах целеустремленность. Я убедился, что для него это не просто забава. Мистер Абрамович ведет бизнес, чтобы достигать успеха. Он ненавидит проигрывать.

Мне понравилась и его манера говорить. Едва увидев состояние нашей старенькой тренировочной базы с ее огороженными раздевалками и грязной столовой, он заявил: «Ну и д***мо». Не знаю, как именно это звучит по-русски, но он был абсолютно прав. Он сразу распорядился найти место для нового комплекса и как можно скорее его построить.

Мне рассказывали, что он на своем вертолете тоже помогал в поисках подходящего участка – пролетая над Гайд-парком, он якобы спросил:

– Может, здесь?

– Нельзя, сэр, это земля королевы.

– И она ее не продаст?

Этот случай похож на байку, но ее дух абсолютно правдив – мистер Абрамович не остановится практически ни перед чем, чтобы добиться своего. Трансферный бюджет клуба, судя по всему, был неограничен, и к первому туру на «Энфилде» в нашем составе было 6 новых игроков, 5 из которых начали в основе. В подтрибунном помещении все чувствовали давление. Раньери не упоминал нового владельца, концентрируясь на игроках и команде в целом. Он старался отвлечь нас от того, что мы теперь

считались богатейшим клубом мира, не имевшим права на ошибку.

Игра, впрочем, была сложной. Верон вывел нас вперед в первом тайме, и долгое время казалось, что революция Абрамовича началась успешно на глазах у всего мира. Но вдруг провал – Майкл Оуэн сравнял счет ударом с пенальти, и оптимизма поубавилось. Но ненадолго: за 3 минуты до конца забил Джимми. Мы все рванули к нему, но самым запоминающимся моментом дня для меня стал тот, что я увидел уже вечером по телевизору. После второго гола камера показала ложу владельцев – Роман Абрамович вскочил с кресла и давал всем «пять». Я решил, что он мне нравится.

Второй матч в сезоне был столь же запоминающимся, хотя я играл не за «Челси». Англия играла с Хорватией в товарищеском матче в Ипсвиче в среду, и я был заряжен – не только благодаря последней победе, но и потому, что чувствовал, что моя международная карьера идет на лад. В то межсезонье была целая серия игр, среди которых были товарищеские матчи с ЮАР в мае и Сербией и Черногорией в июне и отборочный матч на Евро-2004 против Словакии. Именно тогда я впервые заявил о себе как об игроке сборной, и Эрикссон продемонстрировал доверие ко мне.

Уже сама поездка была необычной. Идея проделать такой далекий путь в конце длинного сезона для проведения выставочного матча казалась странной, как и возможность встретиться с Нельсоном Манделой. В нашем расписании ее не было, и она была не очень хорошо организована. После тренировки за два дня до игры мы сели в автобус, и нас просто спросили, хотим ли мы с ним встретиться. Для этого нужно было встать в 6 утра и полететь из Дурбана в Йоханнесбург. Я уважаю Манделу за то, что он сделал, и, хотя я не могу назвать его своим кумиром, я чувствовал, что должен представлять Англию. До игры оставались всего сутки, и я бы предпочел подготовиться должным образом, как сделали многие парни, решившие не поехать. Мандела показался мне очень дружелюбным. Это был урок смирения – я познакомился с человеком, который изменил мир ради других. Это настоящая знаменитость. Самым забавным в этот день было то, что Рио вырвался вперед, когда нас представляли друг другу, и на фотографии он сидит рядом с Манделой и держит его за руку. Рио был просто в восторге – как большой ребенок.

Что же касается матча, я вышел на поле в перерыве, отдал голевой пас и вообще играл неплохо, стараясь не обращать внимания на английский флаг с надписью «ВХЮ» и толстяка, задиравшего меня во время разминки. Вчера – приветствие

Нельсона Манделы, государственного деятеля мировой величины, сегодня – брань невоспитанного фаната, вот это да. Мы победили 2:1, и сейчас я понимаю, что та игра стала поворотной точкой в моей карьере за сборную.

Четверка полузащитников, игравшая на чемпионате мира прошлого года, все еще была в порядке, но я получил шанс проявить себя в первом же матче после турнира. Дэвид Бекхэм восстанавливался после перелома руки и не был готов к игре, поэтому я начал матч против Сербии в стартовом составе. Я играл прилично, но понимал, что этого недостаточно, и перед игрой против Словакии в Мидлсбро оставался вопрос, кто заменит Бекхэма – я или Джермейн Дженас. Честь была оказана мне, но мое счастье немного омрачалось необходимостью играть слева. Все, кто выступает за сборную Англии на этой позиции, должны быть готовы к тому, что как бы хорошо они ни играли, всегда будут вестись разговоры о том, что они – не уровень сборной. Что бы ни думал Джей Ти о моих выступлениях на фланге за «Челси», я был далеко не Гиггзи.

Участие в квалификационном матче было для меня волнующим опытом. Тренер доверил мне сыграть в важном матче, и я понимал всю ответственность. Я был готов, и мне казалось, что я неплохо обыгрывался с партнерами. Потом мы пропустили. В перерыве я уходил с поля, страшась того, что наш возможный проигрыш могут списать на то, что играл я, а не Бекхэм. Слишком много негатива – я взбодрился и настроился на то, что мы перевернем игру во второй половине. Майкл Оуэн забил дважды, в очередной раз доказав, насколько он особенный игрок – способный забить тогда, когда это нужно больше всего.

Еще одним исключительным футболистом был Пол Скоулз. Он был одним из лучших игроков, что я видел, и на каждой тренировке выкладывался больше всех. Он всегда готов обострить ситуацию быстрым и точным пасом и бьет с разрушительной силой. Возможно, он бьет лучше всех в мире. Играя на позиции атакующего полузащитника, я смотрел на него и думал, смогу ли я когда-нибудь достичь такого уровня. Был период, когда он не мог забить за сборную, и из этого делали проблему. Забивая много, ты сам копаешь себе яму – я и сам пострадал от этого. От тебя ждут голов, хотя у тебя и близко нет такого количества моментов, как у некоторых нападающих, испытывающих голевую засуху.

Меня называли неэффективным только из-за того, что я не забивал в отдельно взятом матче – игнорируя мой вклад в общий успех. В расстановке сборной Англии Скоулзи выступал на вершине ромба, а Никки Батт – в его основании. Однажды, когда

я еще играл за молодежку, Питер Тейлор подозвал меня и сказал, что видит меня игроком опорной зоны.

– О чем ты? Я не хочу там играть, это противоречит моим инстинктам. Я люблю ходить вперед и атаковать – такой уж я игрок, – ответил я.

– Нет. Тебе нужно стать игроком оборонительного плана и, может быть, иногда атаковать из глубины. Тебе нужно задуматься, где ты лучше раскроешь свой потенциал.

Я уже знал, что я атакующий хавбек. Возможно, глядя на Скоулзи, Тейлор думал, что я не смогу потеснить его в основе и смена позиции поможет мне. Но я совершенно не хотел играть в опорной зоне и был решительно настроен стать игроком, которым всегда хотел быть.

Между моими первым и вторым матчами за сборную прошло три года, поэтому времени задуматься о перспективах у меня хватало. Стиви Джеррард тогда был еще не столь опытен, но в моих глазах уже был достоин твердого места в основе. Бекхэм был капитаном и играл отлично, и в общем, были моими главными конкурентами. Я знал, что они лучшие игроки в Англии, и чтобы добиться своего, мне нужно доказать свою силу. Меня это не страшило, хотя тогда я понял, что игра за сборную еще более переменчива, чем игра за клуб. Она может быть как лучшим, что с тобой случалось, но может стать и худшим. Мало что может сравниться с хорошим выступлением за свою страну. Однако тебе часто приходится играть против более слабых соперников, и если ты позволишь себе расслабиться хоть на минуту, можешь поплатиться.

Мы часто играем против команд, которых, по мнению болельщиков, мы должны разнести, вроде Македонии, Словакии или Лихтенштейна. Это вызвано тем, что об их игроках и тактике мало что известно. Они часто оказываются гораздо сильнее, чем представляется зрителям. Я могу понять ожидания, вызванные нашим подбором игроков, но футбол сборных сложнее, чем «сильная команда обыгрывает слабую». Фанаты находятся на взводе с первых минут и гонят тебя вперед, чтобы ты забивал голы и играл красиво – но реальность такова, что тебе нельзя раскрываться, иначе соперник этим обязательно воспользуется. Примерами могут служить наша домашняя ничья 2:2 с Македонией и игра со Словакией на «Риверсайде».

Меня раздражает, когда люди говорят или пишут, что Англия должна уверенно обыгрывать ту или иную команду, потому что современный футбол работает не так. Мои иностранные тренеры и партнеры по команде научили меня тому, что нужно быть умнее, чем соперник. Когда я играл за «Вест Хэм», я еще мог

согласиться с прямолинейным воинственным настроем – шашки наголо. Эта тактика позволит вам обыграть многих, но хорошая команда вроде Бразилии или Аргентины вас просто разорвет.

Вы знаете, чего ожидать от сильных сборных, но я хочу сказать, что менее именитые команды можно охарактеризовать, приведя примеры игроков, которые отлично смотрелись в сборной, но совсем не впечатляли в премьер-лиге. Причина в том, что футбол сборных более медленный и более заточен на технику. Вам нужно обладать отличными навыками и сильным духом, чтобы преуспеть.

Благодаря тем летним играм я почувствовал себя гораздо увереннее, и когда дело дошло до матча с Хорватией, я сгорал от нетерпения. Это можно было заметить по тому, как я вышел на замену вместо Никки Батта и забил свой первый гол. Игра соперника не впечатляла, но мало что может сравниться с чувством, которое ты испытываешь, когда бьешь с 20 метров и знаешь, что мяч попадет в ворота. Это чувство еще слаще, когда ты носишь футболку с тремя львами. Ну и что, что это лишь товарищеский матч? Я открыл счет голам за сборную, и моя вера в собственные силы укрепилась к матчу с Македонией.

> Мы часто играем против команд, которых, по мнению болельщиков, мы должны разнести, вроде Македонии, Словакии или Лихтенштейна. Они часто оказываются гораздо сильнее, чем представляется зрителям.

В этот раз я должен был играть на вершине ромба, что бывает довольно тяжело. Приходится много времени проводить спиной к воротам, подбирая мяч и связывая партнеров по атаке. Игра под нападающими считалась вотчиной классических «десяток» – тех, кто по сути является нападающим, но может не только забивать. Лучший пример – Диего Марадона, которого я считаю лучшим игроком в истории. Я не Марадона, как когда-то заметил Харри, но у меня есть кое-что другое – способность играть из глубины и приходить в штрафную в нужное время, чтобы нанести удар.

В Скопье я чувствовал себя несколько изолированно, но, в целом, играл нормально. Но, очевидно, тренер считал по-другому – меня заменили в перерыве. Я одинаково ненавидел уходить с поля в любой момент матча, но это было просто унизительно. Мы проигрывали в один мяч, и Эрикссон решил внести коррективы. Он выпустил Руни, и мы одержали победу 2:1. Я радовался победе, но был опустошен из-за замены. После матча Эрикссон заявил, что я играл хорошо, но ему было нужно рискнуть и отыграться. Это было разумной идеей, но меня совсем не

утешало. Однако, когда мы летели домой, меня поддержал капитан сборной.

До этой минуты мы с Бексом особо не общались, и когда я только начал вызываться в сборную, я перед ним благоговел. Я был еще очень молод, а он – состоявшаяся суперзвезда. Эта отстраненность сохранялась какое-то время. Но когда я сидел в самолете, прокручивая в голове все детали игры, стараясь понять, что я сделал не так, ко мне подошел Бекс и спросил:

– Ты в порядке, Лэмпс?

– Да. В порядке. Я рад, что мы победили, но замена меня немного взбесила, – ответил я.

– Понимаю тебя. Не расстраивайся сильно, ты хорошо играл. У тебя в «Челси» и сборной все отлично. Такое бывает – замены в международных матчах делаются гораздо легче. Не парься сильно, у тебя все впереди.

Мы поболтали несколько минут, но меня ободрили не столько его слова, сколько сам факт того, что он попытался мне помочь. Он отнесся ко мне по-доброму и поддержал меня – возможно, на правах хорошего капитана. Как и я, от природы он очень застенчив, но теперь лед между нами был растоплен, и я ощутил себя причастным к сборной. Я был благодарен за заботу и наконец-то почувствовал себя частью команды.

Через 4 дня я поучаствовал в игре с Лихтенштейном, в которой мы ожидаемо победили, хотя и получили дозу критики за то, что забили всего дважды. Но уже в следующий свой призыв я понял, какие громы и молнии могут обрушиться на игрока сборной. Новость была абсолютно неожиданной и имела серьезные последствия.

Утром, когда мы должны были собраться вместе для подготовки к матчу с Турцией, стало известно, что Рио пропустил допинг-тест и вылетел из команды. Ни Рио, ни другие ничего мне не говорили, даже слухи до меня не доходили. Когда я прибыл в отель, мы с другими игроками организовали совещание. Ребята из «Юнайтед», очевидно, были более информированы, чем остальные, и Гари Невилл громче всех выражал поддержку Рио, хотя и остальные высказывались в таком же тоне. В зале было тихо, все были напряжены. Никто из нас с подобным не сталкивался, и хотя я намеревался оказать Рио любую возможную поддержку, но искренне не знал, что мне следует предпринять. Гари встал и обратился к команде.

– Вот как все было, – начал он. – Рио пропустил допинг-контроль в «Каррингтоне» (тренировочная база «Манчестер Юнайтед») – он уехал, забыв, что сегодня его черед сдавать тест. Позже он вспомнил об этом и вернулся на базу, но офицеры уже

уехали. В результате из-за невинной ошибки его вывели из состава и обвинили в нарушении допинговых правил без какого-либо расследования.

Твою ж мать, Рио, какой же ты кретин! Я очень ему сочувствовал, но после шока, испытанного утром, я начинал понимать, чем ему это грозит. Он не только пропускал матч с Турцией – он мог пропустить весь остаток сезона и Евро-2004.

Гари предложил высказаться остальным, и мы все согласились в том, что наказание слишком сурово. Мы хотели понять, что мы могли сделать в данной ситуации. Игроки «Юнайтед» предложили бойкотировать матч с Турцией в знак поддержки партнера по команде. Я не был уверен, что это хорошая идея. Я был согласен, что нам было необходимо выступить единым фронтом, но проблема была в том, что нашим «врагом» была Футбольная ассоциация, принимавшая решение.

– Единственная возможность показать им глубину нашего возмущения – забастовка, – продолжил Гари. – Мы должны решить, будем ли мы играть против Турции.

Его слова повергли меня в шок. Да, у нас была возможность занять принципиальную позицию и громко заявить о наших чувствах. Я оглядел зал и прочитал на лицах удивление, одобрение, непонимание происходящего и множество других эмоций. Я поддержал идею, но большинство парней были просто смятены. Гари произнес очень пламенную речь, и игроки его поддержали, но сомневаюсь, что хоть кто-то из нас по-настоящему понимал, к чему приведет такая угроза.

Так или иначе, в Футбольной ассоциации узнали о наших планах и сообщили, что переговоры вести не собираются. Четыре игрока, составивших нашу делегацию, встретились с исполнительным директором ФА Марком Пэлиосом и вернулись в бешенстве. Официальная позиция ФА в случае забастовки – набрать 20 других игроков, выпустить их против Турции и забыть про нас. Я не так хорошо знал Марка Пэлиоса, но он всегда казался мне довольно заносчивым. Человек в его положении мог бы попробовать понять игроков и нашу точку зрения. В конце концов, это ведь один из важнейших аспектов его работы. Вместо этого он стремился продемонстрировать свою власть, и это злило меня и остальных.

На самом деле Марк Пэлиос не был таким уж особенным. Исполнительному директору не стоило корчить из себя первое лицо Футбольной ассоциации. Он мог бы тихо и продуктивно работать, оставляя дела команды тренеру и игрокам. Он должен был заниматься своим кругом обязанностей.

Мы ничего не смогли изменить. Рио вылетел – вот и все. Чуть

позже Эрикссон созвал игроков, уже поговорив с некоторыми из нас. Он знал, какой вариант мы рассматривали, и оказался на перепутье. Он всегда стойко защищал своих игроков, но сейчас для этого ему было нужно пойти против работодателя – Футбольной ассоциации.

Он сказал: «Слушайте, я прекрасно вас понимаю. И вам действительно стоит всегда поддерживать друг друга. Это ваше качество замечательно, и оно делает нас с вами сильной командой. Согласен, что ваша точка зрения морально оправдана, но у нас проблема – нам предстоит ключевой матч против Турции. Если мы не сыграем, то поставим под удар всю проделанную работу и упустим шанс сыграть на чемпионате Европы. Вы должны помнить, что на кону».

Положение было тупиковым. Рио не мог вернуться в состав, а игроки стали переговариваться, размышляя о том, что случится дальше, и тогда к нам всем пришло полное понимание возможных последствий. Нас избрали, чтобы мы представляли свою страну и играли за Англию в матче за право участия в Евро-2004. А что будет с рядовыми болельщиками, теми, кто нас поддерживал? Мы также должны были учитывать, как наши действия повлияют на всех нас как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе.

СМИ вовсю на нас отрывались. Газеты печатали наши портреты и писали, что мы предатели. Ситуация вышла из-под контроля. Я был ужасно рассержен тем, как нас называли те, кто ждал от нас силы и единства на поле – ФА и пресса. И мы должны были оставить невиновного партнера по команде без поддержки? Черта с два.

Мы должны были лететь на субботнюю игру в Стамбул в четверг. Рейс задерживался, и мы общались. К вечеру среды я уже был уверен, что забастовки не будет. Я понимал, что ей можно было угрожать, но не думал, что до этого дойдет. Но думаю, что некоторые игроки были готовы пойти до конца. В итоге мы все вместе решили, что будет лучше, если мы сыграем, отберемся на Евро автоматически, а уже потом разберемся, что делать с Рио. Он пропускал этот матч, но у нас был должок перед ним – нам нужно было сделать так, чтобы у него хотя бы остался шанс поехать в Португалию.

Сообщалось, что Рио отправил нам СМС с просьбой отказаться от акции в его поддержку, но дело, насколько я знаю, обстояло не так. Я точно его не получал и не слышал о нем. Он написал нам во вторник, когда было решено играть, и пожелал удачи и просил нас добиться нужного результата. Рио был доволен тем, как разрешилась ситуация, отчасти потому, что в

случае забастовки он оказался бы в эпицентре скандала государственного масштаба. Никто бы такого не хотел.

Все прогнозировали, что скомканная подготовка к матчу наложит негативный отпечаток на нашу игру. В действительности эффект был прямо противоположным: на предматчевой тренировке царила атмосфера раздражения – по тому, как игроки летели в подкаты, можно было ощутить чувство несправедливости, объединявшее всех нас. Двусторонка была самой напряженной из всех, в которых я играл. Пошли они, пошли они все, вот каким было наше настроение. Мы собирались добиться результата, чтобы посрамить всех, кто не верил в нас, кто подвергал сомнению наш патриотизм. Это именно тот бойцовский дух, который нужен против Турции. Ее фанаты агрессивны, а игроки всегда готовы пойти на провокацию, но мы выработали менталитет осадного положения, которым мог бы гордиться сам Жозе Моуринью.

Бекс промазал с пенальти, но мы не чувствовали, что возможность упущена. Рио заменил Джей Ти и сыграл блестяще, блокируя всех и вся, как умеет он один. Эмиль Хески поучаствовал в неприятном инциденте, и в перерыве его заменили из-за оскорблений на расовой почве – я не видел момент драки, но мне рассказали, что Эмиль вырубил одного из турок. Красавчик!

Прежде мне не доводилось играть за команду, проходившую в финальный этап соревнований, и это фантастическое чувство, пусть я и всего лишь вышел на замену. Вся злость, нетерпение и горечь, копившиеся в последние дни, моментально испарились, когда прозвучал финальный свисток. Мы победили в группе и ликовали – мы едем в Португалию. Я думал о том, как там Рио, чем он занят и что происходило у него в голове.

Впоследствии мы обсуждали эту тему, и он рассказал, что произошло тем утром, когда он пропустил допинг-тест. Также я знаю все, что он испытал во время последовавшей дисквалификации. Мало кто знает, через что ему пришлось пройти, как ему было одиноко. Тренироваться всю неделю и знать, что не сыграешь на выходных – худшее чувство из всех возможных. Я ощущал его только в период восстановления после травм, и это настоящая пытка. Рио мог отправиться в кругосветку, слететь с катушек или просто завязать с футболом. Нужно отдать ему дань уважения за то, как он выкладывался на тренировках все эти месяцы, и то, каким он вернулся. Уже с юных лет от него многого ждали из-за его колоссального таланта, и он находился под микроскопом – все, что касалось его физического состояния, формы и всего прочего, становилось делом практически

государственной важности. Рио с честью прошел тяжелейший период в своей жизни, и сейчас у него все прекрасно.

Узнав о его 8-месячном отстранении, я был разъярен. В заявлении говорилось, что пропущенный тест рассматривался как проваленный, но это же бред. Рио нельзя было вменить в вину ничего, кроме забывчивости, за которую я мог поручиться. С учетом того, что Марка Боснича дисквалифицировали на 14 месяцев, а Адриана Муту – за употребление кокаина – на год, это просто немыслимо. По антидопинговым правилам провинившегося человека могут дисквалифицировать пожизненно. Но если он виновен, почему его не отстраняют навсегда? Я не понимаю этого, разве это не единственный способ предотвращения подобных случаев в будущем?

По антидопинговым правилам провинившегося человека могут дисквалифицировать пожизненно. Но если он виновен, почему его не отстраняют навсегда?

Кроме того, для решения проблемы нужно изменить систему сдачи анализов. Я знаю, как они проводятся, и это полный сумбур. В начале моей карьеры в «Вест Хэме» и после перехода в «Челси» тех, кто должен был пройти тест, объявляли утром. Очень легко забыть об анализе, который тебе нужно сдать после тренировки – ты принимаешь душ и просто уезжаешь. После случая с Рио процедура стала более строгой, но я слышал рассказы о том, как игроки специально пропускали допинг-контроль, а партнеры их покрывали. Имен не называлось, но схема оставалась прежней. Если эти истории правдивы и можно пропустить тест по желанию, то естественно, что пропустить его можно и случайно. Нести ответственность должны офицеры антидопинговых служб, это их работа, наша – играть в футбол.

Если бы Рио отказался сдавать анализ, его вина была бы очевидной, но все было совсем не так. По опыту могу заявить, что тесты, которые проводятся не клубами, а органами власти, часто проводятся непрофессионально и безалаберно. Пробы берутся недостаточно часто и вразброс. Элемент неожиданности необходим, но существующее положение дел не способствует чистоте игры. Произвольность граничит с халатностью – игрока могут проверять дважды в месяц или не проверять годами. Разве не следовало бы проверять всех ежемесячно? Кроме того, контроль должен осуществляться более строго – например, игрока стоит отводить в специально выделенное помещение после тренировки и не отпускать до тех пор, пока анализ не будет сдан. Я бы с радостью проходил тест каждую неделю, да хоть каждый день, если бы это сделало футбол чище. Кроме того, это

положило бы конец глупым слухам о приеме игроками наркотиков.

Одну из таких уток запустил парень, игравший за «Кардифф», он утверждал, что наркотики принимали пять игроков премьер-лиги. Разумеется, он продал свою историю газете, которая напечатала материал без указания имен, хотя и утверждала, что этот парень был их другом. Спустя пару дней прошел слух, что одним из этих игроков был я. Парень утверждал, что мы с ним и еще несколькими ребятами отдыхали в клубе и он застукал нас за употреблением в туалете. Какой же бред! Я позвонил приятелю, одному из тех, кто предположительно там присутствовал, и он сказал мне, что этот парень был давним знакомым Рио и пару раз с нами тусовался. Я смутно припомнил этого придурка, но мы даже ни разу не общались. Его рассказ прессе был не только абсолютно возмутителен, но и потенциально опасен и от начала и до конца выдуман. С тех пор были и другие слухи о том, как мы с другими игроками балуемся наркотиками, но в действительности эти истории просто сочиняются теми, кто хочет заработать и показаться важной шишкой. Один раз я услышал, что на каком-то сайте написано, что я гей. Вот Элен удивится, что уж говорить о Луне!

Винить стоит не только тех, кто несет эту чушь. Нам нужно внимательно взглянуть в зеркало на себя и общество, которое мотивирует людей сочинять такие байки о футболистах и других публичных людях ради денег. Одна газетенка заявляла, что Криштиану Роналду допрашивает полиция по обвинению в изнасиловании, и лишь через месяц стало известно, что это полная ерунда. Обвинение в преступлении на сексуальной почве может нанести человеку такой же урон, как и тюремное заключение, но в данном случае не существовало и намека на проступок. Роналду придется жить с этим обвинением до конца дней, а что получил человек, выдумавший эту историю? Ничего, кроме денег за свою ложь.

Газеты подпитывают подобное поведение, предлагая людям деньги за рассказы о своих похождениях или что похуже. Конечно, некоторые истории правдивы, но многие полностью сфабрикованы. Меня всегда интересовали СМИ и то, как они работают. Футболисты умеют не обращать внимания на то, что о них пишут. Приятно и лестно, когда тебя хвалят за твою игру, но есть публикации, к которым нужно относиться более прагматично. Критика игры футболиста, критика игры команды в целом и слухи о положении в клубе – это то, с чем легко научиться жить и пропускать мимо ушей. Некоторые игроки справляются с этим, просто не читая прессу. Могу сказать, что я

не из их числа.

Я регулярно читаю несколько газет, выбирая интересные для меня материалы из всех разделов. В начале сезона 2003/2004 казалось, что все полосы оккупировали «Челси» и Абрамович. Количество трансферных новостей сократилось до жалких пяти в день, и в центре внимания оказался главный тренер. К тому времени мы привыкли к постоянному интересу, и Раньери решил не придавать ему значения. Он неловко отшучивался на пресс-конференциях, а в разговорах с игроками просто обходил эту тему стороной.

Однако по мере приближения начала сезона стало появляться все больше статей о возможном приходе Свена Йорана Эрикссона. Слухи никак не уходили со страниц прессы, и сам этот факт говорил о том, что здесь может быть доля правды. Я обсуждал это с Джей Ти, Эйдуром и Джоди, но мы были слишком опытны, чтобы подумать, что можем повлиять на положение дел, и нам оставалось лишь не высовываться и наблюдать.

Все изменилось, когда утренние газеты вышли с фотографиями визита Эрикссона в дом мистера Абрамовича в компании известного агента Пини Захави. Было известно, что Захави сыграл свою роль в покупке «Челси» (кроме того, он был агентом Рио, чем объясняется сообщение, полученное мной в Вегасе), и стало ясно, что слухи об Эрикссоне имеют под собой основание. По пути на тренировку я размышлял о том, что будет дальше.

Раньери прибыл в Харлингтон раньше, и я встретил его по пути в раздевалку. «Доброе утро, Фрэнк!» – приветствие было совершенно обычным, но в голосе чувствовалась некоторая дрожь. Я не мог не почувствовать странную атмосферу, царившую там. Мы старались тренироваться в обычном режиме, а по завершении сессии Раньери отправил всех на обед. Мои ноги сковала тяжесть, и четыре пролета показались марафоном. Когда все расселись, Раньери встал перед нами, и в столовой повисла внезапная и полная тишина. Дождались.

– Я знаю, о чем вы думаете, – начал он. – И я не виню вас, ведь вы столько видели и читали. Все, что я могу вам сказать, это то, что я встречался с владельцем клуба и он заверил меня, что я остаюсь. Он сказал, что команда в моем распоряжении, и поделился своими ожиданиями от нашего сезона. Это моя работа. Вы моя команда. Давайте отбросим все лишнее и сконцентрируемся на своей задаче. Мы «Челси» – вы, я, все в клубе. Давайте запомним это и продолжим работу.

Я почувствовал соблазн поаплодировать, но это было бы не очень уместно. Его слова были очень смелыми, и он повторял их

весь сезон – не потому, что он хотел нас ободрить, а потому, что это было необходимо. Даже когда Эрикссон был вынужден признать факт встречи с Абрамовичем и подтвердить свою верность сборной Англии, дамоклов меч над головой Раньери никуда не пропал. Как он сам впоследствии говорил, его дни уже были сочтены.

Я с теплотой относился к Раньери и был благодарен за то, что он сделал для меня и моей карьеры. Я понимал, что новый владелец всегда стремится поставить во главе своего человека, но между игроками и Раньери была особая связь. Мы с Джей Ти и Эйдуром пришли к мысли, что нам нужно демонстрировать такую же преданность тренеру, какую он всегда демонстрировал нам. В интервью мы всегда поддерживали Раньери и повторяли, что он именно тот, кто нужен «Челси». Мы действительно в это верили, и думаю, что эта вера помогла нам провести успешный сезон.

Мы легко прошли в групповой этап Лиги чемпионов, но, когда мы прибыли в Прагу на матч против «Спарты», я несколько поник. Проблема была не в самой игре, а в том, что ей предшествовало. Раньери объявил стартовый состав, и, к моему удивлению, Джон, Эйдур и я были в запасе. Сначала я решил, что это какая-то ошибка или розыгрыш. Замена одного из нас разочаровала бы нас, двоих – была бы радикальным шагом, но заменить сразу троих – это полный бред. На поле вышли новички, дети революции – всего семеро, а старая гвардия расступалась.

Я вылетел из комнаты для собраний, вслед за мной – Джон и Эйдур. «К черту это!» – бросил я. Я не для того надрывал задницу, чтобы пробиться в Лигу чемпионов, чтобы смотреть со скамейки на игру новичков. Я побагровел от гнева – так выбор состава меня еще никогда не бесил. Я поднялся в номер и позвонил Элен.

– Любимая, я не сыграю, – сказал я, все еще закипая.

– Что?!

– Я не шучу. Я на лавке с Эйдуром и Джоном.

– Фрэнк, успокойся. Что происходит?

– Я скажу тебе, что происходит – я могу уйти из «Челси», потому что не собираюсь провести весь сезон на лавке и быть декорацией.

– Фрэнк, успокойся. Давай посмотрим, что будет дальше, и поговорим, когда вернешься.

Она была права, но я был слишком возбужден, чтобы это понять. Я пошел в номер Эйдура, чтобы разобраться во всем вместе, но было ясно только то, что новые игроки были призваны заменить нас.

– Я бы хотел, чтобы эта чертова революция не начиналась, – злобно сказал я.

– Вот бы вернуть все обратно. Раньше мы хоть играли, – ответил Эйдур.

Обычно мы с Эйдуром и Джоном, проводя время вместе, шутили и смеялись, но тот вечер, проведенный на скамейке, был сущим адом, полным отчаяния и ненависти. Команде приходилось тяжело, и не могу сказать, что я был этим разочарован. Раньери выпустил меня в перерыве, и нам удалось добиться победы со счетом 1:0. Джон и Эйдур остались в запасе.

Мы по-прежнему вспоминаем тот вечер, хотя он и оказался единственным в своем роде – не потому, что нам кажется, что у нас есть священное право на игру в основе, а потому, что мы много работали, чтобы клуб достиг того уровня, и считали, что заслуживаем вести команду и дальше.

Мы не испытали того же потрясения в играх чемпионата и сыграли во всех семи стартовых турах, одержав 6 побед и однажды сыграв вничью. У нас оставалась игра в запасе, и обыграв на выезде «Бирмингем Сити», мы возглавили бы таблицу. Дело завершилось нулевой ничьей, но мы все равно стали первыми, и что иронично, по разнице забитых и пропущенных. Несмотря на промежуточное лидерство, я был не в таком восторге, как можно было ожидать. Прочитав, что о нем сказал Раньери, я еще больше поник.

«Лидерство не важно, – заявил он прессе. – Может быть, мы должны быть довольны собой, но не слишком сильно». Типичный Клаудио – неспособный просто оценить хорошее выступление, не ища подводных камней. Таким уж он был, и мы к этому привыкли, но я вновь задумался о том, правильный ли это подход к гонке за чемпионством.

На следующих выходных мы играли с «Арсеналом», и, несмотря на все старания, игра опять завершилась не в нашу пользу. Мы наслаждались своим положением целых 4 дня, и до конца сезона к нему не возвращались – команде Арсена Венгера покорилось одно из самых великих достижений в истории английского футбола, сезон без поражений. Несмотря на это, мы не прекращали бороться в премьер-лиге и на остальных фронтах. Питер Кеньон, переманенный из «МЮ», стал новым исполнительным директором и сразу заявил, что ждет от нас по меньшей мере одного трофея. Мы продолжали охоту за двумя из них, а Кубок Англии еще не стартовал.

Лига чемпионов была для нас большим приключением. После тяжелой победы над «Спартой» мы играли с «Бешикташем» и уступили ему дома в 2 мяча – все стали пророчить нам

продолжение позора. Это было как раз то, что нужно. Я забил «Лацио» дома и на выезде, и нам удалось войти в нужный для игры в Европе ритм, с которым я еще не был знаком. Мы без проблем прошли в плей-офф, где обыграли «Штутгарт», забив единственный гол в гостях.

Выходя на поле и глядя на партнеров, я чувствовал искреннее воодушевление. На каждой позиции играл отличный футболист, и мы выступали так стабильно, как никогда прежде. Я обожал играть с Франко Дзолой, и кроме него у нас были и другие игроки, которые знали вкус серьезных трофеев. Единственной проблемой была моя вера в то, что их сможем добиться и мы. Появилось много новых игроков, кто-то из них вписался лучше, чем другие, но в составе все равно сохранялся дисбаланс, который не позволил бы нам добиться чего-то большого. Считалось, что «Челси» покупает игроков за индивидуальные качества, а не строит цельную команду. Кто-то будет обвинять главного тренера, но не думаю, что это только его вина. Следует подписывать только тех игроков, кто сможет приносить клубу пользу, а некоторые из наших новичков думали только о себе.

Несмотря ни на что, команда была более единой, чем когда-либо, и когда выяснилось, что в четвертьфинале Лиги чемпионов нам предстоит играть с «Арсеналом», вся страна поднялась на уши. Они, конечно, были все еще непобедимы, и даже выбили нас из Кубка Англии, и обыграли на «Стэмфорд Бридж» в чемпионате за три недели до противоборства в Европе. Газеты назвали его «Битвой за Британию», а мы очень хотели победить – ради нас, ради тренера, ради «Челси». Британия могла подождать – мы сражались за честь и шанс пробиться в полуфинал Лиги чемпионов впервые в своей истории.

Кроме того, кампания стала напоминать крестовый поход, в который мы шли за Раньери. Разговоры о его увольнении усиливались, несмотря на результаты, и было видно, что это оказывает влияние на его поведение. Меня это не удивляло. С тем страшным давлением, которое на него обрушилось, мало кто смог бы остаться прежним. По ходу сезона он еще несколько раз произносил свою речь о своей приверженности работе. Когда ему казалось, что нас нужно ободрить, он повторял, что намерен остаться на своем месте. Давление оказывалось не только на него, но он всегда брал на себя ответственность за происходящее на поле.

С той минуты, когда Роман Абрамович вложил свои деньги в «Челси», мы оказались под микроскопом. Оценивалось все: наши способности, наши зарплаты, наш характер, послужной список нашего тренера. На некоторые из этих вопросов мы уже

ответили, но сейчас мы могли заткнуть всех вокруг, победив непобедимых.

> С той минуты, когда Роман Абрамович вложил свои деньги в «Челси», мы оказались под микроскопом. Оценивалось все: наши способности, наши зарплаты, наш характер, послужной список нашего тренера.

Перед матчем игроки находились в таком же возбуждении, как фанаты, а Раньери был столь же заряжен на борьбу, как любой из нас. Газеты пестрели предсказуемыми заголовками вроде «побеждай или будешь уволен», и, хотя он не считал нужным их опровергать, произошел какой-то сдвиг в его настроении. Он был почти незаметен, но лишь почти – не в том, что он говорил, а в том, *как* говорил. Его расположение духа и отношение к происходящему изменились. Он не сдался – ни за что – но он будто бы смирился с тем, что каждая игра во главе «Челси» приближает его к уходу. Джей Ти и Эйдур чувствовали то же самое, и мы решили, что сделаем последний рывок для Клаудио Раньери.

«Стэмфорд» светился от нетерпения в начале игры против «Арсенала», но мы не смогли добиться столь желаемой нами и болельщиками победы. Эйдур вывел нас вперед, но ненадолго – Робер Пирес сравнял счет. Словно этого было мало, Марсель был удален на последних минутах и должен был пропустить ответный матч. Это вряд ли было трагедией, но все вокруг, судя по всему, считали, что победа на «Хайбери» была в руках «Арсенала». С учетом их формы, это было немудрено. После игры мистер Абрамович заглянул к нам в раздевалку. Он был оживлен, сказал каждому из нас, как хорошо мы сыграли и что знает, что во втором матче у нас все получится. Я был благодарен за его энтузиазм. После этого мы разгромили «Вулверхэмптон» и зарядились позитивом благодаря победе над «Шпорами», и когда пришло время свести счеты с «Арсеналом», мы были более чем готовы.

Предматчевая речь Раньери была более страстной, чем когда бы то ни было прежде. Он сделал акцент на том, каким крупным достижением будет выбить «Арсенал», на том, что у нас есть шанс войти в историю – а они подворачиваются не так часто. Его предки-римляне гордились бы им – он вышел на арену как гладиатор, готовящийся сразиться насмерть.

Это было весьма кстати, потому что накал матча мог запросто лишить зрителя чувств. Это была самая ожесточенная битва в моей жизни, и, хотя мы контролировали середину поля, нам не везло, и Хосе Антонио Рейес вывел «Арсенал» вперед. Уже через 6

минут счет сравнялся, но я был нацелен только на победу и не стал особенно праздновать свой гол. Овертайм казался неизбежным, но на последних минутах тренер вышел к бровке и дал нам задание играть в стенку, заходя с флангов. Крайние защитники «Арсенала» имели привычку свободно ходить вперед, и перед матчем мы обсуждали, что нам нужно нейтрализовать их собственными забегами. За 3 минуты до конца в сольный проход отправился Уэйн Бридж. Я бежал по пятам, рассчитывая, что он сделает пас в штрафную. Он оставил Лорана позади и ворвался в штрафную. Я увидел перед собой еще пару синих футболок: «Пасуй, Бриджи, пасуй же!» Он не стал пасовать или отбрасывать мяч назад – он взял игру на себя и пробил со всей силы. Красивейший гол! Мы прямо озверели – и организовали кучу малу, в центре которой оказался наш новый герой. Оглянувшись, я увидел, как члены тренерского штаба заключают друг друга в объятия. Нам не пришлось долго ждать того же.

Преисполненный радости и очень уставший, я направился к туннелю. Наши фанаты отмечали одну из важнейших побед в истории клуба, и чтобы стереть с моего лица улыбку, понадобилось бы хирургическое вмешательство. Я увидел Раньери: он стоял на поле, провожая нас в раздевалку. Он, кажется, смеялся, но внутреннее напряжение было более явным, чем когда-либо. Он обнял меня.

– У нас получилось, Фрэнк! Мы сделали это! Фантастика, фантастика! – сказал он.

Отстранившись, я посмотрел ему прямо в глаза и понял, что все кончено. По его щеке стекала одинокая слеза, а он продолжал держать мои руки. Он был доволен, но плакал не от счастья. Он плакал по уходящему этапу своей жизни и силам, потраченным на него. Он плакал потому, что сознавал, что, как бы он ни старался, ему не будет позволено закончить начатое.

В полуфинале нам предстояло встретиться с Монако. Слухи упорно твердили, что Кеньон уже обсуждал с Жозе Моуринью и Дидье Дешамом вопрос замены Раньери в следующем сезоне. Моуринью также пробился в полуфинал, где его «Порту» противостоял «Депортиво», а Дешам возглавлял наших соперников. Наш нынешний наставник заслуживает похвалы за то, насколько щепетильно он продолжал выполнять свою работу. Ни растущее давление, ни бесконечные слухи не могли помешать ему привести клуб к историческому успеху.

Мы приехали в Монте-Карло на первый матч и во время прогулки по набережной увидели яхту мистера Абрамовича, пришвартованную к пристани. Даже по меркам Монако, привычного к монструозным яхтам стоимостью в миллионы, его

судно очень впечатляло. На самом деле, на его фоне остальные выглядели как буксировщики рядом с огромным круизным лайнером. Это было то еще зрелище, и мы лишний раз убедились в том, какой сильный человек мистер Абрамович. Мы были в курсе растущего давления на Раньери, но вне зависимости от развития событий никто из нас не посмотрел бы на Романа как на злодея – все-таки он был спасителем «Челси». Мы знали, как близко клуб подошел к банкротству, и без Романа Абрамовича прекратил бы свое существование, и тем более, не пробился бы в полуфинал Лиги чемпионов. Новый владелец унаследовал игроков и тренера. Он не был ответственен за наш приход, но решить, что делать с нами дальше, было в его власти. Мы надеялись, что победа в Лиге чемпионов убедит его, что мы получаем зарплату не просто так.

Но то, что произошло следующим вечером, шокировало и растоптало нас. Мы хорошо начали матч и контролировали ситуацию на поле. Даже когда мы пропустили, Креспо моментально сравнял счет, и мы крепко стояли на ногах и были готовы справиться со всем. По крайней мере, со всем, что был готов предложить «Монако». Наше падение началось с раздевалки в перерыве.

– Себа! Переодевайся и разминайся, ты в игре, – сказал Раньери Верону.

– Но босс, я же не готов играть. Я еще не совсем здоров, – последовал ответ.

Нас всех ошеломил этот разговор. У Верона было небольшое повреждение, но он был достаточно здоров, чтобы попасть на скамейку, и не жаловался, когда его упомянули в числе запасных. По этой причине спорить было поздновато.

– Себа, переодевайся, заменишь Йеспера.

Я повернулся к Эйдуру, который в замешательстве смотрел на меня. Йеспер не очень впечатлял в первом тайме, но лишь потому, что его рубка с опекуном была на редкость ожесточенной. И кто еще вышел бы на левый фланг? Очевидно, Верон.

На поле мы вернулись в полном раздрае. Никто из нас не понимал, что происходит. До перерыва мы чувствовали себя хорошо, но теперь с нами был футболист, который не был готов играть, пусть и морально, а не физически. Все стало немного лучше, когда был удален Андреас Зикос, но затем вернулось на круги своя. Творился настоящий хаос. Джимми заменил Марио Мельхиота, и Скотти Паркер стал правым защитником. Отвечая на мой вопрос, что же все-таки происходит, Джимми пожал плечами и молча потрусил на свою позицию. Через несколько минут вместо Скотти вышел Роберт Хут, и у меня появилось

стойкое чувство, что скоро все пойдет наперекосяк. Я не ошибся.

Мы могли вырвать победу в этой игре. Счет был ничейным, 1:1, и мы забили на выезде, а соперник остался вдесятером. Еще каких-то 20 минут, и мы одной ногой в финале. Вместо этого мы проиграли со счетом 3:1, и никто не понимал, почему. В раздевалке стояла полная тишина, нарушаемая лишь снимаемыми бутсами. Первым заговорил Джимми.

– Что это за хрень сейчас произошла? – спросил он.

Никто ему не ответил, потому что каждый задавал этот же вопрос себе. Возможно, ответ имелся у Раньери, но он им не поделился. Позднее он признавался, что это были его худшие 45 минут во главе «Челси». Это было очевидно. Прозвище «Настройщик» закрепилось за ним давно, но эта последняя настройка была самой неудачной за весь мой период в клубе.

Этот матч стал самым причудливым в моей карьере еще и потому, что не так часто тренерам задают вопрос, намеренно ли они сломали игру команды в качестве мести за будущее увольнение. У меня нет разумных объяснений произошедшему, но я не могу представить, что все обстояло именно так. Двуличие и желание навредить команде совершенно не свойственны Клаудио. Клаудио – безупречно честный человек, который гордился своей работой – мысль о том, что он специально дестабилизировал ситуацию на поле, просто невероятна.

Ответный матч стал формальностью. Мне кажется, что мы так и не оправились от случившегося в первой игре. Несмотря на то что нам удалось забить два гола, пропустили мы тоже два, и «Монако» прошел в финал. Недели, остававшиеся до завершения сезона, прошли как в тумане. По завершении последнего матча на «Стэмфорд Бридж» Раньери провожали как героя, и хотя он сказал болельщикам, что надеется встретиться с ними вновь, он понимал, что в качестве тренера «Челси» сделать это ему не удастся. Было бы здорово, если бы он лично попрощался с игроками, но ему пришлось сделать это по телефону – сезон уже закончился, и большинство из нас уже были в распоряжении сборных, готовясь к Евро-2004.

Я очень благодарен Раньери за все, что он для меня сделал: за то, что поверил в меня, заплатив 11 миллионов фунтов; за то, что взял меня под крыло и сделал более сильным игроком; за то, что приблизил «Челси» к успеху, хотя и не смог насладиться им сам. Через несколько дней после завершения премьер-лиги я включил телевизор, чтобы посмотреть финал Лиги чемпионов. Мне было любопытно. Я уверен, что мы взяли бы трофей, если бы прошли «Монако», но манера, в которой «Порту» уничтожил нашего обидчика, очень меня впечатлила.

В конце камера показала захлебывающихся от восторга фанатов и уходящего с поля Жозе Моуринью, оставившего рукоплескания команде. Он только что взял главный приз в клубном футболе, но уже выглядел голодным до новых свершений.

8
Евро-2004

Всю свою жизнь я видел сны о футболе. В детстве мне снилось, как я буду играть за «Вест Хэм» и забью победный мяч в финале Кубка Англии. Мне снились игры, в которых у меня будет получаться абсолютно все. Но некоторые мои игры были сущим кошмаром.

Футбол и сны тех, кто с ним связан, удивительно похожи. Любой игрок, тренер или фанат представляет, какой получится игра. Иногда удача улыбается нам, и мы можем прожить момент, о котором, казалось, могли только грезить.

Со мной это случилось 13 июня 2004 года. Если быть точным, это были последние минуты нашего стартового матча на Евро-2004, игравшегося в жаркий благоуханный вечер на лиссабонском «Эштадиу да Луш». Хотя этот момент длился всего несколько секунд, его образ навсегда отпечатался в моем сердце.

В игре была заминка – наверное, кто-то лежал на газоне, точно не помню. Зинедин Зидан что-то кричал по-французски у меня за спиной. Я не понимал ни слова, но слышал панику в его голосе, и именно тогда мое внимание привлекло огромное табло на величественной трибуне справа от меня. И вот оно: «Франция 0:1 Англия… Лэмпард 38» – мое имя в огнях. Да, черт возьми! Я позволил себе насладиться этой минутой, прежде чем матч продолжился, и мне пришлось работать над удержанием счета в моем кубковом дебюте за сборную. Несколько часов спустя я лежал в постели, пытаясь смириться с поражением.

Будто видеозапись пыток, я продолжал прокручивать в голове упущенные нами возможности убить интригу: пара полумоментов, в которые я мог сыграть получше, выход Руни один на один с Фабьеном Бартезом, промах Бекса с пенальти. Затем были гол Зидана со штрафного и пас Стиви Джи голкиперу, перехваченный откуда ни возьмись выскочившим Тьерри Анри, заработавшим пенальти, который и стоил нам поражения. Я перемотал пленку к 88-й минуте, к табло, на котором указывалось, что я забил победный гол против французов. В тот момент я был национальным героем. После того, что случилось дальше, никто и не вспомнит, что я забил. Я чувствовал отчаяние и злость за результат, смешанные с жалостью к себе за то, что я лишился славы. Вот тебе и грезы. Заснуть в ту ночь мне так и не удалось.

Впрочем, игра против Франции стала началом приключения,

а не его концом. Недели, предшествовавшие Евро, выдались немного нервными, и прессу, да и болельщиков, особенно занимал один вопрос касаемо стартового состава – Лэмпард или Батт? Все остальное было понятно, игроки выбраны, имена нанесены на футболки. Общественное мнение не совпало с реальностью.

Однажды за несколько недель до первенства, пока вся страна обсуждала сильные и слабые стороны потенциальных игроков середины поля, Свен Йоран Эрикссон отвел меня в сторонку.

Он сказал: «Знаю, народ будет рассуждать, будешь ты выходить в стартовом составе в Португалии или нет, но я говорю тебе сейчас: ты будешь играть со Стивеном Джеррардом. Очень важно, чтобы ты был готов к этому». Еще до того, как до меня дошли его слова, я ответил: «Конечно, босс, без проблем». Эрикссон добавил: «Пусть говорят о том, что бы сделали они, но попрошу тебя пока держать этот разговор при себе».

С его стороны было очень мило сказать мне об этом. Он не был обязан, но я рад, что он так поступил. Я наконец-то нашел лекарство от тоски, в которую впал два года назад, когда он сообщил мне, что я не поеду на чемпионат мира. Вместе с воодушевлением я сочувствовал Батти, ведь он был признан одним из лучших игроков чемпионата мира 2002 года. Но с другой стороны, это было свидетельством того, какой путь я прошел за это время. Все прояснив, я мог спокойно готовиться к своему первому турниру со сборной Англии. Не то чтобы это было очень круто – ведь стартовый матч был против какой-то Франции. Я концентрировался на нем с того самого дня, когда завершился клубный сезон.

Некоторым другим игрокам удавалось расслабиться куда лучше, когда перед чемпионатом мы на неделю поехали на Сардинию. Там было здорово, и это был первый раз, когда мы с Элен проводили столько времени с другими парами. Но даже в самой расслабленной обстановке, например, когда мы ужинали с Дэвидом и Викторией Бэкхем, я чувствовал, что мыслями я уже в будущем. Может быть, потому, что я искренне не знал, чего ждать. Играть в Лиге чемпионов или выступать за сборную в квалификации – далеко не то же самое, что играть в финальной части международного турнира. Я убедился в этом, как только мы сошли с трапа в Лиссабоне. Нас встречала официальная делегация, одетая в национальные костюмы, а дети вокруг восторженно пели и приветствовали нас. Куда бы я ни посмотрел, везде была символика турнира, а люди были одеты в специальную униформу. Эти первые несколько минут казались немного нереальными, и мне хотелось себя ущипнуть. По дороге

из аэропорта в отель нам махали прохожие в футболках, которые нескончаемым потоком сопровождали наш автобус. Попав в номер, я по инерции включил телевизор. Я нашел британский спортивный канал и увидел улицы городов, заполненные автомобилями с флажками, и дома, украшенные в красно-белые цвета. Тут-то до меня и дошло – вот каково нести на себе бремя надежд всего народа.

Давление продолжало расти, но я не нервничал, совсем наоборот – оно меня подпитывало. Тренироваться на солнце было тяжело, но мы расположились в окрестностях старого «Стадиона Света», где был особенный климат. С каждым днем я чувствовал себя все увереннее. Вот кем я хотел стать. Вот мое место.

Ни физически, ни морально я не мог чувствовать себя лучше. Все знали, чего от нас ждут, и тот факт, что турнир начинался матчем против действующего чемпиона, еще больше подстегивал нас. Проблемы со здоровьем были только у Джей Ти. Неделю назад он потянул бедро, и оно все еще его беспокоило. Уже была среда, и он все не успевал поправиться. В тот вечер мы обсудили то, что будет дальше.

Мы с Джоном похожи в том, что оба хотим все время играть, тренироваться, быть в деле. Даже будучи травмированными или вымотанными, мы рвемся на поле, если такая возможность имеется, да и когда ее нет – тоже. У нас в «Челси» есть что-то вроде дежурной шутки. В четверг он уходит с тренировки, сильно хромая, и разумеется, это ставит под вопрос его участие в матче на выходных.

– Ну как оно, Джей Ти? – в беспокойстве спрашивает его кто-нибудь.

– Ух, черт. Моя лодыжка совсем плоха, – следует честный ответ.

И он говорит правду. Но несмотря на боль, он выходит и отдает всего себя игре уже двумя днями позже. Вот такой он, Джей Ти. У нас обоих был долгий сезон с «Челси» – может, не такой долгий, как нам хотелось – но через трое суток нам предстоит игра за сборную Англии на Евро-2004. Джон был уверен, что нога восстановится.

– Я еще немного ее чувствую, но если подлечусь, буду в порядке, – говорит он.

– Знаю я тебя. Ты бы и с одной ногой сыграл.

– Вряд ли этого хватит, чтобы сдержать Анри, умник.

Я не сомневался, что даже одноногий Джей Ти сгодился бы против лучшего нападающего французов. Наутро он уже работал с мячом обеими ногами, но еще не мог тренироваться в полную силу. Мы оба знали неписаное правило Эрикссона – не ставить

игрока, неспособного тренироваться за два дня до игры. К вечеру четверга мышцу Джона прихватило. Он позвонил ко мне в номер:

– Я не смогу восстановиться к воскресенью.

– Что? Ты в порядке?

– Да. Я виделся с врачом, и он сказал, что, если рискнуть и выйти на поле сейчас, я могу пропустить весь оставшийся турнир. Видимо, сыграет Ледли (Кинг).

Мне было до боли обидно за него. Я знал, что все это значит для него так же много, как для меня. Ледли – отличный игрок, но с учетом дисквалификации Рио за пропущенный допинг-контроль, это был шанс Джей Ти доказать, что он достоин стать основным.

Эрикссон созвал командное собрание и объявил стартовый состав. Ледли, конечно, в нем присутствовал, а когда я услышал свое имя, то почувствовал легкие мурашки. Слева должен был играть Пол Скоулз, а Руни и Оуэн – в нападении. По дороге на стадион я нервничал так, как никогда в жизни. В автобусе я улыбался, слушая чужие подколы, но хорошо понимал, что мы сразимся с, возможно, лучшей командой на турнире.

Я представил их расстановку. Последние пять лет или больше Зидан был моим любимым футболистом, но мне ни разу не доводилось с ним встретиться. Вот этот день и настал, а заодно и необходимость противостоять Виейра, Пиресу и забегающему слева Анри. Как я справлюсь? На мне висело давление дебютной игры. Как и всегда в таких случаях, я решил еще немного повысить градус. Мне хотелось отплатить тренеру за доверие. Выбежав на разминку и услышав рев тысяч фанатов, я подумал и о них. Кроме того, было понятно, что если я сыграю недостаточно хорошо, раздадутся призывы вернуть в состав Никки Батта. Я хотел доказать себе и всем остальным, что я достоин быть здесь.

Я был уверен в себе и чувствовал себя комфортно со стартового свистка – и этот комфорт начала разделять вся команда, как только у Уэйна Руни – или просто Уаззы для партнеров – стало получаться находить мяч. Именно тогда я понял, как невероятно он талантлив. Он сразу стал диктовать темп игры – то придерживать мяч, то раздавать диагонали через все поле. Я наблюдал, как он делает это на тренировках и в менее принципиальных матчах. Но сейчас? Против Франции? Он был удивителен, как и его забег, когда он не оставил шансов Микаэлю Сильвестру и заработал пенальти. Но его отличает не только скорость – таким особенным его делает скорость в совокупности с необузданной мощью. Ну и футбольный талант. Внешность бывает обманчива, и случай с Уаззой именно такой. Он выглядит громилой, но с мячом обращается как бог. Удивительно, как 18-

летний футболист может совмещать в себе все эти качества, но ему это удавалось легко и непринужденно. Он был так же уверен в себе, как любой опытный игрок, и не боялся ничего.

Помню, как перед игрой я растягивался и делал обычные упражнения. Никто еще не был одет. Я взглянул на Уэйна – а он уже полностью экипирован. Ему не терпелось натянуть на себя футболку сборной. Он гонял мяч, стуча им об стену и посмеиваясь – никаких нервов, никакого страха. Своей способностью сохранять владение, прежде чем отдать разрезающий пас, он напоминает мне Тедди Шерингема. Практически каждый хороший пас, который я получал на том турнире, был от Уаззы. Он был умопомрачителен, и уже тогда явственно чувствовалось, что он станет для нас ключевым игроком.

В сравнении с ним я был зауряден. Я играл неплохо, ничего выдающегося, хотя мы и больше владели мячом, и Франция почти не доставляла нам проблем. Когда на 38-й минуте мы получили право на штрафной у правой бровки, я выдвинулся вперед в надежде на отскок или неудачный вынос. В таких случаях папа всегда говорил мне идти в штрафную в полной уверенности, что я забью. По опыту я знал, что ногой забиваю куда лучше. Игра головой – не самый большой из моих козырей, она должна быть лучше, но, пожалуй, это мое самое слабое место. Я держался чуть в отдалении от набегающих игроков и ждал подачи. В 2005 году «Челси» пригласил Тьерри Лорана, который был одним из физиотерапевтов сборной Франции и в тот вечер присутствовал на скамье. Впоследствии он рассказывал, что Марсель Десайи, который остался в запасе, начал кричать: «Опекайте Лэмпарда, кто-нибудь, держите Лэмпарда!», пока Бартез расставлял линию защиты. Марсель знал, что я люблю находиться в центре событий, но я уверен, что он опасался не того, что я нанесу удар головой прямо в девятку, ведь я никогда этого не делал – ну, до этого дня. Я хорошо подставил голову, но сразу потерял мяч из виду, и лишь приземлившись, я увидел, что он в воротах. Я помню немногое из того, что происходило в следующие минуты, но помню восторг, который в следующий раз почувствую лишь в конце следующего сезона, когда забью «Болтону» и обеспечу «Челси» победу в премьер-лиге.

Наступила передышка, и мы осознавали, что ведем. Тренер подтвердил это и сказал нам продолжать в том же духе, не терять концентрацию и доставлять мяч до Уаззы, который создаст момент. Он был прав. Но то, что последовало дальше, стало лишь еще одним моментом из серии «а что, если», обычным для современной истории английского футбола. Мне было жаль

Бекхэма, не забившего пенальти – особенно потому, что сейчас я исполняю одиннадцатиметровые в клубе и сборной. Он нанес приличный удар, но Бартез угадал направление. Возможно, это удалось ему потому, что они несколько лет вместе играли за «Манчестер Юнайтед», и для нас это стало кошмаром. Пенальти – это пугающая задача и огромная ответственность. Однако разочарование от промаха очень кратковременно, ведь игра скоро захватывает тебя вновь.

Впрочем, в конкретный момент конкретного матча мне не показалось, что этот промах ключевой. Я оглядывался и видел, что французы практически смирились с поражением. Когда игроки не верят, что смогут повернуть матч в свою пользу, это читается в их глазах – отчаяние и смирение. Это чувствовалось и по их игре. Как часто сборная Франции сбивается на длинные набросы? Но в последние 15 минут она занималась именно этим. Мы доминировали. Сол Кэмпбелл и Ледли Кинг успешно отражали все атаки, и опасных моментов не было до самого добавленного времени, когда был назначен штрафной и к мячу подошел Зидан. У нас проблемы. Потом был рывок Анри и пенальти. Вновь Зидан. Еще больше проблем.

Пенальти – это пугающая задача и огромная ответственность. Однако разочарование от промаха очень кратковременно, ведь игра скоро захватывает тебя вновь.

Я ушел с поля так быстро, как только смог. В раздевалке повисла гробовая тишина, нарушаемая только ликованием, доносящимся через коридор: «allez les Bleus, allez les Bleus!». Самодовольные козлы. Единственное, что может быть хуже поражения – поражение на последней минуте. Мы не заслуживали проигрыша, правда, не заслуживали. Первыми заговорили Стив Макларен и Сэмми Ли. Мы переигрывали чемпионов 90 минут. Нам нечего стыдиться. Они были правы, но теперь нам придется еще больше постараться, чтобы пройти дальше. Одна игра позади, и теперь мы должны были побеждать Швейцарию и Хорватию.

Утром я поднялся, практически не отдохнув. Горечь поражения все еще сидела у меня внутри, и во время завтрака тренерский состав очень старался поднять наш дух. В отеле мы проводили восстановительные процедуры, включавшие в себя работу в зале, джакузи и ледяные ванны. Днем мы могли провести время с семьей, загорая на пляже, и мир стал немного светлее. Элен была очень весела. За то время, что мы с ней вместе, она начала неплохо разбираться в футболе – если не брать в расчет раздражающую привычку спрашивать меня, почему

я не так хорош, как Роналдиньо. Она очень близка с Алекс Каррен, девушкой Стиви Джеррарда, невестой Уэйна Руни Колин Маклафлин и некоторыми другими девушками, и это началось именно в Португалии. Дружба между нашими спутницами помогает поддерживать командный дух, но впоследствии она сделала вылет еще тяжелее – Элен была столь же расстроена, как и я, ведь теперь она не проведет еще одну неделю в теплых краях со своими новыми подружками! Она даже обвиняла меня в том, что я недостаточно сделал для того, чтобы мы остались в игре. Ну спасибо, любимая.

Мы посмотрели запись матча против Франции и нашли поводы для оптимизма. Мы выкинули поражение из головы и отправились в Коимбру на игру со Швейцарией в хорошем настроении. Мы отлично сознавали, что лишь победа позволит нам сохранить шанс на выход из группы в своих руках. К сожалению, у нас добавилось беспокойства относительно полузащиты. На тренировках мы иногда экспериментировали с ромбом, и Эрикссон рассматривал эту расстановку в качестве альтернативной. Я относился к этой идее скептически, поскольку меня ставили в его основании, прямо перед защитной линией, по краям располагались Джеррард и Бекхэм, а под нападающими – Скоулз. Я был абсолютно уверен, что это было не лучшее применение моим талантам, и знал, что остальные парни – кроме Скоулзи – тоже были не в восторге.

За день до игры мы тренировались на стадионе. На последней сессии перед матчем Эрикссон всегда устраивал двусторонки между основой и резервом, и в этот раз, к нашему удивлению, он сказал нам играть ромбом. Сначала я подумал: «Ладно, для этого должна быть хорошая причина, пусть будет так». После того, как в наши ворота влетели три гола, а центр поля был задавлен, я сменил точку зрения. Я был взбешен, и не только я. Нас раскатывали без труда, схема не работала. Тренер тоже это заметил – не мог не заметить. Не знаю, поговорил ли с ним Бекс наедине после тренировки, но этот вечер считается точкой отсчета так называемой «власти игроков». Но должен сказать, что этот случай был не столь ярок, как это преподносилось.

После ужина Эрикссон пригласил к себе четверку хавбеков. Я был удивлен и не понимал, что происходит. Мы ушли в отдельную комнату и присели.

– Что думаете насчет ромба? Он работает? – спросил он нас.

Я не знал, как мне на это реагировать. Я как будто вернулся в школу, а директор вновь просит меня объяснить появление моей фотографии в газете, когда я сказался больным и сыграл за

молодежку «Вест Хэма». Я скосил взгляд на более опытных парней. Наше молчаливое пожимание плечами говорило само за себя.

– Ладно. Так как вы хотите играть? В какой расстановке вам комфортнее?

Я был оглушен, как и все остальные. Я не мог поверить, что главный тренер сборной Англии спрашивал нас, как именно мы хотим играть в матче, решавшем нашу судьбу. Я уважал Эрикссона, но я совсем не так все это представлял. Первым заговорил Бекс.

– Думаю, нам было бы комфортнее расположиться в линию, – сказал он.

Стиви Джи согласился:

– Я нормально отношусь к ромбу, но предпочитаю линию. Если вы думаете, что это хорошая идея, я могу сыграть и слева.

Наконец я набрался смелости и вступил в диалог:

– Мне тоже больше нравится играть в линию, босс.

Эрикссон сидел и слушал. Все обсуждение заняло не больше 15 минут. Не то чтобы мы были новичками и не знали других вариантов. Я играл в ромбе и за клуб, и за сборную, и эта тактика работает, но, когда у вас есть игроки на каждом из флангов, особое значение приобретает ширина – как в атаке, так и в защите. Кроме того, Руни – не чистый форвард и часто оказывается за спиной Оуэна, где они со Скоулзом мешали бы друг другу, если бы тот играл на вершине ромба. Не говоря уж о том, что у нас не было номинального опорника, и это с большой вероятностью доставило бы нам неприятностей.

Единственным несогласным с нами был Скоулзи. Он сказал, что предпочитает играть в ромбе, и мы его поняли, но он не возражал и не ныл по поводу возвращения к линейной расстановке. Как и все мы, он желал команде самого лучшего, и если нам было удобнее играть в линию, то он ничего не имел против. Эрикссон кивнул, и вопрос был закрыт.

Утренние газеты предсказывали ромб, но уже к обеду прошел слушок, что мы сменили схему. Судя по всему, это вызвало полемику, но думаю, что она не была оправданна. Просто тренер понимал, что добиться успеха могла помочь другая тактика, и выбрал ее на основании беседы с игроками. Бывало, что Жозе Моуринью расспрашивал меня, что я думаю о том или ином матче и как нам следует играть, и я знаю, что он принимает во внимание мое мнение. Это не столь необычно, как может кому-то показаться.

Забавно, что эта игра стала для меня худшей на турнире. Уже в первом тайме я несколько раз потерял мяч, но как только Уазза

сделал дубль, игра пошла проще. Та игра увеличила армию фанатов Руни в миллион раз, и он этого абсолютно заслуживал. Несмотря на свою юность, он оказывал необычайно большое влияние на команду – и не только на поле.

Уазза получил прозвище в честь Газзы не просто так. Он обладает таким же необыкновенным талантом и способностью переворачивать игру в свою пользу, а кроме того, относится ко всем вокруг с одинаковой теплотой и искрометно шутит. В том составе сборной не было разделения на группировки, но люди в общем и целом склонны проводить время с теми, кого знают лучше. Поэтому парни из одного и того же клуба чаще зависали вместе, общались, играли в бильярд. Но Уазза без проблем перемещался от игроков «Челси» к игрокам «Ливерпуля», канонирам, к кому угодно. Он великолепно со всеми поладил и сразу оказывался в центре внимания в каждой компании, в которой оказывался. Еще он немного напоминает мне Джей Ти тем, что ненавидит сидеть без дела. Ему необходимо занятие – будь то тренировка, видеоигра, что угодно. Он немного напоминал мальчишку – всегда смеялся, а поднявшись к нему в номер, вы непременно увидели бы, что он чеканит мяч, одновременно с кем-нибудь общаясь. Все это было тем более поразительно, что в глазах футбольной общественности Уэйн Руни был самым выдающимся молодым игроком мира. Разумеется, мы все тоже понимали это, но его поведение совершенно не говорило о его исключительности – Уаззе нравилось просто быть одним из нас.

Уазза получил прозвище в честь Газзы не просто так. Он обладает таким же необыкновенным талантом и способностью переворачивать игру в свою пользу, а кроме того, относится ко всем вокруг с одинаковой теплотой и искрометно шутит.

Перед игрой с Хорватией в команде чувствовался оптимизм – отчасти благодаря ударной форме Руни – но на самом деле вся команда получила толчок. К матчу мы подходили переполняясь уверенностью, что мы можем выиграть не только его, но и весь чемпионат. Конечно, всякий раз, когда сборная Англии принимает участие в крупном турнире, существует определенная вера в ее успех, но я могу судить лишь по личному опыту, и тогда верил не только я. Джей Ти принял участие в игре со Швейцарией, чему я был очень рад. Когда наигранные клубные связки переходят в сборную, это приносит некий комфорт, и я всегда чувствовал себя лучше, имея Джона за спиной. Он не только мой друг, он еще и лучший центральный защитник из

всех, с кем я когда-либо играл.

Возможно, из-за того, что мы пропустили от хорватов первыми, мы провели лучшую игру на турнире. Мы применяли зонную защиту при стандартах и имели серьезные проблемы. К счастью, мы отставали в счете недолго, и я был доволен, что мне удалось вывести на ворота Оуэна в атаке, завершившейся голом Скоулзи. С этой поры все пошло на лад: Уазза вколотил еще парочку, а я забил в концовке ударом с левой, и мы набрали неплохой ход перед четвертьфиналом. О большем мы и просить не могли. Уровень игры был высоким и все улучшался, и именно тогда мы позволили себе мысль о том, что можем пойти до конца.

Мы отлично играли как команда, но Оуэну все не удавалось забить, и его почему-то нещадно критиковали. Мне как-то попался выпуск новостей, в котором какой-то «эксперт» предлагал усадить его на лавку, и я не выдержал и заорал на него: «Ты сумасшедший?!» Все в команде знали о засухе Майкла, но совершенно не воспринимали ее как что-то плохое – ведь это означало, что голы скоро придут. Он прирожденный бомбардир, и никто не может с этим поспорить.

Нам пришлось ждать сутки, чтобы узнать своего следующего соперника, но мы ожидали, что это будет сборная страны-хозяйки. Мы не были разочарованы – ни результатом, ни тем, как отметили свой проход. Наши семьи и девушки вновь нас навестили, и в один из дней нам разрешили сходить в «Макдоналдс». Это был отличный жест со стороны ФА. Они накрыли нам стол, полный бигмаков, картошки и всего такого, и все парни набросились на еду, как будто это были яства, достойные королевского пира – все, кроме Фила Невилла. Я хорошо помню, как налегал на эту нездоровую пищу и свое ребяческое воодушевление небольшим послаблением правил. Тут я оглянулся и увидел Фила перед салатной стойкой с огромной тарелкой, полной зелени и овощей. Это было забавно, но ничуть не удивительно. Фил – один из самых больших профессионалов, что я знаю. Хотя в тот созыв он не получал много игрового времени, он всегда готовился к матчам должным образом и поддерживал парней, которые выходили на поле. Это было типичным проявлением нашего товарищества.

Хотя нам казалось, что наши дела не могут идти удачнее, к матчу с Португалией давление росло сильнее, чем мы того ждали. До этого момента мы выступали хорошо, но не лучше ожидаемого, и в воздухе висело напряжение, вызванное тем, что настало время матчей на вылет – проиграешь, и все кончено. Страха как такового не было. Я был уверен в своей игре больше, чем когда-либо, и подобная вера в собственные силы разделялась

всем составом. Мы знали, чего от нас ждут – мы читали газеты и смотрели английские новости, видя тысячи людей, разделявших нашу мечту сделать этот турнир нашим. На тренировках я видел лишь людей, на которых мог бы положиться – отличную связку Джона и Сола, надежных Гари Невилла и Эшли Коула, маневренных хавбеков, а впереди – лучшую пару форвардов на чемпионате. Вопрос о том, насколько хорошо то, что мы играем с Португалией, был дискуссионным, но давление на них как на хозяев было еще более высоким.

Португальские фанаты вели себя очень достойно на протяжении всего турнира, не проявляя никакой враждебности к нам или любой другой команде, и в день матча ничего не поменялось. На стадион мы добирались в крайне благоприятной атмосфере, и единственное, что меня беспокоило – то, что на тренировке я так и не смог разогнаться до второй передачи. Для меня это совершенно нетипично, но иногда случается без особой на то причины. Но почему именно сейчас, в этот день? «Я справлюсь», – думал я, заставляя себя разбегаться и избавиться от этой вялости. Но в этот раз у меня не вышло. Я оглядел огромный стадион, уже практически полностью заполненный. Фанаты обеих команд гудели от нетерпения. Мама, папа и Элен были на трибунах, как и новый тренер «Челси». Моуринью уже ходил на матчи нашей сборной, но в этот раз все было по-другому. Теперь он поддерживал наших соперников, игроков своей страны.

Беспокойства добавляло то, что я не чувствовал себя на все сто, и когда игра началась, я не мог поддерживать нужный ритм. Впрочем, я не паниковал, понимая, что все изменится, если я буду продолжать бороться и работать. Гири на моих ногах стали немного легче, когда Майкл Оуэн сделал то, чего я от него и ждал – забил важнейший гол. Я почувствовал себя сильнее, как и все мы, и нам удалось немного утихомирить беснующихся домашних болельщиков и завести своих.

Мы не сбавляли оборотов, и даже то, что Уазза упал на газон после стыка с Жорже Андраде, не казалось трагедией. Не то чтобы я не понимал, какая это для нас потеря, но в пылу таких матчей просто некогда анализировать. Вам нужно продолжать играть, несмотря ни на что, и я был слишком занят борьбой с Португалией. Коштинья играл глубоко, и к нему было трудно приблизиться, а Манише выполнял точнейшие передачи одну за другой. Лишь когда я увидел носилки, мне стало ясно, что травма оказалась серьезной. Некоторые игроки после падений уходят с поля на минуту-другую, а потом возвращаются. Уэйн не из таких, и то, что ему понадобились носилки, означало, что он уже не вернется. Оглядываясь назад, я понимаю, что этот момент стал

поворотным, но тогда не было времени подумать об этом.

Португальцы не сильно угрожали нам своим владением, но без Уаззы наши контратаки были далеко не так эффективны. Он великолепно бежит с мячом, растягивает оборону и доставляет сопернику серьезные проблемы, совсем как в матче против Франции, где он заработал пенальти. Без него мы отбирали мяч, но быстро его теряли, и на нас шла уже новая волна атаки, более стремительная, чем нам стоило бы позволять.

Было несколько острых моментов, но в целом мы справлялись. Большую часть времени я занимался перекрыванием зон, и мои ноги становились все тяжелее, но на данную минуту мы были в полуфинале, и я старался глядеть на вещи с оптимизмом. За несколько минут до конца мяч вышел за пределы поля, и я взглянул на табло, и вот он вернулся, мой сладкий сон. А затем вернулся и кошмар. За 10 минут до свистка Элдер Поштига головой замкнул подачу со штрафного, и инициатива перешла к португальцам. Держаться. Нужно просто держаться. Нам нельзя пропустить, как в игре с Францией, и если мы доживем до дополнительного времени, шансы остаются.

Дополнительное время выдалось изматывающим, физически и морально. То, как мы позволили Руи Коште без сопротивления пройти центр поля и мощно пробить по нашим воротам – квинтэссенция наших чувств в те минуты. Стадион, пребывавший в некотором затишье, превратился в сумасшедший дом.

Я находился в прострации. Мне хотелось кричать от злости, взять мяч в центральном круге и забить. Мне хотелось плакать. Сто десять минут головокружительного и изнуряющего футбола должны закончиться вот так? Я не мог и не допустил бы этого. Я никогда не сдаюсь, и вся наша сборная ни за что не сдалась бы.

У нас оставалось 10 минут. Мы начали наращивать давление, не угрожая при этом воротам. Нам удалось заработать угловой, а затем еще один. Бекс навесил, и мяч полетел прямо на голову Джей Ти. На раздумья была лишь доля секунды. У Джона было два варианта. Ударить по воротам и получить неплохой шанс на гол – но в штрафной была толчея. Скидывает мяч он тоже отменно – и я решил, что это будет лучшим решением.

Я закричал: «ЛЭМПС!»

Джон откликнулся на зов и мягко сбросил мяч в мою сторону. Мне нужно было аккуратно принять мяч левой, иначе меня бы накрыли. По сути, мне пришлось остановить его намертво, чтобы сохранить возможность развернуться и нанести удар. После того, как первая часть прошла идеально, я знал, что забью. Вторую часть я провел на голом инстинкте, и мяч прекрасно лег мне на ногу.

Я не видел, как он залетел в ворота, но услышал рев. Все было так, как я представлял себе. В детстве я смотрел игры сборной по телевизору, и пока не было слышно реакции трибун, я не осознавал по-настоящему, забит гол или нет – как будто для этого нужно восторженное подтверждение. Даже сейчас я иногда пересматриваю этот гол, и у меня бегут мурашки – но только тогда, когда я слышу рев толпы.

Мы продолжали давить, и когда Сол забил головой на последней минуте, мы все подумали, что добились невозможного. Все, кроме арбитра. Урс Майер быстро пресек наше празднование. Я думаю, что Джей Ти просто добрался до мяча раньше голкипера – он и сегодня клянется, что не мешал ему. Я ему верю, но рефери, к сожалению, убедить не удалось. Нас это просто прибило. Не знаю, оказало ли это влияние на наш настрой в серии пенальти. Некоторые запасные даже выбежали на поле отпраздновать гол, которого не было – португальцы уже разыгрывали мяч. Подобные ситуации просто иссушают, но тут прозвучал финальный свисток, и мы знали, чего ждать. Мы отрабатывали пенальти на тренировках и хорошо представляли, кто должен выходить в первой пятерке. Я был третьим.

Для игрока нет ничего более сложного, чем пробитие пенальти в таких условиях. Мне не доводилось проигрывать финалы по пенальти, возможно, напряжение в них еще сильнее, но я в этом сомневаюсь. Мы все сошлись в центральном круге, а Бекс пошел выполнять первый удар. Несмотря на промах против Франции, он был достаточно смел и уверен в себе, чтобы подойти к отметке. Домашние болельщики, лишившись моими усилиями победы в дополнительное время, растеряли все свое гостеприимство, сменив его на поток улюлюканья. Бекс пробил выше перекладины. Мы все одновременно ахнули. Бекс смотрел на газон, который, кажется, просел перед его ударом. Никто не винил его. Мы никогда не ищем козла отпущения. Нам нужно было забивать следующий. Если бы у нас не вышло, то все почти наверняка было бы кончено – такова реальность.

Майкл Оуэн забил, а Руи Кошта промахнулся – и счет сравнялся. Я должен был забить. Подходя к точке, я просто игнорировал происходящее вокруг – лишь так я мог справиться с этим. Путь был долгим и одиноким, но я был уверен, что забью. Я собирался вколотить мяч по центру, но не совсем удачно по нему попал. К счастью, Рикардо прыгнул в другой угол, и он оказался в воротах.

Чувство было чудесным – знать, что я сделал свою работу хорошо, и дать волю сдерживаемым эмоциям при виде удара мяча об сетку. Следующим шел Джей Ти, и должен признаться, я не

был в нем уверен. Он никогда не бьет пенальти на тренировках, и, когда он вызвался, я был поражен его смелостью. Было впечатление, что он совсем не волновался. Разбегаясь, он немного поскользнулся, и на миг показалось, что наши шансы на победу ушли вместе с его ударом, но это был гол. На тренировках с «Челси» Джон, бывает, воспроизводит этот удар – от начала до конца, с потерей равновесия – иногда он забивает, иногда нет, но он любит напоминать всем вокруг, что на Евро-2004 он забил свой пенальти. Затем забил Эшли, а от удара Поштиги, изящно нырнувшего прямо по центру, у всех перехватило дух. Проныра! Это было либо гениально, либо очень глупо.

Настало время игры до гола, и тут я почувствовал, что победа ускользает. Как и все остальные англичане, я не раз видел поражения сборной по пенальти – Германии на ЧМ-1990 в Италии, вновь Германии на Евро-1996, Аргентины во Франции в 1998 году – и вот оно, опять. Я начал нервничать сильнее. За 10 минут до конца мы еще вели в счете, а сейчас нам грозит поражение.

Промахнуться не повезло Дариусу Васселлу, а Рикардо переиграл Дэвида Джеймса, решив судьбу встречи. Я слонялся по полю в полной растерянности. Эмоций было так много, что я ничего по-настоящему не чувствовал. Я понимал, что мы вылетели, но в этой суматохе мне было сложно воспринимать картинки и звуки, что уж говорить о собственных мыслях о случившемся.

Мы вернулись в отель, где нас ждали наши семьи. Элен обняла меня, прошептав на ухо: «Ты был бесподобен, родной. Ты играл отлично и не мог сделать для победы больше».

Я не был в этом так уверен. Мне свойственно задаваться вопросами: где я мог сыграть лучше, что мне стоило бы изменить по ходу игры. Ужин проходил в трауре. Мы попробовали разрядить обстановку при помощи пива, но я лишь все глубже погружался в депрессию.

Даже добравшись до постели, я не мог расслабиться. Все мое тело болело от 120 минут физической нагрузки на испепеляющей жаре, но больше всего мучений мне доставлял разум. Был ли прав судья, отменив гол Сола? Мог ли я находиться ближе к Коште, когда тот забивал? Эти и другие вопросы один за другим прокручивались у меня в голове, но исход был все тем же.

Проснувшись от беспокойного сна, я начал собираться. Понуро бросил в сумку тренировочную экипировку – она мне уже не понадобится. Бутсы, щитки, форма. Я остановился, взяв в руки футболку, в которой играл первый матч. Подумал об ударе головой, испытанном счастье и крайнем разочаровании.

Вот каково вылететь из крупного турнира. Тысячи воспоминаний и удивительных моментов, миллионы «но» и «если». Я горевал из-за поражения в игре, но по прошествии времени я понял, что больше всего меня расстроила упущенная возможность победить на Евро. Я искренне считаю, что если бы мы обыграли Португалию, нам удалось бы впервые в истории стать чемпионами Европы. К несчастью, поражение в серии пенальти убило шанс на триумф, но моя мечта еще живет.

9
Особенный

Не так часто мы можем с полной уверенностью сказать, что кто-то изменил нашу жизнь – но я могу сказать, что для меня это Жозе Моуринью. На самом деле, уже вскоре после знакомства я понял, что он не такой, как все – его личные качества, амбициозность, способность заражать всех вокруг свой верой очень вдохновляют. Многие смеются над ним за то, что он считает себя «особенным», но я бы не советовал так поступать. Просто взгляните, чего он достиг за свою относительно недолгую карьеру.

Как и все, я наблюдал его вступление в должность главного тренера «Челси» по телевизору. Мы с Джей Ти, Бриджи и Джо Коулом скрывались вместе со сборной в манчестерском отеле, готовясь к Евро-2004, когда в наши жизни ворвался Моуринью. Я смотрел, как он держался на пресс-конференции, и он показался мне довольно заносчивым и самоуверенным, но для меня это не проблема, если у человека есть медали, дающие повод для гордости.

Впрочем, меня впечатлили не победы в Лиге чемпионов, Кубке УЕФА и чемпионате Португалии. Встретившись с ним, я понял, что он действительно крут. Всего две беседы, которые мы провели тем летом, убедили меня, что я имею дело с тем, кто знает, чего хочет и как этого достичь.

Непоколебимая вера в свои силы – его визитная карточка – оказывает сильное влияние на тех, кто, как он считает, мыслит подобно ему. Он может пугать, но его обаяние абсолютно обезоруживает. Я начал понимать его, когда мы находились в Америке в предсезонном турне. Тренировки были разнообразными и интересными, а его приятный характер давал ребятам чувство комфорта. Несмотря на это, я не был готов к тому, что произошло после одной из них.

Я остался последним в душевой и готовился выходить, как вдруг тренер преградил мне путь. На какое-то время установилось молчание – я ждал, что он сдвинется с места, но он просто смотрел мне в глаза. Я понял, что он хочет что-то мне сказать.

– Все в порядке, босс? – спросил я, думая о том, что же я сделал такого, чтобы привлечь зрителя.

– Ты лучший игрок в мире, – сказал он, не моргая.

Я был немного смущен и абсолютно гол. Как же я уязвим.

– Ты, – сказал он с небольшим нажимом, – лучший игрок в мире.

– Мм. Спасибо, босс, – ответил я осторожно. Мне не было понятно, говорит ли он мне это для поднятия моей самооценки. Я знал, что не являюсь лучшим футболистом на планете, и о том, что он высоко меня котировал, я мог судить лишь по чужим рассказам и его благожелательному тону на тренировках. Он почувствовал недопонимание и объяснился:

– Слушай. Год назад Деку был невероятным игроком, но сейчас он номинируется на «Золотой мяч». Почему, как думаешь? А я скажу. Год назад он был тем же игроком, что и сегодня, но сейчас он победил в Лиге чемпионов и чемпионате Португалии с «Порту» и доказал, что он один из лучших. Ты столь же хорош, как Зидан, Виейра и Деку, и все, что тебе нужно – выигранные трофеи. Понимаешь?

– Да, босс.

Я понимал, что он имеет в виду, но чувствовал себя неловко. Мне хотелось выйти из душа и как можно быстрее рассказать кому-нибудь о нашем разговоре. Он поднял меня на новый уровень, и я почувствовал мощнейший приток уверенности. Остаток дня я летал как на крыльях и позвонил маме, чтобы передать слова Моуринью.

– Ну да, – сказала она невозмутимо. – Я давно знаю, что ты лучше всех.

Мне казалось, что во мне три метра роста, и в следующие несколько дней я тренировался интенсивнее, чем когда-либо. Все, что бы я ни делал – пасы, удары, даже удары головой! Первый матч под руководством нового наставника мы играли против «Селтика» в Сиэтле. Город переживал самое засушливое лето за 83 года, и когда я выходил на замену в перерыве, воздух раскалился до 40 градусов.

Ничего страшного, это не проблема для лучшего футболиста мира – да вот только я играл бездарно. Я отдавал неточные пасы, вступал в несвоевременные стыки и чувствовал себя вяло. С поля я уходил с мыслями о том, какой я кретин. Я не мог посмотреть в глаза тренеру. Как бы я смог? Он сказал мне, что я лучший в мире, а я сыграл как любитель. Он не произнес ни слова – до следующего года, когда мы поехали в Нью-Йорк для подготовки к новому сезону. Он подошел ко мне во время тренировки.

– Эй, Лэмпс. Помнишь игру против «Селтика» прошлым летом? – спросил он.

– Да, я сыграл как д***мо, правда?

– Так точно, ты не мог на два метра пас отдать.

Мы посмеялись, и он положил руку мне на плечо.

Командного духа и единения при Моуринью было в избытке. Если бы я получал фунт каждый раз, когда меня спрашивали, в чем секрет его успеха, возможно, у меня хватило бы денег, чтобы заплатить ему за ответ. Все, что я могу сказать – он интуитивно понимает, как устроены люди, какие мечты и устремления ими движут и как высвободить эту энергию и встроить ее в победную формулу. Не было какой-то одной особой вещи, никакой магии, превращающей все в золото, – напротив, дело было в мелочах – например, организации командного круга в раздевалке перед выходом на поле. Перед той первой игрой с «Селтиком» ко мне подошел Джей Ти и сказал:

– Тренер хочет, чтобы я собрал всех в круг и обратился к ним с предматчевой речью. Что я им, блин, скажу?

– Без понятия, – беспомощно ответил я. – Не уверен, что мне нравится эта идея, это неловко. Черт, слава богу, что ты первый.

– Да, но ты будешь следующим, и нам лучше разобраться с этим, придурок!

– Слушай, это всего лишь «Селтик» и предсезонка. Это мелочи. Сегодня мы просто пытаемся войти в ритм.

– Да не важно, друг, говорю тебе, он хочет начать сейчас.

Единственное, в чем мы были уверены, так это в том, что «речь» должна заканчиваться вопросом «Кто мы?» и ответным хором: «Челси!» Когда пришло время этого мероприятия, идея все еще казалась странной. Джей Ти проявил себя отменно. Он отлично всех настроил, произнеся целую проповедь на тему побед, щедро сдобренную матом. Мои выступления были не такими впечатляющими, но эта традиция пошла всем нам на пользу и стала основой для нашего братства.

Всего за несколько недель присутствия в наших жизнях Моуринью превратил нас из группы талантливых игроков, способной выигрывать трофеи, в команду, которая не удовлетворится меньшим. Я не был удивлен. С того самого дня, когда я увидел его общение с прессой в первый день работы в «Челси», я знал, что в нем есть что-то, что выделяет его среди всех остальных.

Командного духа и единения при Моуринью было в избытке. Если бы я получал фунт каждый раз, когда меня спрашивали, в чем секрет его успеха, возможно, у меня хватило бы денег, чтобы заплатить ему за ответ.

Это мнение явно не разделяли игроки сборной, представлявшие другие клубы. Спустившись в столовую, за каждым из столов я услышал обсуждение выступления Моуринью. Его бахвальство, очевидно, произвело на всех впечатление, и я

сразу понял, что мой новый тренер завладел всеобщим вниманием. Многие игроки спрашивали меня, видел ли я своего нового наставника по телевизору. Дальше следовал вопрос: «Кем он, блин, себя возомнил?»

Этот отклик меня не задевал. Их реакция была понятна – в конце концов, она была такой же, как и у всех остальных – но меня привлекают люди с характером, и я не испытывал страха. На том этапе меня волновало лишь то, как он видит меня. До назначения Моуринью считалось, что его сменит Дидье Дешам, который очень тепло обо мне отзывался – и у меня закрадывались эгоистичные мысли о том, что это, возможно, делало его лучшим кандидатом. Моуринью, напротив, хранил молчание.

Однако я готовился к его приходу. Мой приятель-журналист позвонил мне за пару дней до объявления и сообщил о назначении. Хорошо. Он четко выражал свои мысли, отлично держался на публике и, конечно, только что выиграл Лигу чемпионов. Мне оставалось лишь дождаться, когда я смогу с ним поговорить. Долго ждать не пришлось: после обеда ко мне подошел Эрикссон и сказал, что новый главный тренер «Челси» прямо сейчас едет в Манчестер, чтобы со мной встретиться. «Значит, все-таки не ты, Свен», – подумал я мимолетом.

Нас с Джей Ти, Коули и Бриджи отвели в одну из комнат, и мы стали ждать. Все мы очень нервничали. Этот парень объявил себя особенным, и он наш новый наставник. Что мне ему сказать? Я был наслышан о том, что он очень методичен и на командных собраниях уделяет внимание каждой мелочи. Я сталкивался с таким подходом в молодежной сборной Англии, когда во главе стоял Говард Уилкинсон. Он проводил собрания, посвященные собраниям, посвященным собраниям – было ужасно скучно и абсолютно бессмысленно. Согласен, тактика и организация очень важны, но должен быть какой-то баланс.

Дверь отворилась, и в комнату вошли Питер Кеньон, Роман Абрамович и Евгений Тененбаум, а за ними Моуринью. Я думал, что он будет очень серьезен, но он улыбался и очень дружелюбно и неформально пожал нам всем руки, успокоив нас. Я заметил блеск в его глазах, свидетельствовавший о том, как он рад своему будущему приключению. Кеньон заговорил первым, представил Моуринью и сказал пару слов о будущем прогрессе клуба. Я едва его слышал. Его слова почти не доходили до меня – все внимание было сосредоточено на Моуринью, сидевшем в кресле с видимым удобством. Я же в буквальном смысле сидел на краешке стула.

– Я счастлив быть здесь, – начал Моуринью. – Я захотел приехать и встретиться с вами, потому что вы – английское сердце «Челси» и важнейшая часть команды, и потому я еще

больше хочу видеть вас в команде. Нас ждет интереснейшее время. Мы пригласим нескольких новых игроков, но я приехал сюда сказать, что все вы сыграете большую роль в следующем сезоне. Я видел вас в деле и уверен, что вы сможете достичь даже большего. Со мной в роли тренера мы справимся.

Затем он обратился непосредственно к Коули. Все остальные были твердыми игроками основы, а Джо иногда выпадал из состава и испытывал сложности в свой первый год в клубе. Оглядываясь назад, я понимаю, насколько Моуринью проницателен – он сразу понял, что из нас четверых именно Коули больше других нуждался в поддержке.

– Я знаю, как я хочу тебя использовать, и знаю, как выжать из тебя максимум, – сказал он. – Мне всегда удавалось встроить мастеровитого игрока в командную схему. У меня получалось в «Порту», и уверен, что вместе у нас все получится и в «Челси».

Мы несколько минут поболтали, и Моуринью сделал знак, что пора идти. Впрочем, он сделал еще одно замечание.

– Мне нужно знать, что вы победители.

Ответа не требовалось, но короткое молчание сменилось дружным киванием и словами:

– Конечно, босс!

– Хорошо. Я победитель, а теперь и вы тоже. Нас ждут трофеи.

На этих словах он поднялся, пожал нам руки и вышел из комнаты. Евгений и Роман гордо улыбались. Они знали, что сделали правильный выбор – знали это и мы. Я не встречался с ним до конца чемпионата Европы, хотя и знаю, что он ходил на игры нашей сборной. Узнав из интервью, что он собирался строить полузащиты вокруг меня, я вздохнул с облегчением. В то время много писалось и говорилось о возможном приходе португальцев Коштиньи и Деку из «Порту», а потому я был рад подтверждению своего места на поле.

Вернувшись из отпуска после Евро-2004, я обнаружил, что Харлингтон преобразился. Моуринью приказал установить за воротами сетки, а по периметру поля дежурили болбои. Раньше нам приходилось бегать за мячом самим – казалось бы, мелочь, но очень важная. Он раздал всем сборники правил, но подчеркнул, что самое главное правило, которое мы должны соблюдать неукоснительно, – то, что мы всегда должны вести себя как должно профессиональным футболистам.

Когда мы были в США, Джона назначили капитаном, а меня вице-капитаном команды, и стало понятно, что с Моуринью мне предстоит общаться более плотно, чем с предыдущим наставником. Раньери нечасто спрашивал мнения игроков, а

сейчас мы участвовали в обсуждении возможных трансферных целей и специфики тренировочного режима.

Перед тем как приобрести центрального защитника, он позвал нас к себе и сообщил, что выбрал четырех кандидатов – англичанина, итальянца, южноамериканца и Рикарду Карвалью. Мы с Джоном знали Карвалью по чемпионату Европы и считали его отличным игроком, но Моуринью опасался приглашать слишком много португальцев. Мы ответили, что ему нужно покупать лучших. Поначалу я настороженно относился к такому участию в управлении командой. Когда мой папа был ассистентом тренера в «Вест Хэме», он часто рассказывал дома о том, как игроки пытаются учить его и Харри тому, как лучше делать их работу.

– Сегодня к нам зашел игрок, – говорил он, называя его по фамилии, – и сказал, что нам надо купить того-то и того-то. Кем он, черт возьми, себя возомнил?

Кажется, чаще всего этим игроком оказывался Паоло Ди Канио. Это было совсем не свойственно нашей культуре – Паоло к такому привык, но для нас с Джоном высказывать собственное мнение было в новинку.

Питание также изменилось. Раньше мы сидели на жесткой диете из пасты, салата, рыбы и курицы, без каких-либо сладостей или «вредностей» – а сейчас к названным мной продуктам добавились печенье и даже кока-кола. Игроки ценят, когда к ним относятся как к взрослым, и Моуринью предоставляет выбор: ты можешь поступать правильно или неправильно, но поступив неправильно, знай, что я об этом узнаю и последствия будут серьезными.

Некоторые игроки испытывали его терпение. Эрнан Креспо опоздал на первую же тренировку, несмотря на то, что Моуринью специально позвонил и сообщил, что видит его основным нападающим. Его быстро сослали в аренду в «Милан». Все прекрасно знали, что произошло. Была проведена четкая линия, на которой было написано: не связывайся с тренером. Те, кто ее пересекал, не задерживались в клубе. Еще двум дорогим прошлогодним приобретениям – Верону и Муту – пришлось уйти. Себа ушел в аренду в «Интер» и уже не вернулся, а Адриан уже тогда начинал терять контроль над собой.

Иронично, что Моуринью уже решил от него избавиться, как вдруг Креспо показал себя во всей красе, и Муту было даровано прощение. Он был одним из плодов революции Абрамовича и казался неплохим парнем, хотя иногда и производил впечатление пофигиста. В своих первых матчах в сезоне 2003/2004 годов он играл очень впечатляюще, забивая с обеих ног. У него был и

особый образ, проявлявшийся в общении с теми, кого он хотел впечатлить и чьего внимания желал добиться.

Ярче всего это проявлялось в общении с мистером Абрамовичем. Когда тот входил в раздевалку после игр, большинство игроков вели себя уважительно и приветливо по отношению к владельцу клуба. Муту был не таким.

– Босс, эй, босс! – кричал он, завидев Абрамовича. – Как там ваша яхта? То есть яхты, – и начинал громко смеяться, пока Абрамович не выдавливал из себя улыбку.

Довольно часто Муту о чем-то тихо беседовал с Абрамовичем в углу. Я понятия не имею, о чем они говорили, но выглядело все довольно дружелюбно. Это было вскоре после приобретения клуба, и думаю, что новому владельцу нравилось, когда к нему обращаются как к своему, но по тому, как он смотрел на Муту, было видно, что он ясно понимал, что происходит. Муту довольно часто поднимал тему вознаграждений, а Роман улыбался в ответ, хотя это и было неловко.

Я уверен, что ему нечасто приходилось иметь дело с кем-то вроде Муту, по крайней мере, не в роли работодателя. Вряд ли такой способ прошения о бонусе был самым изощренным, но для Муту это была лишь часть спектакля. Он был экстравертом и обожал находиться в центре всеобщего внимания. Несмотря на свои дурачества, Муту крайне искусно выбирал тех, с кем ему следовало бы дружить.

Мы не очень много общались, но Муту явно выделял игроков, которые, как он чувствовал, имеют авторитет в раздевалке. Он частенько общался с Марселем, Джей Ти и Франко об их игре и всяком таком. В этом плане он был очень забавным. Выиграв приз лучшему футболисту года в Румынии, он отправился на вечеринку в Бухарест на частном самолете, прихватив с собой Марселя, Джей Ти и Марио Мельхиота.

Его стиль одежды был столь же интересен. Мы пару раз выходили в свет вместе с командой, и Муту напяливал на себя столько цепей, что большинство гангста-рэперов могло бы ему позавидовать. Этим дело не ограничивалось. Придя в клуб, он всегда старался выбрать место на возвышении, где он мог наблюдать за всеми и быть уверен, что все глаза будут устремлены на него. Я старался выбрать местечко потише и садился с друзьями поближе к бару, как вдруг Муту, с огромной сигарой во рту и в окружении женщин, подзывал меня: «Лэмпс, Лэмпс! Подойди к нам». Я лишь думал: «Парень знает, как нужно жить». Можно уверенно утверждать, что Адриан обожал вечеринки. Тогда я не обращал на это внимания, ведь он был новичком в «Челси» и играл хорошо. Не было и намека, что он не

станет для нас ценным игроком, но внезапно его форма сошла на нет, а голы прекратились. Потом он травмировался и нечасто попадал в состав. К тому моменту его частная жизнь вышла из-под контроля. Он не знал меры – это было очевидно по его поведению с людьми, а история с двумя автомобилями еще ярче иллюстрирует его безрассудный нрав.

Перейдя в клуб, Муту приобрел себе два «Порше-911» – синий, на котором приезжал на тренировки, и черный, на котором разъезжал по выходным. К сожалению, его квартира в Челси-Харбор шла лишь с одним парковочным местом, и он ставил ненужный автомобиль на желтую разметку, зная, что его заберут. В конце недели он давал 400 фунтов одному из молодых игроков, и тот забирал машину со штрафстоянки и отгонял ее обратно в Челси-Харбор. Так продолжалось несколько недель, прежде чем в клубе узнали об этом и приказали ему прекратить прежде, чем эта история появится в таблоидах. Когда известный футболист ведет себя так, он неизбежно окажется на первой полосе. Муту был бомбой замедленного действия.

Скотт Паркер некоторое время был соседом Муту в Челси-Харбор. Скотти – настоящий профессионал, он никогда не опаздывает и всегда готов, но иногда ему приходилось ездить в Харлингтон вместе с Муту. Однажды утром он столкнулся с Муту на выходе из лифта. Муту выглядел помято после явно хорошо проведенной ночи – настолько хорошо, что возвращался уже утром. Он умолял Скотти подождать, пока он переоденется в тренировочную экипировку. Скотти согласился при условии, что тот сразу же спустится вниз, и, как ни удивительно, Муту быстро управился, и они появились на базе вовремя.

Это был не первый случай, когда Муту отправлялся на тренировку сразу после бессонной ночи. Парни стали замечать, что он часто проводил половину тренировки или даже меньше, а затем начинал жаловаться, что потянул мышцу или получил другую мелкую травму. Он возвращался в раздевалку, страдая лишь от усталости. Подобное случилось с Марком Босничем, который отдалился от команды и потерял интерес к тренировкам и играм. Он стал общаться с определенным кругом людей и изменился. Мы с Бозо всегда отлично общались, но со временем я просто перестал узнавать того веселого и счастливого парня, который подвозил меня, когда я только пришел в «Челси». Я не знал наверняка, что он употреблял кокаин, и ни разу не видел, чтобы он принимал наркотики, но по тому, как он засыпал в полном обмундировании прямо на массажном столе, было ясно, что что-то не так. Дело было явно не в изматывающих тренировках – однажды Бозо уснул прямо посреди речи Раньери

на командном собрании.

Также и с Муту – я не знал о его злоупотреблении кокаином наверняка. До меня доходили слухи, и я заметил, что он становился все более и более эксцентричным. Было очевидно, что женщины интересовали его куда больше футбола. Его поведение было переменчивым – сегодня он очень груб и игнорирует вас, а завтра уже общается как ни в чем не бывало и ведет себя так же лихо, как обычно.

Когда в прессе появилась информация о том, что в его анализах нашли кокаин, я не был шокирован. Понятия не имею, насколько сильной была его наркозависимость, но всем вокруг было очевидно, что его суматошная частная жизнь негативно влияла на его умение играть в футбол, и мне не было жаль, что он нас покинул.

Мы по нему не скучали. Моуринью моментально удивил нас своим решением сменить основную схему с 4–4–2 на 4–3–2–1. Ему хотелось забыть про линейный подход и сделать команду более гибкой и мобильной. Поначалу эта схема напоминала ромб, но потом эволюционировала, и я опустился с вершины ромба на место левого полузащитника в тройке. Давление плавно нарастало и дошло до апогея перед первым матчем чемпионата против «Ман Юнайтед» – оно было даже сильнее, чем в первый сезон после прихода мистера Абрамовича. Теперь у нас был «особенный» главный тренер и несколько новых игроков, и ожидания выросли пропорционально денежным тратам. Семь новичков – Дрогба, Карвалью, Феррейра, Кежман, Роббен, Тьягу и Чех – пришли за 82 миллиона фунтов. Неплохо для одного лета.

Пресса добавила еще щепотку перца, окрестив матч реваншем – в прошлом сезоне «Порту» под руководством Моуринью выбил «Юнайтед» из Лиги чемпионов, что спровоцировало своего рода разногласия между нашим новым наставником и сэром Алексом Фергюсоном.

Моуринью организовал командное собрание за день до матча. Мы уже обсуждали нашу тактику на матч и отлично знали, чего нам ожидать и что ожидается от нас. Но у тренера было более важное сообщение.

– В прессе и в новостях вы услышите мои слова о том, что я не жду победы в чемпионате в первый же сезон, – сказал он. – Я хочу, чтобы вы понимали – я говорю это только для того, чтобы снизить давление, которое на нас оказывают. Я также хочу, чтобы вы знали, что я *жду* победы в чемпионате в этом году. Мы победим, я знаю. Мы победители, а победы, это все. Я не хочу стать вторым или третьим. Мы хотим победить в лиге, и мы

победим.

Я заметил, что мое дыхание участилось – время Раньери с его методом концентрации на текущих выступлениях и прогрессе относительно прошлого сезона истекло. Победы – это все: новый главный тренер, новый «Челси». Это было как раз то, что нам было нужно. «Юнайтед» приехали на «Стэмфорд Бридж» с целью надломить нас, и у них не получилось. Матч не был ярким, но мы победили благодаря голу Эйдура. Я играл не очень-то хорошо, а ромб работал недостаточно успешно. Но мы стояли на своем, уверенно защищаясь всей командой, и именно этого ждал от нас Моуринью. Мы много работали над командными действиями в защите, и это принесло свои плоды в первой игре. Он был достаточно умен, чтобы понимать, что не сможет превратить нас в резвую атакующую машину за семь недель, а потому сделал нас надежнее сзади. По сути, мы обыграли одного из конкурентов за чемпионство в первой же очной игре. Эта победа была расчетливой и виртуозной, и мы провели в такой же манере еще два матча, а к четвертому туру в состав вернулся Коули и придал нам немного лоска.

Победы – это все: новый главный тренер, новый «Челси». Это было как раз то, что нам было нужно.

Роббен и Дафф были травмированы еще с предсезонки, и нам нужно было дождаться ноября, прежде чем мы увидели новую схему во всем ее блеске. До этого пресса нещадно критиковала нас за скучную и оборонительную игру, но менеджер никогда не говорил об этом нам – ему было все равно. Однако я был обеспокоен своей собственной формой. Моуринью оказал мне доверие, и я думал, что в первых играх не оправдываю его.

Через пару дней после победы над «Кристал Пэлас» в третьей игре сезона он отвел меня в сторонку и сказал, что ему нравится, как я управляю игрой в полузащите – по данным Prozone, в этом матче я участвовал в четырех самых активных связках. Это именно то, чего он хотел от меня – деятельность и вовлеченность. В следующей игре против «Саутгемптона» я впервые забил, и мы были непобедимы до выезда к «Манчестер Сити» 16 октября.

К тому времени люди уже задавались вопросом, сможем ли мы повторить достижение «Арсенала» и пройти сезон без поражений. Ответ был отрицательным. Николя Анелька забил с пенальти, и этот гол оказался победным. Вот и все. Мыльный пузырь лопнул, и мы опять вернулись к старому «Челси». Шанс потерян. При Моуринью мы еще не проигрывали, и мне было интересно, как он на него отреагирует. Оказалось, никак. Сразу после игры он сказал нам, что мы сделали для победы в два раза

больше необходимого и грустить нам не о чем. Было бы наивно предполагать, что поражений не будет. «Просто постарайтесь не допустить этого снова», – на этих словах он улыбнулся, и мы все поняли.

Вместо того чтобы стать началом нашего падения, это поражение стало катализатором нашего лучшего отрезка в сезоне. Ромб трансформировался в более привычные 4–3–3, а оправившийся от травмы Роббен начал вносить сумятицу в игру защитной линии соперников. Дрогба великолепно играл в нападении, а мне удавалось оказывать поддержку из центра поля и забивать. В это время у нас случился всплеск результативности – мы забили 47 раз в 21 игре – неплохо для скучной оборонительной команды! Войдя в ритм, мы быстро набирали очки, и тренер чувствовал, что мы становимся *его* командой и он завоевал наши сердца и души.

Обретенная уверенность охватила всю команду, и когда Моуринью задавал новые установки, они сразу становились чем-то привычным. Зрители стали замечать, что иногда он передавал через запасного записку мне или Джону. Большого секрета в них не содержалось – обычно это были инструкции, касающиеся персональной опеки при угловых, или советы насчет схемы. Иногда они были гораздо более прямыми и содержали одно простое сообщение: «Выиграйте».

Мы знали, чего он хочет, потому что хотели того же. Перед матчем с «Арсеналом» на «Хайбери» 12 декабря мы вели у них 5 очков. Они какое-то время лидировали, но их беспроигрышная серия оборвалась благодаря «Ман Юнайтед», и они немного застопорились. Моуринью тонко перевел давление на них, заявив перед игрой, что едет за ничьей. Но на самом деле нам, как обычно, нужна была лишь победа.

Парни, относительно давно игравшие в «Челси», вроде Джей Ти, Эйдура и меня, ненавидели проигрывать «Арсеналу» в чемпионате. Никому из нас не доводилось обыгрывать их на выезде, а неудачная серия «Челси» длилась уж 14 лет. Мне надоело чувствовать, что в дерби именно мы – лучшая команда, и не быть способными доказать это. Этот матч добавил нам немного оптимизма, потому что мы уступали два мяча, но смогли сравнять счет и увезти ничью. Оба раза забил Тьерри Анри, и второй мяч был очень спорным – он быстро пробил со штрафного, пока Петр Чех выстраивал защиту. Джей Ти и Эйдур помогли нам одержать моральную победу, но что более важно, мы впервые увидели на горизонте кубок премьер-лиги. Его увидел и наш тренер, который с этого момента стал все время напоминать нам, каким станет наше преимущество перед конкурентами, если мы

победим в следующем матче. Он использовал фундамент, заложенный нами в начале, чтобы заставить нас оторваться от конкурентов еще сильнее.

Мы продолжали побеждать. Раньше, когда нам нужна была победа, чтобы остаться впереди, мы не смогли бы ее добиться, но сейчас все изменилось. В районе Рождества, когда мы обычно валились, мы провели серию впечатляющих матчей, одержав выездные победы над «Портсмутом» (2:0), «Ливерпулем» (1:0) и обыграв «Мидлсбро» дома со счетом 2:0. Мы были близки к совершенству.

Премьер-лига была не единственным турниром, в котором мы переживали удачный период. В январе нам предстоял визит на «Олд Траффорд» в рамках Кубка лиги, который, как ошибочно полагали люди, мы были бы рады принести в жертву другим соревнованиям – но у нас во главе был Моуринью. Первая игра, проведенная дома, была скоростной и полной напряженной борьбы. Она завершилась безголевой ничьей, но не обошлась без инцидентов – наш тренер рассказал прессе, что видел, как сэр Алекс Фергюсон наседал на арбитра Нила Барри в перерыве. Моуринью напомнил, что вторая половина встречи изобиловала штрафными ударами, большинство из которых были в пользу «Юнайтед». «Свисток за свистком, ошибка за ошибкой, сплошное надувательство», – и уже не в первый раз его слова рассматривались под микроскопом и оборачивались против него. Футбольная ассоциация оштрафовала его на 5 тысяч фунтов за неэтичное поведение.

Развернувшаяся полемика лишь подпитала наш настрой на ответный матч, но я уже долгое время видел, что отношение СМИ к Моуринью меняется. Я объяснял это тем, что мы продолжали побеждать, и многие страстно желали нам поражений только для того, чтобы посмотреть, как наш тренер с ними справится. Но он продолжал хранить абсолютное спокойствие и делал все, чтобы оградить раздевалку от давления, которому подвергался он сам.

Мы все еще продолжали борьбу во всех турнирах, и в газетах много писалось о «большом шлеме», который мы могли собрать. Никто из нас даже не рассматривал такой вариант. Мы еще не выиграли ни одного трофея, что уж говорить о четырех, и отвлекаться нам было ни к чему.

Я не задумался об этом, даже когда принял пас от Дидье и вывел нас вперед ударом с левой. После всей суеты, окружавшей первый матч, наступил приятный момент. «Юнайтед», впрочем, остаются эталонным английским клубом, и ни за что не сдались бы. Райан Гиггз красивейшим образом сравнял счет, но до конца было еще далеко. Даффи навел панику на оборону «МЮ» за 5

минут до конца своим навесом со штрафного, и нам немного повезло, что мяч оказался в сетке. Мне было плевать – даже лучшие команды не могут побеждать без доли везения. Мы прошли в финал – первый в сезоне, первый при Моуринью, первый при Абрамовиче. Оставалось лишь победить «Ливерпуль».

Мой предыдущий визит на «Миллениум» в Кардиффе получился смазанным. В 2002 году мы проиграли финал Кубка Англии «Арсеналу», и я был очень расстроен, хотя и был в какой-то мере удовлетворен своей дуэлью с Виейра и тем, что мы пробились так далеко в моем первом же сезоне с «Челси». Мы поселились в отеле «Сэйнт-Дэвидс Бэй», и Джон указал на то, что мы жили здесь же перед матчем с «Арсеналом». Как видно, он очень суеверен.

Эта странность свойственна многим игрокам, она не совсем чужда и мне – хотя мое следование приметам ограничивается тем, что после побед я продолжаю носить одни и те же часы. Джей Ти другой. На самом деле он абсолютно особенный футболист – он заходит так далеко в попытках воспроизвести необходимые для привлечения фортуны условия, что ездит на одном и том же месте в клубном автобусе, использует один и тот же писсуар в раздевалке «Стэмфорд Бридж», ест одну и ту же пищу, паркуется на одних и тех же местах.

Я страшился того, как проживание в этом отеле может повлиять на Джона, вспоминая, что в тот день он проснулся с головокружением и остался в запасе. Утром я первым делом проверил его вестибулярный аппарат – все идеально, хороший знак. Однако на матч его действие не распространилось – мы пропустили уже на первой минуте. Мы бросили все силы на то, чтобы отыграться, но ничего не помогало, кроме жестокого поворота судьбы. Стиви Джеррард срезал мяч в собственные ворота, и потребовалось дополнительное время.

Эйдур играл со мной и Клодом Макелеле в полузащите и выглядел великолепно. Люди часто называют его универсалом, но он просто очень хороший футболист. Когда я пришел в «Челси», он впечатлил меня больше всех. Я поражался тому, насколько он хорош с мячом и как быстро он претворял свои мысли в жизнь. Он потрясающе играл в том финале, и когда Диди прошил Дудека своим ударом, я думал, что победа у нас в кармане. Но я был не прав и у нас возникли трудности – они сравняли счет, и лишь затем отскок после удара Эйдура подкараулил Кежман, переправивший его в ворота и принесший нам трофей.

Вспоминать нашу победу в Кубке лиги очень приятно, а медаль за нее очень дорога для меня. Мы праздновали так, как можно ожидать от команды, которая выиграла первый трофей с

новым главным тренером, но мой самый любимый момент той вечеринки – когда Роман поднял кубок и стал пить из него шампанское. Мы все дружно ему аплодировали, и не думаю, что когда-либо видел более широкую улыбку на его лице. Я был очень доволен. Я ушел из «Вест Хэма» в «Челси» для того, чтобы побеждать, и спустя 4 года я выиграл первый трофей – и точно не последний.

К Лиге чемпионов мы относились более чем серьезно. Большинство из нас испытывало острое чувство неудовлетворенности после прошлогоднего проигрыша «Монако». «Барселона» была не лучшим жребием для 1/8 финала, и не только потому, что они были самой яркой командой Европы. Противостоять финтам Роналдиньо тяжело, хотя и не так тяжело, как удовлетворить потребности в билетах семьи и друзей Элен. Они все болеют за «Барсу», и перед ответным матчем мне предстояло принимать полный дом гостей и организовать для них специальный мини-сектор на «Стэмфорд Бридж». Впрочем, первая игра спровоцировала самые жаркие споры из всех, с которыми я сталкивался.

> Я ушел из «Вест Хэма» в «Челси» для того, чтобы побеждать, и спустя 4 года я выиграл первый трофей – и точно не последний.

Противостояние было ожесточенным, как и предполагала вывеска: стороны активно бахвалились и обменивались ругательствами, и каждая из команд отчаянно старалась получить преимущество. Нам вновь повезло с автоголом, который вывел нас вперед перед перерывом. Главный тренер «Барселоны» Франк Райкард, судя по всему, был возмущен судейством, и дойдя до раздевалки, я увидел, что происходит что-то неприемлемое.

Кто-то из наших тренеров кричал, другие обвинительно указывали пальцами на раздевалку «Барсы». Моуринью загнал нас всех внутрь и расписал, что мы должны делать, чтобы удержать победу. Когда мы вернулись на поле, все было довольно спокойно – но через 10 минут был удален Диди, и началось что-то несусветное. Он уже был немного заведен ужимками игроков Маркеса и Пуйоля – больших и сильных парней, которые валились от порыва ветра и выпрашивали для него желтую карточку. А теперь уже их вратарь стал изображать мучения после безобидной борьбы за мяч. Игроки «Барсы» окружили арбитра Андерса Фриска, и конечно, Диди был удален. Они забили нам два мяча и победили 2:1. После матча наши тренеры рассказали мне, что Райкард подходил к Фриску в зоне, отведенной для судейской бригады и закрытой для всех остальных. После матча

Моуринью отказался общаться с журналистами, и то, что случилось дальше, было похоже на объявление войны «Челси» прессой и УЕФА.

Клуб опротестовал действия Райкарда, который пытался повлиять на рефери в перерыве, и указал на то, что Диди удалили вскоре после возобновления игры. УЕФА быстро отмел подозрения, хотя Фриск и признался впоследствии, что ему пришлось попросить Райкарда покинуть закрытую зону, сказав, что это не время и не место для обсуждения матча. Ситуация вышла из-под контроля, когда Фриск объявил о своем уходе из судейства, заявив о полученных угрозах ему и его семье. Пресс-секретарь УЕФА Вильям Гальярд появлялся в английской прессе чаще Тони Блэра, понося Моуринью и «Челси», а другой чиновник УЕФА Фолькер Рот назвал нашего тренера «врагом футбола». Против нас был объявлен настоящий крестовый поход. Я был просто ошеломлен и не мог поверить, что занимающие такие ответственные должности люди могут самовольно разжигать такие необязательные конфликты.

Таким же разрушительным было освещение инцидента английскими СМИ. Не могу представить, что испанская или итальянская пресса выступали бы единым фронтом с УЕФА против одного из ведущих клубов. Было бы неплохо, если бы нас защищали, но никто даже не обращал внимания на нашу справедливую жалобу.

Сказать, что мы были заряжены на ответный матч, было бы преуменьшением. Из-за этого гнетущего чувства несправедливости мы рванули прямо со старта и забили 3 мяча за 26 минут. После всего того, что предшествовало матчу, нам казалось, что мы попали в сказку. Минуту спустя Роналдиньо вернул нас на землю, а затем встряхнул нас еще сильнее своим восхитительным вторым голом.

Матч, многими называвшийся самым напряженным в сезоне, начинал походить на уличную драку. Несмотря на всю нашу храбрость, три забитых в ворота «Барсы» мяча не значили ровным счетом ничего, потому что они были впереди за счет двух голов на выезде. Джей Ти пришлось вытянуться во весь свой рост и показать всю свою силу, чтобы в драматичной концовке забить головой победный мяч, позволивший нам пройти в четвертьфинал и отомстить за несправедливость.

Все в «Челси» были вне себя от счастья, а дома меня ждали понурые каталонские лица. Среди них не было Элен – теперь она фанатка «Челси» и поддерживает меня, а не клуб из родного города.

Мы прошли дальше, но дорогой ценой. В матчах с «Баварией»

Моуринью запретили находиться в технической зоне за его комментарии о Райкарде и Фриске, но если чиновники УЕФА этим шагом пытались поставить нас на место, их ждал неприятный сюрприз. Больше, чем когда-либо, мы были настроены испортить настроение номенклатуре, а «Бавария» – самый типичный представитель правящей европейской элиты.

Игра на «Стэмфорд Бридж» стала для меня одной из лучших в том сезоне. Мы все были заряжены. Наш главный тренер выступил со своей речью вечером перед игрой, но не пытался нас мотивировать. Это было просто не нужно. Спекуляции на тему того, откуда будет смотреть игру Моуринью, грозили превратить важнейший матч сезона в цирк с фотографами, вольтижирующими на мотоциклах. Все стало еще хуже после появления теории заговора, согласно которой Руи Фариа прятал устройство связи под своей вязаной шапкой. Казалось бы, раз пошла такая пьянка, почему не заявить, что под ней прятался сам Моуринью?

Правда была в том, что тренеру не нужно было находиться на скамейке и даже на трибуне. Когда мы выходим на поле, он всегда с нами – в каждом нашем движении, в каждом ударе. Мы знали, что он где-то там, смотрит на нас, и надеялись, что увиденное ему нравится. Долгое время держался счет 1:1, и пропущенный дома гол нас немного беспокоил. Но затем я получил шанс – мяч отскочил не совсем удобно, но я смог ковырнуть мяч мимо Оливера Кана с 18 метров и восстановить перевес. Красивый гол – но я еще не закончил.

Мака навесил мяч в мою сторону, и следя за его полетом, я понял, что он летит немного высоковато и я не смогу принять его на грудь. Угол был не очень удачным, и я чувствовал, что защитник меня накроет. У меня было два варианта: попытаться нанести удар через себя, или позволить мячу перелететь через мое плечо и принять его левой ногой – возможно, два самых сложных по исполнению действия, но самых легких способов выставить себя на всеобщее посмешище. Я выбрал второй вариант, и мне удалось идеально поймать мяч на ногу и отправить его в ворота – неплохо для моей «нерабочей» ноги. Этот гол – один из моих любимых за «Челси», и, хотя я обычно не сохраняю бутсы, те, в которых я играл в тот вечер, занимают особое место в моем доме. Игра закончилась со счетом 4:2, мы победили «Баварию» по сумме двух матчей и во второй раз подряд прошли в полуфинал Лиги чемпионов.

Это было серьезным достижением. Даже пресса стала с неохотой отдавать нам должное, хотя должен сказать, что наши отношения со СМИ не были совсем ужасными. После

мюнхенского матча мы остались в городе на ночь, пошли выпить, и к нам присоединилась пара репортеров. Угощали они. Спасибо, Дэн!

Февральское поражение от «Ньюкасла» оставило нас за бортом Кубка Англии, а потому у нас была неделя на подготовку к домашнему матчу чемпионата с «Арсеналом». Победив, мы могли оторваться от ближайшего конкурента на 14 очков за 5 туров до конца, и хотя этим мы не обеспечили бы себе титул, можно было за него не беспокоиться. Этому было не суждено случиться. После нулевой ничьей нам оставалось набрать 6 очков, и стало понятно, что к впечатляющему списку талантов нашего тренера добавилась астрология. Несколько месяцев назад он предсказал, что «Челси» станет чемпионом 30 апреля после игры с «Болтоном». Когда мы обыграли «Болтон», лишь «шпоры» могли помешать его соперничеству с Расселом Грантом. Их победа над «Арсеналом» автоматически подарила бы нам титул, и мы все собрались для просмотра в ресторане «Ла Фамилья».

По решению тренера мы проводили две ночи перед первым матчем против «Ливерпуля» в отеле «Челси Виллидж», который находился неподалеку. Роман привез нам огромные чаны лучшей российской икры. Я ее просто обожаю – в тот вечер я ел ее ложками, а остальные смотрели на меня как на сумасшедшего. Каждый чан стоил, наверное, тысяч пять, и я был особенно благодарен за хорошую еду с учетом того, какой блеклой была игра. «Арсенал» долгое время вел в счете, а на последних минутах Робби Кин нанес удар головой. Мы все инстинктивно подскочили с мест, но я испытал облегчение, когда мяч просвистел мимо стойки. Я не хотел выиграть премьер-лигу в ресторане на Кингс-роуд. Всю свою жизнь я ждал этого момента, и даже российская икра не заменила бы мне выход на поле и подобающее футбольной команде празднование.

Лежа в постели, я думал о том, что ждет нас впереди. В следующие 8 дней мы выиграем чемпионат и пробьемся в финал Лиги чемпионов – опять-таки неплохо для «скучной команды» из западного Лондона! Первая игра против «Ливерпуля» не могла сравниться с матчами против «Барсы» и «Баварии» в плане количества голов, но «Битва за Британию» была столь же захватывающим сражением. Второй матч не уступал первому в нерве. Болельщики на «Энфилде» настолько громкие и энергичные, что кажется, что они находятся над полем, а не вокруг него. Возможно, это они заворожили нас – уже в начале матча мы дали слабину и пропустили тот самый гол, которого не было.

Многие говорят, что «Челси» пора бы перестать ныть по

поводу удара Гарсии. Что не важно, пересек ли мяч линию, если судья указал на центр. Серьезно? Мой ответ прост: мы много и упорно работали, чтобы дойти до этой стадии Лиги чемпионов, и заслужили право на протест.

Еще мне интересно, как отреагировали бы игроки «Ливерпуля», если бы этот «гол» забили мы. Подозреваю, что точно так же. Мы сделали все возможное в попытках исправить положение – нагнетали давление, бросили все силы в атаку и перепробовали все, что умеем, чтобы сломить их.

Когда на последней минуте Эйдур получил мяч в нескольких метрах от ворот, мы подумали, что они у нас в руках. Один удар, Эйдур, один удар. Его прием был хорош, но мяч пролетел мимо ворот Дудека, а Джейми Каррагер коснулся его на дальней штанге, чтобы удостовериться, что тот не попадет в сетку.

Прозвучал финальный свисток, и на меня нахлынула волна гнева. Нам не повезло пробиться в полуфинал и проиграть «Монако» годом ранее. Повторение истории в этом сезоне казалось несправедливым.

Я пытался осмыслить все это. В конце концов, они лишь боролись за место в зоне Лиги чемпионов, а мы практически обеспечили себе первое чемпионство «Челси» за полвека. Мы дважды обыграли «Ливерпуль» в премьер-лиге, так почему не смогли сделать то же в Европе? Сколько бы я ни ломал над этим голову, это так и осталось для меня загадкой. Все, что я знал наверняка – степень своей подавленности. Ненавижу проигрывать, просто ненавижу.

Проиграть чемпионство не представлялось возможным, и между еврокубковыми матчами нас ожидало свидание в Болтоне – свидание с судьбой.

Во время поездки на север я вспоминал все то, что мне говорили о чемпионстве в последние недели. Казалось, что куда бы я ни пошел, я всюду встречал фанатов «Челси», каждый из которых жаждал рассказать мне, что это чемпионство для него значит. Прошло 50 лет с момента последней победы «Челси» в чемпионате – 50 долгих лет – и хотя мое пребывание в клубе было еще не очень долгим, я чувствовал то же нетерпение, что и болельщики. Я знал, что эта победа значила для них, потому что для меня она значила не меньше.

Вечером перед игрой мы сидели в отеле «Престон Марриотт» с Джоном и Эйдуром, и я спросил: «Представляете, каково это – забить гол, который принесет нам чемпионство?» Никто не проронил ни слова, но каждый думал об этом. Я не пытался предвосхитить события, но это то, о чем я размышлял, о чем мечтал всю свою жизнь, и теперь у меня впервые появился шанс

претворить мечту в жизнь.

Путь от отеля к стадиону «Рибок» был наполнен нервным возбуждением. Как и всегда, я сидел рядом с Джей Ти, Эйдуром и Биллом Бладом, и вдруг выпалил тот же вопрос, что и вчера. Каково это? Ну же, ну же! Мою кровь наполнил адреналин, и к моменту прибытия на стадион мы уже были на взводе. В таких ситуациях вы представляете себя неуязвимым, рука судьбы ведет вас к славе, ничто не способно вас остановить – так кажется, пока вы не выходите на разминку и не обнаруживаете поле, будто предназначенное для выпаса коров. Играть с «Болтоном» и так непросто, а плохое поле и мороз еще больше осложняют эту задачу.

Соперник играл в своей обычной манере, Кевин Нолан разгонял атаки, и им удалось создать пару полумоментов. В первой половине встречи мы толком и не отвечали – мы будто съежились на леденящем ветру и ослабили хватку, позволив своему триумфу отдалиться. Разговор в перерыве был призван вновь разжечь в нас огонь. Мы ожидали взбучки, но злость тренера приняла форму вопроса.

– Мы не играем хорошо, но и не играем плохо. Почему? Я не понимаю. Действуйте проще. Играйте так, как умеете, и успех придет. Перед матчем нам оставалось 90 минут до победы в чемпионате, а теперь осталось 45. Выходите на поле и сделайте это!

Он был прав. Мы так много работали и прошли такой путь не для того, чтобы остановиться сейчас. Я чувствовал вновь обретенные силы в ногах и прилив уверенности, похожий на тот, что я испытал, когда тренер сказал мне, что я лучший игрок в мире. Его голос звучал у меня в голове: «Тебе нужно доказать это и выиграть трофеи». Вот он, мой шанс. Вот он, наш шанс доказать, что мы лучше всех.

Диди мягко скинул мне мяч, но Винсент Кандела не давал мне возможность пробить. Я поднял глаза в поиске вариантов продолжения, но рядом никого не было. А, к черту, попробую сам. Я опустил плечо и получил полметра, как раз достаточные, чтобы пробить Юсси Яскелайнена. Гол. Гол. Гол.

Гол.

ГОООООООООЛ!!!!!!!!

Я развернулся и побежал, крича что есть мочи. Я рванул к нашим болельщикам на противоположном конце штрафной. Моим родителям не удалось достать билеты в ВИП-ложу, и сейчас они были где-то там, посреди синего безумия, радуясь так же, как я. Парни задушили меня в объятиях, и мне пришлось вырваться, чтобы вновь увидеть свет. Вот оно. Вот каково чувствовать себя

победителем.

Мое сердце все еще выпрыгивало из груди спустя несколько минут, когда я оказался перед воротами в совершенном одиночестве. Это было нереально, как во сне. Я просто бежал вперед, бежал так, как будто никогда не добежал бы до ворот или той сине-белой толпы, что переминалась с ноги на ногу прямо за ними.

Я видел, что Рики бежал следом, прося пас. Я сделал вид, что не слышу его. Я хотел сделать все сам. Папа сидел за воротами, и когда я добрался до угла штрафной, он закричал мне: «Бей, бей!» Его заглушил голос в моей голове, желавший, чтобы я обошел Яаскелайнена и закатил мяч в сетку. Не совсем в моем стиле, но это красиво, и разве может быть лучший способ одержать победу в премьер-лиге?

Остальным ребятам потребовалось несколько секунд, чтобы нагнать меня, но долго ждать не пришлось. Мне трудно в точности описать, что я чувствовал в эту минуту – эмоции были столь сильны, что слова так просто не подберешь. Эйфория слишком краткосрочна – это чувство было более глубоким, и оно никуда не уходит – закрывая глаза, я вновь переживаю этот момент.

Все, что случилось потом, было удивительным. Все было так, как я представлял, и даже лучше. Мы искупали Романа в шампанском, а затем вернулись на поле, взяв его с собой. В это время мы не вели осмысленных разговоров. Каждую минуту этого сезона он был вместе с нами и заслужил свою порцию успеха. Он не просто вбухал в клуб деньги, уселся в кресло и стал ждать, пока все произойдет само – он помог нам добиться победы и был рад отпраздновать ее вместе с нами.

Я огляделся в поисках тренера и обнаружил его тихо сидящим на скамейке. Он позвонил семье, поговорил с женой и детьми и был счастлив поделиться с ними моментом триумфа, пока все остальные носились по полю как ненормальные. На выходе со стадиона мы с Джоном высунули головы из автобуса, чтобы спеть вместе с хором из сотен фанатов, оставшихся, чтобы увидеть нас. Мы разделили этот особенный момент с ними. Я знал, как это важно для них – так же важно, как и для нас, а может, и важнее.

Празднование в отеле прошло гораздо сдержаннее. Уже в среду мы должны были играть ответный матч полуфинала против «Ливерпуля» на «Энфилде», а потому выпили по паре бокалов пива за ужином, стараясь уложить в голове, что мы стали чемпионами Англии. Меня все еще колотило от нерва игры и голов, но мы с Эйдуром выпили еще пива и еще раз посмотрели

матч в программе Match of the Day.

Мне было трудно поверить в то, что я вижу. Я видел себя на экране – себя, Эйдура, Джона, Коули, большого Пита, Рики, Жереми, Тиаго, Маку, Диди. Я забил, затем еще раз. Я будто смотрел сон, собственный сон, транслировавшийся для всех вокруг, и это было волшебно, абсолютно волшебно.

Проигрыш «Ливерпулю», состоявшийся через три дня, означал, что второй сезон кряду нам не хватило совсем немного, чтобы пробиться в финал Лиги чемпионов. Ненавижу проигрывать, просто ненавижу. Впрочем, мы завоевали два трофея, и, победив в чемпионате, мы доказали, что являемся лучшей командой Англии.

Через пару недель мне присудили индивидуальную награду – я стал лучшим игроком года по версии прессы. Это огромная честь, а тот вечер стал еще более особенным благодаря тому, что я смог разделить его со своей семьей и друзьями – теми, кто значит для меня больше всего на свете, теми, кто изменил мою жизнь и помог мне достичь этапа карьеры, к которому я так стремился. В их число входит и Жозе Моуринью, хотя в отличие от него, я никогда не назвал бы себя лучшим игроком мира. Одним из лучших в Англии – да. Думаю, что я это доказал.

10
Заслужить уважение на «Стэмфорд Бридж»

Жизнь профессионального футболиста имеет множество преимуществ, а игра за «Челси» приносит их еще больше. Ничего в своей жизни я не принимаю как должное. Я благодарен за все, что со мной происходит как на поле, так и за его пределами, потому что рос в семье, научившей меня воспринимать хорошее как награду за тяжелый труд.

С раннего детства отец следил, чтобы я тренировался – бесконечная работа с мячом, рывки, челночный бег, упражнения на ловкость и выносливость – и каждый раз напоминал, что все это необходимо мне, чтобы стать профессиональным футболистом. Сегодня мне не нужно, чтобы папа напоминал, что мне нужно тренироваться (хотя он и сейчас напоминает). Я знаю себя.

Но впервые выиграв лигу, я попал на неизведанную территорию. Эйфория от скорого успеха быстро уступила место вопросу о том, как мне и «Челси» подняться на ступень выше. Я привык всегда стремиться к новым высотам, но теперь для того, чтобы понять, как на волне этого успеха добиться большего, мне был нужен опыт других людей. К счастью, лучших учителей, чем Жозе Моуринью и Роман Абрамович, придумать невозможно.

Моуринью был по-настоящему публичным человеком, а Роман был и остается своеобразной загадкой. Он очень закрытый человек, не дающий интервью и предпочитающий оставаться на заднем плане. Но по отношению к работникам клуба он совсем другой – общительный, пытливый и доступный тренеру и игрокам, и для меня большая честь узнать его и понять, что за человек скрывается под этой маской.

Лучшая черта Романа – то, что он стремится во всем участвовать. Несмотря на бесчисленные и более неотложные дела по всему миру, требующие его внимания, он регулярно находит время на нас. Всякий раз, приезжая в Лондон, он заходит к нам на базу и общается с ребятами, желая удостовериться, что у нас все идеально. Даже под проливным дождем он приходит и смотрит на то, как мы выполняем упражнения. Он всегда желает нам удачи перед играми и, независимо от результата, заходит к нам по их завершении. Он разделяет с нами радость побед и горечь поражений.

Когда он только пришел в клуб, никто из нас не знал, каков он и как мы должны вести себя в его присутствии. Однако с годами Роман стал неотъемлемой частью клуба и завоевал уважение всех, кто с ним связан, что демонстрирует его приверженность «Челси» и верность тем, кто верен ему.

Не считая главного тренера, в самых близких отношениях с Романом, пожалуй, находимся мы с Джоном. Иногда спустя минуты после матча мы обсуждаем то, как он прошел, а иногда он хочет узнать наше мнение по тому или иному вопросу. Поначалу я боялся высказывать слишком радикальные мнения. Я рос в футбольной среде, где принято прислушиваться к тем, кто главнее – к тренеру, владельцу, дяде и отцу. Я не хотел совать нос не в свое дело. Я футболист, и мне платят за то, чтобы играть и побеждать.

Роман научил меня озвучивать свое мнение по самым различным вопросам – от качества нашей игры до нуждающихся в усилении позиций и того, как это усиление лучше провести. Я ценю его искренность, а его интересует то, что я могу сказать. Конечно, я никогда не выхожу за рамки допустимого – я слишком уважаю его и то, чего он достиг в своей жизни и в «Челси».

Людям он кажется недоступным отшельником, но я по опыту могу сказать, что все совсем наоборот. Элен отлично ладит с супругой Романа Ириной, и они совершенно обычная пара, если не считать охраны и нескольких миллиардов на счету. Их образ жизни отличается от того, что ведет большинство людей, но Абрамовичи очень похожи на всех остальных. Они смеются над теми же шутками и непринужденно общаются со всеми вокруг. Мне нечасто доводилось видеть кого-то в том же восторге, что и Роман, в день парада в честь нашего первого чемпионства, а когда мы забиваем, он празднует гол точно так же, как и остальные 40 тысяч фанатов на стадионе. В этой простоте – особенная красота.

Прежде у меня никогда не было таких отношений с владельцем клуба. Мы довольно плотно общались и с Кеном Бейтсом. Мы с ним иногда ужинали вместе и до сих пор дружим, но он был другим. Именно Роман помог мне почувствовать себя чем-то бóльшим, чем высокооплачиваемым и ценным наемным работником. «Челси» он считает семьей, а Джон и я – старшие футболисты, играющие важную роль на поле и вне его. Я для него не просто номер 8, а часть ДНК «Челси».

Возможно, из-за того, что мне с ним так комфортно, я решил немного попытать счастья, когда до меня дошел слушок, что лучший игрок сезона в «Челси» получит право прокатиться на его яхте. В клубе никто не подтверждал эту информацию, но я

претендовал на эту награду, как и за год до этого. Я поговорил об этом с Элен, и она сказала, что я ничего не потеряю, если спрошу Романа. Кто не рискует, тот не пьет шампанского, и все такое. Подстрекаемый своей любопытной девушкой, я набрался смелости и спросил его при встрече:

– Босс, правда ли, что лучший игрок сезона в «Челси» сможет попасть на вашу лодку? – Роман засмеялся. Блин, вот же вляпался. – Нет, нет, я где-то прочел об этом…

Я знал, что мне не стоило поднимать эту тему. Евгений попытался хоть немного ослабить неловкость моего положения и вмешался: «Ты имеешь в виду одну из шлюпок, Фрэнк?» Я смеялся вместе с ними, зарываясь все глубже и глубже. Сейчас мне просто не верилось, что я завел этот разговор. Когда мне уже захотелось застрелиться, Роман перестал смеяться.

– Ладно, я посмотрю, что можно сделать.

– О, хорошо, спасибо, босс.

Я больше не возвращался к этой теме, решив, что одного унижения перед начальником-миллиардером мне хватит до конца жизни. Так или иначе, как оказалось, я выиграл клубную награду и приз лучшему игроку года по версии журналистов, а Джей Ти признали лучшим по версии футболистов. Через несколько дней на базе я столкнулся с Романом и Евгением. Евгений подозвал меня.

– Подумай, сколько времени ты хочешь провести на яхте, и мы все организуем.

– Серьезно? Эмм, недели бы хватило, – замялся я.

– Нет. Просто дай нам знать, сколько. Все в порядке, – ответил он.

Роман одобрительно кивал, улыбаясь мне.

А, к черту, подумал я. Добрался же я досюда.

– Ладно, тогда две недели!

Я поспешил домой сообщить новости Элен, и мы выбрали даты. Все остальное организовал секретарь Романа, выслав нам характеристики яхты и место встречи с судном. Все это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. Я? Парнишка, не попадавший в состав «Вест Хэма»? Победил в чемпионате, выиграл приз лучшему игроку года, а сейчас проведу отпуск на борту «Susurro», одной из самых дорогих яхт в мире? Вы серьезно?

Мы с Элен полетели на Лазурный Берег, в Антиб, где нас ждала «Susurro». Это была не яхта, а настоящий дворец на воде. Мы ходили из одной огромной комнаты в другую. Все было и роскошно обставлено, и красиво украшено. Нас угостили шампанским и представили команде – 10 членов экипажа и 2 шеф-повара.

В первый день мы отдыхали в одиночестве. На судне было 5 спален – достаточно, чтобы пригласить всю семью, с которой мы хотели разделить этот отпуск. Они должны были присоединиться к нам на следующий день, поэтому мы постарались насладиться уединением по максимуму. На следующее утро нас разбудил мерный гул моторов. Мы выглянули и увидели, что отчаливаем. Я вышел на палубу, и член экипажа тут же принес мне свежий кофе и фрукты. Да, вот она, настоящая жизнь.

Позвонила мама. «Ты где, сынок?» – спросила она. Они с папой прибыли в порт с моими сестрами и их детьми и не могли найти яхту.

– Не волнуйся, – сказал я. – Я пришлю за вами лодку.

Я не мог поверить, что только что сказал это – пришлю за вами лодку!

Мы поднялись на палубу в ожидании их прибытия, и я никогда не забуду их лица, с которыми они взошли на борт. Папа в своих солнечных очках, впрочем, изображал спокойствие, всем своим видом показывая, что Фрэнк Лэмпард-старший каждый день проводит на яхтах за 40 миллионов. Неплохо для парня из Ромфорда!

Мы сплавали в Канны, а потом в Сен-Тропе. Там довольно маленькая гавань, и нам пришлось заходить в нее очень осторожно. Пока мы причаливали, на берегу собралась толпа зевак. Увидев размеры яхты, они явно ожидали увидеть царственных особ или хотя бы звезду Голливуда. Мы немного сползли со своих кресел, чувствуя себя неловко, но потом подумали: «А, к черту». Мы надели очки и решили, что выхода нет. Никто не ожидал, что по трапу сойдет семья из Эссекса.

К счастью, Роман со своей основной яхтой «Pelorus» был в непосредственной близости и пригласил нас всех на завтрак. Он прислал за нами лодку (я уже привык говорить на его языке), хотя эта лодка и сама могла быть яхтой. Приблизившись, мы увидели на ней вертолет и мини-субмарину.

Роман встретил нас на борту, и мы провели пару часов, разговаривая о футболе, прошедшем сезоне и том, что будет. Папа никогда не стесняется высказывать собственное мнение и был доволен возможностью поговорить с первым лицом. Тем временем Милли и Миа крутились у Романа под ногами и таскали еду из буфета, а он подшучивал над ними. Меня забавлял тот факт, что мои племянницы не имели представления, кто Роман такой и что они веселятся в компании одного из самых влиятельных людей мира.

Прошла всего пара дней, и я, как мог, пытался привыкнуть к жизни высшего общества, но каждый раз, когда мне казалось, что

я совсем освоился, происходило что-то неожиданное – например, один раз Эдди Джордан, владелец конюшни «Формулы-1», подплыл к нашей яхте и пригласил нас всех выпить. Безумие, просто безумие! Оказалось, он отличный парень и очень гостеприимный. Мы вернулись к себе, начали жарить барбекю, как вдруг позвонил Эдди.

– Фрэнк, у вас с Элен есть планы на вечер?

– Нет, не особенно, – ответил я.

– Отлично! Тогда проведете его со мной. Хочу вас кое с кем познакомить.

– С кем?

– Боно.

А, ну ладно. Это была отличная ночь, никогда ее не забуду. К счастью, у меня сохранились фотографии, чтобы убедить себя, что это был не сон. Я не самый большой ценитель музыки, но я восхищаюсь Боно как человеком, не только многого добившимся в своей профессии, но и посвящающим много времени и сил благотворительности и желающим сделать жизнь людей лучше. Кроме того, он очень земной и искренний парень. Мы беседовали о футболе и много смеялись.

На следующий день мы отправились в Портофино, а потом на Сардинию, где к нам присоединились Джейми и его супруга Луиза. Мы немного развлеклись, и я был счастлив разделить этот потрясающий опыт со своей семьей. Многим людям, наверное, кажется, что моя жизнь игрока премьер-лиги особенная, и я бы согласился с ними, но те две недели открыли мне глаза на совершенно другой мир.

После того, как мы закончили, на яхте неделю отдыхал Джон, получивший такое же удовольствие, что и мы. И хотя вся эта история началась с моего неуклюжего вопроса, я понимаю, насколько щедрым был жест Романа. Думаю, что он хотел выразить свою признательность нам с Джоном за то, что мы сделали для «Челси» в том сезоне. У него вообще щедрая натура – он обожает делиться плодами своих тяжелых трудов, и потому я уважаю его еще сильнее.

Впрочем, невозможно узнать Романа, не поняв ту его часть, которая помогла ему стать таким успешным бизнесменом. Он обходительный, обаятельный и непринужденный, но еще и решительный, амбициозный и не останавливается ни перед чем – эти качества меня восхищают. Он хорошо прячет эту свою сторону от большинства людей, но, как только вы узнаете его и он начинает вам доверять, окна приоткрываются, проливая свет на то, почему он достиг такого удивительного успеха.

Этим он похож на Моуринью. Оба ясно понимают, чего хотят,

и делают все возможное для достижения цели. Больше всего на свете они хотят побеждать. Мой опыт общения с Романом напоминает мне время, проведенное с Жозе. Мы с тренером очень быстро нашли общий язык благодаря одному взгляду на футбол, но мне кажется, что настоящая связь возникает, когда люди понимают, что движет каждым из них. Так вышло у нас с Романом.

Я не очень хорошо знаю его биографию, но читал, что мистер Абрамович рос в очень скромных условиях и сам вершил свою судьбу. Для него никогда не существовало второго места и права на ошибку, и выходя на поле, я чувствую, что мы должны победить еще и потому, что он всегда побеждает. Другого варианта нет.

Моуринью такой же, и именно поэтому он командует войсками Романа. Теперь, играя за «Челси», ты не можешь удовлетвориться серебром. Если ты хочешь плыть по течению, не отдавая всего себя делу, тебя раскроют. Чтобы добиться победы, нужно выкладываться на все сто, а если кто-то занимает твое место в составе, за него нужно бороться, как за свою жизнь. Нельзя останавливаться ни перед чем, потому что Роман именно такой.

> Теперь, играя за «Челси», ты не можешь удовлетвориться серебром. Чтобы добиться победы, нужно выкладываться на все сто, а если кто-то занимает твое место в составе, за него нужно бороться, как за свою жизнь.

У нас с ним бывали разговоры один на один, и в эти моменты, глядя ему в глаза, я мог увидеть там лишь непреклонность намерений. Я чувствую, что его голод до успехов никогда не будет удовлетворен, и я ценю эту его черту. Я такой же. Практически сразу после того, как мы выиграли свою первую премьер-лигу, Роман спросил меня, как мы собираемся выиграть вторую. Он задавал вопросы о том, почему мы уступили в конкретной игре, которая никак не влияла на судьбу титула. Он ничего не упускает и хочет, чтобы все было как нельзя лучше. Не почти идеально, а идеально.

Было бы легко сделать вывод, что он не понимает футбол и то, что поражения будут всегда, но это слишком примитивное суждение. Возможно, он относительно недавно в этом деле, но учится с феноменальной быстротой и спрашивает, почему мы пропустили тот или иной гол или почему у того или иного игрока не получается играть хорошо, потому что хочет знать все. Знание – сила, не деньги.

Своей жаждой увидеть то, что скрыто, Абрамович очень похож на Моуринью. Его не устраивают победы со счетом 1:0 при плохой игре. Он стремится понять, почему мы не сыграли лучше, и что самое важное, чем он может нам помочь. Когда я становлюсь свидетелем разговоров Романа с тренером, я вижу единство взглядов и родство душ, несмотря на их разный профессиональный опыт.

С Евгением, Питером Кеньоном и президентом Брюсом Баком «Челси» обладает единством цели, которое найдешь не в каждом клубе. Всем руководителям клуба присущи одни и те же амбиции, и ни один из них не скрывает, что они хотят одного и сделают все возможное, чтобы этого достичь. Эту философию разделяют все в клубе – владелец, персонал и игроки.

Не стесняться задавать вопросы о том, чего не понимаешь, – важное качество. Роман мог бы почивать на лаврах, пожиная плоды своих достижений и делая вид, что он знает все, потому что все, так уж вышло, работает хорошо. Но это совсем не в его натуре. Когда-то я был слишком застенчив, чтобы спрашивать о том, что понимаю недостаточно хорошо, боясь показаться глупым или некомпетентным, а сейчас я дотошно отношусь к любому предмету, который хочу изучить во всей полноте. Отчасти я стал увереннее в себе, видя пример Романа. Если он может сидеть и задавать элементарные вопросы о футболе – он, миллиардер и очень успешный человек, – тогда почему я не могу? Роман, как и Моуринью, очень меня вдохновляет.

Кто-то проводит всю свою жизнь в поисках проблем, но Роман всегда ищет ответ. Он проводит много времени, обсуждая с тренером команду, клуб и то, как мы можем стать лучше. Когда очередь доходит до меня и он спрашивает мое мнение, я чувствую небольшое давление, зная, что он уже обсудил это с Моуринью.

Как-то раз наедине он спросил меня, как, по-моему, показывает себя один из игроков. Я ответил, что он мог бы прибавить в определенном аспекте техники, на что Роман задает новый простой вопрос: «Так почему ты не скажешь это ему?»

Я был немного ошеломлен его прямотой и объяснил, что я уже говорил это, но большого эффекта это не возымело. Роман опять возразил: «Тогда нужно сделать так, чтобы он понял».

Он был прав. Мне и вправду нужно было взять на себя ответственность, и в этот момент я понял, что одним из его ключевых качеств является именно эта способность выявить проблему и найти простое решение. Он знал, что он не мог говорить игрокам, как они должны играть (хотя, конечно, они прислушались бы), но я, как вице-капитан и один из старших игроков, мог бы.

Я задумался об этом и понял, что ему по-настоящему нужно. Я видел его суровую сторону – не скверную, но я понял, что этот человек не потерпит никакого дерьма и отговорок. Он хочет побеждать. Меня забавляет и раздражает то, что некоторые приписывают успехи «Челси» деньгам. Да, Роман действительно потратил много денег на игроков, но те, кто разбрасываются обвинениями, что «Челси» купил титул, не видят, как клуб и работающие в нем люди вкалывают для достижения этих успехов.

Роман и правда очень богат. Однако он очень умен и отлично управляет людьми и своими капиталами. Он уже доказал это в своей сфере бизнеса, а теперь доказывает в футболе. Только те, кто плотно работает с ним за кулисами – тренер и игроки, – знают секрет нашего успеха, и, если бы меня под дулом пистолета заставили назвать единственную причину, я бы поставил на первое место дух.

В «Челси» есть чувство общности, разделяемое Романом, всем руководством, главным тренером, его штабом и игроками. Все мы работаем друг за друга и с одной целью. Те, кто не готов принять это, нам не нужны. Те, кто не согласен с его методами, в клубе не задерживаются.

По ходу сезона 2005/2006, когда мы защищали титул, возникла пара моментов, когда мы были не так хороши, как следовало бы. Нам нужно было взглянуть на себя в зеркало и задаться вопросом, что пошло не так. Мы напомнили друг другу о силе, которую мы обрели в прошлой кампании, когда все тянули упряжь в одном направлении. Прозвучали неудобные вопросы. Так ли мы сильны, как думаем? Почему мы не играем, как раньше? Каждому время от времени нужны напоминания. Отрываясь от пелотона на 15 очков на старте сезона, люди могут потерять голову. Такое бывает. Нам нужно было напомнить самим себе о наших базовых ценностях и о том, что изначально сделало нас чемпионами.

Тренер спросил, считаем ли мы, что уровень наших выступлений упал за последние несколько месяцев. Спросил, находим ли мы это приемлемым. Спросил, считаем ли мы, что Роман Абрамович находит это приемлемым. Он потребовал, чтобы мы исправили положение. Мы так и сделали.

Надо отдать должное тренеру – больше всех в клубе он пытался предотвратить любые проявления самоуспокоения в преддверии своего второго сезона в клубе. Он не тратил время, готовя нас к предстоящему испытанию. И не пытался выставить задачу защиты чемпионства проще, чем она есть. В первый же день предсезонной подготовки он усадил нас перед экраном. Мы увидели фотографию нас, празднующих победу в премьер-лиге в

прошлом мае. Мы устояли перед соблазном зааплодировать, зная, что разговор будет серьезным.

«Мы были чемпионами в прошлом году», – сказал он, но, прежде чем мы поняли его мысль, он включил следующий слайд, на котором был список качеств, необходимых нам, чтобы победить во второй раз. Он говорил, что для перехода на новый уровень всем нам нужно вырасти над собой; справляться с мотивацией, с которой каждая команда будет выходить на матч против нас из-за нашего нового статуса; остерегаться самоуверенности и оставаться голодными до побед. Список продолжался, как и речь Моуринью, каждый пункт которой он раскладывал по полочкам. Послание было четким и ясным. Выиграть еще одно чемпионство будет непросто, а если мы решим, что титул у нас в кармане – то и совсем невозможно.

Моуринью казался более замкнутым, чем год назад, когда он только возглавил клуб. Тогда он быстро и легко наладил взаимоотношения с игроками. Теперь, когда он говорил с нами о будущем сезоне, чувствовалась какая-то отстраненность, как и в столовой и на клубной базе. Я спросил Джона и Эйдура, заметили ли они что-нибудь. Мы волновались, все ли у него в порядке, нет ли какого-то скрытого нарыва, готового лопнуть. Мне казалось, что за год я неплохо изучил его, но иногда он просто уходит в себя и кажется абсолютным интровертом – необычно для столь общительного человека.

Такая атмосфера продлилась 5 недель – всю предсезонку – и лишь тогда я понял, что же происходит. Он специально вел себя более холодно, чтобы держать нас в напряжении, заставлять нас чувствовать себя неуютно и не давать нам провалиться в зону комфорта. Его точка зрения была мне понятна. Если бы после чемпионства мы вернулись расслабленными, некоторые игроки – возможно, подсознательно – считали бы, что для новых побед было бы достаточно оставить все по-старому.

И надо признать, что это сработало. Я, как и все остальные, изводил себя мыслями, что он недоволен мной. Поэтому мне хотелось делать все идеально – бежать быстрее, тренироваться усерднее. Как и Роман, Моуринью обладает стальным характером, который применяет, когда считает нужным.

У него есть и другие способы держать нас в тонусе – например, укрепляя состав игроками, которые будут конкурировать с нами за место в основе. Люди могли подумать, что место на старте сезона 2005/2006 мне обеспечено после успехов в предыдущей кампании. Я, пожалуй, так думал. Потом я услышал, что в клуб приходит Стиви Джеррард, и моей первой реакцией была радость. Стиви – один из лучших полузащитников

на свете: энергичный, вдохновляющий и обожает забивать – как раз то, что нужно. Так, постойте. Прямо как я. Но дело в том, что я обрадовался этой новости, и надеюсь, что всегда буду таким. К счастью, в этом случае я мог быть уверен, что тренер хотел, чтобы мы со Стиви играли вместе. Слухи тем летом столь настойчиво отправляли его в «Челси», что я был уверен в его подписании.

Это была волнующая перспектива. Стиви, Мака и я составили бы линию полузащиты, равную которой было бы непросто найти не только в Англии, но и во всей Европе. Думаю, Стиви и сам думал, что переходит к нам, потому что он подал прошение о трансфере, а это не то действие, которое можно принять сгоряча и без раздумий. В конце концов он принял решение остаться на «Энфилде», и я это уважаю. Я был бы счастлив играть с ним за «Челси», но, кажется, он останется в «Ливерпуле» до конца своей карьеры. Эта история была сильно раздута прессой, заявлявшей, что это отказ, но я не думаю, что было много игроков, которые отказались стать участниками нашей революции.

Я понимал, что если планируется приход новых игроков центра, то должны будут состояться и продажи. Это стало очевидным потому, что двусторонки нам приходилось играть с заменами из-за огромного количества полевых игроков. Переизбыток игроков доставлял неудобства – некоторым полузащитникам даже приходилось уходить на другое поле и отрабатывать удары, потому что для них не было места в составах.

В результате Иржи Ярошик, Алексей Смертин и Тиаго покинули клуб, а Майкл Эссьен, Шон Райт-Филлипс и Асьер Дель Орно присоединились к нему. Состав все равно был перегружен, и в таких условиях каждый вне зависимости от статуса чувствовал угрозу. Это политика «Челси» и политика Моуринью. Я знаю его достаточно хорошо и думаю, что он признал бы, что обожает борьбу. Он победитель по натуре и живет соревнованием, и ни за что не согласился бы плыть по течению и быть обычным. Этот менталитет он прививает и своим игрокам, приветствующим конкуренцию за свое место, а сам не стесняется критиковать соперников в прессе.

Перед началом сезона он созвал командное собрание, во время которого вывел на экран расписание игр «Арсенала». Он подчеркнул, что после каждого тура Лиги чемпионов они проводят домашний матч, а нам частенько предстоят тяжелые выезды, например, к «Ньюкаслу» и «Ливерпулю». Его раздражение по поводу этой ситуации спровоцировало дискуссию, в ходе которой он назвал «Арсенал» ангелами, а нас дьяволами. В прессе поднялась волна недовольства, и люди насмехались над ним:

зачем ныть о таких прозаичных вещах, как календарь? Особенно учитывая то, что он составлялся случайным образом. Не так ли?

Мне кажется, что он был абсолютно прав, заговорив об этом, потому что мы не хотим, чтобы нашу команду ни во что не ставили и чтобы наш календарь был на порядок сложнее, чем у остальных. Почему мы должны молча принимать это? Мы знали, что наш второй сезон будет тяжелее, и вот вам пример – еще до ввода мяча в игру. То, что тренер поднял этот вопрос на пресс-конференции и спровоцировал полемику, не оставили без внимания игроки. Он заступился за нас и раскритиковал несправедливое положение дел. Он поступил так ради нас и ради «Челси», рискуя попасть под удар и стать объектом насмешек.

На командном собрании он подчеркнул, что расписание – еще один пример того, с чем нам придется столкнуться на пути к защите титула. Теперь мы были еще больше настроены на то, чтобы победить вновь. Он умный и рассудительный человек, и временами он предпринимает подобные шаги потому, что знает, какую реакцию этим вызовет. Дело не всегда в желании манипулировать ситуацией – просто ему свойственно стремление бороться против агрессии и несправедливости с высоко поднятой головой.

Я был с ним в Барселоне, когда в 2005 году случилась та история на «Ноу Камп», и знаю, что он сражался за правое дело. Да, его подход несколько нетипичен – он очень строг в своих суждениях, чем может многих шокировать, но нельзя наказывать человека за следование своим принципам. Он заступился за своих игроков и свой клуб. Я очень ценю абсолютную верность, которую он проявляет ко мне и другим игрокам. Он может рассчитывать на преданность и ответственность раздевалки, потому что заслужил это.

Все это не значит, что он стесняется критиковать нас, когда мы этого заслуживаем, и одним из примеров стал матч открытия сезона 2005/2006, после которого он хотел добиться от нас правильной реакции. Нашим первым испытанием на пути к защите титула стал выездной матч против новичка премьер-лиги «Уиган Атлетик», и конечный результат не отражал происходившее на поле. Три очка нам принес гол Креспо в добавленное время, и после матча тренер сказал журналистам, что мы не заслуживали победы. На самом деле мы и на ничью едва наиграли. Я играл недостаточно резво, и мы смотрелись вяло на всех участках поля. После всех этих разговоров о том, чтобы сделать все возможное, чтобы еще раз стать чемпионами, игра показала нам, каким будет этот сезон.

«Уиган» смотрелся отменно, и лишь чудо-гол Эрнана помог

нам выпутаться. Моуринью не церемонился с нами в раздевалке, хотя и не выделял никого конкретно. Он выразил уважение Полу Джуэллу и его команде за то, как они сыграли, но четко дал нам понять, что, если через неделю против «Арсенала» мы сыграем так же плохо, наш сезон станет не блестящей защитой чемпионского титула, а долгим прощанием с ним.

Босс горел желанием победить, но принципиальный матч с «Арсеналом» получил дополнительную подоплеку благодаря растущей неприязни между ним и Арсеном Венгером. Я знал о ней, хотя в основном и из газет. Оба тренера были довольно открыты в своей враждебности, которую я считал скорее старым добрым подтруниванием, чем настоящей ненавистью. Конечно, у каждого из них своя позиция, и из-за этого возникают конфликты, но глядя на Моуринью и Венгера, я нахожу очевидные сходства.

Они оба талантливы, амбициозны и влюблены в свое дело. Они оба хотят побеждать и не боятся это признать, поэтому, когда их отношения накалились, я не сильно удивился. Соперничество двух клубов всегда было острым, а учитывая, что Моуринью – далеко не нежный цветочек, можно сказать, что конфликт был лишь вопросом времени.

Венгер имел привычку считать потраченные «Челси» деньги на трансферном рынке. Это, вероятно, было вызвано расстройством из-за того, что его бюджет был несколько скромнее. И Эссьена, и Райт-Филлипса связывали с переходом в «Арсенал» до того, как мы вмешались и купили их за 45 миллионов фунтов. Отношения никогда не были особенно хорошими – да и сага с переходом Эшли Коула не помогла – но в тот сезон стали хуже некуда, и тренеры обменивались ударами, как пара боксеров-тяжеловесов.

Для меня это не проблема. По-моему, это здорово, что два тренера могут вести открытый бой – это делает нашу жизнь и игру гораздо интереснее для всех. С тех пор страсти успокоились, и если они все еще сохраняют друг к другу неприязнь, то это всего лишь побочный эффект нашей работы. Невозможно дружить со всеми – особенно с теми, кто борется за те же трофеи, что и ты.

Нам, игрокам, казалось, что у нас и «Арсенала» есть незаконченное дело. Мы стали чемпионами, а они заняли второе место, но с их стороны доносилось много бахвальства о том, что якобы «Арсенал» был лучше. Полная хрень. Лучшая команда – та, которая выигрывает премьер-лигу, и я не вижу никакого кубка у «канониров». К сожалению, мы не обыгрывали их в прошлом сезоне, а потому в августовской встрече на «Стэмфорде» мы бились за что-то большее, чем обычные три очка.

Игра была равной, и победу нам принес во многом случайный

гол Диди в концовке, но она не стала для нас меньше значить. Мы отчаянно желали победить, как и в игре против «Манчестер Юнайтед» год назад, потому что победа стала нашим заявлением о том, как сильно мы хотим сохранить титул. Прессе Моуринью заявлял, что чемпион не может определяться в таком важном матче, но в раздевалке мотивировал нас победить и доказать «Арсеналу», что мы не шутим.

С этого успешного, если не сказать, впечатляющего старта сезона началась серия игр, причудливым образом подкрепившая имидж «Челси» как самой ненавистной команды Англии. Лучше всего мне запомнилась игра с «Вест Бромвичем», в которой мы победили дома со счетом 4:0, потому что Луна родилась в предыдущий понедельник. Ночь перед игрой я провел на скрипучей раскладушке в больнице, где находились Элен и моя дочурка. Я был немного измотан недосыпом, но эйфория от того, что с моей Луной все хорошо, придала мне сил. Я поцеловал ее перед тем, как отправиться на «Стэмфорд», и пообещал, что отмечу ее рождение голом. Когда я появился, ребята устроили мне отличный прием, а Джон заявил, что если я забью, то мы обязаны отпраздновать гол, как Бебето на чемпионате мира 1994 года – изобразив укачивание ребенка. Как выяснилось потом, нам пришлось праздновать дважды – один раз для Луны, один для ее мамы.

Мы одержали еще три победы, доведя сухую серию до 6 матчей, но то, как нам удавалось набирать очки, ничего не позволяя сопернику, кажется, пробуждало ненависть, а не уважение к нам. «Да как «Челси» смеет оставаться лучшей командой в стране?» – так и сквозило раздражение в некоторых изданиях.

Перед домашним матчем с «Астон Виллой» парни рассказали мне о том, что таблоид The Sun предложил 10 тысяч фунтов тому, кто забьет первый гол в наши ворота. Охренеть можно. Я не мог в это поверить. Они так сильно желали нам поражения, что были готовы платить за это людям. Поначалу я был очень зол, потому что считал нечестным выплату футболистам бонусов за игру с кем-то, кроме их собственного клуба. Они смогли обойти это правило и сделали приз притягательнее, заявив, что выигравший игрок сможет отдать эти деньги благотворительной организации по своему выбору. Люк Мур забил нам, и заклятие спало. Впрочем, оно все равно успело сказаться на нашей концентрации.

Старт нашей кампании был так хорош, что мы выходили на поле слишком расслабленными и, казалось, начинали играть, только когда пропускали. В трех домашних матчах кряду мы пропускали первыми. Тренер посвятил этому несколько собраний,

потому что мы не были довольны, побеждая 4:2 или 5:1. Не был доволен и он, потому что нам будто бы нужен был повод, чтобы включиться в игру. Это могло быть опасно, от такой привычки нелегко избавиться. Хотя повода для паники и не было, мы понимали, что проблема существует. Когда мы сыграли вничью с «Эвертоном», разговоры свелись к тому, сможем ли мы пройти сезон без поражений, и прекратились меньше чем через месяц вместе с поражением от «Манчестер Юнайтед».

Мы уступили в один мяч, хотя полностью доминировали в игре, и нам не повезло набрать в ней очков. Я уполз с поля очень расстроенным. Всего несколько месяцев назад я выводил команду на матч на «Олд Траффорд» после завоевания чемпионства, а игроки «Юнайтед» организовали нам почетный коридор. Впрочем, в раздевалке после матча Моуринью удалось поднять наш моральный дух: «Вы заслуживали победы, или, по крайней мере, ничьей. Не расстраивайтесь, вы бились как настоящие чемпионы, и если мы продолжим в том же духе, нас никто не остановит на пути к защите титула».

Нам был необходим этот объединяющий призыв. «Челси» повсюду поносили, и уже не только за то, что мы были неприлично богаты и жульничали, теперь на нас еще и было неинтересно смотреть. Я чувствовал себя так, будто вернулся в «Вест Хэм». Ярлык скучной команды, повешенный на нас сэром Алексом Фергюсоном в конце прошлого сезона, вернулся, когда мы получили 12-очковое преимущество. Для кого-то это, может, и скучно, но не для нас. Фергюсон говорил, что мы играли слишком прямолинейно, и это странно, ведь по статистике у нас было больше всего голов, больше всего ударов, больше всего точных передач, и что самое главное, больше всего очков.

Кто-то из игроков «Ливерпуля» начал новый раунд, сравнив наш стиль со стилем легендарного «Уимблдона». Меня это очень позабавило, ведь именно «Ливерпуль» купил Питера Крауча – и явно использовал его сильные стороны.

Но это был лишь один эпизод в разгоравшемся соперничестве. Мы разгромили их на «Энфилде» со счетом 4:1 в первом круге чемпионата, и когда мы вновь встретились в феврале, напряжение, копившееся еще с прошлого сезона, готовилось выплеснуться наружу.

> «Челси» повсюду поносили, и уже не только за то, что мы были неприлично богаты и жульничали, теперь на нас еще и было неинтересно смотреть. Я чувствовал себя так, будто вернулся в «Вест Хэм».

Мы контролировали игру, вели в два мяча и ждали

финального свистка, когда в штрафной произошел конфликт между Арьеном Роббеном и Хосе Рейной. Рейна взял Робби за лицо и оттолкнул его, спровоцировав типичную для таких ситуаций потасовку между игроками. В результате «Челси» вновь несправедливо выставили злодеями.

Первое, что следует принять во внимание – то, как Рейна срубил Эйдура возле углового флага. Второе – то, что он поднял на Робби руку, когда тот выразил недовольство. По моему мнению, два этих действия в сумме должны привести к удалению, хотя красную карточку часто показывают и за само распускание рук. Я знаю, что какой бы ни была провокация, я не могу трогать соперников, потому что буду удален с поля – а мне доводилось слышать многое.

Если удаляется игрок нашей команды и из-за этого мы проигрываем, я сделаю ответственным его. Поэтому не важно, упал ли Робби после контакта с Рейной или нет – когда тот поднял свою руку, он рисковал уйти с поля. Я не спорю, что Роббен упал легко – и сам никогда бы не упал на его месте.

Но игроки бывают разные. Я много раз видел, как футболисты поступали точно так же, и мне это не нравится. Тогда я не злился на Робби и защищал его, потому что он мой товарищ по команде. Бенитес решил сделать на этом моменте акцент, спросив после матча, не попал ли Роббен в больницу. Мне хотелось бы спросить его, видел ли он, как Рейна чуть не отправил Эйдура в больницу своим диким подкатом секундами ранее? Если бы тренер «Ливерпуля» признал, что его вратарь заслужил удаления, то вопросов нет, но он не признал этого. К тому же этот инцидент произошел на последних минутах уже проигранного ими матча, поэтому на результат он не повлиял. Бенитес специально уделял ему столько внимания, чтобы отвлечь его от безапелляционного поражения своей команды – много шума из ничего.

Что взбесило меня больше всего, так это то, что Робби неделями клеймили как жулика и дайвера. Да, он слишком легко упал, и да, он не самый крепкий игрок в мире. Он может упасть и на тренировке, но это вызвано его скоростью. Бывает, что он теряет равновесие на бегу. Это серая зона футбола, очень сложная для судейства. Если кто-то явным образом ныряет, когда контакта не было, это неправильно. Я не хочу видеть такие моменты, как и никто в здравом уме. Еще хуже, когда таким образом пытаются заработать пенальти.

Та история с Робби спровоцировала целую кампанию, направленную против нырков, но мне казалось, что основной негатив пришелся на долю «Челси». То, что Дидье постоянно

обвиняли в жульничестве, мягко говоря, не помогало, а апогеем стало его заявление в программе Match of the Day после победы над «Манчестер Сити»: «Иногда я ныряю, иногда нет». Эта фраза была вырвана из контекста – очевидно, что он использовал слово «нырять» в значении «падать». Вдобавок здесь должна действовать презумпция невиновности, ведь английский – не родной для него язык, и тем более потому, что он честно отвечал на вопросы. Он просто пытался объяснить, что, когда имеет место касание – сила которого может разниться, – иногда он остается на ногах, а иногда падает. Это совсем не то же самое, что признаться в симуляции. Никто в трезвом уме не признается в таком на национальном телевидении, а Дидье далеко не глуп. Но с того момента дайвинг стал считаться большой проблемой, и «Челси» почему-то все время оказывался в центре внимания.

Тренеры часто обвиняют игроков других клубов в симуляциях, хотя их собственные игроки тоже прибегают к ним. И что? Они просто забывают эти случаи или не хотят упоминать этих игроков? Это работает не так. А потом они все объединяются и начинают отрываться на Диди. Просто нелепость.

Я часто смотрю матчи испанского и итальянского чемпионатов, в которых принято падать, если вы обошли соперника, но считаете, что преимущества не получили. Футболисты, игравшие за границей, привозят эту культуру с собой, и то, что происходит сейчас – реакция на угрозу распространения такого поведения.

Отец часто советовал мне идти в стыки аккуратнее, потому что при близком контакте противник обязательно свалится на землю. Он прав, но в какой-то мере виноваты обе стороны. Можно осуждать падающих игроков, но, с другой стороны, выставить ногу и подвергнуть команду угрозе – метод защиты лентяев. Гораздо сложнее оставаться на ногах и маневрировать, чем просто пойти в подкат.

Случались игры, в которых один из наших футболистов совершал красивую обводку и проходил цеплявшего игрока соперника, и оставался на ногах. Признаюсь, мне иногда хотелось, чтобы мой партнер упал, потому что видел, что, споткнувшись, он не сможет извлечь пользу из ситуации. Я даже высказывал им это. Задайтесь вопросом – видели ли вы подобное поведение своей любимой команды? Вам не хотелось того же, что и мне? Уверен, хотелось, как хотелось бы любому из нас.

На самом деле невозможно оставаться объективным, будучи игроком той или иной команды – ведь у вас есть явная заинтересованность в благополучном исходе. Наши мнения всегда предвзяты и основаны на том, за кого мы играем и кого

поддерживаем, а потому единственный, кто способен дать оценку эпизоду и принять решение – арбитр.

Ожесточенные споры о том, кто прав и виноват в таких ситуациях, ведутся постоянно, а я могу заключить, что жульничают те, кто падает без какого-либо вмешательства со стороны. Если бы так поступал один из моих одноклубников, я сказал бы про него то же самое.

Когда контакт есть, то все не так однозначно – каждый случай должен рассматриваться индивидуально, в общем контексте и по существу, и лишь тогда можно говорить о противоречии правилам и духу игры. В таких случаях я буду поддерживать своих партнеров, потому что наша сила в единстве. Я должен так поступать, и я всегда буду защищать своих одноклубников – особенно в ситуациях, подобных той, в которой оказался Диди в сезоне 2005/2006 годов, когда его клеймила пресса и даже некоторые официальные лица.

Дискуссии о симуляциях не должны отвлечь от более важных событий того сезона, в частности, кончины двух легенд «Челси». Питера Осгуда и Тони Бэнкса в клубе очень ценили по многим причинам, и они всегда с радостью уделяли нам свое время и были очень приятными людьми. Оззи был настоящей иконой и всегда будет вдохновлять нас, старавшихся вернуть славные деньки на «Стэмфорд Бридж». Тони Бэнкс был преданным фанатом клуба, жил и дышал им и всегда находил время для меня и моей семьи. Как и Оззи, он никогда не будет забыт.

Подходило Рождество, и нас вновь ждал «Арсенал», хотя этот матч и не имел такого турнирного значения после проблем, которые «канониры» испытали в первой части сезона. Однако победа не стала от этого менее сладкой, и мы почувствовали себя еще комфортнее. Но всего через 10 дней во время подготовки к игре против «Ман Сити» со мной произошла неприятность.

За месяц до этого в матче против «Портсмута» я поставил новый рекорд по количеству сыгранных подряд матчей премьер-лиги. Незадолго перед матчем я начал переживать, что не смогу сыграть. Я проделал такой путь и очень гордился этим уникальным достижением. Тренер очень поддерживал меня и не рассматривал возможность предоставления мне отдыха, потому что хотел, чтобы я добился своего. Он ни разу не спросил, нужна ли мне передышка – только помогал мне двигаться дальше. После того как я сыграл свой 160-й матч подряд на «Фраттон Парк», мне сразу захотелось продолжить и достичь показателя в 200 игр или больше. Такой уж я человек. Но у судьбы были другие планы.

В день матча против «Манчестер Сити» я подхватил простуду и чувствовал себя плохо. Когда мы прибыли на стадион, я

попросил доктора сделать мне витаминную инъекцию, чтобы попробовать понизить температуру. Моуринью спросил, в порядке ли я, и мне казалось, что да, но после пяти минут разминки стало понятно, что сыграть я не смогу. Я сидел на трибуне, глядя, как команда играет без меня, и чувствовал себя ужасно – физически из-за вируса и морально из-за пропуска игры и неспособности продолжить свою серию. По понятным причинам люди подходили ко мне, спрашивая, почему я не на поле, а я знал, что шанса выйти у меня не было. Мне хочется думать, что мне вновь удастся подойти к этой отметке вновь, и я сомневаюсь, что полевой игрок сможет побить мой рекорд. Какой-нибудь голкипер, вероятно, сможет.

В то время у меня было много поводов для гордости и помимо рекорда. Мои успехи признали не только в Англии, но и во всем мире – я стал вторым в голосованиях за звание лучшего игрока в Европе и мире в 2005 году. Я был доволен тем, что моя игра и мои голы на домашней арене и в Европе помогли мне достичь нового уровня.

Роналдиньо обошел меня в гонке за «Золотой мяч» и заслуженно его получил. Я отправился в Цюрих на церемонию вручения приза «Игрок года ФИФА», который считаю главной наградой в футболе – ведь в голосовании принимают участие тренеры и капитаны всех сборных, входящих в Международную федерацию футбола. Месяц назад, когда был оглашен список финалистов, состоящий из Самюэля Это'о, Рони и меня, я почувствовал гордость уже за то, что мое имя называют в одном ряду с ними.

Я прибыл в здание оперы на предварительную пресс-конференцию. До меня доходили слухи, что я вновь стал вторым после Рони. Я бы не стал спорить с таким раскладом, особенно учитывая, что весь совет директоров «Барселоны» приехал поддержать своих игроков, а никто из «Челси» не удосужился сделать то же для меня.

Когда было сделано официальное объявление, я был в восторге от того, что стоял на одной сцене с игроком, которого считал лучшим на Земле и, возможно, одним из лучших на все времена. Командные награды – самые ценные, но индивидуальные тоже очень важны, потому что с ними сложно поспорить.

Бывает, что игрок выигрывает «Золотую бутсу», становясь лучшим бомбардиром сезона, и больше о нем ничего не слышно. Точно так же случается, что игрок получает награду за отличный сезон и становится посредственностью. Однако, чтобы войти в число трех лучших игроков мира, сначала нужно своим

старанием и игрой добиться, чтобы тебя заметили, а затем выйти на принципиально иной уровень. Рони сразу мне очень понравился своей скромностью. Я восхищался (и до сих пор восхищаюсь) им и не знал, чего ждать от личной встречи, но его дружелюбие и энтузиазм не могут не обаять вас. Раньше я боготворил Зидана и считал его идеальным игроком, но Рони в моих глазах превзошел его.

Мой любимый игрок всех времен – Диего Марадона, но Рони все еще молод, и я не удивлюсь, если к концу карьеры он обойдет великого аргентинца. Он единолично пробудил «Барселону» к жизни и ответственен за последние успехи великого клуба больше, чем кто-либо другой.

Одной из причин стало его отношение к делу. Футбол для него – естественный способ самовыражения, каким для всех остальных является речь – возможно, именно поэтому на его лице всегда сияет улыбка. Два года подряд я играл против него в Лиге чемпионов, и он был беспощаден. О лучших игроках – например, Тьерри Анри – часто говорят, что, когда у них идет игра, их невозможно остановить. Рони и здесь выделяется. Он голеадор и созидатель в одном лице, он взрывной и может обмануть вас своими финтами или одним взглядом. Вы боитесь вступить в отбор, потому что одним движением он прокинет мяч и понесется к воротам, оставив вас в дураках.

Что самое главное, в большинстве ситуаций он играет убийственно – просто и эффективно. Руни такой же. Он обладает уникальным арсеналом трюков и может делать с мячом все, что захочет, но если нужно сделать пас, чтобы команда забила, он его сделает. Рони – не циркач. Он играет не на потеху публике, он хочет побеждать, и этому нельзя научиться, как и ниспосланному ему таланту – это чистый инстинкт. Перейдя в «Барселону», он стал ее символом, и я обожаю наблюдать за его игрой. Как и вся Европа, я ожидал нового противостояния «Челси» и «Барселоны» в $^1/_8$ финала Лиги чемпионов.

К первому матчу мы подходили не в лучшей форме. Поражение со счетом 0:3 от «Мидлсбро» стало самым крупным в эпоху Моуринью и единственным, в котором мы заслуживали разгрома, потому что никто из нас не играл хорошо. Иногда после проигрышей тренер говорил, что мы были лучшей командой, и мы с ним соглашались. Матч с «Боро» был не из таких – в нем мы были просто унижены. Сначала все было плохо, а затем стало еще хуже. Еще на старте сезона, когда мы пропускали первыми, но забивали трижды в ответ, я чувствовал, что такое может случиться. Не лучшая подготовка к встрече с Рони, Это’о и неким Лионелем Месси.

К тому же «Барса» была уже научена горьким опытом прошлого года, когда мы разорвали их в первые 26 минут. Они более компактно играли в полузащите и разумно распоряжались мячом. Им удалось создать пару полумоментов, прежде чем Асьер Дель Орно получил красную карточку, спровоцировав новый раунд жарких споров.

Изначально я согласился с решением рефери относительно фола Дела на Месси, зная, как европейские арбитры относятся к подобной борьбе. Пересматривая матч по телевизору, я решил, что нарушение было ближе к желтой. Да, это была плохая попытка отбора – несвоевременная, из-за чего игроки и столкнулись – но если бы арбитр немного поразмыслил над этим, возможно, его решение было бы иным. У меня было чувство дежавю – в прошлом году удалили Диди, в этом – Дел. «Барса» – последняя команда на свете, с которой хотелось бы играть вдесятером. Нам удалось дотерпеть до перерыва и не пропустить, а во втором тайме мы с Эйдуром неплохо справлялись в полузащите. Потом я навесил со штрафного, а одного присутствия Джона хватило, чтобы навести шороху, и мяч закатился в ворота.

Но уже через несколько минут я понял, почему нужно добивать «Барсу», как только появляется такая возможность. Диди вышел на ворота, но его удар отразил вратарь. Сразу после этого «Барселона» пошла в атаку, и Это'о сравнял счет. Они были очень скоры на расправу, ответив нам тогда, когда мы ждали этого меньше всего.

Перед нашим тренером стоял нелегкий выбор. Когда нас осталось десять, закрыться и сыграть по нулям могло показаться ему очень соблазнительным, но в «Барсе» играли настолько талантливые игроки, что такой исход был бы маловероятен. Я думаю, что он принял правильное решение и нас подвела лишь потеря концентрации. Рони и Месси были в огне, нанося удары со всех возможных позиций и грозя смести нас.

Именно это и произошло в случае со вторым голом, который застиг нас врасплох именно тогда, когда мы решили, что возвращаемся в игру. Подходить к ответному матчу, проигрывая 2:1, было больно, но наше положение стало еще хуже, когда я потянул мышцу задней поверхности бедра, выступая за сборную. Я пропустил матч против Уругвая, а затем не сыграл против «Вест Брома», когда у Моуринью хватило мужества не струсить перед Брайаном Робсоном, когда они сцепились на бровке. Люди вокруг говорили, что напряжение чувствуется. Да что вы говорите?

В понедельник перед игрой против «Барсы» я уже вернулся к тренировкам, и тренер решил играть с тремя атакующими

полузащитниками – Коули и Даффом на флангах и Робби по центру, прямо за Диди. План Моуринью состоял в том, чтобы измотать их защитников с помощью трех быстроногих игроков впереди и нас с Макой, присоединявшихся из глубины. К несчастью, у наших форвардов не получалось исполнить его задумку, отчасти из-за того, что «Барса» была готова к такому развитию событий и делала все, чтобы сдержать их.

Рони забил свой дежурный гол, а за несколько минут до конца я реализовал пенальти, но было уже слишком поздно. Мы проиграли домашний матч, оставшись вдесятером. Решение сыграть в одного нападающего вызвало споры, но меня оно совсем не удивило. Мы не могли позволить себе раскрыться и увеличить отставание еще больше, а потому тренер выставил состав, способный и атаковать, и защищаться. С вылетом было тяжело смириться, но он был не таким обидным, как в прошлые два раза, когда мы уступали в полуфинале командам, которых должны были обыгрывать. Мне казалось, что в том розыгрыше было две команды, претендовавшие на победу, – «Челси» и «Барселона», и мой прогноз оправдался.

После игры ко мне подошел Рони, мы обменялись футболками и обнялись. Это было знаком уважения и дружбы. Он улыбнулся мне особым образом и шутливо выразил надежду, что однажды мы сыграем за одну команду. В то время ходило много слухов об интересе ко мне со стороны «Барсы», а Рони всегда тепло отзывался обо мне в интервью. Первые лица «Челси» также были приветливы ко мне на награждении лучшего игрока года в декабре, и я оценил их вежливость.

В детстве «Барса» из всех зарубежных команд интересовала меня больше всего – во времена Марадоны, Ромарио и Роналдо. Меня всегда завораживал ее стадион, а став старше, я полюбил и сам город – еще больше с тех пор, как я познакомился с Элен, и мы стали ездить к ее семье. Ходили слухи, что именно корни Элен могут стать причиной моего желания покинуть «Челси», но по правде говоря, она никогда не пыталась убедить меня сменить клуб, и счастлива быть со мной, куда бы меня ни забросила карьера.

«Барса» излучает царственный блеск, как и подобает одному из величайших клубов мира, а указываться в качестве одного из ее возможных новобранцев – честь сама по себе. Если бы я стремился когда-нибудь поиграть за границей, то «Барса» была бы одним из клубов, за которые я хотел бы выступать. После того замечания Рони, я взглянул на него, пытаясь понять, серьезен ли он. Мы посмеялись, и я пожелал ему удачи в турнире. Она не была ему нужна. Даже несмотря на поражение, часть меня

понимала, насколько мне повезло сыграть против одного из величайших игроков в истории футбола. Мне доводилось играть с лучшими игроками или против них, и если Рони – лучший атакующий игрок, то Джон Терри – однозначно лучший защитник.

> В детстве «Барса» из всех зарубежных команд интересовала меня больше всего – во времена Марадоны, Ромарио и Роналдо.

Англии очень повезло, что у нее есть Джей Ти и Рио Фердинанд, не имеющие себе равных в мире. Джей Ти уникален тем, что может остановить любого игрока, читая игру или при помощи физической силы. Он ведет команду, вдохновляя ее собственным примером, и никто не может обвинить его в том, что он просит от игроков чего-то, что не делает сам. Он настоящий капитан, и на поле на него всегда можно положиться на все сто.

Работая бок о бок с другим человеком, очень важно относиться к своему делу одинаково. Мы не были очень близко знакомы до моего перехода в «Челси», но сразу нашли общий язык. Мы играли в одной лиге восточного Лондона, и еще Джон отличается той же силой духа, какая есть у меня. Мы разделяем и голод до побед, стремление к успеху и желание играть при любой возможности.

Как это ни удивительно, мы сблизились не благодаря успехам, а благодаря невзгодам. У него был трудный период после инцидента с вышибалой, случившегося возле клуба «Веллингтон» с ним и Джоди Моррисом в сентябре 2002 года. Я пришел на пятничную тренировку и не увидел ни одного из них. Чуть позже нам стало известно, что они провели ночь в отделении полиции. Футбол вдруг стал неважен, потому что я очень беспокоился за них. В субботу нас ожидал кубковый матч против «Норвича», и Джон поехал на личном автомобиле, а не на автобусе со всей командой. Мы оба остались в запасе. Ночь, проведенная в камере, явно не пошла ему на пользу. Ситуацию усугубляло то, что он не сделал ничего плохого – как подтвердил впоследствии суд. По мере приближения слушаний Джон все больше и больше переживал из-за этой затянувшейся истории.

Джон и Джоди – сильные ребята, но в то время Джоди, как казалось, лучше справлялся с давлением. Джон же к концу этой саги стал эмоциональнее. Я понимал, почему: он только начинал заявлять о себе как об одном из лучших футболистов Англии и, хотя он и был невиновен, не мог не волноваться о том, что ситуация может выйти из-под контроля.

Мы обсуждали возможные сценарии развития событий, и я

старался поддерживать его настроение и поднимать его боевой дух. Я беспокоился за него и не мог даже представить, через что он проходит. Но он со всем справился, стал более сильным человеком и даже начал рассматриваться в качестве потенциального капитана клуба.

Когда Моуринью вступил в должность, он оценил наши с Джоном качества и решил, что мы с ним – идеальный дуэт для того, чтобы вести команду вперед и представлять клуб. С тех пор, как нам была оказана эта честь, мы выросли как личности и стали гораздо более близкими друзьями. Когда речь заходит о клубных делах, мы даже мыслим одинаково. К примеру, я могу обратить внимание на что-то, что меня не устраивает, а Джон тут же поднимает эту тему и спрашивает моего мнения. В какой-то мере это происходит инстинктивно, но такие случаи свидетельствуют о нашем общем желании сохранять положение дел в клубе как можно ближе к идеалу.

Мы разделяем и стремление к постоянному самосовершенствованию. Когда Джону было четырнадцать, никто не верил, что в будущем он станет лучшим защитником Англии и тем более мира. Тогда в нем видели медлительного коренастого полузащитника, но он смог реализовать свой талант и стать тем игроком, которым является сейчас. Поэтому сейчас, видя молодых игроков, которые обладают способностями, но не могут их применить или даже не пытаются, мы очень ими недовольны.

Мы проявляем беспокойство об одних и тех же вещах и хотим, чтобы клуб прогрессировал – а для этого нужно, чтобы все двигались в одном и том же направлении. Мы много работаем на тренировках и выкладываемся по максимуму, хотя кто-то и может подумать, что нам, как старшим игрокам, позволено иногда и расслабиться. Мы так не делаем. Это не в моей натуре, как и не в его. Мы знаем, насколько важно постоянно поднимать планку. Джей Ти может проиграть в двусторонке пять на пять и будет недоволен собой весь день. Я такой же. Пусть это и какая-то несчастная, ничего не решающая двусторонка, но для нас с Джоном она очень важна. Дух победителей складывается из таких мелочей.

Вот почему мне так комфортно с ним на поле и за его пределами. Я бы не предпочел Джону ни одного другого защитника. А еще он забивает по 10 голов за сезон! Назовите мне любого другого защитника с такой статистикой. Я считаю его лучшим центральным защитником в мире и горд называть его своим партнером по команде и другом.

Я не одинок в своем мнении. Важность его роли заключается еще и в том, что он объединяет всех парней и делает все для

поддержания исключительного командного духа. У него в телефоне записаны номера каждого из игроков, и именно он собирает нас всех по выходным для игры в гольф или картинга. Однажды он организовал поход на скачки в Челтнеме, и всем было очень весело, если не считать, что почти все потеряли деньги на ставках, а газеты нелепым образом ухватились за эту новость. Увлечение футболистов азартными играми уже было горячей темой для обсуждения. Истерия в прессе была особенно сильной, что довольно странно, учитывая, что игра на тотализаторе – такая же часть британской культуры, как футбол или рыба с картофелем, и является очень распространенным хобби.

Но благодаря постоянной одержимости зарплатами футболистов, факт нашей игры вдруг сочли непристойным. Это противоречит самому базовому принципу ставок – размер ставки прямо пропорционален твоему заработку. Математика проста: футболистам повезло зарабатывать больше среднего, а потому они могут позволить себе поставить больше. Проблемы начинаются только тогда, когда игрок ставит больше, чем может, и оказывается в трудном финансовом положении.

Когда я играю, а это происходит довольно редко, я ставлю немного и всегда ставлю себе ограничение, которого строго придерживаюсь. Если я достигаю этого предела, я злюсь на себя и сразу останавливаюсь. Чтобы хорошо зарабатывать, я много тружусь и склонен думать, что осторожно отношусь к деньгам. Хотя я никогда не ставлю много, газеты иногда писали о том, как я проигрываю крупные суммы, и это чепуха. Я всегда ограничиваю себя и ставлю куда меньше, чем при желании мог бы.

Еще в прессе иногда утверждается, что в футболе существует повальное увлечение ставками, переходящее все рамки. Я понимаю, что игра может вызывать зависимость, но я никогда не сталкивался с подобным в своей профессии. Пока люди ведут себя ответственно, игра никому не причиняет вреда и не должна оказываться в центре скандала.

Все известные футболисты понимают, что каждый их шаг будет изучаться под микроскопом. Но в азартных играх нет ничего плохого – это не наркомания и не езда в пьяном виде. А бывшие спортсмены вроде Тони Каскарино, рассказывая в СМИ, что тот или иной игрок поставил 200 тысяч фунтов, основываясь лишь на слухах, лишь подливают масла в огонь. Это неправда и дает неверное впечатление о настоящих размерах ставок. Конечно, ведь если не завысить сумму, резонанса не возникнет. Когда мы с ребятами пошли на скачки в Челтнеме, один таблоид

написал на первой полосе, что в сумме мы просадили там 500 тысяч фунтов за день! В обычной ситуации я бы посмеялся над этим, но это совсем не смешно – это полная ерунда, и это просто жалко. Я категорически утверждаю, что реальные суммы и близко не подходили к этому значению. Нам было бы сложно проиграть так много, ведь наши португальские ребята делали вопиющие ставки по 10 фунтов зараз!

Ставки всего лишь стали последним поводом для критики. Раньше в центре внимания был секс, потом выпивка, а сейчас объявлен крестовый поход против азартных игр. Если убрать три этих элемента из жизни обычного человека, у него останется не так уж и много поводов для радости, так почему я или другие футболисты должны за это отвечать? Мне казалось справедливым задать этот вопрос в ответ (хотя нам никогда не дают такой возможности), но на футбольном поле были более важные дела.

У нас был отрезок, на котором наши форма, способности и соответствие званию чемпиона подверглись сомнению, и под огнем оказались не только игроки.

Игра с «Фулхэмом» в марте 2006 года стала примером того, что Моуринью всегда поступал так, как считал нужным. Мы уступали 0:1 и играли из рук вон плохо, поэтому он решил заменить Райт-Филлипса и Коули спустя 25 минут. После того, как мы проиграли, это вызвало немало вопросов, и многие говорили, что Моуринью поступил импульсивно и необдуманно. В то же самое время в случае нашей победы этот ход назвали бы гениальным. На самом деле не так уж важно, что думают люди. Если Жозе Моуринью считает, что команде лучше играть в другом составе, я не стану с ним спорить. Как я могу с ним спорить после того, что он достиг за два года в «Челси»? Это один из многих примеров того, что он не боится принимать радикальные решения и поступает по собственному разумению. Да, это был ужасный матч, но я не виню тренера за плохое выступление игроков.

Так или иначе, наше преимущество сократилось, и «Манчестер Юнайтед» сохранял игру в запасе. Нам предрекали потерю лидерства, крах и безоговорочную капитуляцию. Но мы отреагировали правильно. Через три недели мы сыграли вничью с «Бирмингемом», но в остальных матчах не потеряли ни одного очка до тех пор, пока не обеспечили себе титул. Наверное, те, кто думал, что матчи с «Вест Хэмом», «Болтоном» и «Эвертоном» заставят нас оступиться, были несколько разочарованы.

К домашнему матчу против моего бывшего клуба мы подходили с осознанием того, что любой результат, кроме победы, позволит «Манчестеру» подобраться еще ближе. Мы вели 7 очков, но уже через 11 минут после начала игры уступали со

счетом 1:0, а сразу после гола случился поворотный момент всего сезона. Мне кажется, Манише не повезло в моменте с этим удалением – их борьба с Лионелем Скалони была равной, но смысла спорить не было. В те минуты я практически слышал крики радости болельщиков «Ман Юнайтед» по всей стране, как и всех остальных, кто, как им казалось, был свидетелем нашего падения. Куда хуже, конечно, было слушать выездных фанатов на другом конце стадиона, танцевавших от счастья в то время, как мы пытались перестроиться. Я ждал шпилек в свой адрес и не остался разочарован.

– Лэмпард-Лэмпард, какой там счет?

Да знаю я, знаю. Вот же черт. Именно в матче против них все должно было пойти именно так. Черт с ним, нам придется обыгрывать их вдесятером.

Тренер показал Креспо опуститься ниже и оттягивать своего игрока, а Диди оставался впереди в одиночку. Замены были не нужны. Никакой паники. Мне понравилось это решение, оно подало правильный сигнал. Мы победим. Через несколько минут Диди сравнял счет с моей передачи, а еще до перерыва голы Креспо и Джей Ти вывели нас вперед. Другое дело. Вилли Галлас забил четвертый мяч, и я просто не мог в это поверить.

Не уверен, что хоть одной другой команде доводилось победить в таком ярком стиле, потеряв игрока. Это была потрясающая игра, и внутри мы чувствовали, что чемпионство наше. По завершении матча мы задержались, чтобы отпраздновать с фанатами. Они, как и мы, понимали, насколько важной была эта победа. Несколько отмороженных фанатов «Вест Хэма» оскорбляли меня, когда я уходил с поля. Я мило им улыбнулся и поднял кулак. Угощайтесь.

На следующей неделе мы отправились в Болтон, и я забил, а на второй день Пасхи мы забили три безответных мяча «Эвертону». Я забил команде Дэвида Мойеса свой двадцатый мяч в сезоне – большое достижение для полузащитника. Считается, что и 10 голов за сезон – хороший показатель для игрока центра поля, но в прошлом году я забил 19 мячей и хотел установить новую отметку.

Забавно, что прошлым летом Питер Кеньон подошел ко мне на вечеринке в честь чемпионства на «Стэмфорд Бридж» и отметил мой успех.

– Ты наш лучший бомбардир, поздравляю, – сказал он. – Готов поспорить, в следующем году тебе это не удастся.

– Мне и не надо, – ответил я.

Как оказалось, я вновь забил больше всех, хотя никогда и не пытался получить свой выигрыш. Я особенно радовался этому

успеху, потому что в отдельные периоды я играл с Макой в центре поля, а Эйдур был впереди, и мои возможности для маневра были ограниченны. Шестнадцать голов в премьер-лиге также означали, что рекорд Робера Пиреса и Пола Скоулза, забивавших по 14 мячей, пал.

Прирост был отчасти связан с изменением техники удара по мячу. Раньше я бил прямо по центру мяча, что хорошо в случае, когда удается сильно направить его в самый угол. Современные мячи более легкие, и им гораздо проще придать вращение, осложнив при этом жизнь голкиперу. Даже наш большой Петр едва касается мяча, который летит достаточно сильно и при этом меняет свое направление в полете.

После победы над «Эвертоном» ничто не могло остановить нас на пути ко второй победе в чемпионате. Мы уже несколько недель знали, что помимо него у нас остается возможность взять всего один трофей – Кубок Англии. Шанс войти в историю, выиграв первый в истории «Челси» дубль, манила нас. Единственной проблемой было то, что нам вновь приходилось встречаться с «Ливерпулем», и вновь в полуфинале. Я не мог отделаться от неприятного чувства дежавю. Кроме того, что этот матч был для команд десятым за два года, рана от поражения в Лиге чемпионов была все еще свежей перед новой дуэлью на «Олд Траффорд».

Еще одним сходством было то, что мы шли к победе в лиге, а им оставалось надеяться на один из кубков. Я, в общем-то, не верю в судьбу, но начал задумываться, нет ли на нас какого-то заклятия – и эти мысли вернулись, когда соперник вышел вперед.

Затем сразу после перерыва Гарсии удался дальний удар. Лишь после этого все давление, которое мы оказывали на ворота «Ливерпуля», окупилось – за 20 минут до конца Диди отквитал один мяч. Более долгих 20 минут в этом сезоне еще не было. Снова и снова мы шли вперед, и снова и снова наши атаки оканчивались ничем. Желание отыграться в последние минуты полуфинала – особенно полуфинала Кубка Англии, который очень много значит для меня как англичанина – чувство самого глубокого отчаяния из всех, что можно испытать в футболе.

Когда резервный арбитр показал, что к основному времени добавлено 5 минут, мое настроение улучшилось, и мне подумалось, что знаки могли повернуться в нашу пользу. Мы все ближе и ближе подбирались к тому, чтобы забить, как Коули получил шанс ударить всего с 6 метров. Я был абсолютно уверен, что он забьет. Он должен. Но не забил. Мяч пролетел над перекладиной и ушел на трибуну. Уже тогда я знал, что наши мечты о дубле улетели вместе с ним.

Вины Коули здесь нет. У нас хватило бы шансов на две победы, но мы ими не воспользовались. Все мы испытывали глубокое чувство разочарования из-за того, что наш сезон сократился до одного последнего вызова. Но какого! Все было готово для вечеринки в честь чемпионства, а гостями на ней были игроки «Манчестер Юнайтед». Вряд ли можно придумать более захватывающую вывеску – если не обращать внимания на то, что мы уже обеспечили себе первое место.

Но матч все равно окружала аура больших надежд. Для большинства игроков и болельщиков моего поколения «Юнайтед» – самый влиятельный клуб в Англии. Они доминирующая сила во всем, начиная с узнаваемого стиля игры и заканчивая невероятным набором трофеев. Для меня они являются ориентиром, по которому нужно мерить свои успехи. Выиграв одно чемпионство, «Челси» достает им до щитков, максимум – до колен. До сих пор ни одной команде не удавалось защитить титул победителей премьер-лиги, кроме «МЮ». Мне вспомнилось, как в начале сезона я сидел рядом с Гари Невиллом в раздевалке сборной Англии. У него 6 чемпионских медалей – потрясающе. Я хотел для себя того же. Я хотел, чтобы «Челси» стал таким же сильным, безжалостным и успешным.

Собравшиеся на трибунах болельщики чувствовали важность победы в премьер-лиге над самым титулованным клубом последних 20 лет, его чувствовали и игроки. Мы вдохновенно начали, открыв счет уже на первых минутах, и не останавливались до конца матча, забив еще дважды – чтобы не оставить никому сомнений в том, кто же лучшая команда Англии.

Коули забил замечательный гол, который полностью заслужил, став при Моуринью ключевым игроком для «Челси» и сборной Англии. Мы с ним очень давно знакомы. Однажды, когда я был в юношеской команде «Вест Хэма», один из тренеров позвал нас на тренировочное поле, чтобы посмотреть, как круто играет один паренек. Он сказал нам, что это самый талантливый новобранец академии за долгие годы, и услышав это, мы сразу побежали к полю. Да, он был хорош – изобретателен с мячом, быстр без него и мог обыгрывать соперников веселья ради. Это был 10-летний Джо Коул. Мне стало неудобно от мысли о давлении, которое на него, наверное, оказывалось – столько ожиданий от такого юного игрока.

Это давление с годами лишь усиливалось. Даже Руни не подвергался такому испытанию, потому что влетел в большой футбол в 16 лет, а для Коули все это началось в одиннадцать. Каждый мог увидеть, насколько он одарен, но между талантом и соответствием ожиданиям окружающих – огромная пропасть.

Когда в 17 лет он пробился в первую команду, его сразу стали называть новым Марадоной, и конечно, давление еще больше усилилось.

После моего ухода из «Вест Хэма» он стал основным игроком и получил от Гленна Редера капитанскую повязку, что я считаю ошибкой – не потому, что он неспособен на это, а потому что ему и без того хватало ответственности. Зачем делать его капитаном, если это лишь добавит нереалистичности ожиданиям фанатов? Именно в этот сезон клуб вылетел в чемпионшип, и, разумеется, капитан принял на себя значительную часть огня. Джо не нуждался в дополнительном бремени. Коули страстный и иногда беспокойный, и я знаю, что он принял повязку, не желая ничего иного, кроме как спасти клуб от вылета. Но дело обстояло так, что он уже был лучшим игроком клуба, и взваливать на него еще больше было не лучшей идеей. Он просто не выдержал всего этого, получив красную карточку в игре против «Болтона».

Придя в «Челси», Джо столкнулся с давлением другого рода. Уже в первой игре он хотел показать все, на что способен, и очень расстроился от того, что смог провести на поле лишь несколько минут. Весь его дебютный сезон прошел примерно в том же духе. Но Моуринью работал с ним совсем по-другому. Он проводил с Джо индивидуальные беседы и тренировки, оттачивая его навыки и помогая ему стать игроком, понимающим важность игры по определенной системе и тактически дисциплинированным. Короче говоря, Джо превратился из индивидуально сильного игрока в ценную для команды боевую единицу. Кому-то могло показаться, что тренер обращался с Коули жестко, часто оставляя его в запасе и иногда критикуя, несмотря на важность забитых им голов. Я не согласен с этим мнением. Моуринью поступал так, как было необходимо, чтобы сделать Джо игроком, подходящим «Челси».

Хотя тренер и направлял его, основная заслуга в преображении Джо принадлежит ему самому. Он бы никогда не достиг того, чего достиг, не имея необходимого стремления и веры в себя. Теперь он крепче стоит на ногах благодаря свободе от ужасного давления. Теперь он понимает, что может впечатлить публику своевременным пасом, а не только повторно обыгрывая соперника. Эти и другие перемены сделали его тем футболистом, которым он является сейчас. Он вырос и расцвел в качестве командного игрока, но обвинять Моуринью в жесткости и чинении препятствий ярким футболистам неверно. Суть в том, что все должно быть к месту, и я не думаю, что в этом отношении он отличается от любого хорошего тренера.

Наша философия проста. Меня раздражает, когда игрок

начинает финтить и отдает передачу на несколько секунд позже, чем должен бы. Зрители поражаются его умениям, и по праву, но самые ценные футболисты играют эффективно и знают, что и когда нужно сделать. Нет смысла перешагивать через мяч, если можно отдать простой пас.

Лучшие игроки мира видят эту грань. Роналдиньо – один из них, он не тратит время на то, чтобы самоутвердиться, когда нужно помогать команде забивать. Существует мнение, что техничным игрокам нужно давать полную свободу действий. Это большое заблуждение. Невозможно оказывать решающее влияние на команду, претендующую на победу в Лиге чемпионов, играя безответственно. Может, это и сработало бы лет 15 назад, но требования современного футбола к каждому игроку гораздо выше.

Не проходит недели без того, чтобы со стороны бывших игроков не раздавались призывы продать Джо. Мой ответ всегда один: «Удивительно, и почему же ты не тренер? Может, потому, что совсем ничего не понимаешь?» Кто-то говорит, что Джону нужно дать свободу играть как классическому вингеру, но этим обнаруживают абсолютное непонимание того, что нужно команде для победы в чемпионате.

Каждый современный футболист, каким бы ни было его техническое оснащение, должен отрабатывать в обороне и обладать тактической грамотностью, а те, кто считает, что может прожить без этого, оказываются в бесперспективных командах из середины таблицы. Чтобы стать по-настоящему большим игроком, нужны усердие и постоянные тренировки, и Джо часто составляет мне компанию, когда я в свободное время отрабатываю удары или стандарты.

Немногие игроки трудились над завершением атак так же усердно, как он, и сейчас он пожинает плоды этого труда, постоянно забивая. То, что он забил и в игре, обеспечившей нам чемпионство, очень уместно. Когда мяч влетел в сетку, мы со всеми остальными парнями побежали поздравить его, понимая, что второй титул наш.

В отличие от прошлого сезона, когда я не знал, что буду чувствовать после победы, в нынешнем я в какой-то степени готовился к этому моменту. Радость от победы была ничуть не меньше, но мои чувства тогда и сейчас очень отличались друг от друга. Эмоции, сопровождавшие победу над «Юнайтед», относились к наполненному тяжелой работой сезону и тому, что мы доказали, что достаточно хороши для защиты титула. Год назад мы испытывали чувство коллективного облегчения после

50 лет ожидания, 50 лет волнений и тревог. Оно было настолько особенным, что я сомневаюсь, что мне когда-нибудь доведется испытать что-то подобное в своей карьере.

> Каждый современный футболист, каким бы ни было его техническое оснащение, должен отрабатывать в обороне и обладать тактической грамотностью, а те, кто считает, что может прожить без этого, оказываются в бесперспективных командах из середины таблицы.

После игры с «Юнайтед» Элен и Луна присоединились ко мне на поле вместе с женами и детьми других ребят. Обнимать дочку, показывая ей свою медаль, было чудесно. Когда нам вручали кубок премьер-лиги сезона 2004/2005, Элен была беременна, и я сказал ей, что хочу разделить следующую победу с нашим будущим ребенком. Я был очень счастлив, что мне удалось добиться этого успеха еще раз. Всю свою жизнь я старался сделать так, чтобы мной гордились мама и папа, но вдруг понял, что больше всего хотел побеждать для человека, сейчас лежащего у меня на руках. Именно она заставляет меня идти вперед, бороться и желать стать лучше.

Мне хочется думать, что в глубине души люди оценили наши достижения. Воспоминания, а иногда и шрамы все еще свежи, и возможно, им просто нужно немного времени для осознания того, что удалось совершить «Челси». Мы взяли лигу штурмом, и сейчас болельщики других клубов испытывают определенную зависть, от которой много лет страдал «Манчестер Юнайтед».

Я надеюсь, что нам удалось заставить окружающих себя уважать. Конечно, многие предпочитают делать акцент на потраченных деньгах в попытках лишить наши трофеи блеска. Да, наш трансферный бюджет был больше, чем у остальных команд, но сомневаюсь, что «Блэкберн» в относительном выражении потратил на свое чемпионство меньше нашего, как и «Манчестер Юнайтед» за последние 15 лет. Меня раздражает эта тема, потому что ее заводят лишь с целью отвлечь внимание от нашего безусловного успеха. Конечно, в какой-то мере она вдохновляет нас доказывать людям, что дело не только в деньгах. Да, мне нравится быть одним из самых высокооплачиваемых футболистов мира, но я оказался в нынешнем положении не благодаря удаче. Все, что я имею, я получил своим упорным трудом, и самое важное, чему меня научил отец – то, что ты сам творец своего счастья.

Я очень много работал, чтобы выйти на свой нынешний уровень. Мне бы хотелось сказать, что в один прекрасный день я проснулся и обнаружил, что могу делать с мячом все, что

пожелаю, но все было совсем не так. Те, кто обвиняют нас в покупке успеха, закрывают глаза на наш дух и харизму, не говоря уже о качестве игры, которые мы демонстрируем. Еще до революции Абрамовича в «Челси» играли, например, Джон, Эйдур, Карло Кудичини, Вилли Галлас и я.

Нашим критикам недостает глубины мышления. Они предпочитают видеть лишь то, что лежит на поверхности, и придираться к нам, и не замечают настоящих причин, которые сделали наш клуб лучшим в стране. Поэтому мне кажется, что в будущем к нынешнему составу «Челси» будут относиться лучше, чем сейчас.

Если бы мы не защитили титул и затухли, возможно, мы все равно заслужили бы определенное признание, но если нам удастся доминировать в премьер-лиге следующие 10 лет, со временем нас оценят куда выше. Наши первые победы положат начало команде-династии на «Стэмфорд Бридж».

В семидесятые и восьмидесятые такой командой являлся «Ливерпуль», в девяностые – «Манчестер Юнайтед», возможно, когда-нибудь так будут говорить и о нас. Футбол – слишком эмоциональная игра, и наш успех слишком свеж, чтобы его могли оценить по достоинству. «Ливерпуль» семидесятых современники считали скучным, а футболистов «Лидса» тех же времен называли отморозками, но сейчас, по прошествии времени, воспоминания о них вызывают ностальгию.

Я лично и «Челси» как команда боремся за то, чтобы сделать наш успех долгосрочным, чтобы стать легендами. Вряд ли мы можем завоевать такое уважение, выиграв лишь два чемпионства, а если я смогу продержаться на нужном уровне лишь три или четыре сезона, то буду крайне огорчен тем, что не полностью реализовал свой потенциал, не исполнил то, что было мне предначертано. За два сезона невозможно стать легендой, разве что привлечь к себе внимание. Ожидать большего может лишь команда, которая господствует в чемпионате долгое время. Я считаю, что собравшиеся в «Челси» игроки и тренеры разделяют мое стремление.

Я знаю, что Роман твердо настроен сделать клуб лучше, сильнее, успешнее. Летом 2006 года он одобрил приобретение капитана сборной Германии Михаэля Баллака из мюнхенской «Баварии», что ознаменовало смену курса в трансферной политике Моуринью. До этого клуб старался покупать классных игроков, еще не достигших значительных успехов и страстно желавших это исправить. Спустя месяц после этого состоялся еще один рекордный трансфер – игроком «Челси» стал Андрей Шевченко, которого многие считают лучшим нападающим мира.

Оба этих футболиста находятся в самом расцвете и обладают богатым опытом игры в клубах и на международной арене. В прессе звучали сомнения, что я приму эти изменения с радостью, учитывая позицию Баллака и его способность много забивать, играя в центре поля. Те, кто это говорил, совсем меня не знают.

Я очень рад шансу выступать вместе с такими великолепными футболистами и возможности вывести свою игру на качественно новый уровень. С приходом Баллака и Шевченко каждый из игроков получил сигнал: клуб настроен добиваться большего. Но никому в «Челси» не живется легко, и я уверен, что тренер объяснил новичкам, чего они с мистером Абрамовичем от них ждут. Я уже чувствую ветер перемен, направленных на прогресс клуба, движение вперед.

Успешный клуб не может жить достижениями прошлого, он должен строить свое будущее. У «Челси» есть все возможности развиваться и расти, используя как уже имеющиеся активы, так и те, которые клубу предстоит приобрести. Я знаю Романа Абрамовича и Жозе Моуринью, знаю Джона Терри и знаю себя – никто из нас не может остановиться и почить на лаврах. Мы чувствуем необходимость идти вперед, прогрессировать, выигрывать трофеи и вести «Челси» к новым горизонтам.

Если кто-то сомневается в нашей целеустремленности, то он просто не понимает «Челси». Я прошел через одну революцию в клубе, преуспел и теперь намереваюсь стать в авангарде новой революции. Как я уже говорил, с самого детства я стремился к высотам, казавшимся недостижимыми. С тех пор ничего не поменялось.

11
ЧМ-2006

Я посмотрел на Джона. Лицо, на котором я так часто вижу улыбку, омрачено страданием. В раздевалке было очень тихо, кто-то перешептывался по углам, на пол падали бутсы. Кто-то предложил мне стакан воды. Я не хотел пить, вместо этого я вылил его себе на лицо в надежде, что этот кошмар закончится.

Я вновь взглянул на Джона. «Не плачь», – подумал я. Не было никакого смысла произносить это вслух. Джон был в слезах, рядом с ним, держась за голову, тихо всхлипывал Рио. Мои друзья, обычно надежная опора и несокрушимая стена, превратились в груду обломков.

Куда бы я ни бросил взгляд, везде видел лишь опустошение. Взрослые мужчины, настоящие мужчины плакали как дети о том, что было, и том, что могло бы быть.

«Не плачь», – всегда говорил мне отец. Когда мне было одиннадцать, я запорол отличный шанс добиться победы для «Хит Парк». В самой концовке я вышел один на один с вратарем. Я промахнулся, и когда прозвучал финальный свисток, безутешно зарыдал. «Не плачь, сынок, – сказал папа. – Никогда не показывай свои чувства при соперниках. И при товарищах по команде тоже. Лучше делать это в одиночестве, поверь мне. В футболе этому не место. Не плачь».

И с тех пор я ни разу не заплакал, хотя единственное, чего мне хотелось в этот черный день семнадцать лет спустя, это разрыдаться. Я чувствовал, как во мне все закипает, и я едва мог дышать из-за подступившего к горлу кома – но слез не было. Я просто не мог. Мне хотелось скорбеть по упущенной возможности пройти в полуфинал чемпионата мира. По упущенной возможности стать чемпионом мира. По незабитому пенальти.

Мне не доводилось сталкиваться с большим опустошением, чем в раздевалке сборной Англии после поражения от Португалии на чемпионате мира. Я еще никогда не был так угнетен, но что-то внутри не давало мне дать волю эмоциям. Возможно, способность спрятать эмоции, свыкнуться с болью и начать процесс выздоровления – моя сильная сторона.

Уэйн Руни бродил по раздевалке, пытаясь поддержать каждого в меру возможностей. Я думал о том, как после проигранной битвы себя чувствовал он, как для него было тяжело оказаться в стороне от концовки самого важного матча в жизни из-за красной карточки. Кто-то говорил, что он наступил на Рики

Карвалью, но я видел лишь то, как с ним боролись два португальских игрока, после чего на сцену вышел Криштиану Роналду, чем вызвал гнев всей Англии.

– Я не наступал на него, – ответил Уазза на мой вопрос.

Мне этого достаточно. После матча Уазза ни перед кем не извинялся. Это было не нужно. Он настолько важный член нашей команды, что все уважают его вне зависимости от того, что он говорит, и никто из нас не считал, что он заслужил удаления.

> Мне не доводилось сталкиваться с большим опустошением, чем в раздевалке сборной Англии после поражения от Португалии на чемпионате мира. Я еще никогда не был так угнетен, но что-то внутри не давало мне дать волю эмоциям.

Я пытался принять то, что с нами произошло. Мы проиграли, но перед матчем нам нечего было бояться. Я был уверен, что мы сможем их обыграть. Я был уверен, что без дирижировавшего полузащитой Деку и надежного Коштиньи сзади мы окажемся им не по зубам. Мы хорошо начали и становились сильнее физически и морально с каждой минутой. Я не знал, что Роналду пытался спровоцировать Уаззу еще перед матчем.

Также в пылу борьбы я не почувствовал нарастающего напряжения, и когда я откатил мяч Уаззе, ничто не указывало на взрыв, который произойдет через минуту. Со своей типичной решимостью Уазза оттеснил приблизившегося к нему Рики Карвалью. Кто-то еще вмешался в борьбу, и с моей точки казалось, что на протяжении 5 или 10 секунд перед свистком подряд фолили именно португальцы. Зная, как Уазза силен, я был уверен, что он устоит на ногах.

Тогда я не увидел контакта его ноги с Карвалью. Бывает, что инерция и потеря равновесия могут дезориентировать вас в подобной ситуации, и Уазза сказал, что не наступал на него. Вопросов нет. Даже рефери после арбитра говорил, что удалил его из-за толчка Роналду. Если это именно так, то, по-моему, это позор. Другого определения у меня нет. Поведение Роналду было вопиющим. Меня тошнит от того, как игроки окружают арбитра, тряся перед его лицом руками с воображаемыми карточками. Я никогда себе этого не позволял и никогда не позволю, но в подобных играх это происходит постоянно.

Что самое печальное, Уазза и Рио всегда отзывались о Роналду крайне положительно. В «Манчестер Юнайтед» они друзья. Друзья? Не понимаю, как он мог так себя повести. Если кто-то грубо фолит или совершает другой проступок, рискуя быть удаленным с поля, это одно дело. Но выпрашивать у судьи

красную карточку – особенно для партнера по клубу – это неприемлемо.

Роналду – отличный игрок, и ему нет нужды вести себя таким образом. Подходя к месту событий, я увидел, как он наседает на арбитра, умоляя его принять меры. Что-то я не припомню, чтобы кто-то из португальцев требовал от рефери решительных действий в матче против Голландии, когда Луиш Фигу ударил Марка ван Боммела. Ударил, отделавшись лишь предупреждением.

А Уэйн Руни лишь от чистого возмущения толкает Роналду в плечо и удаляется. Не слишком ли это?

Увидев красную карточку, я подумал: ну вот, опять. В игру, в которой мы должны побеждать, вмешиваются злые силы и оборачивают ее против нас. В голове промелькнула травма Уаззы на Евро-2004, призрачное напоминание о былых неудачах. В мгновение ока мы из безоговорочного фаворита, имеющего все шансы на победу, превратились в команду, которая в лучшем случае могла дотянуть до серии пенальти. Глядя на плетущегося в подтрибунное помещение Уаззу, я думал о том, что вдесятером нам придется двигаться намного, намного больше. До удаления мне казалось, что Португалия нам не забьет, и, как это ни странно, мое мнение не изменилось и после него.

На всем протяжении турнира мы страдали от жары. После перерыва мы неизменно играли слабее себя образца первого тайма, и в худших случаях – как в матче с Парагваем во Франкфурте – на последних минутах большинство из нас с трудом ходили, что уж говорить о беге. В Гельзенкирхене было по-другому – прохладнее и не так удушливо. Кроме того, мы приближались к концу турнира и тому выступлению, на которое все рассчитывали.

Я чувствовал себя бодро. Подготовка к чемпионату мира проходила постепенно. Жозе Моуринью сказал, что я могу взять отдых в предпоследнем матче сезона против «Блэкберна» – чемпионат был выигран. Но Джон Терри получил травму, и я чувствовал себя обязанным выйти на поле перед остальными парнями. Когда я сказал, что сыграю, на лице Моуринью появилось замешательство.

После матча на «Ивуд Парк» он подошел ко мне еще раз и сделал акцент на том, что до матча с «Ньюкаслом» еще пять дней. Он убедил меня поехать в небольшой отпуск вместе с Элен, и мы отправились на Антигуа, где я тренировался каждый день, совмещая беговую подготовку с занятиями в спортзале. Все было в порядке, хотя мне и не хватало футбольных тренировок. Одно

дело быть в форме, но работать с мячом тоже необходимо.

Люди видят, как много я играю, и предполагают, что для того, чтобы не растерять мою форму, мне нужен отдых. Я с этим не согласен. Я знаю, что мне нужно поддерживать максимальную физическую форму, чтобы сохранять должный уровень выступлений, и когда через неделю после матча с «Вест Хэмом» мы со сборной приехали в Португалию, я еще раз удостоверился, что тренировки с мячом мне необходимы. Пока мы занимались фитнесом, все было хорошо, но когда дело дошло до двусторонки, мои ноги налились свинцом. Пробежки на Антигуа – это хорошо, но для хорошей игры нужна другая физподготовка.

Иногда, когда тренер давал нам выходной, я расстраивался, потому что знаю, что мне нужно было потренироваться, чтобы не потерять сноровку. Я предпочитаю выкладываться по полной и все время улучшать свою форму. В пятницу перед возвращением из Португалии нам сказали взять день отдыха, поэтому мы с Рио позанимались вдвоем.

По возвращении в Лондон, сборная поселилась в «Гроув-отеле», где начались более технические тренировки. Мы ежедневно тренировались с кардиомониторами, которые сигнализировали тренерскому штабу, в какой мы находимся форме.

И хотя в Португалии мне говорили, что моя форма лучше, чем у всех остальных игроков состава, я знал, что мне немного недостает до максимума, и эти показания не вполне точны.

Кардиотренировки отличаются от игры в футбол, нагрузки в котором выше, чем при обычном беге по полю или аэробных упражнениях. На блокирование забегающих за спину соперников и перебежки в позиционной защите тратится гораздо больше энергии, чем при ровном размеренном беге.

За время подготовки нам давали еще несколько дней отдыха, и я знал, чему именно хочу уделить внимание. Иногда тренер должен доверять своим игрокам, особенно опытным, в части их потребностей. У меня с Раньери случалось так же, но я уважаю мнение тренера – глупо рисковать получить необязательную травму, но у каждого игрока свои потребности. Теперь, по прошествии времени, я думаю, что мне, возможно, следовало быть понастойчивее. А еще мне следовало бы побольше тренировать пенальти.

Как правило, на тренировках в «Челси» я пробиваю около десяти, но перед товарищеским матчем с Венгрией на «Олд Траффорд» я концентрировался на других вещах и пренебрег пенальти. Когда был назначен одиннадцатиметровый, моей первой мыслью было то, что я недостаточно тренировался. Это

мой бзик, как и с моими пробежками и отработкой ударов: если я сделал все, что нужно (а противоположное случается очень редко), мне и в голову не придет, что я могу быть не готов. Я немного запаниковал. Подходить к точке с даже малейшим чувством неуверенности – худшее, что может быть. Я недостаточно плотно приложился к мячу, и несмотря на солидный сэйв, который пришлось совершить киперу, был очень разочарован этой ситуацией и собой. После матча я утешал себя мыслью, что лучше промахнуться сейчас, чем потом. Если б я только знал…

Со следующего дня тренировок пенальти я уже не пропускал.

Если не считать тот удар с точки, я играл довольно неплохо. Перед матчем мистер Эрикссон объявил, что мы с Джейми Каррагером будем играть в полузащите, а Стиви Джеррард станет вторым нападающим. Эта схема мне очень понравилась, потому что давала мне свободу идти вперед, и я отлично себя чувствовал.

Стиви забил, все шло отлично, и команда играла слаженно. То, что нужно. Как это ни удивительно, пресса, прежде вопившая о том, что эта схема нам отлично подходит, теперь сочла, что нам нужно вернуться к варианту с 4–4–2 и Краучи впереди. Мне стало ясно, что каким бы ни был наш результат, повод для недовольства всегда найдется. Наш командный дух все равно был на высоте.

Через три дня нам предстоял спарринг с Ямайкой, хотя, если честно, перед поездкой в Германию я предпочел бы проверить свои силы против более сильного соперника. При всем уважении к Тринидаду и Тобаго, это не совсем та игра, для которой нам требовалась репетиция. Мы должны побеждать Тринидад и Тобаго при любом раскладе, а потому польза контрольного матча была достаточно ограниченной.

Я забил гол, а что более важно, Краучи вколотил сразу три, что сильно его подстегнуло. Он классный игрок, и, не сумев оформить хет-трик с пенальти, он не остановился и нанес шикарный удар в концовке. К тому моменту мы понимали, что при нашей ситуации с травмами он будет очень важен для нас. Майкл работал над тем, чтобы прийти в форму, и забил Ямайке, а Уазза все еще восстанавливался от травмы. Когда пришло время отправляться в Германию, мы почувствовали облегчение, потому что английские СМИ превращали нашу подготовку в цирк, делая колоссальный акцент на переломе плюсневой кости одного из игроков.

Пресса уделяла ему слишком большое внимание, и это не помогало. Он сможет восстановиться? Мы не сможем победить без него, ведь так? Уэйн тихо занимался своим делом, поправляя

здоровье, пока все остальные готовились к финальной части чемпионата. Это черта времени: футбол и главное спортивное событие мира уходят на второй план, уступая место культу звезд. То же, что происходило с Дэвидом Бекхэмом в 2002 году, сейчас происходило с Уаззой. Для прессы типично превращать поход за Кубком мира в реалити-шоу об одном игроке, но этим журналисты демонстрируют неуважение ко всем остальным членам сборной. Правильно ли я понимаю, что Англия может выиграть золото только с Руни в составе, но легко обошлась бы без Бекхэма, Джеррарда, Терри, Фердинанда или любого другого из нас? Я знаю, что так не считает Уазза и так не считаю я.

Уэйну уделялось невероятно много внимания, и его это несколько смущало. Он проделал потрясающую работу, чтобы быть готовым к поездке в Германию, и, появившись на скамейке в первой игре против Парагвая, он уже знал, что ему дадут зеленый свет на участие во второй. Теперь проблема была уже не в здоровье, а лишь в игровом тонусе. Все игроки сборной были в курсе этого, а остальные продолжали гадать. Он чувствовал себя подобно зверю в клетке. На тренировках он работал во всю силу, и небольшая импровизированная сессия, которую он провел на поле после матча с Парагваем, стала публичной демонстрацией хорошего самочувствия.

Обычно после восстановления игрока существуют небольшие опасения рецидива, но, когда во вторник Уэйн начал принимать участие в двусторонних матчах, никто не говорил нам жалеть его в стыках. Я немного осторожничал, не желая быть тем, кто оставит его без чемпионата мира. Впрочем, его нужно было стукнуть разок-другой – возвращаясь к игре, очень важно чувствовать уверенность в том, что все проблемы позади.

У меня не было ни малейшего сомнения. Он отважно летел в подкаты, вколачивал мяч в сетку и легко оттирал соперников от мяча. Его искренняя любовь к футболу заразительна, и наш командный дух заметно повысился. Мне было сложно поверить, что всего 6 недель назад я с ужасом наблюдал, как он корчится от боли на газоне «Стэмфорд Бридж». Казалось, что чемпионат мира закончится для него, даже не начавшись, а сейчас он был на вершине мира. То, что случилось дальше, было похоже на гром среди ясного неба.

Поступила информация о разногласиях между «Манчестер Юнайтед» и Футбольной ассоциацией касаемо готовности Уэйна к игре на турнире. Клубные врачи, проводившие сканирование, вылетели из Манчестера в Германию для консультации, и Уэйну оставалось лишь ждать.

Он не самый терпеливый парень на свете. Ему трудно

высидеть на месте больше двух минут подряд, а тем более ждать, когда другие люди позволят ему делать то, что он умеет и любит лучше всего. Это было нестерпимо. Он старался сохранять оптимизм, пока шли эти препирательства, но я и представить не могу, что творилось у него внутри.

Я общался с ним, и он никогда не высказывал никаких сомнений. Он хотел играть за сборную, и эта ситуация страшно его расстраивала. К счастью, здравый смысл возобладал, и консилиум решил, что он может сыграть.

Все это время ребята поддерживали Уэйна, и совершенно естественно, ведь чувство единства – это одно из сильнейших качеств нашего состава. Ни один игрок не может быть важнее команды.

Подобное товарищество существует и в «Челси», а дух, связывающий игроков нашей сборной, сформировался после чемпионата Европы. Вылет сильно по нам ударил, но прежде, чем мы вернулись на большую сцену, нам пришлось перенести еще несколько тяжелых ударов. В августе 2005 года датчане размазали нас со счетом 4:1 из-за наших глупых ошибок и плохой формы. Этот урок оказался очень важным. Мы подвели себя. Каждый раз, играя за сборную, мы чувствуем свою ответственность. Нас вовсю распекали не только журналисты, но и, к нашему удивлению, некоторые игроки прошлых лет, заявлявшие, что мы опозорили футболку английской сборной.

С годами привыкаешь к критике после подобных выступлений и становишься более толстокожим. Не так сложно научиться жить с критикой извне, и она не особенно вас потрясает. Но критика со стороны своих может выбить почву из-под ваших ног, и к тому, что произошло после отборочного матча против Уэльса, я был совсем не готов.

Мы не особенно здорово играли, но смогли добиться победы в игре, проходившей в атмосфере дерби. На неделе перед матчем я простудился и пошел к командному врачу. Я настаивал, что готов играть, и просил ничего не говорить тренеру. За день до игры я участвовал в тренировке на «Миллениуме» и чувствовал себя вяло, но я никогда не поставил бы свои интересы выше командных. В субботу утром я уже чувствовал себя хорошо и не использую болезнь как оправдание.

На разминке я вновь ощутил небольшую слабость, которую оказалось трудно сбросить – еще труднее потому, что мы играли не очень хорошо, хотя и заслуживали победы. На послематчевой пресс-конференции пресса устроила Эрикссону форменный допрос, и в числе прочего он сказал, что я тяжело набираю форму. Меня это очень рассердило. Я очень уважаю Свена, и

критика со стороны человека, которого ты так высоко ценишь, причиняет настоящую боль. Кроме того, я был с ним не согласен.

Уже в самом начале предыдущего сезона мне удалось забить несколько голов, а в этот раз я сподобился лишь на дубль против «Вест Брома». Даже несмотря на это, его комментарий был некорректен. Очень унизительно, когда тренер говорит о тебе такие вещи.

Еще я немного расстроился из-за того, что это было сказано прилюдно. Я предпочел бы, чтобы он лично обратился ко мне и спросил, испытываю ли я какие-либо сложности. Если бы он сказал мне это в лицо, я привел бы доводы в свою защиту, и дело с концом. Тогда я ничего ему не ответил, потому что не чувствовал нужды и не желал вступать в публичный спор с тренером сборной. Так или иначе, его уверенность в моих силах не стала слабее, и уже в среду я вышел на матч против Северной Ирландии в Белфасте. Я думал, что хуже быть уже не может, но ошибся.

Я хотел отреагировать позитивно, но вместо этого мы провели худший матч за всю мою карьеру в сборной, проиграв 0:1. Домой мы вернулись быстро, но в огне критики оставались еще долго. Мы знали, чего ожидать, и не пытались искать себе отмазки, признавая свою вину. Игра за сборную может как поднять вас на седьмое небо, так и ударить о дно, и к этому надо привыкнуть. Мне кажется, я уже освоился.

Игра за сборную может как поднять вас на седьмое небо, так и ударить о дно, и к этому надо привыкнуть.

Результат матча означал, что мы не могли позволить себе осечки против Австрии и Польши на «Олд Траффорд» в октябре. К перерыву на игры сборных я подошел со стойким желанием искупить вину за Белфаст и развеять сомнения в качестве моей игры.

Перед поездкой в сборную я забил еще 4 мяча за «Челси», а в период подготовки внезапно вновь была поднята тема пенальти. После Евро-2004 Бекс сказал мне, что в свете его неудачной серии исполнять пенальти должен я. Это был обычный разговор после тренировки. Он сказал, что в «Челси» у меня хорошие показатели. В этом не было ничего особенного, но перед матчем с Австрией история просочилась в прессу.

Поскольку наша беседа стала достоянием общественности, назначение пенальти было неизбежно. Не прошло и получаса. Я не был уверен, как себя почувствую, но быстро понял, что пробитие пенальти в сборной отличается от пенальти в клубе – гораздо больше давления, больше внимания. Мне нужно было

оградиться от него. Я знал, что нужно делать, и уверенно забил, принеся команде победу. Отлично!

Что было не так радостно, так это дисквалификация Бекса и травма Стиви. В центр полузащиты пришлось ставить Ледли Кинга, и мы хорошо сыграли. В этом матче случился один из моих любимых моментов в карьере в сборной. Мацей Журавский сделал счет равным, а в концовке Майкл Оуэн мягко навесил мяч в штрафную.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как бить с лета – укротить мяч было сложно, не то что попасть по воротам с подъема, но у меня все получилось. Самое главное, что мы стали первыми в группе, а я стал лучшим бомбардиром в квалификации – это помогло мне оставить позади разочарование от матча в Белфасте и восстановить свою репутацию.

Между отборочным и основным турнирами мы были заняты в национальном первенстве. Ожидание первого матча в Германии было напряженным и пустым – странная смесь нетерпения и скуки. После двух лет работы ты не можешь дождаться начала турнира, но время за пределами тренировок течет очень медленно.

Свену удалось найти равновесие. Его настроение ничуть не изменилось от того, что турнир был для него последним во главе нашей сборной. Он был спокоен и собран. Меня расстраивало, что его критиковали за недостаток эмоций, потому что понимаю, почему он такой. У него собственный стиль работы: он уделяет много внимания тактике и задействует весь тренерский штаб. По-моему, этот турнир стал для него лучшим, хотя и могу сравнивать его лишь с Евро-2004. Я заметил его прогресс, и мне стали очевидны доскональное знание футбола и огромный опыт Свена на высшем уровне.

Люди требуют от него демонстрации эмоций, но нельзя выступать с пламенными речами за три недели до старта чемпионата мира. Подготовка – очень тщательный процесс, и он практически все сделал правильно. Перед игрой я почти не нервничал и был довольно спокоен. Я был готов. Волнение, охватывавшее нас, было не таким сильным, как желание победить. Всем казалось, что Парагвай – не самая сильная команда, но чтобы стать четвертыми в южноамериканском отборе, нужен определенный класс.

Мы блестяще начали игру. Навес Бекса со штрафного спровоцировал угловой, и мы доминировали бóльшую часть первого тайма. Но все изменилось после перерыва. На поле нас словно не было. Я вновь вышел на жару, надеясь, что смогу дотерпеть до финального свистка, но уже через пару минут

почувствовал вялость.

Оглядываясь, я видел, что все остальные чувствуют себя так же. Казалось, что в ногах не осталось крови – ее всю заменила молочная кислота. Прежде я никогда не испытывал ничего подобного.

Тренер решил снять с игры Майкла и выпустить Стюарта Даунинга, насытив тем самым центр поля и оставив Крауча в одиночестве. У меня был шанс забить, но утомление сыграло свою роль. В целом мы не играли в полузащите должным образом, слишком легко расставаясь с мячом.

Отчасти это происходило из-за соблазна пнуть мяч подальше на голову Краучи. Когда он на поле, это самое естественное желание. Забросить мяч ему в надежде, что он сможет обработать мяч и не потерять его до тех пор, пока вы подтянетесь к штрафной. Имея в составе игрока с подобными данными, естественно использовать его сильные стороны.

Но на уровне сборных все по-другому. Отдавая пас на 50 метров, именно столько нужно пробежать, чтобы поддержать форварда. Но нам было так тяжело, что мы с трудом пробегали двадцать и теряли мяч, после чего бегали за ним как идиоты в попытках вернуть. Это был жестокий замкнутый круг: мы пуляли мяч вперед и вновь гонялись за ним, если атака не получалась.

Нашего тренера сильно критиковали за то, как мы защищались после забитого гола, но дело было не в нем, а в игроках на поле. У нас хватало моментов, чтобы забить больше, но нам не удалось, а потому нам нужно было играть внимательно и столько же внимания уделять обороне.

Лучшие команды турнира побеждали с разницей в один мяч. Аргентинцам удалось одержать одну крупную победу, но это было исключением. Неразумно требовать от нас постоянно атаковать, рискуя при этом пропустить и проиграть. В конце матча, имея преимущество, абсолютно естественно стараться его сохранить.

Те, кто считают, что мы должны забивать не меньше трех мячей просто для того, чтобы убедить всех в своем уровне, просто не понимают футбол. Я признаю, что качество наших выступлений против Парагвая, Тринидада и Тобаго и Швеции было ниже среднего, но наивно полагать, что, забив один мяч, нужно обязательно выпустить атакующего игрока вроде Аарона Леннона, чтобы убить интригу. Управление рисками – одна из важнейших сторон игры на чемпионате мира, и мы не просто так играли подобным образом. Мы недостаточно сумасшедшие, чтобы пытаться выигрывать все игры со счетом 5:0 только для того, чтобы нас прозвали развлекателями. Этого не будет. Чтобы победить на чемпионате мира, нужно быть умной командой.

Разумеется, в газетах нас распяли, да и в следующем матче ничего не изменилось. Победа в два мяча стала еще одним траурным днем в истории английского футбола, хотя Краучи и Стиви забили классные голы. После трех ударов в первой игре, не завершившихся ничем, мне стоило открыть счет своим голам во второй. Но упущенный мной отличный момент и еще пара ударов мимо цели вновь вызвали вопросы к моей форме. Такова жизнь.

Предполагая, что мы не проиграем Швеции в последнем матче группового этапа, нам нужно было рассматривать возможность того, что Германия уступит Эквадору и выйдет на нас со второго места. Сразу трое из нас висели на карточке – Стиви, Краучи и я.

За два дня перед игрой Свен сказал мне, что я приму участие в матче, а остальные двое – нет. Мне кажется, что эта перестраховка была совсем не обязательной. Нам хотелось обыграть Швецию независимо от того, с кем мы встретимся дальше. Травма Майкла Оуэна – последнее, что нам было нужно. Она случилась уже на второй минуте, и сначала я даже не понял, что его повреждение серьезно. Обычно ждешь худшего, но я не думал об этом, пока не поговорил с ним в перерыве и он не сказал мне, что порвал крестообразную связку.

Я просто не мог в это поверить. Пять месяцев он восстанавливается от перелома плюсневой кости, после чего вылетает в самом начале чемпионата мира и пропустит остаток года из-за новой травмы. Окружающие склонны судить футболистов по их зарплатам и комфорту их жизней, но не воспринимают нас как обычных людей.

Очень плохо, когда не можешь ходить на работу, заниматься любимым делом и выступать на привычном тебе уровне. Пропустить чемпионат мира еще хуже.

Для каждого, кто носит футболку сборной Англии, большая честь сыграть за свою страну. Это шанс порадовать каждого английского болельщика, его семью, его друзей. Вот она, человеческая сторона футбола. Каждый из нас страстно желает сыграть хорошо и добиться успеха. Как и в любой другой профессии, важно получать за свои труды удовлетворение и награду, которые можно разделить со своей семьей. Футболисты в этом отношении не отличаются от всех остальных.

Когда мы потеряли Майкла, начался новый круг споров по поводу выбора Свеном состава. Задавались вопросы, например, о том, почему у нас в составе не было пяти нападающих, притом что двое форвардов поехали на чемпионат не совсем здоровыми. Кроме того, критике подвергался вызов Тео Уолкотта.

Признаться честно, я бы тоже пригласил Джермейна Дефо. Я играл с ним в «Вест Хэме», и он прирожденный голеадор. Но при этом следует признать, что стартовый состав не изменился бы ни в одной из пяти наших игр. В первом матче все равно вышли бы Крауч и Оуэн, то же и во втором, но с дебютом Руни, а перед третьим Оуэн был еще здоров. Его заменил, конечно же, Крауч, забивший Тринидаду и Тобаго. В четвертом матче на поле вышел бы Руни, как и против Португалии – так что выбор состава на каждый матч остался бы прежним.

Впрочем, я предпочел бы дополнительную страховку, с которой мы имели бы больше вариантов. Поэтому Дефо бы я взял. И хотя сколько людей, столько и мнений, но, вероятнее всего, большинство выбирало бы один и тот же стартовый состав – с учетом травм. Но выбор 23 лучших – совсем другое дело.

Тео станет сильнее, и опыт, полученный на турнире, пойдет ему и всей сборной Англии на пользу. Что же касается матча со шведами, мы плохо защищались и сыграли вничью. Но это ни на что не повлияло: мы стали первыми в группе, и я сосредоточился на позитиве.

Я позволил себе помечтать о том, как далеко мы сможем пройти. Я смотрел игры нашей части сетки и, как и болельщики, гадал, с кем мы можем встретиться в четвертьфинале и полуфинале. Такова человеческая природа. Я не боялся никого из соперников. Даже когда я видел, как аргентинцы забивают в ворота сборной Украины шесть голов, делая 24 передачи перед самым красивым из них, я не боялся встречи с ними. Я наблюдал за всеми командами и был уверен, что они все нам по зубам.

Я был доволен тем, что Аргентина вышла на пик к групповой стадии. Я вспомнил реакцию общественности после нашей победы над хорватами два года назад – все вдруг решили, что мы сможем дойти до финала. А я видел, как сильно нам нужно прибавить и какой долгий путь предстоит пройти.

А сэр Джефф Херст сказал с экрана телевизора, что команду 1966 года тоже критиковали вплоть до полуфинала. Кто бы мог подумать.

Тогда я понял, что успеха добивается не та команда, которая бульдозером прокатывается по всем соперникам, а та, которая постепенно прибавляет благодаря работе на тренировках. Мы же больше напоминали асфальтовый каток. Мы понимали, что нужно сделать, чтобы сровнять Эквадор с землей, и я был уверен, что нам это удастся. Их выход один на один уже на первых минутах немного меня поколебал. Моей первой мыслью было: «Черт-черт-черт, пожалуйста, не забейте – я не хочу возвращаться домой в маске». Этот чемпионат показал, что командам, пропускающим

первый, очень сложно вернуться в игру. Я получил хороший шанс, но отправил мяч над перекладиной, хотя должен был забивать. Мы прошли дальше лишь благодаря удару Бекса со штрафного – но победа вновь была за нами.

Критиканы, для которых победы было недостаточно, проследовали за нами в четвертьфинал. Извечный вопрос о том, можем ли мы со Стиви Джеррардом играть вместе в полузащите, вновь был поднят – теперь как объяснение того, что мы не играем как Бразилия (которая, кстати, также испытывала проблемы). Ненавижу эти споры.

Это так нелепо. Схемы не так важны, как думают люди. Дядя Харри любит повторять, что главное – не схема, а игроки, которые выходят на поле. Одержимость темой нашей игры в паре совершенно неуместна. Иногда с нами играет опорник, иногда нет. Если бы у любой другой команды были два игрока, добившиеся столь многого на клубном уровне за последние годы, разве были бы сомнения в том, что они должны играть вместе? У Бразилии, Аргентины, Италии? Я так не думаю.

На чемпионате мира я играл с Каррой, Майклом Карриком, Оуэном Харгривзом и Стиви и ни в одном сочетании не чувствовал ни малейшего неудобства. Меня очень удивляет, когда люди подвергают сомнению умение Стива защищаться и атаковать или мое собственное.

Критиканы, для которых победы было недостаточно, проследовали за нами в четвертьфинал. Извечный вопрос о том, можем ли мы со Стиви Джеррардом играть вместе в полузащите, вновь был поднят – теперь как объяснение того, что мы не играем как Бразилия (которая, кстати, также испытывала проблемы).

Мы оба не раз демонстрировали, что отлично умеем делать и то и другое – а потому люди ждут от нас обоих подобной игры и в сборной. На деле же мы работаем в тандеме, и ни один из нас не должен выполнять все функции сразу.

Иногда я выдвигаюсь вперед, а он страхует меня, иногда наоборот. Это называется ответственной игрой.

Люди видят, какое влияние на игру мы оказываем в своих клубах, и задаются вопросом, почему в сборной мы выглядим по-другому. Ответ на него такой: мы все те же, но невозможно играть таким образом одновременно.

Если один из нас рвется к воротам, значит, другой должен остаться сзади и помочь в обороне. Если взглянуть на нашу статистику в сборной, станет ясно, что мы забиваем столь же часто, как в «Челси» и «Ливерпуле». Я не отрицаю, что нашему

дуэту есть куда расти, но я отметаю мысль о том, что мы несочетаемы.

Карьера в «Челси» показала мне, что важен лишь результат.

Но некоторые всегда находят, к чему придраться: к системе, к игрокам, к недостаточно страстному главному тренеру, к качеству игры, к цвету трусов. Трусы. Конечно, проблема именно в них.

В частности, журналисты загнали себя в такое трудное положение, что потеряли из виду то, что действительно имеет значение. Вот отличный пример того, как они сначала раздувают проблему из ничего, а затем вынуждены переобуваться на ходу.

Перед началом чемпионата мира я участвовал в одной пресс-конференции, и речь на ней зашла об Оуэне Харгривзе. Оуэн – отличный футболист, которому пока не удалось провести много матчей за сборную. Но видя, как он играет в мюнхенской «Баварии» и на тренировках, я понимаю, чем он может быть полезен. В ходе разговора один излишне нахальный журналист спросил меня: «В чем смысл приглашать Оуэна Харгривза?» Меня покоробила бестактность вопроса, но я смог заставить себя ответить вежливо. Спустя три недели Оуэн выдал превосходную игру против португальцев, и тот же самый журналист, один из тех, кто прежде писал про него гадости, вдруг сменил точку зрения вместе с остальными.

Оуэн вдруг оказался столпом нашей команды. Что это – переменчивость, склонность к осуждению или просто недостаточная осведомленность?

Я изучал сетку. Эквадор: их мы должны побеждать. Португалия или Голландия? Я считал нас сильнее, чем любая из команд, поэтому мне было все равно, кто из них победит. Франция или Бразилия? Ну если в полуфинале проигрываешь Бразилии, то скорее всего проигрываешь чемпиону.

В целом, одна из причин нашего вылета – обычная неудача. Как в 1998 году, когда был отменен чистый гол в игре против Аргентины. Или как в 2002 году, когда Роналдиньо удался невероятный удар. И вот сейчас Уэйн Руни получает красную карточку, когда другие фолы остаются безнаказанными. Проигрывать при странных обстоятельствах – привычно для нашей сборной, но от этого устаешь. Уже хочется сказать госпоже удаче пойти к черту и прихватить с собой жестокую сестрицу.

До четвертьфинала оставалась долгая неделя, но уже во вторник мы тренировались в боевом режиме – все прошло здорово, и я даже забил пару голов!

На какое-то время мы сконцентрировались на отработке стандартных положений – и после одной из подач я столкнулся со

Скоттом Карсоном. Приземлившись, я услышал хруст лодыжки левой ноги. Я решил, что все кончено. В юности у меня случалась пара вывихов, и эта боль мне хороша знакома.

Просто супер. Как это все могло произойти? Два года сражений в квалификации и месяцы надежд пошли насмарку из-за нелепого падения на тренировке.

Наш физиотерапевт Гэри Льюин занимался мной весь день, и к вечеру я был уверен, что выйду на поле, даже если буду весь перебинтован. В постель я пошел, думая о том, как забью в игре, забью пенальти, забью в финале.

Я продолжал делать это и на следующий день, но теперь уже на арене Гельзенкирхен, готовясь к матчу с Португалией. Моя лодыжка была в порядке, и я попросил Роббо постоять на воротах, пока я бью по ним с точки. Этим занимался только я, нанеся четыре удара.

Четыре удара, четыре гола. Прекрасно, теперь можно играть.

Вернувшись в отель, я посмотрел DVD, посвященный отражению голкипером сборной Португалии Рикарду пенальти. Я слышал, что он гордится тем, что таким же образом готовится к их отражению, и решил уравнять ставки. В «Челси» я, как правило, бью в правый от вратаря угол и забиваю. Я решил, что он наверняка подумает, что я захочу ударить туда же.

Я наблюдал за его работой. Сначала он нырнул вправо. Хорошо. Опять вправо. Теперь влево. Потом снова влево, потом отразил удар ногами. Я запутался. Казалось, что в его решениях нет последовательности и логики, и мне пришло в голову пробить по центру. На тренировках я бил совершенно по-разному. За 50 ударов я не промахнулся ни разу, и лишь дважды вратарь смог отразить мой удар. Могу честно сказать, что возле одиннадцатиметровой отметки я чувствовал себя очень уверенно.

В этом матче у меня был такой момент, но стопроцентным его назвать нельзя. Мяч пришел с углового, и у меня было время на обработку.

Я должен был обработать его. Но, к несчастью, к тому моменту у меня накопилось несколько промахов, и я был немного на взводе и потому плохо распорядился мячом.

Мне не впервой. Я стал жертвой собственного умения выходить на ударную позицию. После матча с Эквадором я проанализировал статистику. Против Парагвая я нанес три удара – все с дальней дистанции, и гола здесь ожидать было сложно. В игре с Тринидадом у меня было три голевых момента, и я должен был реализовать один или два. Но несмотря на это, мне сложно смириться с критикой за то, что я не забил. По крайней мере, я оказывался в выгодных позициях и создавал опасность. И если

другие игроки на моем месте могли бы расстроиться, потерять веру в себя и даже уйти в тень, я всегда возвращался на передовую.

В матче со шведами я нанес удар головой и имел еще один по-настоящему опасный момент, но в основном принимал мяч вне штрафной. Мне нужно было забить Эквадору. Всего я нанес 21 удар – больше, чем любой другой игрок на турнире. Никто не был расстроен тем, что я не забил хотя бы два-три мяча, больше меня.

Я понимаю, что должен был забить, но иногда игра идет, а иногда нет. На таком уровне успех от провала отделяют миллиметры. Если бы я играл на том же уровне, но забил 4 гола, то боролся бы за золотую бутсу, а Англия прошла бы в полуфинал. Это тонкая грань, хорошо знакомая футболистам.

В прошлом сезоне моя самая длинная безголевая серия длилась 6 игр. Пять игр без забитых мячей на чемпионате мира – несчастный случай. Моя игра подразумевает выход на голевую позицию. За последние три года я забил 65 голов, и думаю, что многие нападающие позавидовали бы этому показателю – а потому меня естественным образом судят и по нему, а не только по игре в полузащите. Я знаю, чего от меня ждут, и меня это устраивает.

Я чувствовал, что могу забить в любой момент. Я был в подобном положении очень много раз, и всегда все заканчивалось хорошо. Мяч может отлететь от шипов или от моей задницы, а может, это будет хороший удар. Мне без разницы, лишь бы гол был забит.

Даже после удаления Уаззы в игре с португальцами я не терял уверенности, что мы сможем победить в серии пенальти. Наверное, как и все мы. Мы не были самоуверенны, просто чувствовали внутреннюю силу. Мы отрабатывали пенальти. Не только сам удар, но и путь к отметке. Мы знали, что делаем – многие из нас были в том же положении два года назад.

Путь от центрального круга к штрафной занимает 20–30 секунд. За это короткое время в вашей голове успевает пронестись поразительное количество мыслей, несмотря на то, что вы должны полностью отгородиться от внешнего мира и чувствовать облегчение от удара мяча о сетку ворот.

Конечно, первым на ум приходит все самое плохое. Упущенный в основное время момент. Незабитый пенальти в матче с Венгрией. Я отогнал их прочь и нарисовал в голове свой удар влево от вратаря. В этой дуэли всегда будет сохраняться элемент случайности, но мне казалось, что раз большинство моих ударов приходятся в другой угол, Рикарду не будет гадать и прыгнет вправо.

Но я ошибался. Прямо перед началом разбега я позволил себе мимолетное сомнение. Людям это свойственно, и я ничего не смог с собой поделать. Я недостаточно плотно приложился к мячу. Рикарду верно угадал направление и смог отразить мой удар.

Обратно к центральному кругу я шел как будто босиком по разбитому стеклу. Я запорол первый же пенальти сборной в серии. Перед ним я чувствовал груз надежд каждого английского болельщика. После – их боль и разочарование. Единственным лучом света было то, что оставалось еще четыре удара.

Когда Португалия не забила дважды, я взглянул на отца, который показал мне два больших пальца. Это наш личный обычай – жест означал не то, что мы точно победим, а то, что есть надежда, что будут и другие битвы. Когда промахнулся Стиви, я знал, что все кончено.

Мне не нужно было видеть, как Роналду важно ступает к точке, целует мяч, ставит его на землю и вколачивает его в сетку ворот. Просто некоторым вещам не суждено случиться, и я уже ощущал, что шансов нет. Многие подходили ко мне и говорили не переживать.

Я знаю, что они желают мне добра и готовы сделать все, чтобы поддержать меня в такой ситуации, но, если быть абсолютно честным, никакие слова не смогут избавить вас от этого опустошения.

Мне доводилось видеть в аналогичных ситуациях других, и я надеялся, что никогда не испытаю этого – но не получилось.

Единственным, кто сохранял спокойствие в раздевалке, был наш тренер. Он был превосходен. Не говорил лишнего. Он утешал тех, кто был расстроен больше других, и все время повторял, что мы заслуживали победы. Он сказал, что хочет собрать нас в отеле и поговорить по-человечески.

Когда мы до него доехали, я сразу направился в бар. Какое-то время я был один, а потом, когда ребята ко мне присоединились, мы все вместе выпили – задумчиво и очень печально. Уазза был подавлен, и мне было его очень жаль. Он так и не успел войти в турнир. При всем шуме, окружавшем его, он даже не получил шанса показать все, на что способен. Он вышел в конце второго матча, сыграл еще пару игр без забитых голов, а потом удалился. Не очень. Все закончилось, толком не начавшись.

Мне был понятен его гнев из-за удаления. Он настоящий мужик и поступал так, как велело ему сердце, хорошо это или плохо. В данном случае ничего особенно плохого он не сделал.

Мы выпили по паре пива, рассматривая каждую деталь матча. Уазза все еще был разъярен из-за инцидента с Роналду и шутливо

рассказывал, что сделает с ним, когда они встретятся на предсезонке. Хотел бы я оказаться в Каррингтоне и хоть одним глазком на это посмотреть.

Потом нас попросили проследовать в комнату для собраний, где с нами хотел поговорить Свен. Он поприветствовал нас на входе, улыбаясь и похлопывая нас по плечу. Он казался очень расслабленным. Он вновь выразил свое расстройство из-за нашего вылета и уверенность, что мы заслуживали сыграть в полуфинале против Франции.

Хотя его голос звучал тепло, а слова были аккуратно подобраны, он очень расчувствовался – впервые мы смогли увидеть то, что скрыто. Его критикуют за то, что он не демонстрирует свои эмоции, но такой уж он человек. Он приехал в Англию никому не известным. Чтобы узнать его поближе и лучше его понять, нужно было с ним работать.

Он регулярно отводит отдельных игроков в сторонку, объясняя им, чего от них хочет. Он вдохновляет вас и помогает поверить в то, что для вас нет ничего невозможного. В Германии он несколько раз обращался к нам со Стивом и подробно объяснял, какой рисунок игры хочет увидеть в нашем исполнении.

Свен очень много внимания уделяет деталям. Когда он считал это нужным, он организовывал отдельные встречи для каждой линии и рассказывал, какой игры ждет от них в следующем матче. Из пяти игр, проведенных в Германии, мы победили в трех, одну сыграли вничью и еще в одной проиграли по пенальти. Да, это не блестяще, но и не то чтобы плохо.

Мне кажется, что критика его тактики, и особенно замен, очень несправедлива. В частности, замена Майкла на Стюарта Даунинга в матче против Парагвая оказалась очень полезна для обессиленной, нуждавшейся в свежих ногах команды и помогла ей сохранить владение мячом и лидерство. Против Эквадора он выпустил Майкла Каррика, потому что понял, что лучшие игроки соперника играли на фланге, и хотел помочь нам лучше проводить распасовку в центре поля.

И, конечно, Оуэн Харгривз. Оуэн заслужил похвалы за матч против португальцев, так почему ее не заслужил тренер, которому хватило смелости выпустить его на поле, несмотря на то, что окружающие сомневались даже в том, что тот достоин быть в составе?

Каждый тренер имеет свои сильные и слабые стороны, и сам Свен никогда не претендовал на совершенство, но его показатели с клубами и сборной лучше, чем у многих. Я очень благодарен ему – он дал мне шанс показать себя в сборной Англии и помог

мне заявить о себе на международной арене.

Он завершил свою речь, поблагодарив игроков и персонал за все, что они сделали за время его работы главным тренером сборной Англии. За хорошие и не столь хорошие времена. Как я ожидал, он вел себя уважительно и сам заслужил уважения.

От лица футболистов говорил Бекс. Он выразил Свену благодарность за работу и пожелал ему удачи в будущем. Тогда он не объявил о своем решении сложить с себя капитанские полномочия, и потому впоследствии эта новость меня удивила.

Затем слово взял Стив Макларен, сказав, что следующему тренеру будет очень сложно переплюнуть Свена, но призвал смотреть в будущее с оптимизмом. Постоянное присутствие Макларена не казалось нам странным до того самого момента, когда он к нам обратился. Нам было трудно принять столько перемен за один присест.

Стив всегда сам управлял тренировками, в то время как Свен держался более отстраненно. Во время чемпионата мира я мельком увидел перемены, которые произойдут при Стиве. Его подход к футболу очень научный, и он обладает четким пониманием того, как нужно действовать в той или иной ситуации. Свен всегда был прагматиком и приветствовал перемены, но только сейчас до меня дошло, что главная перемена произойдет на тренерском мостике.

Стив хорошо выбрал момент, избежав покушения на власть Свена. Эрикссон позволил ему высказаться – многие другие не снесли бы этого. Макларен – тренер, который, говоря о тактике или о тренировках, всегда делает это разумно, и игроки это ценят.

Бывает, что он ведет себя авторитарно. Возможно, став тренером сборной, он вышел на новый уровень, и мне хочется узнать, что же произойдет дальше. Он уважает необходимость поддерживать с игроками близкие (но не слишком) отношения, и я вижу, что он старается быть для игроков начальником, и в то же время вселять в них уверенность.

Эрикссона часто критиковали за верность некоторым игрокам, но лично я не чувствовал, что мое место мне гарантировано. Я чувствовал себя уверенно, но понимал, что после двух-трех неудачных игр я окажусь под давлением. Такова природа игры – всегда найдется тот, кто будет готов тебя заменить.

Отношения Свена с Бексом также были предметом пересудов и нападок на обоих, но, по-моему, очень важно, чтобы тренер и капитан были в хороших отношениях.

Что-то я не вижу, чтобы кто-то критиковал Моуринью за

близкие отношения с Джоном Терри. Кто-то может сказать, что Джей Ти играет за «Челси» каждую неделю, а в сборной все по-другому, но это было бы упрощением. Другие считают, что Бекс выступал не лучшим образом и должен был быть заменен, но ведь должна существовать какая-то лояльность. Если ее не будет, то вся структура команды окажется под угрозой.

Если бы капитаном сборной Англии был я, то я ожидал бы от тренера уважения и определенного доверия.

Я не особенно много думал о капитанстве в сборной, но знаю, что если бы меня призвали повести команду за собой, то я бы не подвел.

В отсутствие Джей Ти мне несколько раз оказывалась честь быть капитаном «Челси», и мне это очень нравилось – я бы хотел однажды вывести на поле и сборную Англии.

Конечно, эта роль не ограничивается одним лишь футболом: капитан сборной Англии должен все время вести себя соответственно высокому званию – равно как и главный тренер.

Нельзя исполнять ее лишь на поле. Вместе с повязкой вы принимаете ответственность и должны всегда достойно держаться на публике и в общении с прессой и вести стабильную и спокойную жизнь. Взгляните на величайшего капитана в истории – Бобби Мура.

Он заслужил всеобщее уважение не только своими достижениями на футбольном поле, но и своим поведением за его пределами. Сейчас, со всем этим вниманием со стороны СМИ, быть капитаном сборной сложнее, чем когда-либо. У каждого имеется собственное мнение о тебе и твоей жизни, но я знаю, что смог бы с этим справиться. Джей Ти обладает нужными навыками, чтобы стать капитаном сборной Англии, равно как и Стиви Джеррард.

Мы не стали плохой командой лишь потому, что не выиграли чемпионат мира. Признаюсь, я не выступил на том уровне, на котором мог бы. Я очень, очень глубоко этим разочарован. Это был мой первый опыт игры в финальной части чемпионата мира, и я отчаянно хотел выступить хорошо. Я безумно хотел забить. Я хорошо себя знаю, и знаю, что, забивая гол, становлюсь увереннее и начинаю играть еще лучше. А у кого не так?

Думаю, что в Германии я играл неплохо, но не показал свой максимум – отчасти потому, что не смог забить. В этом отношении я подвел себя, и три или четыре упущенных шанса будут преследовать меня до конца дней. Когда люди задают вопрос, почему Англия не выиграла чемпионат мира, я принимаю на себя часть ответственности за то, что команда не смогла пройти дальше.

Мы с другими игроками знали, что не лучшим образом выступали в первых четырех матчах, но я считаю, что манера, в которой мы играли и сражались против Португалии, – большое дело в сложившихся условиях. Я знаю, что мы показали хорошую игру.

Возможно, легко говорить это сейчас, но взгляните на другие сборные, и у вас появятся те же вопросы.

Перед началом турнира все говорили, что у Бразилии лучшая команда, итог – вылет в четвертьфинале. После группового этапа фаворитом считалась Аргентина, итог – вылет в четвертьфинале. Даже у команд-финалистов бывали сложности. Франции для того, чтобы попасть в плей-офф, необходимо было побеждать Того с разницей в два мяча, а Италия не смогла обыграть оставшихся вдесятером американцев, и лишь случайный пенальти позволил ей пройти Австралию.

Я хочу сказать, что чемпионат мира – крайне сложный турнир, и успех от провала отделяет тонкая грань. Для Англии этой гранью стали три незабитых пенальти после 120 минут игры против португальцев. Я никогда не перестану думать о том, что могло бы быть, потому что уверен, что у нас был шанс победить сборную Франции, и я не испытывал страха перед Италией. Наша кубковая кампания выглядит хуже, чем есть на самом деле, из-за того, что наша команда не показала всего, на что способна.

Турнир в Германии принес много неожиданностей и разочарований. Кто мог подумать, что Италия сможет оставить позади скандал с договорными матчами, победить всех соперников и выиграть титул?

Или что прощальный поклон великого Зинедина Зидана окажется таким противоречивым и бесславным?

Для нас турнир закончился крайне досадно, и я знаю, что сборная Англии может прибавить, но для этого нам нужно трезво оценивать свои перспективы.

У нас в команде уже есть отличные молодые игроки, которые будут готовы хорошо выступить в ЮАР в 2010 году, и более опытные футболисты вроде меня, которые будут так же отчаянно стремиться к успеху.

Турнир закрывается на долгие четыре года, но для Англии и Фрэнка Лэмпарда ничего еще не закончено. Останавливаться на пути к цели, каким бы горьким ни было разочарование от неудач, не в моих правилах. И никогда не будет.

Эпилог
Благотворительный фонд в поддержку больных раком детей

Мне есть, за что благодарить судьбу. Я осознаю, что мне сказочно повезло иметь сплоченную семью, любящую жену и чудесную дочку, да и моя карьера складывается успешно. Но я также понимаю и то, что мало у кого жизнь складывается столь же безоблачно.

Впервые я услышал о Люси Хилтон, когда в «Челси» мне сказали, что получили ее просьбу о встрече со мной в рамках акции «Загадай желание». Я прочитал ее письмо, и мы назначили дату встречи на клубной базе. Через несколько дней меня попросили перенести ее на более ранний срок из-за того, что Люси стало хуже.

Этот звонок помог мне понять, через что она проходит, и мы договорились встретиться на следующий день. Я сильно волновался, в основном, потому что не знал, что сказать. Но волновался я зря. Именно Люси, приехав, успокоила меня своей яркостью и жизнерадостностью.

Она сразу же начала шутить со мной и другими парнями, а к концу обеда уже по-свойски нас поддразнивала. Та еще штучка!

Когда она уходила, я предложил ей прийти со всей семьей на наш матч и сказал, что хочу поддерживать связь.

Она приняла приглашение посетить «Стэмфорд Бридж», и я познакомился с ее родными и узнал ее саму намного лучше. Поначалу она присылала мне перед матчами СМС с пожеланиями хорошей игры и смущалась говорить по телефону, но, отправляясь на выезд, я всегда звонил ей, и она стала увереннее.

Наши встречи были наполнены смехом. Она заражала меня и всех вокруг своим весельем. Она совсем не выглядела больной. Напротив, мне часто хотелось спросить ее маму, Николь, уверена ли та, что Люси не поправится. Я знал, что она страдала от опухоли головного мозга, но она казалась такой здоровой.

Мы регулярно виделись и общались, но к концу сезона 2004/2005 ее состояние ухудшилось. Мы могли шутить и смеяться, как вдруг она слабела и лишалась чувств. Я видел, что здоровье ее покидает. Я был на севере страны и готовился к матчу против «Болтона», в котором мы могли оформить чемпионство. Как и всегда, я позвонил Люси из отеля.

– Как дела, Люси?

– Хорошо. Хорошо, а как твои?

– Я тоже неплохо. Немного переживаю из-за матча. Мне еще не приходилось играть в матче, в котором мы можем выиграть премьер-лигу.

– Все будет отлично, – засмеялась она. – Слушай, а если забьешь, скажешь мне что-нибудь по телику?

– Конечно. Вот увидишь!

На следующий день я сделал дубль, и мы стали чемпионами. Забив, я поцеловал камеру и сказал: «Это для тебя, Люси». Когда мне наконец удалось заглянуть в телефон во время небольшой паузы в праздновании, я увидел ее сообщение: «Молодец, чемпион. Спасибо тебе». Это было чудесно.

Позже я позвонил ей, и услышав меня, она почти пыхтела от удовольствия. Спустя две недели после завершающей игры против «Чарльтона» нам должны были вручить кубок премьер-лиги. Я спросил Люси, не хочет ли она выйти на поле вместе с Элен и своей мамой и присоединиться к торжеству.

Ей стало хуже, чем когда-либо, но она настояла на своем решении прийти на костылях и пообщаться с командой. Я понял, насколько она больна, когда обнял ее, но так сильно, что она содрогнулась.

После этого они с семьей пошли к нам на вечеринку, проходившую в спортзале. Хотя Люси передвигалась на коляске и испытывала сложности с речью, она старалась развлечься по полной программе, как обычный ребенок. Когда мы общались, я смотрел ей в глаза и видел, что она слабеет. Эмоции меня переполняли. Мне пришлось отойти от всех в местечко потише. Я разрыдался.

Я не знаю, почему, я просто потерял над собой контроль. Мои сестры Клэр и Натали подошли ко мне. Клэр обняла меня за плечи. Мама Люси заметила мое отсутствие и тоже подошла поговорить.

– Ты сделал ее такой счастливой, – сказала она. – Прошу, не расстраивайся. Это были лучшие недели ее жизни и плакать не о чем. Умирая, она будет счастлива, что познакомилась с тобой.

Я смог взять себя в руки. Я не хотел, чтобы Люси видела меня таким. Из-за чего плакать? Однако когда пришла пора уходить, на ее глаза навернулись слезы, и она сказала, что не хочет со мной расставаться. Я поцеловал ее в лоб и пообещал, что мы поговорим завтра.

Следующим вечером у меня зазвонил телефон. На экране высветился номер Люси.

– Привет-привет! Как поживаешь? – поздоровался я.

– Фрэнк, это мама Люси, – последовал тихий ответ.

У меня сердце оборвалось. Николь не нужно было что-то объяснять, но она сказала, что Люси собрала всю свою энергию, чтобы прийти на матч и разделить со мной этот день. Я был опустошен. Даже если смерть ожидаема, это не помогает с ней смириться. Ей было всего одиннадцать.

Через несколько дней мы с Элен пошли на ее похороны, и я задумался, стоит ли мне так сближаться детьми в подобной ситуации. Многие из них неизбежно умрут, а смерть Люси меня так подкосила, что я стал задумываться о том, что мне делать в будущем. Я сказал Стиву Катнеру, что хочу участвовать в благотворительной организации, которая могла бы сделать что-то значимое.

Что-нибудь. Я встречался с огромным количеством детей, страдавших так же, как Люси. Их поведение и особенно смелость очень меня трогали.

Мы с Катсом решили, что вместо того, чтобы отвечать на каждый запрос каждой благотворительной организации, я должен сконцентрироваться на одной, и таким образом моя помощь, возможно, станет значительной. Так я стал патроном благотворительного фонда в поддержку больных раком детей и подростков Teenage Cancer Trust. Катс много лет проработал в музыкальной индустрии, и фонду уже помогали известные личности вроде Роджера Долтри из The Who и менеджера группы Билла Кербишли, который приходится братом футбольному тренеру Алану Кербишли.

В фонде были счастливы возможности привлечь деятелей мира спорта, а я надеялся как можно активнее участвовать в его программах и приносить пользу. Было решено, что я встречусь с детьми в двух больницах, одна из которых была классического типа, а другая была оборудована фондом специально для детей.

Перед посещением Мидлсекского госпиталя при Университетском колледже Лондона я волновался. Все это мероприятие заставляло меня нервничать.

Что можно сказать тому, кому довелось испытать такую адскую боль и кто истощен сильнодействующими препаратами и химиотерапией? Многим из которых грозит смерть, а некоторые ее даже ждут? Детям, жизнь которых должна была только начинаться.

Я беспокоился, что скажу что-то не так, но беспокоиться было не о чем. Лед был быстро растоплен, и дети помогли мне почувствовать себя комфортно. Мы с ними подружились, и я никогда не забуду это свое желание помочь им, чем смогу.

На следующий день одна из медсестер написала мне, что детишки все еще в восторге оттого, что я к ним заглянул, а некоторые даже впервые за долгое время смогли встать с койки и прогуляться. Мы начали планировать благотворительный вечер для сбора пожертвований и повышения информированности людей о проблеме.

Я был в легком ужасе. Я очень боялся, что никто не появится – игроки, тренеры, друзья, семья.

Однако результат меня ошеломил, и благодарить за это я должен Катса, Карен Миллен и Дебби Пеццани, организовавших этот вечер. Нам удалось собрать около 700 тысяч фунтов, и я вернулся домой преисполненным гордости за то, что стал частью такого успешного мероприятия.

Главной задачей ТСТ является создание специальных палат, в которых дети могут чувствовать себя комфортно и которые представляют собой идеальную среду для их лечения и восстановления. В таких палатах дети могут заводить новых друзей и чувствовать себя как дома, даже находясь в больнице, заниматься любимыми делами и слушать любимую музыку. Эта потребность сразу стала мне понятна. Я уверен, что большинство людей тоже ее поймет.

К несчастью, для Люси сделать уже было ничего нельзя, но у нас с вами есть возможность помочь огромному количеству других детей, страдающих от этой и аналогичных ей болезней.

Благодарности

Моим самым близким людям:
Дедушке Биллу Харрису
Бабушке Хильде
Милли, Миа, Стэнли
Харри, Сандре, Джейми, Луизе, Марку
Брайану, Барбаре и семье
Гвен и семье
Дяде Джорджу и семье
Дяде Кену и семье

Моя особая благодарность:

Иэну Макгэрри за упорную работу, прекрасный стиль письма и то, что стал мне хорошим другом.

Стиву Катнеру за то, что всегда давал мне отличные советы, всегда отвечал на звонки и был моим близким другом.

Также благодарю своих друзей: Тела, Билли, Алекса, Финни и Ходжи; Билли «Блада» Маккаллоха, Джей Ти, Эйдура, Джоди и всех моих товарищей по «Челси»; всех фанатов «Челси» и каждого, кто находится за кадром, Жозе Моуринью, Романа Абрамовича и Евгения Тененбаума, Питера Кеньона, Клаудио Раньери, Кена Бейтса и Сюзанну, Свена-Йорана Эрикссона, Лору Поллард и Клэр Гилмор, Терри Венейблса, Тони Карра, Фрэнка Берроуза, Джонни Эдвардза, Марка Рисли, Криса Букли, Розо Хана, Колина Квая и Терри Криси. Приношу извинения, если кого-то пропустил, но благодарю всех, кто помог мне в жизни и карьере.

* * *

КОГДА ВЫ ДАРИТЕ КНИГУ,
ВЫ ДАРИТЕ ЦЕЛЫЙ МИР

ХОТИТЕ ЗНАТЬ БОЛЬШЕ?

Заходите на сайт:
https://eksmo.ru/b2b/

Звоните по телефону:
+7 495 411-68-59, доб. 2261

notes

Примечания

1

В оригинале – Roman’s Empire, используется игра слов (Roman Empire – с англ. «Римская империя»). — *Прим. ред.*